

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Л а м а н с к а г о.

Выпускъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Петербургской Газеты. Владимірскій пр., № 12.
1890.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавление.

Стран.

1. Списокъ Членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Жизнь Старина». I—IV

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. *И. Н. Жданова* 1
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). *В. Л. Приклонскаго* 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго). 55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго). 57
5. Умиреніе крови въ Гробѣ, въ Южно-Адріатическомъ Приморьѣ, 27 августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца) *И. А. Ро-винскаго*. 63
6. Мариупольскіе Греки. *Θ. А. Брауна*. 78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ. *А. И. Соболевскаго*. 93
8. Письма П. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846). Съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго 108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? *М. И. Соколова* 131
10. Огонь на свадьбѣ —

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. *Ив. Мамакинымъ*. . . 139
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. *1-жею М. А. Саковичъ* 141
3. Болгарскія народныя пѣсни (Изъ Прилѣпа). 147
4. Болгарскія народныя сказки (Изъ Прилѣпа). 154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазурѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіею. *Свящ. Щеколдина* . . . 158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. *В. Л. Приклонскимъ*. 169

Списокъ

членовъ И. Р. Географическаго и Неофилологическаго Общества, а также нѣкоторыхъ учреждений и лицъ постороннихъ,—приславшихъ сочувственныя «Живой Старинѣ» заявленія, въ отвѣтъ на предварительно разосланное Отдѣленіемъ Этнографіи предложеніе объ ея изданіи—до открытія подписки ¹⁾):

А. Лица, заявившія о готовности внести свыше подписной платы:

		Р.	К.
1. Ламанскій, Е. И.	1 экз.	600	—
2. Вильмсъ, З. Г.	»	100	—
3. Вильбасовъ, В. А.	»	50	—
4. Бунге, Н. Х.	»	50	—
5. Ровинскій, Д. А.	»	50	—
6. Толстой, графъ М. М. (Одесса)	»	50	—
7. Ламанскій, В. И.	2 экз.	50	—
8. Пыпинъ, А. Н.	»	50	—
9. Гротъ, К. К.	1 экз.	30	—
10. Небольсинъ, П. И. (Вильна)	»	30 ²⁾	—
11. Вахрамѣевъ, И. А. (Ярославль)	»	25	—
12. Веселаго, Ѳ. Ѳ.	»	25	—
13. Галинъ, А. М. (Екатеринбургъ)	»	25	—
14. Галкинъ-Враскій, М. Н.	»	25	—
15. Оржевскій, П. В.	»	25	—
16. Соболевскій, А. И.	»	25	—
17. Корниловъ, Ѳ. П.	»	20	—
18. Будиловичъ, А. С. (Варшава).	»	20	—
19. Подвинцевъ, Е. Е. (Кочкаръ, Оренб. губ.).	»	15	—
20. Толстомятовъ, А. А. (Москва)	3 экз.	25	—
21. Таскинъ, А. Н.	2 экз.	15	—
22. Анучинъ, Д. Н. (Москва)	1 экз.	10	—
23. Бруннеманъ, Ю. В.	»	10	—
24. Глуховской, П. И.	»	10	—
25. Григорьевъ, А. В.	»	10	—

¹⁾ Въ списокъ этотъ, напечатанный уже въ первомъ выпускѣ, вкратчѣ нѣкоторыя не-точности и пропуски, вслѣдствіе чего въ настоящемъ выпускѣ онъ печатается вновь, исправ-ленный Секретаремъ Отдѣленія Этнографіи.

²⁾ Въ заявленіи было обозначено 15 р., но, при уплатѣ казначею, Павелъ Ивановичъ Небольсинъ пожелалъ внести 30 р.

II

		Р.	К.
26.	Дурново, А. В. (Вытегра).	1 экз.	10 —
27.	Истоминъ, О. М.	»	10 —
28.	Кидошенковъ, Н. В.	»	10 —
29.	Кирпичниковъ, А. И. (Одесса)	»	10 —
30.	Клешъ, Э. Э.	»	10 —
31.	Корфъ, баронъ К. Н.	»	10 —
32.	Ламанская, М. Н.	»	10 —
33.	Лилиенфельдъ-Тоаль, П. О.	»	10 —
34.	Маркевичъ, А. И. (Одесса)	»	10 —
35.	Милютинъ, графъ Д. А. (Мисхоръ, Тавр. губ.).	»	10 —
36.	Половинкинъ, И. Н.	»	10 —
37.	Полънова, О. И.	»	10 —
38.	Семевскій, М. И.	»	10 —
39.	Титовъ, А. А. (Ростовъ, Ярослав. г.)	»	10 —
40.	Успенскій, О. И. (Одесса)	»	10 —
41.	Флоринскій, В. М. (Томскъ),	»	10 —
42.	Шидловскій, С. И. (Волоконовск. почт. отд., Ворон. г.) ¹⁾	»	10 —
43.	Веневитиновъ, М. А. (Воронежъ)	3 экз.	20 —
44.	Софіано, Л. П.	2 экз.	11 —
45.	Дондуковъ-Корсаковъ, князь Н. А.	1 экз.	6 —
46.	Милютинъ, Ю. Н.	»	6 —
47.	Чарыковъ, Н. В.	»	6 —
48.	Шишковскій, К. (Кочкаръ, Оренб. губ.) ,	»	6 —
49.	Марксъ, А. Ф.	»	5 ²⁾ —

Б. Лица и учрежденія, заявившія о готовности подписаться на «Живую Старину»
свыше одного экземпляра:

1.	Суворинъ, А. С.	100 экз.	500 —
2.	Бобринскій, графъ А. А.	10 »	50 —
3.	Славянск. Благ. Общ.	10 »	50 —
4.	Мазингъ, М. К. (Асхабадъ).	5 »	27 50
5.	Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. А.	5 »	25 —
6.	Смитъ, Т. С. (Москва)	3 »	16 50
7.	Батюшковъ, О. Д.	2 »	10 —
8.	Добровольскій, В. Н.	2 »	10 —

¹⁾ Съ предложеніемъ бесплатнаго помѣщенія въ журналѣ «Нива» объявленій о под-
пискѣ на «Живую Старину» — на 200 р.

		P.	K.
9. Кибальчичъ, Т. В. (Кіевъ)	2 »	11	—
10. Мандельштамъ, Г. Е.	2 »	10	—
11. Ольденбургъ, С. Ѳ.	2 »	10	—
12. Романовъ, А. М.	2 »	10	—
13. Слюнинъ, Н. В. (Кронштадтъ)	2 »	10	—
14. Соколовъ, И. И.	2 »	10	50
15. Струве, Н. Б.	2 »	10	—
16. Университетъ, Имп. Варшавскій.	2 »	11	—
17. Флери, И. И.	2 »	10	—

В. Лица, заявившія о готовности подписаться на 1 экземпляръ «Живой
Старины» ¹⁾:

1. Архангельскій, А. С. (Казань).	23. Коншинъ, А. М. (Тифлисъ),
2. Асланбеговъ, А. Б.	24. Кудрявскій, Д. Н.
3. Браунъ, Ѳ. А.	25. Кудряшевъ, М. И.
4. Бѣлостоцкій, А. В.	26. Кулаковскій, П. А. (Варшава).
5. Весинъ, Л. П.	27. Лавровскій, Н. А. (Варшава).
6. Вишняковъ, А. Г.	28. Липовскій, А. Л.
7. Воеводскій, Л. Ф. (Одесса)	29. Лыткинъ, Г. С.
8. Геруцъ, К. Ю.	30. Макшеевъ, А. И.
9. Голицынъ, князь Г. С.	31. Масальскій, князь В. И.
10. Гротъ, К. Я. (Варшава).	32. Махвичъ-Мацкевичъ, А. І.
11. Дабижа, князь В. Д.	33. Минхъ, А. Н. (Полчаниновка, Са- рат. губ.)
12. Деладруатьеръ.	34. Моисеенко-Великій, С. В.
13. Дриновъ, М. С. (Харьковъ).	35. Муратовъ, Н. А. (Тула).
14. Друри, И. В.	36. Некрасовъ, И. С. (Одесса).
15. Дьячанъ, Ф. (Варшава).	37. Ординъ, Н. Е. (Кадниковъ, Волог. губ.)
16. Еришtedтъ, В. К.	38. Палаузовъ, В. Н. (Одесса).
17. Зеленой, А. И.	39. Перетятковичъ, Г. И. (Одесса).
18. Зигель, Ѳ. Ѳ. (Варшава)	40. Широковъ, В. К. (Кострома).
19. Ильинскій, Я. (Кременецъ).	41. Попруженко, М. Г. (Одесса).
20. Китицынъ, П. А. (Голованевскъ, Под. губ.).	42. Потанинъ, Г. Н. (Иркутскъ).
21. Клеръ, О. Е. (Екатеринбургъ).	43. Редакція «Варшавск. Дневника» (Варшава.)
22. Комитетъ, Статистическій (Нижній- Новгородъ).	

¹⁾ Подписчики городскіе съ платою по 5 р., иногородные по 5 р. 50 к.

44. Ремезовъ, И. С.	56. Фельдманъ, О. А.
45. Розенъ, бар. В. Р.	57. Фелья, К. Л.
46. Романовъ, Е. Р. (Витебскъ).	58. Чалъевъ, О. Н.
47. Самоквасовъ, Д. А. (Варшава).	59. Черкаевъ, П. А. (с. Березовка,
Сарат. губ.).
48. Сапуновъ, А. П. (Витебскъ).	60. Шиманскій, Л. И.
49. Смирновъ, А. И. (Варшава).	61. Шляпкинъ, И. А.
50. Созоновичъ, И. П. (Варшава).	62. Шмурло, Е. Ф.
51. Сырку, П. А.	63. Шульцъ, П. А.
52. Сыромятниковъ, С. Н.	64. Щепкина, Е. Н.
53. Тилло, А. А.	65. Щербатской, Ф. И.
54. Трусманъ, Ю. Ю. (Ревель).	66. Эрманъ, А. О.
55. Федоровъ, П. О. (Кронштадтъ).	

Не имѣя въ виду печатать списокъ всѣхъ лицъ, подписавшихся на «Живую Старину» со времени объявленія о подпискѣ, редакціонная коммисія будетъ продолжать печатаніе списка лицъ группы А и Б, т. е. тѣхъ лицъ, которыя благоволятъ внести въ фондъ «Живой Старины» сумму, превышающую подписную плату, или же подписаться на нѣсколько экземпляровъ.

ОТДѢЛЪ I.

ПѢСНИ О КНЯЗѢ МИХАИЛѢ.

(Окончаніе).

II.

Имя князя Михаила встрѣчается и въ пѣсняхъ юго-западной Руси. Въ сборникѣ «Историческихъ пѣсенъ южно-русскаго народа» Антоновича и Драгоманова помѣщены двѣ пѣсни, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ именно «князь Михайло». Вотъ эти пѣсни:

A.

Маці дочку карала:
Гдѣсь 'ти, доню, вѣнчик діла?
Їхавъ, мамко, князь Михайло,
І знав, мамко, вѣнчик з мене,
Повѣз, мамко, дорогою широкою,
Дубровою зеленою,
Через село Лунінське,
Через місто боярське.
Касіна маті по двору ходит,
Слуги будит:
Слуги мої молодіє,
Уставайце, закладайце
Коні вороніє
Да бежице, доганяйце,
З пліч головку здойміце! (стр. 56).

Б.

Въ темнум лесе
На й оресе
Зовзуленька гнѣздо звіла,
Звівши гнѣздо заковала,

Заковавши поленула
В тее село Лунинскее
В тее місто боярское,
А въ тим селі удивонька
Двор буде,
А збудовавши да й малюе,
А помалёвавши да й говорят.
Кто в гетім дворі
Паном буде?
Кто моім дѣткам
Бацьком буде?
Кто в гетим двору
Панією буде?
Кто моім дѣткам
Маткою буде?
Єхав селом
Князь Міхайло
Да каже: я в гетом дворі
Паном буду,
Твоім дѣткам
Бацьком буду,
А моя жинка панєю буде,
Твоім діткам маткою буде ¹⁾.

(стр. 56—57).

«Пѣсни эти довольно не ясны,—замѣчаютъ ученые издатели,—какъ это часто бываетъ съ варьянтами, записанными въ полѣсской мѣстности, и даже не совсѣмъ вяжутся одна съ другою... Первая пѣсня передаетъ въ довольно общихъ выраженіяхъ тему извѣстную и изъ другихъ, какъ малорусскихъ, такъ и западныхъ пѣсень ²⁾), — о насильствѣ надъ дѣвушкою, или обманѣ, или похищеніи дѣвушки,—хотя и безъ тѣхъ подробностей, какія мы видимъ въ этихъ пѣсняхъ».

Мнѣ кажется, нѣкоторое объясненіе этихъ пѣсень можно получить путемъ сопоставленія ихъ съ пѣснями того круга, къ которому принадлежитъ

¹⁾ Текстъ пѣсень ваять изъ сборника Пинскихъ пѣсень Зонькевича (Ziśńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851) стр. 150—152, 154—156, въ отдѣлѣ: «Pisni wiosenne». Въ изданіи гг. Антоновича и Драгоманова (т. I, стр. 56—57) измѣнена лишь транскрипція пѣсень.

²⁾ Указаны нѣкоторые малорусскія, моравскія и лужицкія пѣсни.

великорусская былина о кн. Михаилѣ. При этомъ намъ нужно прежде всего ознакомиться съ особымъ изводомъ пѣсенъ о женщинѣ, умершей въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, изводомъ, котораго я намѣренно не касался въ предшествующемъ изложеніи. Въ пѣсняхъ этого извода рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой ея любовникомъ и умирающей въ разлукѣ съ нимъ; окончаніе пѣсни сходно съ заключительной частью быliny о кн. Михаилѣ. Вотъ для образца нѣмецкій пересказъ этой пѣсни:

Der Ritter und die Maid.

1. Es spilt ein ritter mit einer Maid,
Sie spiltten alle beide,
Und als der helle morgen anbrach,
da hub sie an zu weinen.
2. „Weine nicht, weine nicht, brauns mägdelein!
dein er will ich dir zalen,
ich will dir geben ein reitersknecht
dazu dreihundert taler.“
3. Den reitersknecht den mag ich nicht,
will lieber den herren selber,
krieg ich den herren selber nicht,
so klag ichs meiner mutter.
4. Und da sie vor die stat Augsburg kam,
wol vor die hohen tore,
da sah sie ir frau mutter sten,
die tät ir freundlich winken.
5. O tochter, liebste tochter mein,
wie ist es dir ergangen,
dan dir dein rock von vorn so klein
und hinten vil zu lange?“
6. Sie nam das maidlein bei der hand
Und fñrt sie in ir kammer,
sie setzt ir auf ein becher wein
dazu gebackne fische.
7. „Ach, mutter, liebste mutter mein,
ich kan noch essen noch trinken,
macht mir ein bettlein weiss und fein,
dass ich darin kan ligen.“
8. Und da es kam um mitternacht,
dem ritter traumt es schwäre,
als wenn sein herzallerliebster schatz
im kindbett gestorben wäre.
9. „Ste auf, ste auf, lieb reitknecht mein,
sattel mir und dir zwei pferde!

- Wir wollen reiten tag und nacht,
biss wir den traum erfahren“.
10. Und als sie über die heide kamen,
hörten sie ein glöcklein läuten.
„Ach reicher gott vom himmel herab,
was mag doch diss bedeuten!“
11. Und als sie vor die stat Augsburg kamen,
sahen sie die gräber gruben;
und als sie vor das tor hin kamen,
sahen sie die träger tragen.
12. Stellt ab, stellt ab, ir träger mein,
lasst mich den toten schauen!
es möcht mein herzallerliebste sein
mit iren schwarzbraunen augen“.
13. Er deckt ir auf den schleier weiss
und sah ir unter die augen:
„o we, o we! der blasse tod
hats äuglein der geschlossen!“
14. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die hände:
„du bist einmal mein schatz gewest,
nun aber hats ein ende.“
15. Er deckt ir auf den schleier weiss
und schaut ir auf die füsse:
„du bist einmal mein schatz gewest.
nun aber schläfst du süsse“.
16. Er zog herauss sein blankes schwert
und stach sich in sein herze:
„hab ich dir geben angst und pein,
so will ich leiden schmerzen“.
17. Man legt den ritter zu ir inn sarg
verscharrt sie wol unter die linde,
da wuchsen nach drei vierteljarn
auss irem grab drei liljen ¹⁾).

Близость этой пѣсни къ приведеннымъ выше вариантамъ пѣсни объ умершей женѣ очевидна. Въ нѣмецкой пѣснѣ есть только одна новая для насъ, чрезвычайно важная въ общемъ содержаніи пѣсни, черта—указаніе на отвергнутую любовь, на разлуку. Есть варианты, въ которыхъ эта черта выражена еще сильнѣе. Въ португальской пѣснѣ, переданной Вольфомъ, рассказывается, какъ дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, идетъ его отыскивать, находитъ женатымъ и умираетъ. Онъ не могъ ее пережить. Вдова хоронитъ мужа и его подругу вмѣстѣ. На ихъ могилѣ появляются сплетающіяся

¹⁾ *Uhland*, Alte hoch-und-niederdeutsche Volkslieder, S. 220—223, № 97.

растенія ¹⁾. — Сходна англійская пѣсня, указанная Уландомъ. Дѣвушка узнаетъ, что ея женихъ беретъ замужъ другую; она видитъ, какъ онъ идетъ со своей невѣстой. Покинутая умираетъ. Ночью ея призракъ является къ брачному ложу невѣрнаго. Ему кажется, что его постель полна крови. Придя въ себя, онъ спѣшитъ къ дому умершей, онъ проситъ ея братьевъ пустить его проститься съ ней, поцѣловать ее въ послѣдній разъ,—онъ докажетъ, что любилъ ее больше, чѣмъ кто либо изъ ея родныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, доказательство не замедлило явиться: сегодня умерла она, а завтра онъ. На ихъ могилѣ любовно свились роза и шиповникъ. ²⁾ — Въ греческой пѣснѣ о Синодинѣ—то же содержаніе, но съ новыми подробностями. Четырнадцать лѣтъ продолжалась связь Синодина съ сестрой его жены. Вздумалъ онъ разъ посмѣяться надъ своей любовницей и говорить ей: «Не хочешь ли ты выйти за мужъ?»—Кто меня теперь возьметъ? отвѣчаетъ она. Мое платье стало мнѣ спереди коротко, кушакъ едва сходится, а прежде я могла имъ опоясаться три раза, да еще оставались концы.—«Попроси мать спить тебѣ новое платье», продолжаетъ издѣваться Синодинъ. — Я лучше умру, говоритъ она, чѣмъ стану обращаться къ матери съ такой просьбой.—«А хочешь умереть, такъ ступай въ садъ, попробуй тамъ соку лавра да дикой оливы, съѣшь еще змѣиную голову,—смерть будетъ вѣрная». Дѣвушка такъ и сдѣлала. Узналъ о томъ Синодинъ, пришелъ къ умершей, простился съ ней, а потомъ выхватилъ кинжалъ и вонзилъ себѣ въ сердце. Умершіе погребены въ одной могилѣ. На ней выросли кипарисъ и лимонное дерево. Каждое воскресенье деревья склоняются одно къ другому, цѣлуются ³⁾.

Положеніе дѣвушки въ пинской пѣснѣ (А) о князѣ Михайлѣ напоминаетъ несчастную судьбу покинутой любовницы въ приведенныхъ пѣсняхъ. Кася потеряла свой «вѣнокъ», его взялъ князь Михайло. Соблазнитель уѣхалъ. Кася—у матери, отъ которой не могло укрыться положеніе дочери. Мать—въ гнѣвѣ, она посылаетъ слугъ догнать Михайла, убить его. Что же дальше? Пѣсня молчитъ объ этомъ. Въ ней нѣтъ конца. Мы не знаемъ, какъ именно завершились отношенія Михайла и Каси, что случилось съ нимъ и съ нею, не знаемъ развязки Лунинской драмы.

Упомянутое о погонѣ за соблазнителемъ напоминаетъ (какъ замѣчено уже гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ) особая пѣсни на эту тему. Въ пѣсняхъ этихъ рассказывается, какъ мать узнаетъ, что ея дочь похищена;

¹⁾ Sitzungsberichte d. Wiener Akademie XX, 94 (Примѣч.).

²⁾ Schriften, IV, 101—102. Cp. Herders, Stimmen der Völker № 7 (Wilhelm und Margreth).

³⁾ Liebrecht, Zur Volkskunde, 175—176.

за дівушкою отпраляються въ погоню ея братья; сестра отказывается вернуться домой ¹⁾. Вотъ два несходныхъ пересказа этой пѣсни:

Пріѣхавъ Ивасенько съ Подоля,	Та ишли Ляшки изъ Аршави,
Та присиливъ коника до голя;	На ихъ сині шаровари;
Насунула чорна хмара съ Нодгбля,	Вони й Катю й подмовляли:
Ой прійшовъ вонъ до Марусі въ под- вора:	Та идъ, Катю, идъ ізъ нами, Ой идъ зъ нами, Ляшеньками.
«Ой идъ менѣ, Марусенько, идъ менѣ!	Та купимъ тобі два персики,
Привезъ е'мъ ти сребла, злота двѣ скринѣ!»	Два персики золотіі, Два жупани голубіі,
— «По тихеньку, мой миленькій, го- вори,	Два койки вороніі. Та дурна Катя й послухала,
Щобъ не вчула моя мати съ коморы».	Зъ Ляшеньками й поіхала.
Ой учула стара мати съ коморы:	Та й ажъ приходить мати съ поля;
«Хто съ тобою, Марусенько, говори?»	Не зостає дочки дома:
— Съ кухарками, моя мати, говорю,	«Та сусідочки, голубочки,
Высылаю до Дунаю по воду».	Не бачили ви моєі дочки?
— «На що тобѣ, Марусенько, та вода?»	— Та ми бачили й ми видали,
— Умытися, напйтися, якъ треба.	Поіхала зъ Ляшеньками.
— «Ой, маєшь ты мѣдъ, вино, на- пійся!	«Та сини жъ моі й дорогиі, Сідлайте коні вороніі,
Ой маєшь ты молоко, умыйся!	Доженіть Катю зъ Ляшеньками».
Маєшь ты садъ вишневый, пройдися!	Та якъ прибігли до Полтави,
Ой маєшь ты бѣле ложе, преспися!»	Сидить Катя зъ двома Ляшками:
Матѣнонька стара заснула, заснула,	— «Та здорова будь, сестро наша,
Марусенька зъ Ивасенькомъ махнула.	Де поділась твоя зъ лица краса?
Ой устала стара мати на зарѣ, на зарѣ:	Та два Ляшки полюбила—
Не маєшь моеі Марусеньки въ коморѣ!	Зъ лица красу загубила.
Ой устала стара мати раненько,	(Чуб. V, стр. 908).
Заплакала по Марусі ревненько ²⁾ :	
«Ой сѣдайте, рідніі братья, на коні,	
Доганяйте Марусеньку въ погонѣ!»	
Ой догнали Марусеньку въ повѣ бору:	

¹⁾ Сходное содержаніе—въ повѣсти «объ убіеніи злочестиваго царя Батя», занесенной въ житіе Миханя кн. Черниговскаго. (Объ этой повѣсти см. Ключевскій, Др.-русск. житія, 147, Халанскій, Великор. былинн, стр. 111 сл.).

²⁾ Варіантъ: Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько.

— «Ой вертайся, Марусенько, до
дому!»

— «Не на то я, мои братя, махнула,
Щобы я ся та изъ вами вернула.
Лишила 'мъ въ моей мамцѣ призна-
чокъ—

У пивницѣ на кѣлочку вѣночокъ.
Та возмѣте той вѣночокъ съ пивницѣ,
Повѣсьте го на кѣлочокъ въ свѣт-
лицѣ;

Ой що моя стара мати погляне,
Ой то мене молоденьку спомяне:
«Ой десь, моя Марусенька дитина,
Та що вона въ тимъ вѣночку хо-
дила!

Десь то моя Марусенька въ чужинѣ,
Догаджає Ивасеви въ дружинѣ.

(Голов. I, 77—78).

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ конецъ пѣсни передается такъ: братья, оты-
скавшіе сестру,

Що хотіли, те й зробили,
Да таки жъ поляченьківъ порубили,
Марусеньку исъ собою забрали.

(Чуб. 909).

Или:

Сребро, золото—все забрали
И Ляшенька зарубили (ibid).

Иначе:

Гнали, гнали, не дѣгнали,
Ажъ у Львовѣ та й познали:
Ходить Кася та въ рубочку,
Носить дитя по рыночку.
«Помагай Богъ, сестро наша!
Десь подѣла свекра Яся?»—
— «Ой у дому за столикомъ,

Пѣе си вино зъ ремѣсникомъ».
— Помагай Богъ, ой ты, Ясю,
Десь ты подѣвъ сестру Касю?
— Якъ утали по колѣна:
«Отъ тожъ, Ясю, намовлѣня!»
Якъ утали вижше паса:
«Отъ тожъ тобѣ, сестра наша?»

(Голов. I, стр. 85, ср. 86—87).

Съ этими русскими пѣснями можно сопоставить англійскую балладу о Черномъ Дугласѣ.—У лорда Дугласа похищена дочь Маргарита. Какъ и въ нашей пѣснѣ, мать первая узнаетъ объ этомъ и поднимаетъ тревогу. Въ погоню отправляются отецъ и братья похищенной. Бой. Дугласъ раненъ, сыновья его убиты. Раненъ и похититель. Онъ съ Маргаритой едва успѣваетъ добраться до своего дома, гдѣ его ждетъ мать. Лордъ Вильямъ умеръ отъ ранъ. Вскорѣ послѣ него умерла и Маргарита. На ея могилѣ выросла роза, на его—боярышникъ. Растенія склонялись одно къ другому и сплетались вѣтвями, такъ что каждый могъ узнать, что тутъ покоятся двое влюбленныхъ. Вѣхалъ мимо черный Дугласъ и вырвалъ боярышникъ ¹⁾).

Близость пѣсни о кн. Михайлѣ и Касѣ къ пѣснямъ объ увезенной дѣвушкѣ—несомнѣнна. Сходство замѣчается и въ подробностяхъ содержанія, и въ изложеніи. Но это сходство не даетъ еще намъ права утверждать, что пинская пѣсня—испорченный вариантъ пѣсни о похищеніи. При всемъ сходствѣ пѣсни о кн. Михайлѣ съ пѣснями о похищеніи, есть между ними и существенная разница. Кася увлечена Михайломъ, но она имъ не похищена. Кася остается дома, она брошена любовникомъ; объ этомъ узнаетъ ея мать. Ясно, что интересъ пѣсни долженъ сосредоточиться на изображеніи того, что становится съ покинутой, какъ она переносетъ разлуку и позоръ, какъ отзовется ея горе на судьбѣ ея любовника. Словомъ, положеніе Каси, какъ было уже замѣчено, ставить пинскую пѣсню въ ближайшую связь съ пѣснями о покинутой любовницѣ.

Это явленіе двойнаго параллелизма, наблюдаемое при сравненіи пѣсни о кн. Михайлѣ съ родственными ей памятниками народной поэзіи, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ пѣснѣ этой слиты двѣ темы (похищеніе и разлука), причемъ это слитіе не выгодно отразилось на составѣ пѣсни. Пинская пѣсня имѣетъ видъ какого-то обломка, потому что внесенныя въ нее темы

¹⁾ Versuch einer geschichtlichen Charakteristik der Volkslieder german. Nationen v. T a l v j, 565—567.

плохо ладили одна съ другой, разнородныя подробности не сливались въ художественное цѣлое.

Перейдемъ ко второй изъ приведенныхъ выше пинскихъ пѣсень о кн. Михайлѣ. Въ томъ видѣ, какъ эта пѣсня записана Зенькевичемъ, она недостаточно ясна. Рѣчь идетъ о какой-то вдовѣ, «будущей дворѣ». Она спрашиваетъ, кто въ этомъ дворѣ будетъ паномъ и панею, кто будетъ отцемъ ея дѣтямъ. Появляется кн. Михайло и заявляетъ, что онъ будетъ паномъ и отцемъ, а его жена—панею и матерью. Рисуется поэтическая картина безъ движенія, безъ опредѣленной завязки и развязки, — явленіе довольно необычное въ области народнаго эпоса. Что за отношенія у кн. Михайла къ этой женщинѣ, строящей домъ? Какой смыслъ имѣютъ его слова:

А моя жинка панею буде,
Твоім діткам маткою буде?

Въ пѣснѣ мѣстомъ дѣйствія представляется «село Луинскее», которое упоминается и въ другой, знакомой уже намъ, пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Это сходство имени лица и названія мѣстности даетъ основаніе предположить, что и упоминаемая въ пѣснѣ женщина есть та же самая Кася, которую любилъ и покинулъ кн. Михайло.

Вступительная часть пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ напоминаетъ пѣсни о вдовѣ, увлеченной зажими людьми. Такова именно моравская пѣсня:

„Nematka“.

Při jednej dolině
Větr profukuje,
Při druhé dolině
Snížek poletuje.
Při třetí dolině
Vdova dům buduje,
Vdova dům buduje,
Kolem ho cifruje.
Jedú Turci, jedú,
Před domem stanuli,
Před domem stanuli,
Na vdovu volali:
Vdovo, milá vdovo,
Zanech budování,
Zanech budování,
A povandruj s námi.
Pane, milý pane,
Já bych vandrovala,
Kam bych děla ditky,
Ubohé sirotky?

Турки (въ вариантахъ: «tři pěkní mládenci», или «Janek, z Podola furmanek») отвѣчаютъ, что старшихъ дѣтей она можетъ оставить на родинѣ, а маленькое дитя пусть возьметъ съ собой. Дорогой ребенокъ расплакался.

Vdovo, milá vdovo,
S dětma sem t'a nebral,
Než sem t'a bral samu
Za svou věrnú ženu.
Vdovo ne meškala
Březu ohýbala,
Vintušku vázala,
Syna do ní klala.

Но она не вынесла разлуки съ дѣтьми:

A dyž už zajeli
Za hory daleko,
Teprv milú vdovu
Bolelo srdečko.
Bolelo, bolelo
Nad dětma jejíma,
Srdečko v ní puklo
Nad dětma drobnýma.

По другому пересказу, мать убита похитителями:

Dy's ty chtěla dítě lítovatí,
Neměla's s námi jíti.
Hned Marušku mezi sebe vzali,
Na kusy roztrhali. ¹⁾

Моравская пѣсня — эпическая сосѣдка такого рода произведеній народнаго творчества, какъ приведенныя выше пѣсни о дѣвушкѣ, увлеченной зажими людьми, а эти пѣсни имѣютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя родственныя черты съ первой изъ пинскихъ пѣсенъ о кн. Михайлѣ. Особенностью моравской пѣсни, напоминающую вступительную картину второй пинской пѣсни, является то, что увлекаемой представляется вдова, имѣющая дѣтей. Разказы, слѣдующіе за вступленіемъ въ моравской и пинской (I) пѣсняхъ, не имѣютъ одинако сходаства.

Нѣкоторыя выраженія нашей пѣсни о вдовѣ и кн. Михайлѣ повторяются въ малорусской пѣснѣ такого содержанія: бѣдная вдова горюетъ и причитаетъ:

«Ой якъ мені жити, ой якъ горювати,
Якъ мені свої дітки тай нагодувати?»
Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:
— Не журися, бідная вдова,

¹⁾ Sušil, Moravské písně, 139—141, № 144.

Я твоему добру хазяїнъ буду,
Я твоимъ діткамъ батенькомъ буду.

(Оказывается однако, что слова эти нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ:

Я твою худобу попровиваю,
Я твоі дітоньки порозганяю,—

говорить козакъ ¹⁾). Вдова отвѣчаетъ:

Ламли калиноньку, ламли єі й вітки,
Любишь удівоньку, люби єі й дітки.

(Чуб., V, стр. 821—822).

Послѣднія слова болѣе умѣстно приводятся въ другой малорусской пѣснѣ: молодой козакъ полюбилъ дивчину, но не могъ на ней жениться: ее выдали за другого; позже онъ встрѣчается съ ней, уже вдовой:

«Калиноньку ломлю, ломлю,
А ви, віти, одхилітєся;
Удівоньку люблю, люблю,
А ви, діти, розійдітєся!»
— Коли ломишь калиноньку,
То ломай її віти,
Коли любишь удівоньку,
То люби її діти. (Чуб. V, стр. 822—823, № 391).

Пѣсня о встрѣчѣ кн. Михайла съ какой-то вдовой, имѣющая нѣкоторое сходство съ указанными пѣснями, отличается отъ нихъ важной, существенной подробностью: князь Михайло, разговаривающій съ вдовой, женатъ:

А моя жинка панею буде,
Твоім діткам маткою буде.

Дѣйствіе пѣсни, очевидно, должно было развиваться иначе, чѣмъ въ пѣсняхъ о вдовѣ, выходящей замужъ.

Въ малорусскихъ пересказахъ пѣсни о возвращающемся мужѣ, женщина, томящаяся ожиданіемъ, называется вдовой:

Край города, край села
Проживает удова.

Къ ней заходитъ козакъ и проситъ пріюта. «Вдова» говоритъ:

Молоденький козаченько,
Боюсь поговору...

Оказывается потомъ, что захожіи козакъ — вернувшійся, но не узна-

¹⁾ Сходна бѣлорусская пѣсня въ сборникѣ Шейна (матеріалы... I, 1, стр. 415, № 506).

ный мужъ. (Чуб. V, стр. 815). Такое же наименованіе женщины, находящейся въ разлукѣ съ ея возлюбленнымъ, встрѣчаемъ въ другой малорусской пѣснѣ:

«Ой удово, вдово, удово — небого,
Ой якъ ти живешъ на чужині,
Що ворогівъ много?»

Женщина, называемая вдовой, говоритъ:

«Ой повій, вітроньку, зъ яру на гору,
Прибуди, прибуди, мій миленький, зъ Дону до дому.
Вітеръ повіває, хмару розганяє,
А мій милий прибуває, славу покриває.

(Ibid. 813—814).

Подобнымъ же образомъ и женщина, упоминаемая въ пинской пѣснѣ Б, могла быть названа вдовой по тому только, что ей пришлось жить въ разлукѣ съ отцемъ ея дѣтей. Допустивъ это, мы устраняемъ препятствіе для сближенія второй пинской пѣсни съ первой. Изъ пѣсни А мы узнаемъ, что въ селѣ Лунинскомъ осталась покинутая княземъ Михайломъ его полюбовница Кася; пѣсня Б рассказываетъ, что, проѣзжая черезъ то же село Лунинское, кн. Михайло, успѣвшій уже жениться, встрѣчается съ женщиной, положеніемъ которой онъ имѣетъ какое-то основаніе интересоваться. Мы подходимъ такимъ образомъ къ знакомой намъ темѣ пѣсенъ о покинутой любовницѣ, встрѣчающейся съ своимъ невѣрнымъ другомъ послѣ его женитьбы. Съ вѣроятностью можно предположить, что и окончаніе пинской пѣсни должно было быть сходно съ приведенными выше балладами. Рѣчи кн. Михайла о покровительствѣ, которое онъ обѣщаетъ «вдовѣ» и отъ себя и отъ своей жены, должны были звучать для Каси, какъ горькое оскорбленіе и злая насмѣшка. Она не перенесла обиды. Обидчикъ, въ порывѣ поздняго раскаянія, «пронзаетъ свое ретиво сердце», какъ говорится въ великорусской пѣснѣ о кн. Михайлѣ. Таковъ былъ, вѣроятно, конецъ разсмотрѣнной нами пинской пѣсни, распавшейся на два эпическихъ обломка, въ которыхъ затерялся смыслъ первоначальнаго цѣлаго.

Выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ выше сопоставленій и параллелей получается такой: сѣверно-русскія и западно-русскія пѣсни о кн. Михайлѣ имѣютъ нѣкоторыя общія, родственныя черты, позволяющія утверждать, что пѣсни эти стоятъ въ генеалогической связи, представляютъ развѣтвленія одного и того же первоначальнаго сказанія. Составъ этого сказанія извѣстенъ намъ въ двухъ izvodaхъ: а) смерть женщины, на время оставленной мужемъ; б) смерть женщины, покинутой ея любовникомъ. Сѣверно-русская пѣсня передаетъ рассказъ перваго izvoda; изученіе пинскихъ пѣсенъ обнаруживаетъ ихъ близость къ рассказу втораго izvoda — къ пѣснямъ о покинутой полюбовницѣ.

Но что же слѣдуетъ сказать о тѣхъ подробностяхъ пинскихъ пѣсень, которыя напоминаютъ рассказы о дѣвушкѣ или вдовѣ, увлекающейся захо-
жими людьми? Эти подробности настойчиво повторяются въ пинскихъ пере-
сказахъ: для пересказа А отыскиваются параллели въ пѣсняхъ о погонѣ за
бѣглянкой ея родныхъ; пересказъ Б въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ сходенъ съ
моравской пѣснью о вдовѣ, выходящей за мужъ на чужбину. Можно, конечно,
предположить, что эти подробности позже примѣшались къ пѣснѣ о кн. Ми-
хаилѣ, имѣвшей первоначально такое содержаніе, которое указано выше. Но
не устраняется возможность и другого, противоположнаго предположенія: пѣсня
о кн. Михаилѣ въ ея первоначальномъ видѣ могла принадлежать къ ряду
пѣсень о женщинѣ, увозимой на чужую сторону; позже, путемъ эпической ас-
симилиаціи, пѣсня сблизилась съ рассказами совершенно иного содержанія, подъ
вліяніемъ которыхъ измѣнился самый составъ памятника. Въ этомъ измѣнен-
номъ видѣ получилась пѣсня, похожая по содержанію на побывальщины о бро-
шенной и умирающей любовницѣ. Въ области великорусскаго эпоса преобразо-
ванная пѣсня подверглась новому измѣненію: пѣсня о смерти покинутой лю-
бовницы перестроилась по типу родственныхъ ей пѣсень о смерти женщины,
на время оставленной мужемъ. Какое изъ этихъ двухъ предположеній пред-
ставляется болѣе основательнымъ, какому изъ нихъ слѣдуетъ отдать пред-
почтеніе?

Нѣкоторый, конечно только вѣроятный, отвѣтъ на этотъ вопросъ мо-
жетъ дать разсмотрѣніе исторической стороны пѣсень о кн. Михаилѣ. Это
имя: «князь Михайло», повторяющееся и въ сѣверно-русскихъ и въ западно-
русскихъ пересказахъ, не можетъ быть случайнымъ. Безспорно, это имя исто-
рическое.

III.

О слѣдахъ историческихъ воспоминаній въ пѣсняхъ о кн. Михаилѣ
гг. Антоновичъ и Драгомановъ говорятъ слѣдующее: «мы рѣшаемся видѣть
въ этихъ двухъ пѣсняхъ память о какомъ-то частномъ и мѣстномъ событіи,
такъ какъ въ двухъ вариантахъ названо не только одно имя, но и одно
мѣсто и притомъ послѣднее съ характеристическимъ прозваніемъ. — Похожде-
нія князя Михайла происходятъ въ «боярскомъ селѣ», или мѣстечкѣ Дунин-
скомъ, т. е. въ ту эпоху, когда низшіе слои боярщины, населяя цѣлыя села,
превратились въ свободное, но малоземельное, сословіе хлѣбопашцевъ, болѣе
сближавшееся съ крестьянскимъ (также свободнымъ, но по большей части без-
земельнымъ), чѣмъ съ рыцарскимъ сословіемъ, т. е. въ XV или XVI сто-
лѣтія. Самое названіе — село Дунное есть названіе географическое: село это
существуетъ въ Гродненской губерніи и принадлежало къ леннымъ владѣніямъ

князей Сошиговъ (Сапѣговъ). Вѣроятно, князь Михайло — одинъ изъ членовъ этого рода. Въ 1583 г. Лунное село находилось во владѣніи князя Льва Михайловича Сопѣги» (стр. 58).

Замѣчаніе это вызываетъ возраженіе со стороны географическаго опредѣленія «села Лунинскаго». Село это упоминается въ пинскихъ пересказахъ. Едва ли есть надобность отыскивать это село въ Гродненской губерніи ¹⁾, если подобное же, вполне совпадающее съ пѣсеннымъ, мѣстное наименованіе встрѣчаемъ въ предѣлахъ Пинскаго же уѣзда. Въ «Историко-статистическомъ описаніи девяти уѣздовъ Минской губерніи» въ списокъ населенныхъ мѣстъ Пинскаго уѣзда значится между прочимъ мѣстечко Лунинъ (въ 38 верстахъ отъ Пинска) ²⁾. Г. Зеленскій въ описаніи Минской губерніи сообщаетъ, что Лунинъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «застѣнковъ», при чемъ это названіе объясняется такъ: «Застѣнки составляютъ особенность сѣверо-западныхъ губерній. Отличительная черта ихъ, равно какъ и околицъ, заключается въ томъ, что всѣ они заселены или шляхтою, пользующеюся и теперь правами дворянства, или однодворцами, т. е. людьми, потерявшими дворянство по неимѣнію на то доказательствъ» ³⁾. Такое значеніе застѣнка объясняетъ выраженіе пѣсенъ:

Через село Лунинское,
Через місто боярское (А)

или:

В тое село Лунинское
В тое місто боярское (В)

Зеньковичъ въ примѣчаніи къ этимъ пѣснямъ говоритъ: *Łunin-wieś książąt Hieronimów Druckich-Lubeckich* ⁴⁾. Друцкіе-Любецкіе — потомки владѣтельныхъ князей Друцкихъ ⁵⁾. Поэтому съ вѣроятностью можемъ догадываться, что рассказъ о событіи, мѣстомъ дѣйствія котораго представляется «село Лунинское», а дѣйствующимъ лицомъ — князь Михайло, всего ско-

¹⁾ При томъ же названіе Гродненскаго села не совпадаетъ вполне съ пѣсеннымъ: Лунное, по Геогр. Словарю Семенова-Лунна (т. III, с. v.)

²⁾ Труды Минскаго губ. статист. комит. 1870 г.

³⁾ Матеріалы для геогр. и статистики Россіи. Минская губернія (Спб. 1861), ч. II, стр. 662. Лунинъ отнесенъ здѣсь по ошибкѣ къ Игуменскому уѣзду; въ списокъ населенныхъ мѣстъ этого уѣзда (Труды статист. комит.) такого мѣстечка не значится.

⁴⁾ Piosenki... стр. 157. Ср. того же Зеньковича O uroczyskach i zwyczajach ludu pińskiego, стр. 8—9: «Łunin na północ-wschód od Pinska, leży o mil 7 drogą zimową, a o 10 letnią».

⁵⁾ Друцкъ (Дрютьскъ, Дрюцкъ) — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ; первое хѣтописное упоминаніе о немъ относится къ 1092 году. Теперь Друцкъ — мѣстечко Могилевской губ. и уѣзда, въ 65 верстахъ отъ города. (см. Геогр. Словарь Семенова, т. II. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго, кн. 2, 37—38).

рѣе могъ быть связанъ съ воспоминаніями, имѣющими отношеніе къ какому либо лицу изъ рода именно Друтскихъ князей. Въ русскихъ памятникахъ нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій о родословіи Друтскихъ князей. Карамзинъ только догадывается, что «князья Друцкіе должны быть потомки древнихъ владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ» ¹⁾. Польскіе генеалогисты утверждаютъ, что Друцкіе ведутъ свой родъ отъ князя Михаила Романовича, одного изъ сыновей знаменитаго Романа Галицкаго. У этого Михаила былъ сынъ Семень, у Семена — Дмитрій и т. д. ²⁾. Что родословная эта не безупречна, ясно само собой. У Романа Мстиславича не было сына Михаила. Въ усыновленіи родоначальника Друцкихъ Галицкому князю сказалась только обычная слабость генеалогистовъ, желавшихъ связать начало того или другого рода съ какимъ-нибудь крупнымъ историческимъ именемъ. Но на основаніи этой ошибки мы едва ли въ правѣ признать указанный перечень Друтскихъ князей лишеннымъ всякой исторической достовѣрности ³⁾, ибо трудно допустить, чтобы въ княжескомъ родѣ, принадлежавшемъ къ числу владѣтельныхъ князей — Рюриковичей, не сохранилось воспоминаній о предкахъ, неизвѣстно было даже имя родоначальника. Помнили конечно, что старѣйшимъ Друцкимъ княземъ былъ Михаилъ Романовичъ; но генеалогическое положеніе этого князя въ ряду другихъ Рюриковичей могло быть забыто: свѣдѣнія объ этомъ выходили за предѣлы фамиліальныхъ и мѣстныхъ воспоминаній. Названіе Михаила Романовича Друцкаго сыномъ Романа Галицкаго — плодъ неудачнаго соображенія генеалогиста; оно не лишено значенія только какъ указаніе на эпоху, къ которой приурочивалось время жизни перваго Друцкаго князя. Среди русскихъ князей XIII вѣка, современныхъ дѣтямъ Романа Мстиславича (Даніилъ † 1266; Василью † 1269), извѣстенъ одинъ только князь, носившій имя Михаила Романовича, именно Михаилъ, сынъ Романа князя Брянскаго ⁴⁾. Не былъ ли родоначальникомъ князей Друтскихъ этотъ именно Михаилъ Романовичъ?...

Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: 1) князья Брянскіе (Дебрянскіе) принадлежали, по всей вѣроятности, къ роду Смоленскихъ князей (Ростиславичей). Первый Брянскій князь, о которомъ сохранились

¹⁾ Ист. гос. рос. IV, пр. 317. Въ родословныхъ нашихъ извѣстія о кн. Друцкихъ — очень позднія: «Князь Василей, да князь Богданъ, да Андрей Дмитріевичи, а Дмитрій Друцкой Юрьевичъ; Друцкіе пріѣхали изъ Литвы служить къ великому князю Василью Ивановичу всея Руси» (Временникъ Общ. ист. и др. р. кн. X. стр. 198).

²⁾ Herbarz Polski K. Niesieckiego wyd. przez J. N. Bobrowicza, t. III, 409.

³⁾ Князь Друцкій Семень Михайловичъ упоминается у Стрыйковскаго (Kronika... изд. 1846 г., т. I, 249, стр. 251, гдѣ упоминается кн. Дмитрій Друцкій).

⁴⁾ Нужно прибавить, что и между всѣми русскими князьями извѣстенъ, кажется, одинъ только Михаилъ Романовичъ, а именно упомянутый сынъ Брянскаго князя. (См. Указатель Строева къ исторіи Карамзина).

извѣстія,—только что названный нами князь Романъ. Лѣтописи упоминаютъ: а) о нѣсколькихъ походахъ этого князя противъ Литвы (въ 1263, 1264, 1275 г.) ¹⁾, б) о бракѣ дочери Романа съ Волынскимъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ (1263) ²⁾ и в) о попыткѣ Брянскаго князя овладѣть Смоленскомъ (1285) ³⁾. По родословнымъ, Романъ былъ сынъ извѣстнаго Михаила Всеволодовича Черниговскаго (убитаго въ ордѣ и признаннаго святымъ): «А у великаго князя Михаила Всеволодовича у Кіевскаго и у Черниговскаго было 5 сыновъ... другой сынъ его кн. (Романъ) былъ послѣ отца своего на княженіи на Черниговѣ и на Брянскѣ, и отъ него пошли Осовецкіе князи, а убилъ его царь во ордѣ» ⁴⁾. Соловьевъ не рѣшается принять это извѣстіе, хотя и не отвергаетъ его прямо. Въ одномъ изъ примѣчаній (344) къ третьему тому «Исторіи Россіи» читаемъ: «Романъ Брянскій считается сыномъ Михайловымъ». Въ текстъ исторіи (стр. 237) это извѣстіе не внесено; нѣтъ имени Романа и въ родословной таблицѣ князей Черниговскихъ, приложенной къ 3 тому (№ III, 3). Далѣе, подъ 1309 годомъ въ Никоновской лѣтописи помѣщена такая замѣтка: «того же лѣта князь Святославъ Глѣбовичъ выгна братанича своего князя Василія изъ Брянска, и самъ сяде на княжени во Брянске; того же лѣта князь Василей Брянскій иде во орду ко царю жаловатися на дядю своего на князя Святослава Глѣбовича» (ч. III, стр. 106). По поводу этой замѣтки Карамзинъ говоритъ: «Въ Волынск. лѣт. упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегъ и Михаилъ: Василій могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Рамановымъ, вопреки Никонов. Лѣтописцу, который не отличилъ Святослава Глѣбовича Можайскаго, плѣнниаго Георгіемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянскаго» (И. Г. Р. т. IV, прим. 242). Иначе смотритъ на дѣло Соловьевъ: «Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юріемъ Московскимъ; Карамзинъ, обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій могъ быть внукомъ... Брянскаго князя Романа. Димитрій Брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣдовательно братомъ Василія» (III, прим. 430). Замѣчаніе Карамзина о Святославѣ Глѣбовичѣ справедливо названо голословнымъ, но соображеніе самого Соловьева объ Александровичахъ Брянскихъ едва ли основательно: а) Никон

¹⁾ II. Собр. р. лѣтопис. Т. II, 201, 202, 205—206.

²⁾ Ibid. 202.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 459.

⁴⁾ Временникъ Общ. ист. и др. рос. X. 68.

лѣт. не называетъ отчества Брянскаго князя Василя, хотя изъ другого мѣста той же лѣтописи мы и узнаемъ, что у Александра Глѣбовича было два сына Василій и Иванъ (III, 108); б) относительно извѣстія родословной книги («пришелъ изъ Смоленска князь Александръ Глѣбовичъ; у него три сына: Дмитрей, Володимеръ, Иванъ; Дмитрей да Володимеръ были воеводы у вел. кн. Дмитрея на Дону») находимъ замѣчаніе у Карамзина, съ которымъ въ этомъ случаѣ трудно не согласиться: «Синъ Александровичъ, вышедшій въ Москву съ отцемъ около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго смоленскаго князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году». (IV, прим. 315). Строевъ въ Указателѣ къ Исторіи Госуд. Росс. отождествляетъ Дмитрія Брянскаго съ Дмитріемъ Романовичемъ Смоленскимъ, ходившимъ въ 1311 году въ Финляндію съ дружинами новгородскими ¹⁾. Если это вѣрно, то нельзя ли и Василя, предполагаемаго брата Дмитрія, считать сыномъ не Александра, а Романа Глѣбовича? Указаніе Никон. лѣт. о Святославѣ Глѣбовичѣ, боровшемся съ Брянскимъ племянникомъ Василемъ, осталось бы при этомъ сохраняющимъ свою силу. О Романѣ Глѣбовичѣ мы имѣемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1300 годомъ: «Того же лѣта Олександръ Глѣбовичъ ис Смоленска приводилъ рать къ Дорогобужю, и оступъ городъ воду отъялъ; Андрѣй Вяземскій князь приде с Вяземъ и поможе Дорогобужцемъ, и убиша у Олександра сына, а самого Олександра ранили князя, и брата его Романа, а Смолнянъ убили 200 человекъ, и Олександръ возвратися всояси» ²⁾. Нельзя ли допустить, что этотъ Романъ Глѣбовичъ и упомянутый выше князь Брянскій Романъ—одно и то-же лицо? При такой догадкѣ установилась бы такая преемственность Брянскихъ князей: Романъ Глѣбовичъ, сынъ его Василій, братъ Василя—Димитрій. Можно, пожалуй, замѣтить, что Романъ Брянскій еще въ 1263 выдавалъ замужъ дочь, а потому едва ли въ 1300 году, т. е. спустя 37 лѣтъ, могъ принимать участіе въ походѣ. Но замѣчаніе это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: намъ извѣстенъ ранній, даже дѣтскій возрастъ, въ которомъ заключались въ ту пору браки у нашихъ князей ³⁾.

2) Каково бы ни было родословіе Брянскихъ князей, несомнѣнно, что Брянскъ и Смоленскъ и князья этихъ городовъ находились въ живыхъ, постоянныхъ отношеніяхъ; исторія Брянска примыкаетъ къ исторіи Смоленска. Въ 1309 г., Святославъ кн. Смоленскій, какъ мы видѣли, борется съ своимъ племянникомъ изъ-за Брянска. Въ 1340 г. сидѣлъ въ Брянскѣ кн.

¹⁾ Карамзинъ, IV, прим. 214; Соловьевъ, III, стр. 283.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 461.

³⁾ «Женили князья сыновей своихъ вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ; дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ» (Соловьевъ, III, 8).

Глѣбъ Святославичъ ¹⁾, сынъ только что названнаго Смоленскаго князя. Брянскіе князья пытаются, съ своей стороны, утвердиться въ Смоленскѣ: въ 1285 г.—Романъ, въ 1333 г.—Димитрій ²⁾. Въ грамотѣ отъ епископа рижскаго къ смоленскому великому князю Ѳеодору (1281—1297) упоминается Брянскій князь, называемый при этомъ «намѣстникомъ великаго князя» ³⁾.

3) Извѣстно, что еще «въ началѣ XIII в. Полоцкое княжество было въ зависимости отъ Смоленска или въ какой-то связи съ нимъ» ⁴⁾. Въ упомянутой выше грамотѣ Рижскаго епископа конца XIII вѣка говорится, что Витьбляне жаловались на Рижанъ предъ Брянскимъ княземъ, намѣстникомъ вел. князя Смоленскаго. Видимъ, такимъ образомъ, что Полоцкія волости и въ это время находились въ зависимости отъ Смоленскихъ князей. При такихъ отношеніяхъ Полоцка къ Смоленску нѣтъ ничего удивительнаго, что вѣтви Брянскихъ князей, родственныя и политическія отношенія которыхъ переплетаются съ исторіей Смоленскихъ князей, могла утвердиться въ одномъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества — Друцкѣ ⁵⁾. Мы возвращаемся такимъ образомъ къ сдѣланному выше предположенію, что родоначальникомъ князей Друцкихъ могъ быть Михаилъ Романовичъ, сынъ Брянскаго князя Романа.

Объ этомъ кн. Михаилъ Романовичъ въ лѣтописи сохранилось такое извѣстіе: «бысть свадьба у Романа князя у Брянскаго, и нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичскаго. И въ то вереме рать приде Литовская на Романа; онъ же бися съ ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть и не мало бо показа мужество свое, и приѣха во Брянскъ съ побѣдою и честию великою и не мня раненъ на тѣлеси своемъ за радость; и отда дочь свою: бѣхуть бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же башетъ ему всихъ милѣе, и посла съ нею сына своего старѣйшего Михаила и бояръ много» ⁶⁾.

Выраженія, въ которыхъ записано это извѣстіе, указываютъ, что свадьба княжны Ольги, любимой дочери ея отца Романа, свадьба, совпавшая съ по-

¹⁾ Соловьевъ, III. 309.

²⁾ Ibid.

³⁾ Русско-ливонскіе акты, № XXXIV.

⁴⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, I, 181.

⁵⁾ Удѣлы въ предѣлахъ Полоцкаго княжества: Изяславъ, Логожскъ, Стрѣжскъ, Друцкъ, Минскъ. (Погодинъ, Изслѣдованія и замѣтки, т. V, 303). Были, конечно, въ Друцкѣ князья и прежде предполагаемаго утвержденія въ немъ вѣтви Смоленскихъ князей. Въ концѣ XII вѣка (подъ 6703—1195 г.) упоминается въ лѣтописи Друцкій князь Борись (П. Собр. р. лѣт. II, 147), котораго считают сыномъ Полоцкаго князя Давида Всеславича (Указ. къ лѣт. I, 65).

⁶⁾ П. Собр. лѣт. II, 202.

бѣдой Романа надъ Литвой, осталась памятнымъ событіемъ въ семьѣ Брянскихъ князей. Могла явиться и пѣсня о томъ, какъ юная княжна отвезена была на чужую сторону ея братомъ княземъ Михайломъ.

Извѣстны свадебные обряды и пѣсни съ ясно выраженными воспоминаніями объ умыканіи невѣстъ. Въ пѣсняхъ этого рода говорится о насильникѣ, захватывающемъ дѣвушку; невѣста обращается къ брату съ просьбой защитить ее отъ чужаго человѣка, не выдавать ее:

Родимый ты, братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было пройти, ни проѣхать!

Или:

Ахъ, ты, братецъ, голубчикъ мой!..
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонущкѣ,
У чужова отца, матери,
У чужова роду-племени!

Предполагаемая пѣсня объ Ольгѣ Романовнѣ сложена была, конечно, по типу обрядовыхъ брачныхъ пѣсенъ съ особенностями и дополненіями, которыя подсказывались обстоятельствами дѣла. Въ пѣснѣ говорилось о разлукѣ княжны съ отцемъ, который любилъ ее больше другихъ дѣтей, говорилось и о кн. Михаилѣ, который сталъ не защитникомъ, а разлучникомъ сестры, который взялся отвезти ее на чужую сторону. Быть можетъ, брату-разлучнику давалась въ пѣснѣ особенно важная, главная роль.

Пѣсня, связанная съ именемъ Михаила Романовича, сохранялась, вѣроятно, среди лицъ, близкихъ къ нему и къ его потомкамъ, князьямъ Друцкимъ, но по занимательности ли содержанія, или по достоинствамъ изложенія пѣсня эта могла найти и болѣе широкое распространеніе. При этомъ пѣсня о были XII вѣка не избѣжала конечно общей участи памятниковъ устной поэзіи,—перерожденія, обусловливаемаго вліяніемъ литературной аналогіи.

Предполагаемое содержаніе древней пѣсни о Михаилѣ Романовичѣ и наблюденіе надъ составомъ сохранившихся пѣсенъ о князѣ Михаилѣ позволяютъ свести литературную исторію этихъ эпическихъ памятниковъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

* 1) Слагается обрядово-историческая пѣсня такого содержанія: молодая княжна разлучается съ родной семьей: ее берутъ заѣзжіе люди, отвозятъ на чужую сторону; съ дѣвушкой отправляется ея братъ, кн. Михайло; вмѣсто того, чтобы защищать сестру отъ «чужанина», онъ оставляетъ ее у этого чужанина—Волынскаго князя, который облюбилъ Ольгу, назвавъ ее своей.

* 2) Утративъ, со временемъ, историчо-бытовую опредѣленность, пѣсня эта сближается съ рядомъ пѣсень о похищаемыхъ, увлекающихся красавицахъ: дѣвушка увозится на чужбину; за нею отправляются ея братъ или братья; но возвращаются они домой одни: дѣвушка привязалась къ похитителю, полюбила его. Имя кн. Михайла, какъ имя главнаго дѣйствующаго лица первоначальной пѣсни, могло удержаться и здѣсь, но оно перемѣстилось сообразно съ измѣнившимся содержаніемъ пѣсни: князь Михайло—похититель.

3) Пѣсня объ увезенной красавицѣ смѣшивается съ пѣснями объ увлеченной и покинутой дѣвушкѣ. Слѣды этого смѣшенія видны еще въ сохранившихся пинскихъ пѣсняхъ о кн. Михайлѣ.

4) Составъ пѣсень о покинутой любовницѣ имѣетъ ближайшее родство съ пѣснями о женщинѣ, оставленной мужемъ и умирающей во время его отлучки. Великорусская былина о кн. Михайлѣ—одинъ изъ пересказовъ такой именно пѣсни объ умершей женѣ. Историческимъ остается, такимъ образомъ, въ былинѣ только имя дѣйствующаго лица; то, что рассказывается объ этомъ лицѣ,—представляетъ повтореніе странствующей баллады, въ которой мы можемъ отыскивать отраженіе бытовой, но не былевой дѣйствительности.

При изученіи бытовыхъ былинъ особенный интересъ и важность представляетъ наблюденіе надъ ихъ положеніемъ среди другихъ памятниковъ былевого эпоса. Есть цѣлый рядъ пѣсенныхъ побывальщинъ, которыя, входя въ общій составъ народнаго пѣснотворчества, стоятъ однако особнякомъ отъ былинъ, не вступаютъ въ ихъ кругъ. Такова приведенная выше пѣсня о королевичѣ и многія другія. Тѣ бытовые пѣсни, которыя вошли въ границы былиннаго эпоса, могутъ быть распредѣлены на нѣсколько группъ по степени ихъ близости къ былинамъ историческимъ и богатырскимъ. Есть пѣсни, которыя причисляются къ былинамъ и попадаютъ въ сборники этого рода эпическихъ памятниковъ потому только, что принадлежатъ къ репертуару тѣхъ же пѣвцовъ, которые хранятъ и былины. Таковы, напр., въ сборникѣ Гильфердинга пѣсни: Ревнивый мужъ, Братья разбойники и сестра и т. под. Эти пѣсни лишь вѣншиимъ образомъ связаны съ былинами. Но есть побывальщины, имѣющія нѣкоторую историческую окраску, заставляющую предполагать и угадывать какую-то опредѣленную быль, лежащую въ ихъ основѣ. Образцомъ пѣсень этой группы можетъ служить разсмотрѣнная нами былина

о князѣ Михайлѣ. Последнюю группу побывальщинъ представляютъ тѣ, которыя примыкаютъ къ опредѣленнымъ, ранѣе сложившимся былевымъ пѣснямъ, вторгаются, такъ сказать, въ область исторической пѣсни, измѣняя и разнообразя ея составъ. Такова былина о томъ, какъ «князь Романъ жену терялъ», примкнувшая къ историческимъ пѣснямъ о князѣ Романѣ Галицкомъ. Примѣры подобнаго приуроченія побывальщинъ къ былинамъ отыщутся и въ области богатырскаго эпоса. Припомнимъ былинѣ о Алешѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Збродовичей. Что это, какъ не побывальщина, въ которую только вставлено имя извѣстнаго богатыря? Таковы же и нѣкоторыя пѣсни о Дунаѣ, гдѣ этотъ богатырь является въ положеніи Ваньки-ключника.

Ив. Ждановъ.

Прим. Ред. Пользуясь свободнымъ мѣстомъ, помѣщаемъ здѣсь замѣченную нами сказку въ одной изъ принадлежащихъ Отдѣленію Этнографіи рукописей доставленной намъ въ 1887 г. изъ Кодемы свящ. о. К. И. Боголюбнымъ подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія о жителяхъ Шахоловской волости, Шенк. у., Арх. г.“. Эта сказка говоритъ объ оклеветаніи жены воротившемуся домой изъ отлучки мужу повстрѣчавшимися ему на пути черноризницами. Эта сказка имѣетъ ближайшее сходство съ побывальщиной, напечатанной Гильфердингомъ (въ его Сборн.), подъ названіемъ „Ревнивый мужъ“, см. въ прекрасной статьѣ И. Н. Жданова (Вып. I, стр. 18—19).

О нѣномѣ князѣ и княгинѣ.

Жилъ былъ князь, имя коего неизвѣстно. Женился этотъ князь въ 12 лѣтъ, взялъ онъ княгиню 9 годовъ и 9 мѣсяцевъ, жилъ онъ съ княгиней ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ гулять пошелъ. Ходилъ онъ,—гулялъ ровно 3 года и 3 мѣсяца, а на 4-й годъ князь домой пошелъ. Идучи дорогой, видитъ, идутъ ему на встрѣчу три старицы, три монахини черноризницы и бѣлокишницы. Давно ли вы, спрашиваетъ ихъ князь, съ моего двора съ Княжевиного, съ Екатеринскаго? Отвѣчали старицы: мы вчера съ твоего двора съ Княжевиного, съ Екатеринскаго, и у тебя, князь, въ дому все не по старому, не по прежнему—всѣ добрые кони по колѣнъ въ назмѣ стоятъ, ѣдятъ траву все осатину, пьютъ воду все наземную, золота казна вся расхищена, въ теремѣ колубень виситъ (люлька). Выслушавши все это, князь погонилъ своего добра коня, сломя голову. Приѣзжаетъ князь къ своему двору къ Княжевинскому, къ Екатеринскому, выходитъ молода жена, встрѣчать въ одной тоненькой рубашкѣ—безъ косетчина (сарафана), въ однихъ тоненькихъ чулочкахъ, безъ башмачекъ; вынимаетъ князь саблю вострую, срубилъ, сказнилъ поплечъ голову, укатилась голова коня въ ноги. Потомъ заходилъ князь въ конюшню свою и находить: всѣ кони по колѣнъ въ овсѣ, они ѣдятъ траву все шелковую, они пьютъ воду все ключевую, все цвѣтно платье по стопочкамъ, во теремѣ золота казна по шкатулочкамъ, бѣла посуда по наблюдничкамъ, ключи-замки все по полочкамъ, во теремѣ зашелъ, колубня тутъ нѣтъ, дитя малаго не видано, тутъ паяла стоятъ золоченыя, не столько въ нихъ што, сколько плакано, все князя въ домъ дожидано. Въ другой теремъ заходитъ и тутъ все въ порядкѣ находить; за бѣду князю тутъ стало, за догадушку великую. Заходитъ князь во конюшню во свою, выбираетъ князь лошадь добрую, погонилъ онъ коня, сломя голову, ко двумъ старицамъ, двумъ монашницамъ, черноризницамъ, бѣлокишницамъ, и, прибывши къ нимъ, говоритъ: ужъ вы старицы, монашницы, черноризницы, бѣлокишницы, зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ наврали? Потомъ взялъ саблю острую и срубилъ, сказнилъ имъ головы, а самъ бросился на колъ-вострой конецъ, и тѣмъ предалъ себя скорой смерти.

Три года въ Якутской области.

Этнографическіе очерки.

ГЛАВА II.

Встрѣча весны. Ысыахъ. Преданіе объ учрежденіи ысыаха и происхожденіи Якутовъ. Преданіе объ Эр-элле, по Миддендорфу. Якуты, вытѣсненные съ юга Бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими Русскими. Остатки крѣпости въ Якутскѣ. Судьба Якутовъ послѣ Тыдына. Образованіе Верхоянска.

Проходитъ суровая и непривѣтливая зима, и снѣгъ, нагрѣваемый солнцемъ, быстро вывѣтривается, говоря по мѣстному—быгаетъ; проходитъ ледъ на рѣкахъ и также быстро наступаютъ сильные жары. Вѣчно мерзлая подпочва не даетъ просачиваться влагѣ; подъ влияніемъ солнечныхъ лучей земля быстро одѣвается густою, высокою и яркою растительностію; дни становятся длиннѣе и наконецъ солнце не закатывается, останавливаясь на горизонтѣ. Съ растительностію оживаетъ и вся остальная природа: прилетаютъ птицы и оглашаютъ воздухъ своимъ разнообразнымъ пѣніемъ; скотъ становится бодрѣе, теряетъ свою мохнатую зимнюю шерсть. Но болѣе всѣхъ чувствуетъ себя счастливымъ бѣдный Якутъ: ему не нужно болѣе кочевать и дрожать, не имѣя возможности обогрѣться у собственного очага; его не будетъ болѣе томить сосущій голодъ; онъ восторженно прославляетъ грѣющее солнце въ своей пѣснѣ, которую поетъ на просторѣ; его не стѣснить теперь недремлющій надзоръ его хозяина; ему будетъ тепло, онъ будетъ сытъ, онъ не будетъ сидѣть въ темной и мрачной юртѣ—кровлей ему будетъ широкое и ясное небо!

Якуты мало имѣютъ развлеченій, и только съ приходомъ весны и лѣта наступаетъ время удовольствій. Якуты по характеру очень скромны, а потому удовольствія ихъ очень ограниченны и носятъ на себѣ отпечатокъ стараго, патріархальнаго времени.

По веснѣ кобылы начинаютъ доиться, накапливается кумысъ. Въ торжественные дни, на Николу, въ Троицынъ день, собирается по богачамъ масса народу: подъ открытымъ небомъ, на чистой полянѣ, въ опредѣленныхъ пунктахъ выставляются берестяныя посуды—холодгосъ съ кумысомъ; вкапываются три высокихъ столба, украшенные зеленью, и къ каждому

изъ нихъ приставляется мальчикъ лѣтъ 10—11-ти, лицомъ къ востоку, съ громаднымъ турсукомъ кумысу—сиринсыть; когда соберутся приглашенные и разсядутся на полянѣ, гдѣ будетъ указано хозяиномъ, и съѣдутся почетные гости, старѣйшій изъ собравшихся беретъ главный чоронъ (деревянный кубокъ, иногда вмѣстимостью до полутора ведеръ)—аяхъ, украшенный конскимъ волосомъ, до краевъ наполненный кумысомъ, поднимаетъ его высоко надъ головою и произноситъ посвященіе—алгысъ—перваго удоя Юрюнь-Аи и Юрюнь-Аръ'у: «Аи-Тоёнъ, благодаримъ тебя! Ты далъ намъ лѣто, ты послалъ намъ много телятъ, жеребятъ, молока. Ты одѣлъ лѣсъ весеннимъ нарядомъ, поля—зеленой травой. Скоро наступитъ покосъ и жатва, давно нами ожидаемая благодать. Тебѣ, Аи-Тоёнъ, подносимъ этотъ аяхъ съ кумысомъ и усердно просимъ тебя—благослови насъ и нашъ скотъ, дай тучный злакъ полямъ нашимъ, здоровье и силу скоту! Тоёнъ! прими нашу жертву, испей нашего напитка, и благослови его, чтобы и мы, вкусивъ его, были здоровы и счастливы!» Прежде эта жертва приносилась богу огня, и часть кумыса и растопленного масла отпескивалась въ огонь.

Затѣмъ старѣйшій отпиваетъ изъ своего аяха, передаетъ его по очереди старѣйшему по себѣ, причемъ каждый отпиваетъ возможно меньше, чтобы изъ этого чорона досталось выпить большинству; но такъ какъ его все-таки не хватаетъ, то подливаютъ въ него изъ тѣхъ, которые держатъ мальчики, а затѣмъ и изъ другихъ посуды. По совершеніи обряда, собравшіеся издалика, въ праздничныхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ богатыхъ костюмахъ и на богато осѣдланныхъ лошадяхъ, Якуты и Якутки приступаютъ къ угощенію, которое предлагаетъ имъ хозяинъ, изъ мяса, масла, чаю и въ небольшомъ количествѣ водки. Почетные гости угощаются въ юртѣ, причемъ имъ въ кумысъ кладутъ топленое масло въ мелкихъ кусочкахъ, что считается особеннымъ знакомъ вниманія къ гостю. Кумыса, этого кисло-сладкаго и пьянаго питья, истребляется иногда однимъ Якутомъ неимоверное количество: хорошій молодецъ выпиваетъ за одинъ разъ до $\frac{1}{4}$ ведра, а въ теченіе дня выпьетъ до $1\frac{1}{2}$ ведра. На лугу начинается ысыэхъ пляскою: знакомые между собой соединяются въ кружки, берутся за руки спереди черезъ одного, образуя тѣсную пѣсь, и подъ припѣвъ го-ю-го-ю, раздающійся на далекое пространство, переступаютъ ногами; иногда кто-нибудь изъ пѣвцовъ поетъ, а другіе ему подпѣваютъ: «Эгей эгей оголоръ дже доготторъ ёреръ кюмюють юньня таптыръ кюмюють тахсанъ эряръ санга джылбытъ салалынна эръя джылбытъ эляйдя анъ дойду ачалата кѣнь дойду кергенъня ёскюлляхъ джонъ ёскятя теректэхъ ёсю тѣрѣтъя терюрь-ого уялана итаръ ёсю кюрёляньня бу ёрю инънягяръ ёкелесень олоронъ кєря тылла ёпсєтегинъ чогу́сасанъ олоронъ джолыхъ тылла тоёняносугунъ эря доготторъ эгей эгей оголоръ!» т. о. Ой люли, ой люли, ре-

бята! Вотъ, друзья, радостные дни настали, любимое солнце восходитъ, новое лѣто наступило, старое лѣто исчезло, вся земля позеленѣла, широкая земля зеленью одѣлась, здоровые люди рождаются, крупный скотъ телится, родившіяся дѣти въ колыбели, прокармливаемый скотъ въ покотиныхъ. Ради этой радости, рядомъ сидя, говорите между собой пріятныя рѣчи, сидя рядомъ, счастливо разсуждайте, друзья! Ай люли, ай люли, ребята!

Послѣ кумысу является у Якутовъ желаніе состязаться въ бѣгѣ и въ борьбѣ. Для бѣговъ выбираютъ мѣстность твердую, если можно, вонругъ озера; если озеро небольшое, то обѣгаютъ нѣсколько разъ, такъ что разстояніе доходить до 8, 10 верстъ. Бѣгутъ заразъ нѣсколько бѣгуновъ, и пришедшему первымъ оказываютъ почетъ, кричатъ уруй, а отставшихъ встрѣчаютъ насмѣшками, остротами, шутками. Якуты—большіе охотники биться объ закладъ, и на бѣгахъ держатъ пари за ту или другую лошадь.

Молодежь, подъ влияніемъ бѣговъ и успѣха опередившаго, начинаетъ хвастать, спорить силой и ловкостью; начинается бѣгъ въ запуски, борьба. При этомъ составляются партіи: каждая выставляетъ своихъ представителей, которые, раздѣвшись до барки (испорченное русское слово портки), вступаютъ въ состязаніе. Борьба бываетъ самая безобидная и заключается въ стараніи свалить противника, не давъ ему обхватить себя, для чего натираютъ тѣло травой; всякій упавшій, хотя-бы на одно колѣно, или опершійся на руки, считается побѣжденнымъ, и сконфуженный, скрывается въ толпу, тогда какъ побѣдителя встрѣчаетъ шумное одобреніе и восторгъ. Зрители зорко слѣдятъ за состязаніемъ и несдержанно выражаютъ свои сужденія по поводу всякой подробности борьбы. Конечно, бывають случаи, что добродушно начавшаяся борьба разгорячается противниковъ, и, подзадоренные восклицаніями толпы, они увлекаются и наносятъ другъ другу памятные удары.

Свѣтлая и теплая ночь позволяетъ забывать и поздній часъ, и утомленіе, и гости раздѣвжаются не охотно, ѣдутъ цѣлыми партіями, продолжая тянуть свои монотонныя скрипучія пѣсни, которыя далеко разносятся въ тихомъ воздухѣ привѣтливо-мягкой прозрачной ночи.

Не говоря о бѣднякахъ, даже сытые богачи рады веснѣ. Семимѣсячная суровая и сумрачная зима наскучаетъ всѣмъ; богачу, какъ и бѣдному, хочется подышать весеннимъ воздухомъ и насладиться, кто какъ умѣетъ, или какъ можетъ, короткимъ и жаркимъ лѣтомъ, полежать на солнышкѣ, погрѣвъ свой животъ и кости. Бѣдняку, конечно, лѣто еще драгоцѣннѣе: хотя работы и больше, но онъ работаетъ самостоятельно, безъ надзора; молока больше, а потому и онъ чаще бываетъ сытъ. Вотъ почему съ такою радостью встрѣчается наступленіе лѣта; вотъ почему чаще слышится пѣсня Якута, хотя похожая больше на вой или скрипъ немазаннаго колеса, которому онъ вторить. Подъ

вліянієм согрѣвающихъ лучей солнца, и скупой богачъ становится тароватымъ и щедро угощаетъ на ысыахъ гостей, прослышавшихъ о предстоящемъ праздникѣ. Рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу, отъ мрака къ свѣту такъ сильно вліяетъ на человѣка этой суровой и мрачной окраины, что онъ не въ состояніи сдерживать въ себѣ быстраго наплыва сильныхъ ощущеній, проявляющихся въ цѣломъ рядѣ празднествъ, въ которыхъ и проходятъ всѣ полевые и хозяйственныя работы. Такъ бѣднякъ поетъ: «Вотъ пришла весна, солнышко свѣтитъ ярче и теплѣе, поля убрались красивою зеленью и прекрасными цвѣтами, лѣсъ одѣлъ свои праздничныя одежды, птички своими пѣснями оглашаютъ воздухъ. Вотъ и намъ можно отдохнуть теперь, погрѣть и распрavить свои окоченѣлые члены! Скотъ даетъ много молока, и мы будемъ сыты. Пойдемъ на покосы и, хоть будемъ трудиться, запасемся на суровую зиму. Боже, зачѣмъ ты не далъ намъ вѣчнаго лѣта и весны? тогда-бы мы всегда благоденствовали. Боже, дай намъ долгое лѣто—мы будемъ счастливы!»

Съ учрежденіемъ перваго ысыаха связано преданіе о происхожденіи нынѣшнихъ Якутовъ. По преданію, Якуты поселились на настоящихъ своихъ мѣстахъ когда-то очень давно и предкомъ ихъ нужно считать Оногой-бая ¹⁾, Татарина (?) изъ племени Саха ²⁾, перваго пришедшаго на Лену. Онъ пришелъ съ женою Сара, ея братомъ Улу-хоро ³⁾ и рабами; всѣхъ мужчинъ было 13 ⁴⁾. У нихъ было много скота, рогатаго и коннаго; кочевали они по лѣвому берегу Лены, по долинѣ, названной имъ Сайсары, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ; мѣсто это было удобно для скота и промысловъ: необозримыя поля, луга и лѣса были преисполнены несмѣтнаго количества дорогого пушиного звѣря, исчезнушаго теперь съ увеличеніемъ населенія. На Сайсары у Оногой-бая родились сынъ Анъ-тайбыръ и дочери Анъ-чингай ⁵⁾ и Ника-харахсынъ ⁶⁾. Спустя нѣкоторое время къ Оногой-баю пришелъ Эръ-эллей ⁷⁾, сильный и ловкій молодецъ татарскаго происхожденія (не Нурятъ-ли?); онъ былъ искусный охотникъ и, какъ говоритъ преданіе, рыскалъ по тайгѣ сѣрымъ волкомъ, водилъ медвѣдей подъ руку, а въ водѣ чувствовалъ себя щукой. Эръ-эллей поступилъ къ Оногой-баю работникомъ и прожилъ три года, заслуживъ уваженіе и любовь семейства. Разъ Сара сказала своему мужу: «Отличный человѣкъ этотъ Эръ-эллей! онъ скорѣе пригоденъ намъ въ зятя, чѣмъ въ рабы». Оногой отвѣтилъ сердито: «Я ни-

¹⁾ Бай—значить богатый.

²⁾ Киси—человѣкъ; урангхай-саха—человѣчество.

³⁾ Улу—великій, хоро—нмѣя собств.

⁴⁾ Рабы и женщины у древнихъ Якутовъ не включались въ счетъ людей.

⁵⁾ Анъ—первенецъ.

⁶⁾ Ника—нѣжонка.

⁷⁾ Эръ—храбрый мужъ.

когда не рѣшусь отдать дочь за пришельца, какъ Эллей; вѣрно, онъ приглянулся тебѣ самой!»! «Я знаю», сказала Сара, «что ты боишься Эллея; я чувствую, что онъ счастливѣе тебя; ты дрожишь, когда видишь его; если хочешь убѣдиться въ правотѣ словъ моихъ, положи среди урасы (берестяного шатра) бѣлую конскую кожу, прикрѣпи ее къ землѣ кольями и, сѣвъ на нее, возьми въ руки полный до краевъ чоронъ кумысу и призови Эллея». Оногой исполнилъ совѣтъ жены, и, дѣйствительно, когда вошелъ Эллей, Оногой такъ задрожалъ, что половина кумысу у него расплескалась, а кожа сорвалась съ кольевъ (см. ниже сказаніе о томъ-же у Миддендорфа). Убѣдившись въ силѣ и вліяніи Эллея, Оногой сказалъ ему: «Другъ мой, Эр-элле! ты прослужилъ у меня болѣе трехъ лѣтъ съ усердіемъ родного, и я желаю вознаградить тебя; я знаю, что такому молодцу, какъ ты, и конь мой удалый, и дорогой звѣрь пушной, добро мое,—не награда; у тебя нѣтъ подруги, выбери себѣ по сердцу изъ моихъ дочерей». Эр-эллею поблагодарилъ за милость и просилъ отсрочки. Старшая дочь Оногая была неуклюжа и звалась Анъ-чингай, а младшая Ника-харахсынъ была красива и любимица отца. Прошло еще три года, и Эр-эллею объявилъ о своемъ выборѣ. Эр-эллею въ продолженіи трехъ лѣтъ искалъ случая увидѣть, когда невѣсты пойдутъ мочиться; но это ему не удавалось, такъ какъ женщины того времени были очень стыдливы и даже показывались не иначе, какъ съ покрываломъ на лицѣ. Только въ концѣ третьяго года удалось ему наконецъ замѣтить мѣсто, гдѣ мочились невѣсты. Тутъ онъ увидѣлъ, что моча младшей Ника-харахсынъ осталась на поверхности земли, а моча старшей проникла въ землю, выворотила корни кустарника и образовала пѣну въ видѣ бѣлой куропатки. Изъ этого Эллей заключилъ, что старшая будетъ матерью многихъ и сильныхъ дѣтей. Младшая не перенесла такого предпочтенія, и, завидуя счастью Анъ-чингай, удавилась своими длинными косами. Оногой-бай, огорченный смертью любимой дочери и считая въ томъ виновными Эр-эллея съ его молодою женой, выгналъ ихъ изъ дому и въ знакъ своего проклятія далъ имъ жеребца и кобылу бѣлой масти съ выстриженными хвостами и гривами да быка и корову съ отбитыми рогами. Эр-эллею не опечалился проклятіемъ; онъ выстроилъ себѣ громадную юрту, а пищей ему были лучшіе звѣри и птицы. Юрта и ураса его украшались костями рѣдкихъ звѣрей и перьями красивыхъ птицъ.

У Эллея было много дѣтей, изъ нихъ 6 сыновей:

1) Лабынгха-сюрюкъ, старшій сынъ, впоследствии пропавшій безъ вѣст; онъ считается первымъ шаманомъ, первымъ установителемъ вѣрованій и обычаевъ Якутовъ.

2) Хадашъ-хагала съ,—отъ него произошли Якуты двухъ Кангаласкихъ улусовъ.

3) Джонъ-джагылы (джонъ-джабы?)—отъ него произошелъ Батурскій улусъ.

4) Молотой-орхонъ—отъ него Мегинскій улусъ.

5) Дѣли-дарханъ—отъ него Борогонскій и Дюпсинскій улусы, по имени двухъ сыновей его: Борогонъ-джорту и Сюрдахъ-дюпсюнъ.

6) Хатанъ-хата-малай, родоначальникъ Намскаго улуса.

Эръ-эллей первый ввелъ примѣненіе дымокура, которымъ охранялъ скотъ отъ комаровъ и мошки; къ дымокурамъ собирался весь скотъ (вѣроятно, и чужой), который онъ выдаивалъ. Накопивъ такимъ образомъ много кумысу, онъ вздумалъ устроить народный праздникъ, назвавъ его ысыэхъ отъ слова «выпрыснуть». Устроителемъ и распорядителемъ праздника былъ старшій сынъ его Лабынгха-сюрюкъ, этотъ первый шаманъ. Онъ велѣлъ вырѣзать изъ толстыхъ березъ чаши, назвавъ ихъ чоронъ-аяхъ, и ковши—эбиръ-хамыхъ. Чаши и ковши онъ перевязалъ веревками изъ бѣлыхъ конскихъ гривъ и назвалъ эти веревки даяльбиргя. На открытой полянѣ вкопалъ три столба, соединивъ ихъ сверху перекладиной; у столбовъ посадилъ молодыхъ березъ, обвилъ ихъ волосаными веревками, украсилъ пучками конскаго волоса и назвалъ ихъ далбаръ-чачиръ, то есть жертвенникъ; около столбовъ съ березками поставилъ кожаную посуду, полную кумысу съ масломъ; вся площадь предстоящаго праздника была названа дирингъ-тюзюльгя. Когда въ назначенный день съ восходомъ солнца собрались люди, Лабынгха поставилъ ихъ съ открытыми головами у далбаръ-чачира, лицомъ къ востоку, полукругомъ; впереди народа 9 юношей, стоя на лѣвомъ коленѣ, держали въ рукахъ чоронъ-аяхъ, полные кумыса съ масломъ; самъ онъ вышелъ впередъ съ ковшемъ эбиръ-хамыхъ и сказалъ такъ: «Человѣкъ созданъ высшими божествами (ай-тангара); назначеніе его—украшать и населять землю, пользоваться земными богатствами во время своей жизни; тѣло наше слабо, должно умереть, но духъ его (кутъ) будетъ существовать въ вѣчной зелени на небесахъ въ видѣ жаворонка. Выше видимаго неба еще много небесъ съ божествами, а подъ землею живутъ злые духи. Сегодняшній праздникъ устроенъ для того, чтобы мы всѣ вмѣстѣ могли поблагодарить божества, насъ создавшія, за дарованіе намъ земныхъ благъ и вкусить изъ одной посуды въ знакъ мира и единенія». Затѣмъ Лабынгха-сюрюкъ, подойдя къ 9-ти юношамъ съ чоронами, черпалъ по очереди изъ каждаго кумыса своимъ ковшемъ и брызгалъ имъ въ пространство, какъ-бы отдавая въ жертву божествамъ дары, ниспосланные ими людямъ; при каждомъ чоронѣ призывались по очереди слѣдующія божества:

1) Артъ-тоенъ-ага, сидящій надъ 8-мъ небомъ;

2) Юрюнгъ-ай-тоенъ, сидящій надъ 3-мъ небомъ;

3) Няльбйя-ай-кюбйя-хотунъ-ия (богиня);

4) Налыгыръ-аисыть-хотунъ—богиня, присутствующая при рожденіи дѣтей;

5) Анъ-алой-хотунъ—мать земли; ея сынъ Эряка-джаракъ—богъ зелени;

6) Кюред-жасягай; ихъ семь братьевъ: а) Сурдахъ-сюгя-тоенъ—богъ грома; б) Анъ-джасынь—богъ свѣта и молніи; в) Танхасыть-джилга-ханъ—распорядитель судьбы человѣка; г) Ильбисъ-ханъ—богъ войны; д) Ордукъ-джасабылъ—вѣстникъ небеснаго гнѣва; е) Ханъ-еехситъ-эрдэнъ-ан—вѣстникъ благодати; ж) Сюнгъ-ханъ-сюнкэнь-эряли-хомпорунъ-хотой-ан—богъ птицъ;

7) Моголь-тоенъ и Усунъ-куаръ-хотунъ—божества, покровительствующія скоту;

8) Бай-баяндай; ихъ семь братьевъ: а) Бай-барылахъ; б) Куралай-барганы и в) Курагаччи-сюрюкъ—боги охоты и промысловъ; г) Долбунъ-совхоръ и д) Соссанъ-эркинъ—препятствующіе охотѣ и промысламъ; е) Тыга-бытырьсъ и ж) Ханнахъ-сегеленъ—боги промысловъ;

9) Боссолъ-тоенъ и Бомча-хотунъ—охраняющіе пути къ божествамъ; Баранъ-батыръ—богъ юрты, Элясь-батыръ—богъ хлѣва и двора; семь братьевъ—боги огня: Бырджа-бытыкъ, Кырыльтюсюмярь, Кюндюль-чаганъ, Кюря-чаганъ, Ханъ-чаганъ, Хатанъ-сотуя и Ылгынъ-эрбія.

Поименовавъ всѣ божества, въ честь которыхъ былъ совершенъ ысыахъ, Лабынгха-сюрюкъ трижды прокричалъ «уруй!»; народъ восторженно повторялъ за нимъ, и въ это время видѣли бѣлую чайку, трижды прокружившуюся надъ мѣстомъ собранія, что было принято за доброе предзнаменованіе божествъ. Оногой-баю, какъ старѣйшему, первому былъ поднесенъ чоронъ; принявъ его, онъ упалъ, какъ убитый; онъ пересталъ видѣть, ноги и руки его онѣмѣли; онъ лишился всѣхъ чувствъ. Народъ усмотрѣлъ въ этомъ волю божествъ, карающихъ Оногой-бая за проклятіе имъ Эр-эллей и за изуродованіе имъ скота, созданія Божія.

Оногой-бай вскорѣ послѣ того умеръ; все его богатство исчезло отъ разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ; единственный сынъ его—Барагай-батылы-кяльтягай-тобукъ, отъ котораго произошли Якуты Баягантайскаго улуса, терпѣлъ нищету и питался добычей, которую приносила ему черная собака.

Якуты другихъ округовъ области, кромѣ якутскаго, произошли отъ названныхъ выше предковъ и заселили мѣста внѣ якутскаго округа путемъ переселенія, частію—добровольно, въ видахъ промысла и охоты, частію—по

необходимости, вытѣсняемые движеніемъ другихъ болѣе сильныхъ родовичей и наконецъ путемъ принудительной ссылки—въ сѣверные, болѣе отдаленные округа.

Послѣ смерти Эр-эллея ысыахи устраивались въ каждомъ улусѣ по поводу какихъ-либо торжественныхъ обстоятельствъ, съ соблюденіемъ описаннаго обряда. Вѣруя во вліяніе своихъ божествъ, живущихъ на небесахъ, на землѣ и подъ землею, Якуты признавали воплощеніе ихъ въ птицахъ и разныхъ неодушевленныхъ предметахъ и, не поклоняясь, оказывали имъ знаки уваженія, почитали тѣ мѣста, которыя, по ихъ убѣжденіямъ, посѣщали эти божества, напр. старыя деревья; озера почитались, какъ глаза, а поле, какъ лицо матери земли. Постоянныхъ призываній божествъ не было. Кромѣ общихъ божествъ, каждое племя имѣло своего особаго покровителя, который воплощался въ предметы видимые; каждый обращался къ своему покровителю или къ тому, который соответствовалъ извѣстному случаю.

Преданіе объ Оногой-баѣ и Эр-эллеѣ рассказано у Миддендорфа (русск. изд., ч. II, отд. VI, выпускъ 7-й, стр. 763) нѣсколько иначе, а именно: «Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якутъ, по имени Оногомъ. У него было двѣ дочери; одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другой не любилъ. Его часто посѣщаль Бурятъ, по имени Ельяй, потому что они были большіе друзья; онъ приплывалъ къ нему внизъ по Ленѣ на суднѣ, сдѣланномъ изъ кожъ. Оногомъ предложилъ ему ту изъ дочерей, которая ему понравится. Ельяй выбралъ нелюбимую дочь. Осерчавъ на нее еще болѣе, отецъ далъ за ней въ приданое только кобылу и бурю корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Ононома навѣстить зятя. «Ты уже становишься слабъ», говорила она ему. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Ельяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ приколотъ кафтанъ тестя. Оногомъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Понявъ изъ этого, что онъ началъ слабѣть, онъ помирился съ Ельею и навѣститъ его. Сынъ Ельяя назывался Тыгынъомъ и былъ сильный и могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ силачъ и взятъ въ батраки. Послѣдній убѣждалъ и затѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суднѣ. Долго они вели войну съ Тыгынъомъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху бревна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбара, отъ котораго происходитъ существующій еще доселѣ родъ. Кангаласцы-же потомки братьевъ Тыгына».

По поводу выписаннаго только-что преданія, какъ оно изложено у Миддендорфа, пользуюсь случаемъ разсказать, что пришлось слышать мнѣ о переселеніи Якутовъ въ Якутскую область и о приходѣ Русскихъ къ нимъ во времена Тыгына.

Воспоминанія Якутовъ о своемъ происхожденіи и о мѣстахъ своего прежняго жительства до переселенія ихъ въ теперешнюю Якутскую область—смутны. Такъ преданіе утверждаетъ, что въ глубокую старину они жили около моря Байкала, отчего и теперь всякое большое озеро называется ими *ба а г а л ь*, «море». Во всякомъ случаѣ, Якуты жили ранѣе въ странѣ южной, гдѣ они не знали снѣжной зимы, а поля и дуга ихъ были такъ обширны, что если-бы кто захотѣлъ обозрѣть ихъ съ высоты горъ (байкальскихъ?), то глазъ его не увидалъ-бы границъ и предѣловъ страны, а видѣлъ-бы только упирающееся въ нихъ синее небо, такое-же синее, какъ и вода ихъ моря (Байкала). Скота у нихъ было такъ много, что его не помѣститъ было-бы въ этомъ морѣ; сами они составляли племя многочисленное, какъ песокъ морской. Ведя пастушескую жизнь, Якуты въ то-же время были и конными воинами; они уже знали употребленіе желѣза и умѣли ковать себѣ оружіе и латы. Лукъ за спиной, колчанъ со стрѣлами съ желѣзными наконечниками—на лѣвомъ боку, обоюдоострая пальма, длиной въ аршинъ и съ короткою рукояткою въ видѣ меча, висѣвшая на поясѣ съ правой стороны и наконецъ желѣзная четырехугольная пика на длинномъ древкѣ—составляли обыкновенное вооруженіе Якута; лучшіе воины, болѣе зажиточные, одѣвались кромѣ того въ желѣзныя шубы—латы. И въ древнее время Якуты жили и управлялись родами, имѣя во главѣ родовича, власть котораго была наслѣдственна; всѣ-же роды, составляя цѣлое племя, подчинялись одному главному родоначальнику, облеченному неограниченною властью суда и расправы и имѣвшему власть надъ жизнью и смертію всякаго принадлежавшаго къ племени. Религіозныя ихъ вѣрованія были языческія; грозныя силы природы убѣждали ихъ въ существованіи духовъ добрыхъ и злыхъ, для умилостивленія которыхъ приносились жертвы чрезъ посредство особыхъ служителей—шамановъ. Въ семейномъ быту признавались полигамія и неограниченное наложничество.

Якуты сами себя никогда не звали Якутами, а носили и носятъ названіе *с а х а*—навозъ ¹⁾). Названіе-же Якутовъ имъ дали Русскіе, которые въ старое время звали ихъ *Е к о*, что съ теченіемъ времени преобразовалось въ слово: Якуть.

Воспоминанія Якутовъ не сберегли имъ опредѣленныхъ свѣдѣній о времени, когда предки ихъ оставили мѣста своего кореннаго, родного края; пре-

¹⁾ Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду; за отсутствіемъ глины хозяйство Якута безъ навоза—не мыслимо.

даніе говорить только, что въ блаженное ихъ пребываніе въ южномъ краю пришли къ нимъ въ несмѣтномъ числѣ татарскія полчища, сильно вооруженныя, и, перорубивъ и перестрѣлявъ многихъ, принудили ихъ оставить свои излюбленныя, насиженныя мѣста. Якуты двинулись на сѣверъ, но разбрелись въ разныя стороны; главная же часть съ своимъ главнымъ родоначальникомъ Оногой-баемъ двинулась къ Ленѣ и, спустившись по теченію, остановилась у озера Сайсары на урочищѣ Собирай, гдѣ теперь стоитъ г. Якутскъ. Ведя изстари пастушескую кочевую жизнь, Якуты на новомъ мѣстѣ поселенія старались сохранить свой первобытный образъ жизни, но, выбирая на широкихъ неограниченныхъ пространствахъ удобныя мѣста для пастбищъ, должны были перейти къ занятію скотоводствомъ и, мало-по-малу, подвигались на западъ по р. Вилюю, на сѣверъ—къ Верхоянскому хребту и на востокъ—по р. Алдану. Не зная ранѣе на своей южной родинѣ зимы, здѣсь принуждены были они установить новое распредѣленіе времени: выпадалъ первый снѣгъ—начинался годъ; стаялъ снѣгъ—этотъ годъ кончался и начинался новый—лѣтній; такимъ образомъ годъ на ихъ новомъ поселеніи равнялся шести мѣсяцамъ съ сентября по мартъ и съ марта по сентябрь. Такое распредѣленіе года у нихъ осталось и до настоящаго времени.

Отъ брака дочери Оногой-бая—Анъ-чингай и Эръ-эллей было шесть сыновей, и отъ одного изъ этихъ послѣднихъ родился Тыгынъ, ревностно охранявшій независимость своего племени. Во времена этого знаменитаго Улаханъ-князя ¹⁾ случилось съ Якутами неожиданное и страшное обстоятельство. На берегу рѣки (Лены) показались удивительные люди; они были бородаты, не похожи на Тунгусовъ; въ общемъ видѣ ихъ былъ страшень. Якуты, не забывшіе своихъ выгнѣсителей изъ южной родины, перепугались и доложили своему повелителю. Тыгынъ приказалъ привести къ себѣ этихъ незнакомцевъ. Якуты, собравшись въ огромномъ числѣ, пошли брать этихъ людей, но послѣдніе отдались имъ безъ всякаго сопротивленія. Якуты привели своихъ плѣнныхъ къ Тыгynu, который опредѣлялъ ихъ къ себѣ въ домашнюю прислугу. Новые рабы обрапали на себя вниманіе сообразительностію, расторопностію и скромной исполнительностію. Громадная физическая сила ихъ и выносливость въ тяжелыхъ трудахъ, которые возлагалъ на нихъ Тыгынъ, внушали къ нимъ страхъ, и Тыгынъ не измѣнялъ съ ними своего деспотическаго, а временами даже звѣрскаго обращенія. На одну изъ жестокихъ выходокъ Тыгына жена замѣтила ему: «Напрасно ты такъ грубо обращаешься съ этими людьми; въ ихъ крови живетъ смѣлость и отвага; нужно бояться, чтобъ они не сдѣлались нашими тоенами» ²⁾. Что отвѣчалъ на это Тыгынъ,

¹⁾ Улаханъ—великій, большой.

²⁾ Тоенъ—господинъ, повелитель.

не извѣстно. Пришельцы между тѣмъ были необыкновенно услужливы и предупредительны, такъ что разъ Тыгынъ даже отступилъ отъ своего обычнаго съ ними обращенія и спросилъ ихъ: «Чѣмъ наградить васъ, слуги мои дорогие? Хотите-ли скота моего и лошадей, хотите-ли мѣховъ дорогихъ—дамы вамъ; чего пожелаете—просите!» Пришельцы смиренно отвѣчали: «Благодаримъ тебя, великій тоень! намъ не нужно скота твоего, или мѣховъ; но если мы угодили тебѣ, то дай намъ земли, сколько займетъ воловья кожа». Такая скромная просьба удивила Тыгына, и онъ, поклявшись у корня дерева, что не нарушитъ правъ новыхъ владѣльцевъ, велѣлъ отвести имъ просимое. Пришельцы повторили исторію основанія Кароагена, и, разрѣзавъ кожу на тонкіе ремни, обвели ими четырехугольникъ земли и стали считаться ея собственниками. Только тогда понялъ Тыгынъ хитрость на первый разъ немудреной просьбы пришельцевъ, но клятва была дана, и нарушеніе ея грозило страшнымъ гнѣвомъ боговъ. Границу своихъ владѣній пришельцы опредѣляли столбами, а сами, построивъ лодки, на нарусахъ поплыли вверхъ по рѣкѣ. Якуты были очень удивлены, увидавъ, что эти странные люди поплыли противъ теченія безъ веселъ на какихъ-то пузыряхъ. Новое и страшное обстоятельство вскорѣ поразило успокоившихся было Якутовъ. Пришельцы вскорѣ приплыли обратно, но приведя съ собою новыхъ товарищей; на ихъ лодкахъ и плотахъ было много провизіи и лѣсного матеріала. Въ одну ночь, гласитъ преданіе, неизвѣстные люди выстроили деревянную крѣпость и заперлись въ ней со всѣмъ своимъ имуществомъ. На утро Тыгынъ ужаснулся, увидавъ передъ своими шатрами выросшее чудо, и пошелъ со своими рабами осматривать работу пришельцевъ. Близко подойти однако побоялись. Въ это время изъ стѣнъ этой крѣпости раздался огненный громъ; то былъ залпъ изъ пицалей холостыми зарядами. Оглушенные и ошеловленные вскорѣ пришли въ себя и, смѣясь безвредности пущенной въ нихъ молніи, отвѣчали своими стрѣлами изъ луковъ, но затворившіеся въ крѣпости еще болѣе смѣялись безвредности ихъ оружія. Якуты подошли къ крѣпости ближе и казались болѣе смѣлыми. Тогда раздался новый огненный громъ; произведенъ былъ залпъ изъ ружей, но уже заряженныхъ пулями и картечью. Много Якутовъ поплатилось жизнью; былъ раненъ и самъ Тыгынъ; въ злобѣ и раздраженіи, въ сознаніи собственнаго безсилія, нанесъ онъ себѣ смертельную рану копьемъ, и тутъ же умеръ. Якуты, видя смерть своего грознаго повелителя, а съ нею и свою полную беззащитность, въ ужасѣ разбѣжались. Побѣдители, то были Русскіе, потребовали отъ побѣжденныхъ платежа ясака, а для опредѣленія его размѣра растянули черезъ озеро Сайсары свой пресловутый ремень, приказавъ увѣсить его шкурками дорогихъ пушныхъ звѣрей. Эта мѣра была установлена для взноса ясака и на будущее время.

Остатки этой крѣпости существуютъ и теперь. По уцѣлѣвшей юго-восточной стѣнѣ этой крѣпости на пространствѣ 83 сажень и отдѣльно стоящей еще и теперь башнѣ съ западной стороны можно предположить, что крѣпость построена была квадратомъ, при чемъ каждая сторона равнялась приблизительно ста саженьямъ. По угламъ стояли трехъэтажныя башни (съ балконами), крытыя на 4 ската, и соединялись между собою двухъэтажными корридорами, перегородженными поперекъ капитальными стѣнами. Черезъ каждыя 6 сажень были другія башни, ниже угловыхъ. Стѣны корридоровъ были высотой въ $9\frac{1}{2}$ арш. и шириной въ $4\frac{1}{2}$ арш.; верхній этажъ былъ шире нижняго и выступалъ навѣсомъ въ сторону двора, опираясь на выпущенныя балки. Ворота въ наружной стѣнѣ были шириной въ $3\frac{1}{2}$ саж. и запирались изнутри нѣсколькими толстыми засовами; маленькая дверь въ той-же стѣнѣ, вѣроятно, служила для вылазокъ. Въ сторону поля стѣны имѣютъ нѣсколько маленькихъ отверстій, повидимому, для ружейной стрѣльбы, но отверстія эти сдѣланы на столько низко отъ полу, что нужно думать, что Русскіе стрѣляли лежа. Крыша надъ корридорами была въ два ската. Оставшаяся въ цѣлости башня, повидимому, имѣла особое парадное назначеніе—или въ ней помѣщалась часовня, или главная квартира; балконъ и дверные косяки этой башни украшены рѣзьбой; общая-же работа отличается изяществомъ отдѣлки. Остатки этой крѣпости были-бы болѣе значительными, если-бы жители не растаскивали лѣсъ на свои постройки и даже на топливо. Цѣлый домъ Якутскаго городского общественнаго собранія выстроенъ изъ матерьяла отъ разобранной для того стѣны. Выстроено это собраніе что-то давно, если вѣрить, лѣтъ 40 назадъ, но домъ стоитъ незыблемо, лучше домовъ позднѣйшей постройки изъ новаго лѣсу. Бревна этой крѣпости на столько крѣпки, что ихъ не беретъ хорошій топоръ.

Со смертію Тыгына, этого безсмертнаго героя якутскаго эпоса, Якуты не въ силахъ уже были бороться съ своими новыми завоевателями. Родъ за родомъ, несли они свой ясакъ повелителямъ; одни съ покорностію подчинялись имъ, другіе—съ послѣдними вспышками уставшаго сопротивленія, а третьи—съ угасающимъ стремленіемъ къ пастушеской независимости оставили и эти едва населенныя мѣста и разсѣялись по незнакомой землѣ вѣрообразно на западъ—къ рѣкѣ Вилюю, на с. внизъ по теченію Лены, на с-в.—къ Верхоянскому хребту и, наконецъ, на в.—по р. Алдану. Здѣсь Якуты встрѣтили слабое населеніе, которое не въ силахъ было противостоять напору ихъ движенія и въ свою очередь должно было отступить къ болѣе непривѣтливому сѣверу. Этими отступившими племенами были Тунгусы, Юкагиры и Чуванцы. Якуты упорно отрицаютъ существованіе народа подъ названіемъ Омокъ или Омукъ. Они говорятъ, что этимъ именемъ Якуты звали и зовутъ вся-

каго не только не-Якута, но и Якута другого улуса или наслѣга. Во всякомъ случаѣ, были-ли Омуки особое совершенно исчезнувшее племя, или названіе это обозначало собирательное понятіе о Тунгусахъ, Юкагирахъ и Чуванцахъ, тѣмъ не менѣе они, уступивъ свои мѣста вновь приходившимъ искателямъ независимости, сами направились къ сѣверу и здѣсь натолкнулись на болѣе свирѣпыхъ враговъ, чѣмъ были для нихъ Якуты—на храбрыхъ до самоотверженія Чукчей—этихъ коренныхъ съ незапамятныхъ временъ обитателей сѣверо-восточной тундры до береговъ Берингова пролива.

Якуты, пришедшіе къ верховьямъ р. Яны, вытѣснивъ отсюда мѣстныхъ жителей, нашли громадныя луговые пространства, которыя представляли широкую возможность выбора мѣстъ, а потому, распредѣлившись родами, гдѣ кому показалось удобнѣе, зажили по старому, надѣясь, что Русскіе не найдутъ сюда и не лишатъ ихъ возжелѣнной свободы. Но стремленію казаковъ къ занятію земель подъ скипетръ Великаго Государя, казалось, не было предѣла, и казачій десятникъ Елисей Буза съ горстью отважныхъ товарищей спустился внизъ по Ленѣ, прошелъ морскимъ берегомъ до устья Яны и поднялся на лодкахъ къ ея верховьямъ и здѣсь неизбежно встрѣтился съ новопоселившимися Якутами. Потребовавши съ нихъ небольшой дани, онъ обложилъ ясакомъ и заложилъ острогъ на р. Дулгалахъ, въ 100 верстахъ отъ Верхоянска. Слѣды этого острога видны и теперь. Съ приходомъ Бузы Якуты ждали своего послѣдняго часа, но ласковое его обращеніе оставило и до послѣдняго времени въ Якутахъ благодарное къ покорителю воспоминаніе. Впослѣдствіи, въ которомъ году неизвѣстно, Верхоянскій острогъ съ Дулгалаха былъ перенесенъ на другое, болѣе удобное мѣсто, на Боронукъ, на лѣвый берегъ Яны, въ шести верстахъ отъ нынѣшняго Верхоянска и подъ именемъ Верхоянскаго зимовья приписанъ былъ къ Зашиверскому комиссарству. Зимовьемъ онъ былъ названъ потому, что только зимой пріѣзжали сюда комиссаръ за полученіемъ ясака и Якуты для взноса его; лѣтомъ острогъ этотъ оставался пустымъ и игралъ роль станціи по тракту изъ Якутска въ Зашиверскъ. Въ 1775 г. Верхоянскій острогъ приписанъ былъ къ Якутской провинціи. Для упроченія распространявшагося православія предполагалось построить церковь, и два богатыхъ ново-крещеныхъ Якута пожертвовали на постройку деньги; оставалось только выбрать соотвѣтствующее для того мѣсто, но жертвователи препирались относительно мѣста: одному хотѣлось имѣть церковь въ Боронукѣ, а другому ближе къ своему жительствоу. Послѣ многихъ лѣтъ спора, церковь была построена по выбору второго жертвователя и освящена во имя Благовѣщенія въ 1817 году. Около нея построились дома для причта; сюда-же переселилось нѣсколько семей богатыхъ Якутовъ, а съ ними и два—три торговца. Жители Боронука затруднялись, вслѣдствіе неудобнаго сообщенія, ѣздить часто

въ церковь и къ купцамъ, а жившіе около церкви постоянно имѣли нужду бывать въ Боронукѣ, гдѣ оставалось мѣстное управленіе; вслѣдствіе этого въ 1822 г. острогъ былъ перенесенъ къ самой церкви, и мѣсто это получило названіе города Верхоянска, причемъ для управленія округомъ его назначенъ былъ исправникъ. Значеніе Боронука упало сразу и, вѣроятно, безвозвратно; но едва-ли и до сихъ поръ не приходится сожалѣть о немъ, какъ о мѣстѣ болѣе высокомъ на берегу р. Яны и представляющемъ несомнѣнное преимущество передъ ямой, въ которой расположенъ такъ называемый городъ, то есть два—три десятка разбросанныхъ юртъ, съ озеромъ по срединѣ, заражающимъ воздухъ своимъ зловоніемъ и носящимъ мѣстное названіе—*йкь-баяга-ль*—«море мочи»!

О судьбѣ вилюйскихъ и алданскихъ Якутовъ мнѣ лично не пришлось слышать мѣстныхъ преданій.

III.

Устройство жилищъ—зимнихъ и лѣтнихъ. Пища. Угощенія. Посуда. Одежда и оружіе.
Экипажи и сбруя.

Во всей Якутской области, въ мѣстахъ поселенія Якутовъ не найти ничего похожаго на русскія деревни или хотя-бы бурятскія; юрты одна отъ другой на версты, десятки и даже сотни верстъ, и нѣсколько отличаются въ этомъ отношеніи только тѣ наследи, гдѣ построены церкви и инородческія управы. Около этихъ зданій группируется до десятка юртъ, и въ нихъ проживаютъ несущіе какую-либо службу при церкви и управѣ: трапезникъ, сторожа, писаря и пр.; но и тутъ не соблюдается порядка построекъ: всякій ставитъ свою юрту, гдѣ ему удобнѣе, не заботясь объ улицѣ. Внѣшній видъ жилищъ не измѣняется ни отъ какого сосѣдства, кромѣ жилищъ богатей, строящихъ свои дома на манеръ русскихъ. Лѣтники и зимники ничѣмъ между собой не разнятся. Зимникъ, какъ сказано, строится въ мѣстахъ луговыхъ, по преимуществу на островахъ. Для построекъ выбирается площадь не болѣе 20-ти кв. саж., обносится городьбой съ воротами съ восточной стороны; отъ воротъ на 10 саж. внутрь двора ставится юрта, тоже съ дверью на востокъ. Средняя величина площади юрты не болѣе 3¹/₂ кв. саж. Юрта строится слѣдующимъ образомъ: на аршинъ глубины вкапываютъ наклонно внутри четыре краеугольныхъ столба, которые соединяются между собой поперечными балками; стѣны ставятъ стоймя изъ такихъ-же бревенъ, прислоня ихъ къ поперечнымъ; съ южной и сѣверной стороны ставятъ еще по одному столбу,

выше краеугольных; на нихъ кладется средняя матица и отъ этой послѣдней къ В. и З. идетъ на два ската настланная крыша. На строевой матеріалъ употребляется преимущественно лиственница. Въ стѣнахъ прорубаютъ до 8 оконъ, каждое въ 2 или 3 кв. четверти. Сверху настланнаго бревенчатаго потолка стелютъ сѣно, мохъ, кору и засыпаютъ землей, толщиной въ четверть; стѣны обмазываются глиной, а потомъ сырымъ коровьимъ пометомъ; снаружи вокругъ стѣнъ курты богатые устраиваютъ завалины, набитыя землей, а бѣдные обходятся и безъ нихъ. Въ окна вставляютъ зимой льдины. Посреди курты, болѣе къ сѣв. сторонѣ, устраивается каминъ съ прямой трубой въ крышу, устьемъ къ западу. Основаніе для камина дѣлается изъ глины, набитой въ квадратный ящикъ; стѣнки камина дѣлаются изъ стоячихъ кольевъ, проходящихъ въ крышу, которые тоже обмазываются глиной. Каминъ съ западной стороны непременно имѣетъ отъ потолка навѣсъ, что называется чарапчи; къ этому навѣсу придѣлывается полка для кухонной посуды, для сушки рукавицъ, шапки и пр. Недалеко отъ этой полки подвѣшивается къ потолку, передъ каминомъ, деревянная рѣшетка для просушки платья; рѣшетка эта называется далбырь; на ней оттаиваютъ также убитую дичь, тутъ-же хранится оружіе, кромѣ ножа и огня, съ которыми Якуты никогда не разлучны. Вдоль южной стѣны курты у богатыхъ дѣлается глухой оронъ (т. е. нара), раздѣляющійся на три отдѣленія: ближайшее къ двери солана-оронъ предназначается для посѣтителей, не пользующихся уваженіемъ, второй—орто-оронъ для посѣтителей средняго почета и третій—унга-оронъ для гостей почетныхъ. По западной сторонѣ идетъ тоже оронъ съ двумя отдѣленіями, отгороженными глухими стѣнками отъ смежныхъ. Юго-зап. оронъ называется биллирикъ: онъ служитъ спальней для дѣвицъ семейства. Устраивается онъ нѣсколько иначе; онъ отгораживается на глухо отъ соседнихъ и завѣшивается во время сна ситцевой или шелковой занавѣской; столбы этого биллирика раскрашиваются разными красками, а занавѣска расшивается бисеромъ. Надъ биллирикомъ снаружи устраивается—холлорукъ—полка съ образами, которые ставятся въ рядъ, и передъ каждымъ образомъ свѣчка, зажигаемая въ праздникъ или пріѣздъ почетнаго гостя. На юго-зап. колоннѣ виситъ численникъ-календарь, или, какъ они называютъ, табыль-никъ, святца, а чаще кюнь-агагаръ. О различныхъ формахъ этихъ календарей мной упоминается особо. Календари эти весьма распространены, пользуются особымъ уваженіемъ и потому висятъ около иконъ. Надъ биллирикомъ-же втыкаются перья вновь прилетѣвшихъ изъ теплыхъ странъ птицъ, а также кости вновь упромышленныхъ животныхъ. Этими Якуты желаютъ выразить радостное привѣтствіе дорогимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ мѣста; мнѣ-же кажется, что это обыкновение свидѣтельствуетъ объ отжившемъ древ-

немъ обычаѣ посвященія языческимъ богамъ первой упромышленной добычи. Рядомъ съ этимъ орономъ, по западной-же сторонѣ, идетъ къ с.-з. еще оронъ, называемый кятягаринь-оронъ; здѣсь обыкновенно помѣщаются сами хозяева; этотъ оронъ приходится противъ устья камина. На сѣверной сторонѣ противъ унга-орона бываетъ небольшой, отгороженный досками чуланъ—югяхъ, гдѣ хозяева въ сундукахъ или шкафахъ помѣщаютъ свое платье, лучшее свое имущество. Рядомъ съ этимъ чуланомъ идутъ еще ороны—хангасъ-оронъ, на которыхъ обыкновенно помѣщаются дѣти и куда переходятъ спать дѣвушки, если въ юртѣ ночуютъ посторонніе. Въ сѣв.-вост. углу дѣлается обыкновенно дверь въ хотонъ. Въ ю.-з. углу, подъ образами, ставится столъ и вокругъ него табуреты—олохъ-масъ. Деревянные полы встрѣчаются только у богатыхъ; у бѣдныхъ полъ въ юртѣ изъ набитой глины. Хотонъ (хлѣвъ) имѣетъ ту-же форму, какъ и юрта, нѣсколько удлиненную, и также обмазывается кругомъ для теплоты. У Якутовъ небольшого достатка скотъ проходитъ въ хотонъ чрезъ жилую юрту; телята содержатся въ самой юртѣ, за каминомъ, въ с.-в. углу. У богатыхъ Якутовъ хотонъ строится или отдѣльно, или смежно съ юртой, но имѣетъ особый входъ со двора; въ такомъ хотонѣ ставится каминъ и опредѣляется особый скотникъ, наблюдающій, чтобъ скотъ не давилъ телятъ, не путался, вообще не портился. Бѣдные не имѣютъ возможности устраивать хотона отдѣльно, не въ силахъ заготовлять для него дровъ; живя-же въ помѣщеніи, отдѣляющемся отъ хотона только стѣной съ пролетомъ для двери, они имѣютъ выгоду пользоваться общимъ тепломъ и, слышавъ шумъ, всегда могутъ предупредить несчастную случайность. Слабосиліе, недостатокъ физическихъ силъ въ борьбѣ съ природою, бѣдность, страшная стужа, юрта изъ плохого лѣсу, холодная зимой и сырая лѣтомъ, трудность добыванія топлива—все эти причины побуждаютъ экономить тепло на сколько возможно, пользоваться имъ нераздѣльно со своимъ скотомъ, взаимно согрѣваясь общимъ дыханіемъ. Шерсть на скотѣ мокнетъ, паршинѣтъ, а люди болѣютъ глазами, грудью, разстройствомъ пищеваренія, покрываются сыпями. Навозъ изъ хотона выбрасывается черезъ окно, отчего вокругъ жилья образуются цѣлыя горы, которыя остаются тутъ-же; съ теченіемъ времени юрта вращается въ гнойную лошину, испускающую всякія зловонія.

Неподалеку отъ юрты строится хоспохъ—подполье съ крышей для сбереженія провизіи. Въ сѣв. части области вмѣсто хоспоха строится передъ входомъ въ юрту особый корридоръ съ чуланами по сторонамъ, о чемъ буду говорить подробнѣе. Къ усадьбѣ Якута принадлежитъ амбаръ, при постройкѣ котораго бревна связываются срубомъ въ замокъ, съ плоской крышей; названіе и способъ постройки цѣликомъ заимствованы отъ Русскихъ; сюда складываютъ запасы одежды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Для лошадей строится

особый навѣсъ—хасса. Слово хасса обыкновенно читается хаха, т. е. по правилу языка два *с* читаются, какъ *н*. Хозяйственные постройки бѣднаго Якута ограничиваются юртой съ пролетной дверью въ хотонъ, въ которомъ стоятъ корова и бычекъ, и только съ приобрѣтеніемъ достатка расширяется домохозяйство: появляется на дворѣ лошадь подъ навѣсомъ, подполье, амбарчикъ и пр.

Якутскій инородецъ, какъ скоро приобрѣтаетъ достатокъ, беретъ себѣ въ домъ работника и работницу, которые подъ присмотромъ хозяевъ исполняютъ домашнюю работу; хозяинъ наблюдаетъ только за исполненіемъ своихъ приказаній по хозяйству, самъ-же, насколько позволяютъ средства и время, пускается въ торговлю или поставки—излюбленное занятіе и мечта каждого изъ нихъ. Якутскій годъ распадается на двѣ половины—лѣтнюю и зимнюю, и наемъ рабочихъ бываетъ на тотъ-же срокъ. Лѣтній періодъ распадается на два: на уборку сѣна и хлѣба; работы этого періода, какъ болѣе трудныя, оплачиваются дороже; зимнія работы ограничиваются уходомъ за скотомъ, рубкою дровъ и возкою сѣна и объѣздами табуновъ. Смотря по зажиточности хозяина, работники или живутъ въ одной съ нимъ юртѣ, имѣя свой отдѣльный уголь—юго-восточный, гдѣ лежитъ какая-нибудь шкура для постели, или живутъ отдѣльно, въ особо отведенной юртѣ; впрочемъ, объ отношеніяхъ зажиточныхъ къ бѣднымъ, хозяевъ къ работникамъ я буду говорить подробно въ особой главѣ.

Весной Якуты перебираются съ острововъ на болѣе высокія мѣста. Лѣтнія юрты хотя и меньше зимнихъ, но воздухъ въ нихъ чище; хотоны—титикъ строятся по возможности отдѣльно; жилыя помѣщенія обмазываются глиной безъ примѣси навоза; ледяныя окна замѣняются рамой съ кусочками стекла или слюды, натянутой сухой брюшиной, кожей нелмы, или промасленной бумагой. Богатые, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ юрты, на востокѣ, ставятъ урасу: конусообразное основаніе (въ видѣ сахарной головы) изъ жердей заплетается для крѣпости внизу въ три ряда сырымъ тальникомъ, что наз. курду, или съ молодой высокой лиственницы снимается кора, которою въ два ряда обкладывается нижняя часть урасы. Весь остовъ покрывается особо приготовленной берестой, состоящей изъ отдѣльных кусковъ, варимыхъ въ горячей водѣ и смазанныхъ березовымъ варомъ; эти отдѣльные куски бываютъ 2-хъ аршинъ длины и въ аршинъ ширины, расшиваются разными узорами, украшеніями и прошвами изъ окрашеннаго конскаго волоса. Внутри урасы, какъ и въ юртѣ, идутъ вокругъ ороны съ подраздѣленіями для гостей и хозяевъ. По правой сторонѣ отъ входа тянутся полки съ лѣтней посудой: чороны, матарчахъ, симирь, ыгасъ; общее названіе этой лѣтней посуды будетъ сыгы-иситэ, такъ сказать лѣтній сервизъ. вмѣсто камина ставится только очагъ, т. е. четырехугольный ящикъ, набитый глиной. Помѣщеніе, куда загоняется конный скотъ для удоя, называется титикъ, о которомъ я упомянулъ выше. Жеребатамъ,

какъ и телятамъ, чтобъ не сосали своихъ матокъ, постоянно подвязываются къ мордѣ двѣ дощечки, по бокамъ морды, съ зубчатыми концами—юре; траву щипать это юре не мѣшаетъ. Городьба вокругъ юрты и для скота бываетъ троякая: 1) с юл люгасъ-к юре или ють-к юре—когда вкапываются столбы съ вырубленными отверстіями для поперечныхъ въ три ряда жердей; 2) то-госо-к юре, когда вмѣсто столбовъ вбиваются въ землю кольца парами, перевязанными въ трехъ мѣстахъ, куда и вкладываются жерди, и 3) батуду-к юре—изъ колевъ, поставленныхъ парами крестообразно, на которые и кладутся поперечины.

Среди Якутовъ есть особый классъ неимущихъ людей; имя имъ въ якутскомъ округѣ—балыксы, а въ верхоянскомъ—итимджи. Слово балыксы происходитъ отъ слова балыкъ—рыба. Люди эти питаются исключительно мелкой рыбой, которую ловятъ въ озерахъ, построивъ на берегу жалкую лачужку; у него нѣтъ никакого хозяйства; ему ничего не надо для приправы этой рыбы; зола, въ которой онъ хранитъ рыбу, замѣняетъ ему соль; брусника дополняетъ необходимую для организма кислоту. Зимой, за толщиной льда и морозами, уловъ прекращается, и балыксы садятся за плетеніе сѣтей и мордъ изъ тальника и ѣсть заготовленный запасъ гнилой, протухшей рыбы, варя ее въ водѣ вмѣстѣ съ брусникой, и такъ живетъ до половины марта. Затѣмъ дни становятся теплѣе, телячья одежда можетъ бороться съ холодомъ довольно продолжительное время; тогда онъ беретъ пешню, долбитъ ею толстый ледъ, спускаетъ подъ него свою небольшую сѣтку—куюръ, держитъ ее нѣсколько минутъ и вылавливаетъ свѣжую мундушку; день такой ловли, и набирается на дневное пропитаніе семьи. Воздухъ становится теплѣе, и безъ особеннаго риска бѣжить балыксы въ лѣсъ съ салазками за топливомъ. Нѣтъ теперь ему необходимости ѣсть въ проголодь гнилую рыбу; скоро прилетятъ утки, рыба начнетъ метать икру, и уловъ будетъ обильнѣе; утки станутъ нести яйца—лакомое кушанье. Промыселъ на утокъ поправитъ силы бѣдняка и дастъ возможность вымѣнять топоръ и пешню. Розовыя мечты, за предѣлы которыхъ не паритъ фантазія балыксы—завести себѣ корову, чтобъ было дѣтямъ молоко, да за одно, чтобъ можно было привезти на ней изъ лѣсу топливо. Вся утварь юрты балыксы заключается изъ двухъ, трехъ горшковъ, большой самодѣльной изъ дерева чашки, ковшы—х о м ы хъ и рыболовныхъ снарядовъ. Ъдятъ они, садясь вокругъ чашки, черпая изъ нея по очереди. Плодовитостію такія семьи отличаются необыкновенною; въ трехъ, четырехъ юртахъ приходилось насчитывать по 4, 5 и даже 7 дѣтей въ каждой. Балыксы замѣтно отличается отъ прочихъ Якутовъ отекившимъ лицомъ и опухlostію тѣла, скромностію, граничащей съ угнетенностію, но отупѣнію, кретинизма не замѣтно.

Зажиточный Якутъ обзаводится фаянсовой чайной посудой, а богатый не-

премѣнно и серебряными вещами, въ особенности вызолоченными бокалами и подставанниками, подаваемыми въ торжественные случаи. Русская печь встрѣчается рѣдко и только южнѣе Якутска; инородцы не могутъ привыкнуть къ ней: имъ нуженъ каминъ съ его постоянной тягой для обмѣна воздуха, — иначе имъ душно и у нихъ болитъ голова. Только въ домахъ и избахъ русскихъ устроены печи. Чистота соблюдается не во всемъ и не у всѣхъ; посуда никогда не моется; зажиточные могутъ приказать вытереть или вылизать ее; инородцы также не моютъ своего тѣла, исключая рукъ и лица, рубахи не мѣняютъ, пока она не свалится съ плечъ отъ ветхости, и тогда надѣвается другая изъ синей дабы или темной сарпинки. Исключеніе, какъ и во всемъ, для богатыхъ, которые все-таки мыться не любятъ, и баня у Якутовъ не извѣстна.

Потребности обездоленныхъ скудной природой Якутовъ ограничены до послѣдней возможности; болтушка изъ сосновой заболони иногда единственная пища бѣдняка. Конечно, богатые ѣдятъ вареное конское и коровье мясо (безъ соли), рыбу, пьютъ чай «съ кускомъ», т. е. съ ячменной лепешкой, затертой на водѣ, молоко и поджаренной на рожнѣ, пьютъ водку (никогда регулярно, напр. передъ обѣдомъ и ужиномъ), курятъ сколько хотятъ и пр., а бѣдные подбираютъ кости, обглоданныя собаками, и заглушаютъ голодь, затягиваясь до головокруженія стружками, одобренными никотиномъ изъ трубки. Желудокъ Якута волчій: онъ можетъ не ѣсть нѣсколько дней, а при избыткѣ пищи сѣдаетъ неимоверное количество. Я видѣлъ въ Верхоянскѣ Якута, сѣдавашаго заразъ до 20 ф. мяса; имѣя громадную семью, при всемъ стараніи зарабатывать какъ можно болѣе, онъ всегда былъ подъ гнетомъ мучительнаго голода. Сосновую заболонь—бесъ и зерновой хлѣбъ толкутъ въ муку въ ступѣ—кели, сдѣланной изъ свѣжаго коровьяго помета, облиатаго на морозѣ водой, отчего матеріалъ ступы принимаетъ видъ полированного камня. При толченіи, стѣнки обиваются, матеріалъ ступки примѣшивается къ мукѣ, окрашивая ее своимъ коричневымъ цвѣтомъ, что, однако, не смущаетъ голодный желудокъ: онъ варитъ все, что попадаетъ въ него. Я упомянулъ выше, что у инородцевъ не принято мыть посуду. Мыть посуду грѣшно: ырасъ и ситѣтяхъ ыэлъ джоллохъ болбать день сясаргильллярэ эселлярбитъ, т. е. кто имѣетъ чистую посуду, тотъ счастливъ не бываетъ; худо бываетъ, когда смоешь свое счастье, говаривали дѣды въ старину, и за ними повторяютъ и внуки въ наше время.

Во всей жизненной обстановкѣ Якута замѣчается однообразіе; не служить исключеніемъ изъ него и пища; кромѣ того, что она готовится безъ всякихъ приправъ, одна и та-же пища повторяется изо дня въ день всю жизнь: что ѣдятъ въ праздникъ, то-же самое и въ будни. Вообще пища малопита-

тельна и безвкусна, за исключеніемъ конскаго, коровьяго, оленьяго мяса и дичи. Пища состоятельныхъ болѣе разнообразна. Только въ дни необычайной крайности инородецъ не пьетъ чаю. Употребляется чай обыкновенно кирпичный, не менѣе трехъ разъ въ день; пьютъ его съ молокомъ, если оно ость, а съ сахаромъ только богатые и въ торжественныхъ случаяхъ. Общее употребленіе чаю объясняется легкостію его приготовленія и доступностію въ цѣнѣ; для бѣдняковъ, при отсутствіи горячей пищи, при жестокихъ морозахъ, чай—сущее благодѣяніе. Бѣдняки, т. е. большинство, пьютъ чай только по названію. Кирпичный чай наркотическихъ свойствъ имѣетъ очень мало, и завариваютъ его въ такомъ незначительномъ количествѣ, что на долю одного человѣка приходится не болѣе 2-хъ кирпичей въ годъ, каждый кирпичъ вѣсомъ до 2¹/₂ ф. Варятъ чай, кто въ мѣдномъ чайникѣ, а кто и въ горшкѣ; получается невкусная жидкость, которую пьютъ въ огромномъ количествѣ, отчего животъ переполняется и получается нѣкоторое опущеніе сытости. Необходимый для Русскаго хлѣбъ замѣняется у Якутовъ таромъ. Заготовленіе и цѣна тара обусловливаетъ существованіе Якута. Таръ готовится изъ снятаго варенаго молока, обратившагося въ простоквашу, которое сливаютъ въ ушаты, вмѣщающіе до 20 пудовъ. Ушаты помѣщаютъ въ подпольяхъ, а чаще въ амбарахъ. Здѣсь молоко киснетъ въ теченіе всего лѣта и приобретаетъ остроту. Всякій Якутъ, имѣющій одну или двѣ коровы, старается скопить какъ можно больше тара; нескопившій остается на зиму безъ пищи. Одна корова даетъ до 12 пудовъ тара въ лѣто, что оцѣниваютъ въ 7 рублей. Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу снѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его сѣвжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій таръ изъ ушатовъ. Когда таръ станетъ замерзать, то въ него нѣсколько наклонно опускаютъ большую палку, посредствомъ которой потомъ выворачиваютъ его изъ посуды, когда онъ совершенно замерзнетъ; въ такихъ кускахъ замороженный таръ и хранится, а когда нужно, отбиваютъ отъ него необходимую часть. Бѣдняки бросаютъ въ таръ кости лошадиныя, коровьи, рыбы, объѣдки, дикій щавель, рубленую и вареную сосновую заболонь. Пролежавшія въ кислотѣ кости превращаются въ мягкій хрящъ. Бывали случаи, что Якуты бросали въ этотъ таръ и желтые листья капусты, выброшенные Русскими за ненадобностію, но Якуты не одобрили, когда одна усердная хозяйка бросила туда и картофельную ботву. Вообще Якуты не признаютъ за съѣдомое картофель и другія овощи русской кухни. Лучшимъ таромъ считается совершенно бѣлый, безъ всякихъ примѣсей. Изъ этого тара готовится каша; на одного человѣка берутъ фунтъ или два тара, бѣдные разбавляютъ его тремя или четырьмя фунтами воды (или воды

съ молокомъ), а богатые неснятымъ молокомъ съ прибавкою сливокъ; подмѣшиваютъ отъ $\frac{1}{4}$ до 1 фунта ячменной муки; все это взбалтывается въ горшкѣ, варится, и получается кушанье—каша. Если въ тарѣ вмѣсто хлѣбной муки подмѣшать вареной сосновой заболони, нарубленной въ лапшу, тогда получится такъ наз. юэра. Подмѣшивается также въ тарѣ мелко истолченный, высушенный корень болотнаго растенія уньюла; корень этого растенія собираютъ въ маѣ и іюнѣ со дна озеръ. Столовая ложка этого корня на 5 ф. разбавленнаго тара сгущаетъ эту жидкость на столько, что образуетъ кисель съ сладковатымъ крахмалистымъ вкусомъ; корень этотъ, положенный въ большемъ количествѣ, возбуждаетъ рвоту. Ясно, что сдабриваніе разбавленнаго водой тара этимъ корнемъ производится съ цѣлью обмануть желудокъ, требующій густой питательной пищи. Однимъ изъ любимыхъ якутскихъ кушаній почитается саламатъ, т. е. каша изъ муки, заваренной густо на молокѣ или водѣ; мука размѣшивается и сваренное обливается топленнымъ масломъ. Лучшій саламатъ, подаваемый на свадьбахъ и трудно больнымъ, готовится на сковородѣ; наливаютъ сливочки, подмѣшиваютъ муки и, постоянно размѣшивая, поджариваютъ на небольшомъ огнѣ. Конское мясо слишкомъ дорого для бѣдняка, и составляетъ рѣдкое лакомство. Вообще Якуты ѣдятъ мясо вареное и никогда жареное; наваръ отъ мяса ѣдятъ неохотно. Плавающий въ наварѣ жиръ снимаютъ и въ него макаютъ куски мяса, которое ѣдятъ руками. Остальной наваръ отдаютъ работникамъ. Бѣднякамъ рѣдко достается ѣсть мясо и чаще лѣтомъ, когда больше возможности упрямслить дичь. Хотя мясо разрѣзается на столѣ, но Якутъ, взявъ отдѣльный кусокъ въ ротъ, отрѣзаетъ отъ него ножомъ у самыхъ губъ и всегда такъ ловко, что никогда не обрѣжется своимъ острымъ ножомъ. Возвращусь еще къ кашамъ. Если въ разбавленный таръ кладется заболонь въ порошокъ, то получается бутугасъ. Также къ вареному коровьему молоку подбавляютъ таръ или хлѣбную корку и оставляютъ киснуть; комки разбиваютъ особымъ снарядомъ—мутовкой; къ такому кушанью добавляютъ сливочки, и получается якутское гастрономическое угощеніе—сора. Ёдятъ очень охотно мерзлую рыбу, обыкновенно большую, преимущественно стерлядь, чирь, снявъ кожу съ которой строгаютъ и получается струганина; изъ морской рыбы, еще не проголодавшейся въ рѣкѣ, струганина очень вкусная и приятно освѣжающая пища. Замороженная печень налима и мороженые мозги изъ костей млекопитающихъ, въ особенности оленя, составляютъ лакомое кушанье. Коровье мясо дороже конскаго и потому употребляется только зажиточными. Кровь, смѣшанная съ молокомъ, налитая въ кишки, даетъ колбасу—ханъ, любимую Якутами. Всѣ части рогатой скотины, конины и рыбы поѣдаются съ удовольствіемъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ; кости, мозги костей, копыта обглаживаются съ наслажденіемъ, но никогда даже вѣчно

голодный бѣднякъ не рѣшится съѣсть головной мозгъ животнаго—соратъ-мьян. Въ посты религіозные Якуты изъ зажиточныхъ ѣдятъ обыкновенно рыбу, преимущественно карасей, привозимыхъ изъ вилуйскаго округа, лией—мундушку. Припомнимъ о балыксахъ, которые въ теченіе всего теплаго времени занимаются ловлей этой рыбы и складываютъ ее въ ушаты, а чаще прямо въ ямы, гдѣ, слежавшись, она заквашивается и до того пріобрѣтаетъ противный гнилостный запахъ разложенія, что за нѣсколько верстъ можно опредѣлить его; такимъ образомъ заквашенная рыба называется сьма и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ колымскаго округа совершенно замѣняетъ тарь. Сьма раздѣляется на три сорта; изъ нихъ лыма считается лучшимъ. Варятъ эту рыбу, какъ тарь, разбавляя водой съ примѣсью заболони и ягодъ. Запахъ этого кушанья невыносимъ для непривычнаго обонянія, буквально, на нѣсколько верстъ. Питанье сьмой, а также прокисшей и сырой рыбой развиваетъ хроническое расстройство желудка и почти поголовное страданіе солитеромъ, доводящимъ несчастныхъ до бѣшенства. Мнѣ приходилось слышать объясненіе громаднаго процента сумасшествія жителей Якутской области страданіемъ отъ солитера. При нѣкоторой настойчивости со стороны мѣстной администраціи можно было бы вывести вредный способъ гноенія рыбы въ ямахъ, введя копченію и правильный засолъ, что потребуетъ отъ казны отпуска соли въ большемъ количествѣ и продажи ея по удешевленной цѣнѣ. Кемпендейскіе ключи и залежи соли близъ Вилуйска дадутъ въ изобиліи прекрасную каменную соль. Копченію вводилось въ колымскомъ округѣ бывшимъ исправникомъ Кочаровскимъ. Слѣдуетъ добавить, что ямы съ гноющейся рыбой едва прикрываются, какъ отъ атмосферныхъ вліяній, такъ и отъ посѣщенія собакъ, не стѣсняющихся оставлять слѣды своихъ посѣщеній. Замороженные корни черноголовника (ымыа—*sanguisorba alpina*, Bunge) употребляются въ пищу подъ названіемъ быта. Эти корни берутъ изъ норъ полевыхъ мышей, которыя запасаютъ ихъ на зиму; въ одной норѣ находятъ ихъ до 7 фунтовъ; ѣдятъ сваренными въ молокѣ. Замороженные ягоды толокнянки (*arbutus uva ursi*) ѣдятъ со сливками. Кумысъ, кобылье молоко, заквашенное особымъ способомъ, нѣсколько пряное, но не опьяняющее, любимое питье, доступное только богачамъ. Бѣдняки разбавляютъ тарь водою и получается унданъ—напитокъ кисленькій, но не имѣющій ни пряности, ни крѣпости, свойственной кумысу. Санга¹⁾ пріготавливается изъ варенаго молока, разбавленнаго ледовой водою; употребляется исключительно для утоленія жажды. Большинство Якутовъ не ѣстъ свинины и куръ по той простой причинѣ, что онѣ, копаясь въ навозѣ, становятся сами отъ того нечистыми. За грѣхъ считаютъ ѣсть аистовъ, зайцевъ и всякую болот-

¹⁾ Нг произносится вмѣстѣ, въ носъ.

ную птицу. Мясо лебедя также ѣсть нельзя; по повѣрью, лебедь былъ когда-то дѣвицей, которую злой духъ превратилъ въ птицу; доказательствомъ такого превращенія служить то, что лебедь имѣетъ очищенія, оставляя въ началѣ каждаго луннаго мѣсяца слѣды ихъ въ своемъ гнѣздѣ. Хлѣбъ Якуты очень любятъ, но по дороговизнѣ муки, въ особенности въ сѣверныхъ округахъ, приобрѣтеніе ея является просто невозможнымъ; напр., въ колымскомъ округѣ пудъ казенной ржаной муки съ провозомъ обходится до 9 р. 50 к. Ближайшіе къ Якутску инородцы покупаютъ печеный хлѣбъ на базарѣ; сами же пекутъ лепешки, замѣшивая муку въ маслѣ и сметанѣ, безъ соли, что называется оладьи, кулумки. Изъ овощей ѣдятъ картофель, капусту, морковь, рѣпу, рѣдьку, горохъ и свеклу, но не у себя дома, а у Русскихъ; сами же овощей не разводятъ и не покупаютъ. Дикій лукъ—черемша употребляется въ заквашенномъ видѣ, въ очень большомъ количествѣ и называется кисломъ—хорошее предупреждающее средство противъ цынги. Бруснику Якуты ѣдятъ во множествѣ сырую, вареную съ таромъ, съ молокомъ и со сливками, какъ особенное лакомство. Грибовъ Якуты не ѣдятъ вовсе. Землянику и толокнянку (костянику) ѣдятъ съ молокомъ и со сливками, какъ лакомство. О пищѣ, употребляемой инородцами, мнѣ еще придется говорить нѣсколько разъ, передавая свои впечатлѣнія при разѣздахъ по области.

Какъ угощеніе, якутскіе инородцы подаютъ тѣ-же кушанья, какія можетъ приготовить хозяинъ по своему достатку. Кромѣ перечисленныхъ выше назову еще хаяхъ: на пудъ молока, разбавленнаго таромъ, влиается 5—10 ф. сливочнаго масла; все это тщательно размѣшивается и замораживается. Если же въ молоко не добавлять тара, а масла положить меньше и не замораживать, то получится кушанье, называемое кеберъ. Лѣтомъ первымъ угощеніемъ считается кеерчахъ, приготовляемый изъ взбитыхъ сливокъ съ добавленіемъ мороженой брусники или толокнянки; сбиваются сливки особымъ снарядомъ, отъ котораго получило свое названіе и самое кушанье. Самымъ почетнымъ угощеніемъ считаются оладьи, обильно политыя масломъ, топленое масло, кумысъ съ плавающими кусочками топленнаго масла, а самымъ высшимъ угощеніемъ — водка, безъ всякой закуски.

Необходимая посуда для каждой якутской семьи средней зажиточности слѣдующая: деревянная чашка — кытыя; тарелка деревянная, мѣдная луженая, оловянная или желѣзная, какъ блюдо; большая деревянная чашка — кытахъ; большой деревянный кубокъ на ножкахъ — чоронъ, сельлахъ-аяхъ, такой-же кубокъ безъ ножекъ — матарчахъ (чороны вырѣзаются изъ цѣлаго куска дерева до $1\frac{1}{2}$ арш. высоты; ножки вырѣзаются въ видѣ конскихъ копытъ; на такихъ-же ножкахъ ставятся столы и табуреты); берестяныя ведра — сылгы-чабычага и кожаныя — шири-иситъ, различной во-

личины, для кумыса; мѣхъ кожаный для приготовленія кумыса — симирь; ложка изъ березонаго или лиственничнаго дерева — хамыяхъ; плоскій ковшъ — холбуаръ — для сниманія сливокъ; горшки глиняные разной величины — кесъ; деревянный ковшъ — хомость, котлы — солуръ, чайники мѣдныя, желѣзные и глиняные. У болѣе зажиточныхъ встрѣчаются чайныя чашки, тарелки, ножи и вилки, самоваръ и др. посуда, употребляемая ими только при русскомъ гостѣ, или когда желаютъ щегольнуть своимъ умѣньемъ жить на русскій манеръ. Простая деревянная посуда вырѣзается Якутами дома; также есть мастера ковать желѣзную и мѣдную посуду; остальное все привозится въ область изъ европейской Россіи и продается по чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Одежда Якутовъ-мужчинъ мало разнится отъ одежды Якутокъ, причѣмъ взрослые Якуты носятъ одежду того-же покрою, что дѣти и старики, а одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ дѣвичьей и той, которую носятъ старухи.

Лѣтняя одежда отличается отъ зимней только тѣмъ, что нѣкоторые предметы шьются безъ мѣха, тогда какъ другія части ни въ какое время года не мѣняются, а потому при описаніи мужской и женской одежды будетъ указано, что мѣняется по времени года и что вовсе не мѣняется.

Мужская одежда.

Мужчины носятъ зимой и лѣтомъ этярбасъ (въ Якутскѣ называютъ торбаза), обувь до колѣна, у бѣдныхъ изъ выдѣланной сырмятной коровьей кожи, у богатыхъ изъ оленьей или лосиной съ отворотами изъ плиса или сукна; у щиколотки торбаза стягиваются ремнемъ на пряжкѣ, всегда пришитой сзади, выше пятки. Лѣтомъ та-же обувь носится изъ выдѣланной, черненой, непромокаемой конской кожи, причѣмъ изъ цѣлой большой кожи вырѣзается отъ паховъ задней части полоска шириной не болѣе аршина, а длиною не болѣе 2-хъ аршинъ, изъ которой выходитъ одна пара обуви — сары. Сырая кожа по снятіи съ животнаго раздѣляется на двѣ: одна изъ нихъ съ шерстью идетъ на постилки — теллякъ, а нижняя часть, прилегающая къ мясу, идетъ на эти сары. Конскія сары, хорошо сшитыя, не пропускаютъ сырости, и лучшими считаются верхоленской выдѣлки. Іѣдняки, не имѣя возможности приобрѣсти сары, круглый годъ ходятъ въ коровьихъ торбазахъ, по большей части даже недымловыхъ. Если торбаза доходятъ выше колѣнъ, то называются кюрмя. У такихъ кюрмя съ наружныхъ сторонъ придѣлываются ремни въ поясу, чтобы не опускались.

Кятенчи, теплые чулки изъ оленьей шкуры, шерстью внутрь; они надѣваются сверхъ суконныхъ или шерстяныхъ чулокъ; сверхъ кятенчи нѣкото-

рые обортываютъ ноги еще заячьей шкуркой слѣдующей формы: берется въ аршинъ длиной и четверть ширины заячій мѣхъ и складывается такъ, чтобы одинъ конецъ четверти на $1\frac{1}{2}$ былъ длиннѣе, сшивается только носокъ, куда вкладывается нога до подъема; длинный конецъ закрываетъ подошву, пятку и выше — такая обувь называется куллука.

Баркы — нижніе штаны, широкіе, завязываются ремешкомъ на правомъ боку; шьются изъ синей дабы или другой плотной бумажной матеріи. Болѣе бѣдные, не имѣя баркы, ходятъ круглый годъ въ штанахъ изъ телачьей кожи. Настоящіе якутскіе штаны состоятъ изъ двухъ частей: нижніе — сутуро доходятъ до щиколотокъ, гдѣ завязываются плотно около ноги, сверхъ нихъ надѣваются другіе, идущіе отъ пояса до колѣнъ, это — сѣлья; они шьются съ поясомъ и застегиваются пуговицей спереди ¹⁾. Сутуро и сѣлья шьются изъ оленьей или лосиной кожи, очень узко, почти въ обтяжку. Эта часть костюма общая у всѣхъ Якутовъ безъ различія пола и возраста; носятъ въ торбаза.

Урбахы (рубаха) шьются изъ дабы, ситца, сарпинки. Даба употребляется синяя, ситецъ — полосатый яркихъ цвѣтовъ, а сарпинка темная въ клѣткахъ. Фасонъ сорочки: воротникъ отложной и у запястья обшлагъ съ отворотами обтягиваетъ руку на пуговицахъ; воротъ по преимуществу завязывается пестрыми тесемками; наплечья дѣлаются изъ другой матеріи и пришиваются другими нитками. Бѣдняки вовсе не имѣютъ рубахъ, нося круглый годъ куртку изъ телачьей шкуры, пока не износится. Урбахы усвоено Якутами въ послѣднее время отъ Русскихъ.

Халтысъ (русскій галстухъ) носятъ только богатые. Онъ свортывается изъ пестраго ситцеваго или шелковаго платка.

Шелочикъ (жилетъ) шьется изъ сукна, плиса и цвѣтной шелковой матеріи, двубортный, короткій, съ отложнымъ воротникомъ; пуговицы предпочитаются металлическія, въ особенности офицерскія — съ царской птицей. Спинка дѣлается изъ краснаго ситцу или же изъ зеленой, голубой или пунцовой китайской матеріи.

Купайкы (фуфайка), кафтанъ изъ сукна до колѣнъ; идетъ на него 3 аршина; дѣлается онъ также изъ плиса или бумажной матеріи; зимой — на мѣху, чаще заячьомъ; называется также хомуссолъ — камзолъ; лѣтомъ — на легкой подкладкѣ, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, односторонний; пуговицы на правомъ боку и металлическія; по бокамъ косые разрѣзы кармановъ; рукава на плечахъ съ высокими и широкими сборками, у кистей рукъ узки; составляетъ обыкновенный домашній костюмъ.

¹⁾ Миддондорфъ указываетъ, что дѣленіе штановъ на двѣ части практикуется и теперь у сѣверо-американцевъ, подъ мѣткимъ названіемъ leggin, и въ центральныхъ горахъ Европы — Beinhöse и Gasshöse.

Ба ччы — набрюшникъ, носится зимой и представляет собой поясъ шириной спереди до 5 вершковъ, дѣлается изъ какой-либо бумажной матеріи на заячьемъ мѣху; концы сходятся спереди на ремняхъ съ пряжками.

Сонъ — шуба на лисьемъ, песцовомъ, бѣличьемъ, а чаще на заячьемъ мѣху, ниже колѣнъ, покрывается сукномъ (4 арш.), шелковой матеріей, а чаще атласомъ; односторонняя съ металлическими пуговицами, преимущественно серебряными съ узорами; съ косыми карманами, бобровымъ или лисьимъ воротникомъ; вообще покрой тотъ-же, что и купайки, только длиннѣе и шире, походитъ на длинный сюртукъ, у котораго сзади три широкія складки и разрѣзъ, такъ что фалды при ходьбѣ сзади расходятся — очевидно приспособленъ для верховой ѣзды. Рукава у плечъ буфами, а у кистей рукъ узки и безъ обшлаговъ. Лѣтніе и зимніе соны разнятся между собой подкладкой: у первыхъ — легкая цвѣтная, у вторыхъ — мѣховая. Якутъ средней зажиточности замѣняютъ бобровую отдѣлку тарбаганьимъ мѣхомъ.

Супунъ (зипунъ) — верхняя одежда, длиннѣе купайки и короче сона; шьется изъ толстаго сукна бѣлаго или желтаго; носится инородцами средняго достатка, какъ верхняя одежда вмѣсто сона, а богатыми поверхъ сона.

Сыгынъяхъ — такая-же шуба, какъ и сонъ или супунъ, только безъ складокъ сзади; шьется на мѣху изъ рысьихъ, волчьихъ или оленьихъ шкуръ, шерстью наружу. Рысій мѣхъ цѣнится Якутами очень дорого, а потому носится только щеголями изъ богатыхъ.

Кемюсъ-куръ — поясъ, большею частію кожаный, иногда обтянутъ чернымъ плисомъ и унизанъ бляхами разныхъ рисунковъ. Для выдѣлки бляхъ скупаютъ старыя серебряныя монеты, добавляя къ серебру свинецъ или мѣдь. Поясъ бываетъ шириной 2½ верш. и вѣсомъ до 2½ фунтовъ. Есть старинные пояса очень изящной работы, цѣною до ста рублей, передаются изъ поколѣнія въ поколѣнія и составляютъ семейную рѣдкость. Нѣкоторые носятъ пояса, приготовляемые въ Иркутскѣ изъ пекинскаго шелку; они бываютъ шириной до 16 вершковъ и длиной до 5½ аршинъ. Цѣна такимъ поясамъ отъ 30—35 рублей.

Мойтурукъ (боа) носится кругомъ шеи и, когда намерзнетъ отъ дыханія около рта, то передвигается, для чего и шьется круглымъ, безъ концовъ. Приготавливается обыкновенно изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Биристянки — перчатки на мѣху до пальцевъ, стягиваются у запястья шнуркомъ, надѣваются въ дорогу подъ перчатки, или носятъ при работахъ, когда пальцы должны быть свободны, напр. женщинами при домашней работѣ.

Ютюлюкъ — рукавицы на мѣху изъ песцовыхъ, лисьихъ и заячьихъ шкурокъ. Наружная часть тоже мѣховая и только внутреннія части ладоней

дѣлаются изъ ровдуги, плису или сукна. Чтобы не снимать рукавицы при работѣ, не потерять ея и не зазнобить рукъ у пульса, рукавица снимается только на половину, для чего съ внутренней стороны дѣлается разрѣзъ, въ который и просовывается рука, а рукавица остается висѣть на рукѣ. Нарядныя рукавицы расшиваются снаружи шелками, шьются изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ, опушаются морскимъ бобромъ и стоятъ иногда свыше 30 рублей. Лѣтомъ употребляются рукавицы и перчатки изъ бѣлой и дымленой ровдуги, расшитыя шелками. Бѣдняки круглый годъ носятъ рукавицы изъ телячьей кожи.

Сынгахъ-плата — платокъ, которымъ подвязываются уши, — ситцевый или шелковый, по степени зажиточности.

Набушка (наушники) — два лоскута, соединенные на головѣ тесьмой, подвязываются у подбородка; дѣлаются на мѣху, а старинные расшивались золотомъ и опушались, напримѣръ въ колымскомъ округѣ, морскимъ котикомъ.

Чомпой или хорохъ — высокая шапка, похожая на чепецъ съ высокой макушкой, съ наушниками. У богатыхъ верхъ чомпои шьется изъ лапъ чернобурыхъ лисицъ и опушается бобромъ, завязывается у подбородка шелковыми лентами. Подкладка дѣлается большей частью изъ бѣличьяго мѣха. Такія шапки стоятъ до 80 рублей. Бѣдняки носятъ такія-же шапки, но изъ какой-либо бумажной матеріи и на заячьемъ мѣху или-же изъ мятой конской кожи.

Хортусъ (картузь) заимствованъ у казаковъ николаевскихъ временъ; это — суконная фуражка съ кожанымъ козырькомъ и даже проводочнымъ кружкомъ, чтобы дно сохраняло свою форму и не сгибалось. Къ околышу сзади всегда пришивается петля-вѣшалка, называемая ыиръ-тимяхъ.

Кромѣ одежды есть вещи, съ которыми Якутъ никогда не расстается, а именно:

Хамса, маленькая желѣзная или мѣдная трубка съ деревяннымъ, изъ двухъ продольныхъ половинокъ, чубукомъ, перевязаннымъ тонкимъ ремешкомъ.

Сапья — кисетъ съ табакомъ, изъ кожи или цвѣтной матеріи, расшивается шелками, бисерами, носится на шнуркѣ за поясомъ.

Халабыссъ — кошелекъ для денегъ; у бѣдныхъ дѣлается изъ монетки пороza (тасахъ).

Хататъ — огниво, похожее на бурятское, обдѣлывается въ кожу такъ, что при немъ есть карманчикъ, куда кладется кремь и труть. Дорогое огниво украшается мѣдными или серебряными бляхами. Труть готовятъ Якуты изъ листовъ травы кыѣ, похожей на лебеду; траву эту сушатъ и мнутъ, и кыѣ одинаково хорошо тлѣетъ, какъ и наросты березы.

Кыннахъ-бысахъ — ножъ съ ножнами. Ножикъ съ рукояткой; правая сторона лезвія наточена подъ острымъ угломъ, а лѣвая — подъ прямымъ,

на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Деревянные ножны обтягиваются кожей, чаще съ коровьяго хвоста, украшаются и скрѣпляются мѣдными связками и снабжены кольцомъ, чтобы привѣшивать къ поясу; но обыкновенно ножикъ неизмѣнно носится за голенищемъ торбаза (см. Миддендорфъ: Коренные жители Сибири Якуты, стран. 778).

Юнгю — желѣзное копые на древкѣ аршина 2 съ небольшимъ; имъ колютъ оленей при переправѣ черезъ рѣку осенью.

Батасъ — огромный желѣзный ножъ, насаженный на толстое древо; употребляется при охотѣ на медвѣдя. Тотъ-же ножъ меньшаго размѣра называется батая.

Винтеппя-са — винтовка съ кремневымъ замкомъ; пули употребляются величиной въ крупную горошину. Самое употребительное оружіе Якута; съ нимъ онъ ходитъ и на птицу, и на звѣря.

Дюлюкъ-масъ — дубина, аршина въ полтора, съ большимъ набаддашиникомъ, въ родѣ кистеня; этой дубиной охотники добываютъ звѣря и рыбу. Въ юртѣ она виситъ около камина на вѣшалкѣ — одараяхъ.

Я не помню, видѣлъ-ли я инородца безъ кольца или перстня на рукѣ. Перстень непременно именной, но въ большинствѣ случаевъ буквы вырѣзаны прямо, такъ что при отпечатаніи даютъ обратныя изображенія. Совершенно неграмотный Якутъ умѣетъ иногда подписывать свою фамилію или прикладываетъ свою печать или перстень, покоптивъ его берестой, которую носить въ карманѣ. Золото Якуты цѣнятъ мало: въ ихъ глазахъ оно похоже на мѣдь и томпакъ; но серебро они любятъ, и всѣ ихъ металлическія драгоценности дѣлаются ими изъ серебра, къ которому добавляють мѣдь или свинецъ.

Якуты среднего достатка замѣняютъ тонкое сукно на своемъ платѣ толстымъ, желтымъ или бѣлымъ, но никогда сѣрымъ, напоминающимъ имъ ненавистнаго поселенца.

Женская одежда:

Урбахы — такая же, какъ у мужчинъ, только длиннѣе.

Сѣлья — штаны изъ ровдуги, дабы или другой матеріи, зимой на заячьемъ мѣху; собираются у пояса на шнурокъ и завязываются на правомъ боку; достигаютъ половины верхней части ноги; спереди къ нимъ пришиваются два мѣдныхъ кольца (тербясъ) и къ этимъ-то кольцамъ подвязывается продолженіе ихъ, другіе штаны — сутуро.

Сутуро подвязывается къ сѣлья ремнями — мѣннѣрыкъ-кятенчи; они тѣ-же, что у мужчинъ.

Куллука — такая же, какъ у мужчинъ.

Считается красивымъ и изящнымъ, если у женщины нога отъ ступни до колѣна толстая, а потому всѣ онѣ обертываютъ ноги на сколько можно толще, такъ что ноги кажутся какими-то тумбами, а маленькія ступни кажутся еще меньшими.

Баччы—набрюшникъ, какъ у мужчинъ.

Корсетъ—кофта безъ рукавовъ, изъ сукна, шелковой или другой, по средствамъ, матеріи, двубортная, съ металлическими пуговицами, косыми карманами, длиной не доходить до колѣнъ.

Бобра-буктахъ—то-же верхнее платье, что у мужчинъ сонъ, только наряднѣе, кроется шелковой цвѣтной матеріей. Воротникъ и правая пола обшиваются бобромъ, шириной въ четверть; рядомъ съ опушкой идетъ въ четверть ширины полоска изъ алаго, красного или зеленого сукна; у подола эта полоска въ $\frac{1}{2}$ арш. ширины и унизывается кругомъ серебряными коваными бляхами. Такая шуба стоитъ иногда до 700 рублей и переходитъ изъ рода въ родъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Люди меньшаго достатка не обшиваютъ мѣхомъ и серебромъ, ограничиваясь цвѣтной каймой.

Кемюсь-куръ, шолко-куръ—серебряный или шелковый поясъ, какъ у мужчинъ, только наряднѣе; бляхи большаго размѣра, числомъ болѣе и тщательнѣе по отдѣлкѣ.

Кыльдзы и бегехъ—серебряное массивное кольцо, надѣваемое на шею; отъ него по груди до пояса идетъ бахрама—илинь-кябисярь—изъ 20-ти серебряныхъ цѣпной; бегехъ—серебряные браслеты, въ родѣ манжетъ, шириной до 3-хъ вершковъ; такой-же рядъ цѣпной, спускающихся отъ шейнаго кольца по спинѣ, называется хабаргасимяга.

Сапанъ—брошка, большая серебряная четырехугольная запонка, застегивающая воротъ рубахи; такія-же маленькія застегиваютъ обшлага рукавовъ.

Ытарга—серебряныя серьги съ подвѣсками, доходящими у щеголяхъ до плечъ и обрывающимися уши своею тяжестью.

Кемюсь-бисияхъ—перстень серебряный и рѣже золотой, съ именемъ.

Хаппаръ—мѣшочекъ, вышитый шелкомъ, иногда серебромъ; въ немъ хранятъ наперстокъ, трубку, огниво; подвязывается къ поясу. Къ этому мѣшечку въ видѣ брелочковъ подвѣшиваются игольникъ—ин-нялихъ съ иглами—иння, ножикъ—бысахъ въ ножнахъ—кынынъ и ножницы—кыптый.

Сюряхъ—на шейной серебряной широкой цѣпи крестъ, украшенный подвѣсками. Крестъ виситъ на груди поверхъ одежды, похожъ на протоіерейскій, съ украшениями, стоимостію доходитъ до 30 рублей.

Басъ-былата—шелковый цвѣтной головной платокъ, штофный, шитый серебромъ или парчевый, подвязывается какъ у мѣщанокъ.

Мойторукъ—боа.

Джабака-бѣргяся—мѣховая высокая шапка, закрывающая уши; передняя часть обшивается росомахой или бѣличьими хвостами, верхняя часть затылка—бобромъ, а затылокъ покрываетъ въ $\frac{1}{4}$ арш. высоты и $\frac{1}{2}$ арш. ширины доску изъ рысого мѣху. Верхняя часть шапки нѣчто въ родѣ кички—суконная черная со вставками алаго сукна—съ бѣлыми кантами, называется чорчакъ; на ней спереди большая круглая металлическая бляха—тосакта, вѣсомъ до $\frac{1}{4}$ ф. Шапку завязываютъ спереди подъ подбородкомъ полосками изъ алаго сукна въ аршинъ длиной и въ $1\frac{1}{2}$ вершка ширины. Многія носятъ эти шапки и лѣтомъ; большая-же часть носятъ сѣрыя и черныя полярковыя шляпы съ полями, надѣвая ихъ сверхъ цвѣтнаго головного платка. Одежда нарядной Якутки очень дорога, и въ парадныхъ костюмахъ ихъ можно видѣть очень рѣдко, въ особенно-торжественные случаи; костюмы эти переходятъ изъ рода въ родъ и составляютъ, кромѣ своей дѣйствительной стоимости, фамиліное сокровище.

Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу и въ конецъ вплетаютъ ремешекъ съ цвѣтными лентами. Замужнія заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя обертывая вокругъ головы, прикрѣпляютъ у темени, а затѣмъ покрываютъ платкомъ. Мужчины стригутъ голову гладко и только нѣкоторые оставляютъ волосы на вискахъ—кэгуль. Усы и бороду выщипываютъ всѣ инородцы области и перестаютъ это дѣлать только старики и пригородные, допускающіе уже нѣкоторые новшества. Щипчики, которыми вырываютъ бороду и усы, называются искяхъ.

Женщины и мужчины, безъ исключенія, ѣздятъ верхомъ помужски на тѣхъ-же сѣдлахъ съ одинаковою ловкостью и удалю.

Зимой Якуты ѣздятъ въ пошевняхъ, розвальняхъ, дровняхъ и только нѣкоторые въ саняхъ особаго мѣстнаго устройства. Сыэрга — есть общее названіе саней какого-бы то ни было устройства; такъ говорятъ: пошеви — сыэрга, бычьи сани — огусъ-сыэргата, лошадиныя — атъ-сыэргата. Якутскія сани не имѣютъ козелъ; бока и спинка разрисовываются разными узорами и красками. Передъ саней называется—тумса, копылья — атага, полозья—сынгага, поперечныя скрѣпы — ылага, продольныя скрѣпы — быттыга, верхняя половина бычьяго хомута — боргалли, нижняя половина — сюряръ, оглобли — урагасъ, доски адарай. Лѣтнихъ экипажей у Якутовъ своихъ нѣтъ; одни ѣздятъ верхомъ, другіе на русскихъ телѣгахъ и телѣжкахъ.

Къ сбруѣ у Якутовъ принадлежатъ: недоуздокъ—суларъ, узда—юнъ, хомутъ, дуга, черезсѣдельникъ—сисъ-быэта, сѣделка—седелка, возжи—буосса; плени у Якутовъ нѣтъ; объ удобствѣ и красотѣ сбруи Якуты не

заботятся, а потому часто вещи эти примѣняются у нихъ далеко не практично и на видъ крайне некрасиво; напримѣръ, чтобы сдѣлать дугу, берутъ первую попавшуюся талину, загибаютъ ее и, если она слабо затягивается, то придѣлываютъ къ ней поперечину, или-же ограничиваются тѣмъ, что сдѣлавъ изъ палокъ нѣчто въ родѣ прописной буквы А, замѣняютъ этимъ дугу. Нѣкоторые богачи, не стѣсняясь матеріаломъ и фасономъ сбруи, украшаютъ ее серебряными бляхами, въ особенности сѣдло—ынгыръ, недоуздокъ—чанькэи (иначе называется суларъ) и уздечку—юнъ. Поводья называются—тясинъ, чумбуръ—кентесь, удила—остуганъ, пряжка—тербась, потникъ травяной—бото, потникъ волосяной—сере, передняя часть сѣдла—илинъ-бюргя, задняя часть—кяминъ-бюргя, ремни у тарака—тергю. Такія вещи переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ и, какъ даваемое въ приданое, входятъ въ счетъ калыма. Нѣкоторые, зная хорошо бурятскій языкъ, утверждаютъ, что отдѣльныя украшенія сбруи у Якутовъ имѣютъ общее названіе съ бурятскими. Якутское сѣдло похоже на бурятское, только больше его; обѣ луки—бюргэ очень высоки, особенно передняя, обиты кованными серебряными, мѣдными и жестяными украшениями ажурной работы мѣстнаго происхожденія. Юзовыя части вышитаго чапрака называются кычымъ; часть чапрака, лежащая на крестцѣ, къ хвосту—чапаракъ; покрывка сверхъ подушки сѣдла—депса; стремяна—исянга; подпруги—холуннъ; нагайка—кымми; махалка отъ комаровъ—дайбиръ. Къ числу дорожныхъ приспособленій слѣдуетъ отнести мѣховой мѣшокъ, въ который на ночь залѣзаетъ путникъ до головы, защищая себя отъ вѣтра и холода. По поводу этого мѣшка Миддендорфъ пишетъ: «Нами утрачены многія принадлежности покроя и наряда, которыя были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напому обѣ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ на стужѣ, доходящей до замерзанія ртути. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались, продолжаетъ Миддендорфъ, только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другого, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ». ¹⁾

В. Л. Приклонскій.

¹⁾ Чтобы не разрывать цѣлости этого прекраснаго труда, мы напечатали у себя и эту вторую главу, хотя она уже была напечатана въ 1887 г. въ XVIII т. Восточно Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ. въ Иркутскѣ.

Сербо-Лужицкій народный календарь.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

Отъ Редакт. Двѣ слѣд. замѣтки И. И. Срезневскаго взяты нами изъ бумагъ, полученныхъ нами отъ О. И. Срезневской. По всей вѣроятности, эти замѣтки были написаны покойнымъ въ пребываніе его въ Лужицахъ, во всякомъ случаѣ раньше выхода въ свѣтъ превосходнаго сборника Смоляра «Pjesnički hornych a dolnych Łužiskich Serbow wodate wot Леор. Наврта а I. Е. Smolerja». Grymi, 1841—1843. 2 ч. въ 4-у. См. тамъ о праздникахъ (II, 220—222), о повѣрьяхъ (II, 266—270); пѣснь о водяномъ мужѣ — wódny muž напечатана въ I ч. XXXIV, стр. 62—64.

Nowe ljóto — новый годъ. 1 Января дѣвушки дарятъ своимъ милымъ вѣнки изъ дѣланныхъ цвѣтовъ, переплетенные канителью, а съ тѣмъ вмѣстѣ я яблоки, орѣхи, булочки и т. п. Такъ дѣлается у Голянъ. А около Каменца кумы дарятъ другъ друга бѣлыми хлѣбами. Фигурные хлѣбцы въ формѣ коровокъ, козокъ, свиней, гусей пекутся на этотъ день, и называются Nowi ljětka: кромѣ того, что ими дарятъ, ихъ даютъ скоту, воображая, что они помогутъ ему не болѣть и жирѣть. На крещенье (trisy krolí...) пекутъ трешан (triószan) по имени трехъ королей....

Post—масленица. Въ первые дни масленицы молодой народъ до сихъ поръ имѣетъ обычай ро kołbasu kchodźić. Съ палками и ивовыми прутьями отправляются они, ведя передъ собой музыкантовъ, а за ними двухъ носильщиковъ съ мѣшкомъ или корзинками, и ходятъ они изъ дома въ домъ. Въ иныхъ мѣстахъ носятъ еще и еловую вѣтвь, перевязанную пестрыми лентами. Придутъ, поютъ пѣсни, станутъ танцовать съ женщинами, которыя найдутся въ домѣ,—а носильщики просятъ между тѣмъ у хозяевъ денегъ, яицъ, колбасъ, печенаго мяса, и складываютъ въ свой ворохъ. Со всѣмъ этимъ ждутъ вечера среды или четверга, и пригласивъ дѣтей, молодежи и дѣвушекъ въ корчму, потчуютъ ихъ, поютъ пѣсни, пляшутъ. Чтобъ еще увеличить запасъ, хватаютъ дѣвушекъ въ плѣнъ и выпускаютъ только по выкупу. Пляски эти очень важны: чѣмъ больше потанцуютъ, тѣмъ лучше лѣтъ взойдетъ. Пора послѣдняго дня масленицы (Postnicy) проходитъ въ тѣхъ же играхъ.

Въ воскресенье на 4-ой недѣлѣ Вел. поста (Laetaris) выгоняютъ смерть:

изъ соломы дѣлають чучела, одѣвають ихъ въ лохмотья и съ пѣснями и съ крикомъ бросаютъ въ воду.

— Wipowédanję — Благовѣщеніе 25 марта.

— Wowońca (вм. Wołmońca-Palmensonntag), wowońčka — Вербное воскресеніе.

Страстная недѣля. Martrownica — Martrowny tydzień.

Отъ зеленого (великаго) четверга (zeleny štwórtk) до Свѣтлаго Воскресенія родители дарятъ дѣтей красными круто спеченными яйцами (писанками).

Великая пятница называется сухою, тихою, покутною, великою (wulki, suchi, pokutny čisty pjatk = šichy pètk).

Свѣтлое воскресенье — jutrownica, а весь праздникъ swjâte jutry.

Наканунѣ вечеромъ Walpurgistag коровъ затворяють, чтобы вѣдьмы не дѣлали ничего дурного съ ними. Для этого же дѣлають на дверяхъ коровень смоляныя кольца и кресты. Бѣгають и съ зажженными метлами. Въ самый праздникъ дѣти дѣлають маленькую висѣлицу изъ ивовыхъ прутьевъ и перепрыгивають: pšez sibeńcu skakaju. Кто удачно перепрыгнетъ, тотъ счастливъ будетъ.

— Зеленая недѣля, называемая святками (swjatki) и первый день Swjatočnicka (Ниж. Луж. Swjetrownica). Мяту разставляютъ по церквямъ. Отъ нея отрываютъ вѣточки въ то время, когда священникъ благословляетъ. Принося ихъ домой, приносятъ счастье дому. Раскладываютъ очагъ.

— Ивановъ день. Огни (Либушъ. 263).

— Вознесенье: S-t pjesje Bože = Ниж. Луж. — Stupenje do neba.

— Праздникъ жатвы (Birg) (Либушъ 258, 283).

Филипповъ день (Advent) Pšichoda. Прежде былъ обычай, что отъ Фил. дия до Рождества Христова ходили изъ дому въ домъ, одинъ представлялъ Ангела, другіе другое, заставляя дѣтей молиться и раздавая имъ хлѣбцы, плоды и пр. (Knautz. 179).

— 24 Декабря Паторжица. Въ этотъ день не продають хлѣба, мяса, яицъ, и т. п. Вечеромъ зажиточныя семьи приготавливаютъ 9 кушаній для себя и для своей челяди. Бѣдныя, которые не въ состояніи приготовить такой богатый ужинъ, пекутъ на этотъ день свячинье — Swečenje — celebratio festi diei д. л. Gastmahl (какъ называется кое гдѣ и день), только одно кушанье, но изъ 9 припасовъ, напр. свиного мяса, проса, воды, соли, моркови, чеснока, колераби, пшеничной муки и розинъ (коринокъ). Столъ покрываютъ соломой или кладутъ ее подъ столомъ. Потомъ вьютъ изъ нея веревку и обвязываютъ плодовые деревья, чтобъ лучше былъ урожай на плоды. Въ полночь начинаются гаданья: если слышны у гранитныхъ камней стукъ мечей и ржанье коней, то быть на слѣдующій годъ войнѣ; дѣвушки прислушиваются на порогѣ конюшенъ къ ржанью жеребцовъ, и если услышать, то надѣются

выйти замужъ до 24 іюня; другія бросаютъ носкомъ правой ноги башмакъ черезъ голову, и если башмакъ упадетъ носкомъ къ двери, то она надѣется скоро выйти замужъ. Это-же самое дѣлаютъ и наканунѣ Новаго года (Liebusch, 143).

— Праздникъ Рождества Христова наз. Годы (Hody)¹⁾, а первый день называется Воѝи dzeń (ср. срб. Божић). Передъ тѣмъ ходятъ съ Божиимъ дитятемъ (Воѝ džјебо).

— На вечеръ Новаго года гадаютъ.

Сербо-Лужицкія народныя повѣрья.

(Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго).

Лужичане, разумѣется, болѣе женщины, до сихъ поръ еще вѣруютъ въ разныя чудища и ихъ чудеса.—Такъ между прочимъ вѣруютъ они въ «Боже седлешко»—Божіе сельцо, думая, что оно, какъ домовый, живетъ въ каждомъ домѣ. Въ былое время, когда оно еще показывалось, выдали это хорошенькое, бѣленькое дитя, съ распущенными длинными, очень длинными волосами, въ чистенькой коротенькой сорочкѣ. Теперь уже рѣдко кому приведется его увидѣть, а только иногда слышатъ, какъ оно стонетъ и рыдаетъ, и какъ слышится въ чьемъ домѣ этотъ стонъ и рыданье, такъ ужъ навѣрно быть бѣдѣ: «Божіе сельцо плакало» (Боже седлешко је плакало)—говорятъ, надобно беречься. Если услышатъ его стонъ и рыданье вблизи, то надобно спросить: «Божіе сельцо! что со мною будетъ? (Боже седлешко, што ми будже, што ми фалује, што ма со стаѣ), и Божіе сельцо отвѣтитъ, что тотъ или другой умретъ, что того или другаго въ рекруты возьмутъ, или что нибудь подобное, а чаще скажетъ только: «Не тебѣ будетъ, а другому (Воно не будже теби, ġале другому)». Такъ было, по разсказу Грѣфе: Volkssagen und volkstümliche Denkmale der Lausitz von H. G. Gräve. Bautzen. 1839. ст. 49, и въ городѣ Мужиковѣ (Muskau) передъ пожаромъ 1766: во многихъ домахъ слышали тогда стонъ Божьяго сельца, и на вопросы горожанъ отвѣчало оно: «Не будетъ одному тебѣ, а будетъ по всѣмъ улицамъ. (Воно не будже јено теби, ġале на вшитяхъ гаѣхъ)». Такъ предрекало Божье сельцо и пожаръ въ Куловѣ (Wittichenau) 1822 года. Впрочемъ его слышатъ и видятъ не всѣ.

¹⁾ Годами впрочемъ называютъ и св. Праздникъ и Троицу — тројне љау.

Выливая или переливая кипяткомъ, не одна Лужичанка боится обварить Божіе сельцо, и передъ тѣмъ скажетъ: «Иди прочь, Божіе сельцо, чтобы мнѣ не обварить тебя (Божье седленшко, джѣ преч зо ја че не спару). Если же не скажетъ, такъ Божіе сельцо ее самое обварить,—и, замѣтя у когонибудь прыщи отъ обвару, говорятъ: «Обварило тебя Божіе сельцо» (Божье седленшко је тебе спариво»). Тогда надобно лѣчиться—намазать масломъ печное устье и намазывая приговаривать: Божіе сельцо, мажу тебя, залечи меня, ты меня обварило (Божье седленшко, ја чје мазам, залој ме, ты си ме спариво), а потомъ, снявши масляной накипи съ кипящаго горшка, помазать больное мѣсто.—Божіе сельцо само по себѣ зла никому не дѣлаетъ и обычно живетъ въ печи или на очагѣ ¹⁾).

Съ родни Божьему сельцу приходятся колтки (Koltki)—дѣтки—чертежята, живущіе въ домѣ по разнымъ угламъ, въ запечьи, подъ постелью, въ погребѣ, въ чуланѣ и пр. Они помогаютъ семьѣ и за это требуютъ ѣсть и пить того самаго, что ѣстъ и пьетъ вся семья.

Не такова Ходойта (Khodojta-Khodojca) или, какъ ее называютъ Н. Лужичане, Мурѡва. У нея нѣтъ постоянного жилища: она бродитъ изъ дому въ домъ, ищетъ, чтобы кому зла надѣлать, набивается на обиду, и обиженная мститъ всячески. Это—черная, тощая, испитая старушонка крошечнаго росту; глаза у нея вышли изъ-за вѣкъ и быстро ворочаются, и страшно всматриваются въ каждого; иногда, впрочемъ, ходитъ она и въ видѣ чловѣчка въ красномъ платьѣ, продавая разные заморскіе товары; иногда летаетъ сорокой, суясь въ лицо, или катится клубомъ, подкатывается подъ ноги, или ложится ножомъ на столъ, не виданная, а знакомая: ножомъ, да такимъ, что какъ возьмешь, такъ и захочется рѣзать чловѣка. Ходойта болѣе всего ненавидитъ дѣтей: иное такъ измучитъ, что ни подобія не останется: кровь выпьетъ, кости перекрошитъ, и ложитъ бѣдное дитя словно мочало какое. Если ослится на какую семью, то останется жить у нея до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переморить.

У нея есть свои помощники, маленькіе злые черти, которые портятъ все въ домѣ, такъ что отъ нихъ и защиты нѣтъ.

Къ той же породѣ, что и Ходойта, принадлежитъ и Зла жена (Зва жена), такая же старушка, крошечная, сухая, востливая. Голова у нея съ пивной котелъ, на спинѣ огромный горбъ, носъ какъ у журавля, а глаза маленькіе, съжились и обтекли. Ходитъ она, ковыляя на костылѣ, заходитъ во всѣ

¹⁾ Невольно припоминаешь о томъ, что рассказываетъ Саксо Грамматикъ: *Faciminae foco assistentes absque supputatione fortuitas in cinere lineas describebant, quas si pares numerassent, prosperae rei praescias arbitrabantur, si impares, sinistri praenuntias autumabant.*

углы, и въ коровни, и на гумна и огороды, портить тамъ хлѣбъ и зелень, и коровъ и козъ, и пожитки. Набѣдуетъ въ одну ночь столько, что и въ годъ не поправить: коровы не даютъ молока, полотно гнѣтъ, дѣти болѣютъ и умираютъ. И ничѣмъ отъ нея не отобьешься, какъ поселится въ какомънибудь хлѣвѣ. Завидать бывало ее, начнутъ бросать въ нее камнями, полѣньями, сметемъ, помоями—напрасно. Хлѣвъ сожгутъ, мѣсто освятятъ крестомъ, вотъ хлѣва будто и нѣтъ, а приходишь, хлѣвъ стоитъ какъ стоялъ, и Зла Жена въ немъ.

Еще есть и третья старуха—Смертица. Въ бѣломъ покрывалѣ ходить она по деревнѣ, и какъ завидать, что подошла къ которомунибудь дому, такъ ужъ тамъ непременно будетъ покойникъ; войдя въ домъ, садится она на постели у больного и выжидаетъ его послѣдняго часу. И если завидитъ больной ее съ своего мѣста: это вѣрный признакъ смерти.

Другія чудныя существа большею частью добрыя: инныя изъ нихъ помогаютъ земледѣльцамъ, инныя пастухамъ, инныя охотникамъ.

О Приполдницѣ (Připolnica, Pšezpolnica) хоть и говорятъ «благодаря Богу, она уже не покажется» (Džakowano bydi Bohu zo so jasy ne pokaže) и рассказываютъ много страшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрятъ, что она и добра дѣлаетъ много. Видали ее въ лѣтнее время въ дни жатвы. Какъ бывало около полудня станетъ жарко, изъ рощи или изъ-за рѣки и выходитъ высокая, прекрасная дѣвушка, вся завитая во что-то бѣлое. Она сядетъ прежде или у воды, или подъ тѣнью дерева, сидитъ и волосы расчесываетъ, и потъ съ лица вытираетъ, и какую-то печальную пѣсню поетъ; потомъ идетъ она къ жницамъ и начинается спрашивать, какъ имъ жнется, много ли ужали, много ли осталось, какъ сѣяли, борошили, какъ всходило, разцвѣтало, созрѣвало, какъ жнутъ и вѣютъ, молотятъ и мелютъ; а все спрашиваетъ для того, чтобы жницы не работали. Иной и хотѣлось бы отвѣчать, да работу не кинуть, и примется жать; Приполдница къ ней, и плачетъ, не пускаетъ работать. Если же бы та не послушалась, Приполдница разсердится, и давай ей крутить голову, пока совсѣмъ открутитъ, что цвѣтокъ отъ стебля. Если же жницы разговаривали съ нею весело и охотно, да тотъ, кто смотрѣлъ за ихъ работой, начиналъ ихъ бранить, что онѣ лѣнятся, такъ Приполдница къ нему, и хоть бы то былъ самъ господинъ или госпожа, задушить и пустить безъ головы: пусть на себя плачется, зачѣмъ отдыху не давалъ жницамъ. Только бывало тогда Приполдница и не покажется, когда тучи съ грозью находятъ или вѣтеръ подуетъ. И до сихъ поръ, хоть правда и шутя, говорятъ жница жницѣ, когда она заработается въ жаркій полдень: развѣ не боишься, что нападетъ на тебя Приполдница! (Не боиш со ты зо Пшипоуница на тебе пшинч будже)¹⁾.

¹⁾ Laus. Monatschrift 1797 Panasch Reliqu. der Feld-, Wald-, Wasser- und Haus-Götter, стр. 746.

Въ полдень же прохаживается (по Kotmarberg'u) какая то Мара, забываясь, чтобы все хорошо росло, особенно травы: ее видали пастухи и приносили ей жертвы, прося у нея помощи своимъ стадамъ: зажигали огни и обливали землю молокомъ, вскипяченнымъ съ травами (Срав. Либ. 272).

У пастуховъ есть и свое страшилище Гонило (Гонидло — Honidlo — Honilo, d какъ въ Motowidlo — мотовило). Чѣмъ оно страшно, Богъ знаетъ; а пастухъ, видя, что другой не выгоняетъ свое стадо въ поле, уже покрытое полной травой, не забудетъ погрозить его Гониломъ, и какъ разъ скажетъ съ угрозой: я пошлю за тобою Гонило, чтобы онъ тебя выгналъ въ поле (ja budu tebi honidwo do doma posłać zo by sé v polo hnało). Либунъ (288) не напрасно сравниваетъ это Гонило съ Гонилемъ Дитмара: — *habitatores (vicinitatis meae — не далеко отъ Мерзбургга) raro ad ecclesiam venientes* (ср. Гриммъ, 700).

Охотники рассказываютъ о Дѣвицѣ (Джѣвеница), которую видали въ чащѣ лѣса не только въ полдень, но и въ полночь при свѣтѣ мѣсяца. Она одѣта какъ знатная госпожа, въ рукѣ у нея ружье *tsylba*; около нея свора гончихъ. Она стрѣляетъ какъ знатная госпожа на вѣтеръ, и куда бы ни стрѣльнула, куда бы ни погналась, ничто ей не помѣшаетъ, деревья по ея волѣ сдвигаются въ сторону, болота у ногъ ея сохнутъ, холмовъ и долинъ какъ не было. Все бы хорошо, да то бѣда, что ей все равно—что дикій звѣрь, что человѣкъ: застрѣлитъ и самого охотника какъ серну, положить, будто вѣкъ лежалъ. Теперь хоть и рѣдко кто видитъ Дѣвицу, а все еще боятся заходить въ полдень въ чащу бора; и хоть шуткой, а скажутъ тому, кто идетъ въ боръ о полдень: А ты не боишься, что Дѣвица на тебя выдетъ (*he boisso zo Dżewica na tebi pŕinc budże*).—Послышится ли ночью крикъ охоты изъ лѣсу: это Бѣднатъ (Bjadnat), панъ Дитрикъ, или что Нѣмцы называютъ Дитри Бернгардъ. (Въ Сакс. *Hakkelbarend, Hakkelberg*, въ Мейссенѣ *Hans Jagen-Teufel*, въ Швабii *Elpentrötsch*. Грѣфе 54. — Гриммъ 515—534). — Въ лѣсахъ же и го-рахъ живетъ Глуднице (*Bludnišco*) — не то лѣшій, не то самое мѣсто, гдѣ можно забудиться: какъ пойдешь, говорятъ, на такое мѣсто, такъ приходится пропадать: и пройдешь, и все прямо, кажись, идешь, а придешь опять туда гдѣ былъ, и въ какую сторону ни повернешься, все тоже и тоже; а тутъ еще гдѣ огонекъ засвѣтитъ, гдѣ змѣй проползетъ, гдѣ аукнется, гдѣ застонетъ, гдѣ что-то невидимое станетъ тебя въ задъ пихать, волосы вырывать, гдѣ уставятся на тебя изъ чащи два огромные глаза, горятъ, сверкаютъ, и все ближе да ближе; молись да молись, а иначе ни за пенязь пропадеши.

Въ водѣ свои жилицы: ихъ знаютъ хорошо рыболовы; знаютъ и водянаго, и водяную, и дѣтей ихъ: (*Wodny muž, wodna žena, wodne dzieci*). Видаютъ иногда водянаго, какъ онъ хваталъ утопавшаго, а потомъ смотри и

сложить кости гдѣ нибудь на берегу. А Водяная выходитъ изъ воды на берегъ работать, прясть и ткать, или разложить полотно бѣлиться на солнцѣ, а сама заведетъ пѣсню, то веселую такую, что хохочешь, то такую, что нехотя плачешь. И дѣти около нея: играютъ, рѣзвятся. Всѣмъ бы люди, да волосы что-то очень зелены, и платье изъ чешуи, какъ у рыбы.—Если же выходятъ на ярмарку, такъ и не узнаешь, что не люди, пока не заговорятъ: говорятъ иначе, хоть и все понимаешь, что говорятъ. На мужѣ длинный бѣлый льняной балахонъ, на женѣ сорочка, исподница,—и подолъ мокрый: онъ торгуется хлѣбомъ, она—масломъ. Иногда покупаютъ, иногда продаютъ: если продаютъ, годъ будетъ дешевле, а покупаютъ—такъ быть дороговизнѣ (Паннашъ, 750—752). Водянымъ очень нравятся Сербки, и не одна уже вышла за мужъ въ ихъ царство. Есть и пѣсня объ этомъ:

Жила была себѣ барышня
Одиноконька у батюшки.
И просила жъ она батюшку,
Чтобъ онъ далъ ей годикъ погулять
По новому двору своему.
Ты, пожалуй, погулай годокъ
По новому двору своему;
Но пора вѣдь и замужъ тебѣ.
Съ тѣмъ на вышку она и пошла,
На ту вышку, въ нову горенку свою,
И тамъ сидя она плакала,
Вѣлы руки съ горя ломала.
Вотъ пришелъ туда водяной:
А гдѣ, молвилъ, невѣста моя?
Въ своей горенкѣ новой она,
Тамъ сидитъ она себѣ, плачетъ,
Вѣлы ручки съ горя ломаетъ.
О чемъ же ты плачешь, голубушка,
Ты, невѣста милая моя?
А какъ же бы мнѣ и не плакать,
Когда говорятъ ужъ всѣ люди,
Вудто сынъ ты жены водяной.
Пусть они говорятъ, что хотятъ,
А такъ тому, не иначе, быть.
Велю тебѣ выстроить мостъ
Изъ чистаго золота, серебра,

Велю тебя черезъ мостъ везти,
Чтобъ ѣхало тридцать возовъ,
Чтобъ везли тебя сорокъ коней.—
Не проѣхали и полъ моста,
Какъ началъ мостъ проваливаться.
А старикъ отецъ въ окно глядитъ:
Ахъ, смотри, гдѣтъ, милая жена,
Какъ дочь наша по водѣ поплыветъ.—
—Что же, пусть она плыветъ себѣ.
Вѣдь такъ тому, не иначе, быть.—
И семь лѣтъ она прожила тамъ,
Прижила себѣ семь сыновей.
Какъ пошелъ же и восьмой годокъ,
Пошла она и съ восьмымъ сынкомъ,
И просила у мужа она,
Чтобъ пустилъ ее въ церковь на свѣтъ.
Въ церковь на свѣтъ пушу тебя,
Но благословенья ты не жди.
И пошла она въ церковь на свѣтъ,
И увидѣла брата родного,
Увидѣла меньшую сестру.
Здравствуй ты, наша сестра,
Такъ вотъ и ты къ намъ пришла,
Къ намъ въ церковь на свѣтъ.
Въ церковь то пришла я на свѣтъ,
Да благословенья ждать не могу.

Нѣтъ, подожди ужь, милая сестра,	А всѣмъ остальнымъ головы оторвалъ,
А тамъ вмѣстѣ обѣдать пойдемъ.	По дорогѣ ихъ разбросалъ,
И ждала она благословенья.	А самъ на дверяхъ и повѣсился.
А водяной кругомъ шагаль	И не жаль же тебѣ и не жаль
Въ голубыхъ своихъ шароварахъ	Твоихъ бѣдныхъ дѣтей.
И въ червонныхъ чулочкахъ своихъ.	Жаль мнѣ, жаль, а ужь больше всѣхъ
И вотъ шла она ужь изъ церкви,	жаль,
Отдѣлилась отъ сестры своей,	Того груднаго малюточку...
А къ ней пришелъ водяной,	Я ль его въ купели не мыла,
И вырвалъ дитя онъ изъ рукъ у нея	И въ колыбели не качала,
И въ мигъ передъ ней разорвалъ его,	И яблочкомъ съ нимъ не играла.—

Кромѣ всего этого есть еще змѣи: одни изъ нихъ называются житными (житны змиј), другіе молочными (млоковы змиј), а третьи денежными (peńeżny zmiј) Liebusch 285.

Колдуны (kuzlař-huzleř.—Ujišcer).

Умиренье крови въ Грблѣ, въ Южно-Адріатическомъ Приморьѣ, 27 августа 1890 г.

(Наблюденія и размышленія очевидца).

Это — торжественный обрядъ, которымъ завершается кровавая распря между братствами, родами или цѣлыми племенами. Имъ полагается конецъ ряду убійствъ, вызываемыхъ обычаемъ кровавой мести, а иногда прекращается настоящая война между племенами. Исполненіе этого обряда соединено конечно съ большими издержками, падающими на виновную сторону; и, кромѣ того, въ самой формѣ выполненія находится много такого, что морально принижаетъ также виновнаго. И все это переносится ради сознанія великаго добра, приносимаго умиреньемъ.

Правда, въ настоящее время въ Европѣ, кромѣ безсудныхъ албанскихъ племенъ, живущихъ подъ управленіемъ безурядной Турціи, всякое преступленіе преслѣдуется и наказывается закономъ, такъ что кровавой мести совершенно нѣтъ и мѣста; тѣмъ не менѣе мы знаемъ страну, въ которой кровавая месть практикуется до сихъ поръ и гдѣ рѣшеніе государственнаго суда, хотя бы и признавалось справедливымъ, не въ силахъ ее парализовать. Эта страна — Южное Адріатическое Приморье, состоящее изъ нѣсколькихъ племенъ, какъ Паштровичи, Поборы, Маины, Грбаль, Лушטיפа и др., и сохранившее до сихъ поръ главные черты своего исконнаго племенного быта, которыхъ держится, какъ основы своей автономіи. До недавняго времени эти племена (а также и вся Вокка Которская) не давали Австріи ни солдатъ, ни ландвера; теперь у нихъ эта прерогатива отнята силою и единственно допущено имъ носить старое кремневое оружіе и небольшіе ножи. И тѣмъ съ большою ревностью они оберегаютъ свою внутреннюю автономію, а въ томъ числѣ и обычай умиренья крови, помимо того, что сдѣлано для наказанія преступленія правительствомъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ происходило умиренье крови въ Грблѣ. Я вмѣстѣ съ другими изъ Черногоріи приглашенъ былъ присутствовать при этомъ въ качествѣ почетнаго свидѣтеля. При томъ, какъ Русскому, мнѣ былъ оказанъ особенный почетъ: меня посадили даже въ члѣнъ стола за обѣдомъ и вообще ставили въ такое положеніе, чтобы отъ моего вниманія не ускользнула ни

малѣйшая подробность. Это и дало мнѣ возможность не только познакомиться со всѣми подробностями, но и проникнуть глубже въ духъ и смыслъ, проникающіе формы обычая.

Если есть гдѣ «живая старина», то этотъ обычай именно представляетъ таковую, принадлежа къ учрежденіямъ, возникшимъ въ то время, когда народы находились на первой ступени своей культурной жизни, и практикуясь въ наши дни подъ властью одной изъ культурнѣйшихъ державъ Западной Европы.

Надобно замѣтить, что описанія этого обычая, чаще всего вмѣстѣ съ кровавою местию, составляютъ цѣлую литературу.

Начиная съ ученаго венеціанскаго аббата Фортиса, описывавшаго въ прошломъ столѣтіи обычай Морлаковъ¹⁾, и оканчивая новѣйшими путешествіями по Черногоріи, всюду вы найдете о кровавой мести и умирненіи ея, если не въ настоящемъ, то въ прошломъ этой страны. Больше же всего можно найти въ Далматинскихъ изданіяхъ, какъ Сербско-далматинскій магазинъ, *Mjesecnik*, *Strenna Triestina* и др. Болѣе однако подробное описаніе представляетъ, кажется, соч. Б. Петрановича (*Rad jugosl. akad. kn. VI*).—«*Osveta, mirenje i vgrazda*», который старается объяснить духъ обычая и причины его возникновенія. Чисто же ученое сочиненіе по этому вопросу представляетъ единственно соч. Ф. Миклошича «*Die Blutrache bei den Slaven*». Wien. 1887. Наконецъ новѣйшее, извѣстное намъ соч. Milenko R. Wesnitsch — «*Die Blutrache bei den Südslaven*». Ein Beitrag zur Geschichte des Strafrechts. Inauguraldisser-tation. Stuttgart. 1889. in 8°, 70. Обращаемъ вниманіе читателей на эту брошюрку г. Веснича, которая при маломъ объемѣ вполне исчерпываетъ предметъ и даетъ объ немъ самое отчетливое и ясное представленіе²⁾.

Послѣ этого краткаго введенія мы можемъ приступить прямо къ описанью обычая по личному наблюденію. Но для ясности, полагаемъ, недлинные будутъ предварительно охарактеризовать стороны и личности, участвовавшія въ этой кровавой драмѣ.

¹⁾ Abbate Alberto Fortis. — *Viaggio in Dalmazia*. Venezia. 1774.

²⁾ Наша маленькая рецензія на него въ жур. «*Новая Зета*» 1889. свеска V, стр. 196—201.

I.

Грбаль и его раздѣленіе. — Характеристика жителей. — Характеристика личностей, участников кровавой драмы. — Убійство. — Общая забота о примиреніи. — Примиреніе принято и поставлены основы.

Грбаль, иначе называемый Жупа (Хира), составляет самую большую въ Приморьѣ общину (23 села и до 4000 д. об. п.). Помимо другихъ, онъ упоминается въ старинныхъ документахъ, касающихся исторіи Зеты. Община эта и теперь дѣлится на 4 кнежины (по итальянски—contea, а Нѣмцы переводятъ Grafschaft ¹⁾): Любановичи, Бойковичи, Лазаревичи и Туйковичи.

Изъ нихъ первые три рода живутъ въ нѣсколькихъ долинахъ, прилегающихъ къ морю, съ богатою почвой; но источниковъ воды, кромѣ цистернъ, и то весьма жалкихъ, нѣтъ совершенно никакихъ; сообщеніе съ базарными мѣстами, какъ Которъ и Будва, также крайне затруднительное. И при всемъ томъ они богаче, чѣмъ остальные Грбляне, приобрѣтая состояніе частью на собственныхъ сравнительно обширныхъ земляхъ, частью заработками въ Цареградѣ и другихъ мѣстахъ Турціи. Они горды, высоко держатъ честь своего рода и, обладая средствами, относятся къ другимъ заносчиво. Въ образѣ жизни весьма просты, хотя дома ихъ построены, какъ кулы (большой каменный домъ съ приспособленіями для защиты), и замѣтна большая роскошь въ одеждѣ. Въ характерѣ ихъ много суровости. Туйковичи, напротивъ, приютившись какъ разъ у подножія Черногоріи, подъ Ловченомъ и Штировникомъ, имѣютъ всюду обиліе воды: всюду вы видите мельницы; сады и нивы всѣ почти находятся подъ поливой; поэтому растительность всюду густая, роскошная. Но эти же самыя воды и разносятъ землю; въ слѣдствіе этого Туйковичи постоянно бѣднѣютъ землю, такъ что не помогаетъ имъ и близость базара и удобство сообщеній. Но, при всей бѣдности, вы вездѣ встрѣчаете благоустроенность и культурность. Когда шла борьба за независимость, они поднимались первые, хотя положеніе ихъ гораздо затруднительнѣе, такъ какъ всюду крѣпости (Тройца и Горожда) или жандармерскія станціи.

Описываемая нами вражда открылась между Туйковичами, именно семействомъ Зецовъ, которое всегда играло роль и занимало почетное мѣсто въ цѣломъ Грблѣ, и Ивомъ Бойковичемъ.

Послѣдній, кромѣ знатности рода, богатства и вліянія на общественныя

¹⁾ E. Schatzmayer — Dalmatien. Geographisch-historisch-statistische Beschreibung. Triest. 1877. 8°, 84.

дѣла, славился какъ великій юнакъ (храбрецъ, герой), человѣкъ очень умный, рѣшительный и предприимчивый. Къ тому же онъ былъ и отличный торговецъ, извѣстный по цѣлой Боккѣ и Черногоріи. Одинъ только важный недостатокъ въ его характерѣ: слишкомъ большая горячность и постоянная готовность поспориться и побиться. Въ этомъ отношеніи всякъ его опасался. Однажды въ горячности онъ убилъ своего близкаго человѣка Бойковича, послѣ чего бѣжалъ въ Черногорію, гдѣ и прожилъ около 10 лѣтъ.

Когда австрійскій императоръ Францъ Іосифъ впервые посѣтилъ Бокку, князь черногорскій Николай, при личномъ свиданіи съ нимъ, испросилъ у него дозволеніе вернуться домой всѣмъ перебѣжчикамъ, и въ томъ числѣ вернулся домой и Иво Бойковичъ.

Когда началась послѣдняя война Черногоріи съ Турціей, Приморцы также вступили въ черногорскія войска; Иво Бойковичъ тоже отправился въ Черногорію. И вотъ, когда происходила осада Никшича и дѣло затянулось, онъ рѣшился отправиться домой, чтобы прославить свое «креню име», день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа (1877 г.). Купивши коровку для закланія на свой праздникъ, 14-го августа сошелъ онъ уже въ Грбаль, гдѣ проходило много народу съ Которскаго базара. Тутъ онъ встрѣтился со Стоимъ Зецомъ; произошелъ крупный разговоръ, при чемъ Бойковичъ сильно оскорбилъ Зеца. Зеца, тоже гордившійся своимъ именемъ и высокимъ уваженіемъ въ цѣломъ краю за свой умъ, характеръ и горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и также не допускавшій никому стать себѣ на ногу, отойдя немного отъ народа, закричалъ Бойковичу: «Стои! попробуемъ оружіе!» вызывая этимъ его на поединокъ; а тотъ былъ уже готовъ: отскочивши немного въ сторону, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ револьвера, и Зеца палъ мертвымъ на мѣстѣ.

Бойковичу ничего не оставалось, какъ спастись бѣгствомъ; но куда? въ Черногорію онъ не смѣлъ, такъ какъ и тамъ былъ бы судимъ, какъ простой убійца. И онъ 7 лѣтъ держался, то въ своихъ, то въ пограничныхъ горахъ. Преслѣдовали его смѣлые отряды жандармовъ, сбивали на поиски весь народъ. Но не легко было встрѣтиться съ нимъ лично; въ то же время боялись сильнаго братства. Наконецъ онъ самъ какъ-то черезъ Черногорію и Старую-Сербію пробрался въ королевство Сербію. Имѣлись уже достовѣрные свѣдѣнія, что онъ тамъ; а затѣмъ пришло извѣстіе, что онъ погибъ, неизвѣстно отъ кого: по всѣмъ вѣроятіямъ, убили его хайдуки, рассчитывавшіе на поживу.

И такъ, собственно отвѣтственнаго лица, такъ называемаго, рукоставника не стало: остался послѣ него только сынъ Іово, которому и теперь сдана двадцать лѣтъ; а отъ Зеца тоже Іово, такихъ же лѣтъ, и еще моложе Нико.

Народъ однако смотритъ на дѣло иначе. Виновникъ погибъ; но дѣло его не погибло: домъ лишился отца и все осталось на малолѣтнихъ; поэтому домъ

долженъ разориться; Бойковичи, богатые и сильные, не давши въ то же время и моральнаго удовлетворенья дому погибшаго, будутъ еще горделивѣе и своевольнѣе. Кромѣ того цѣлый родъ лишился добраго главара, и это было въ ущербъ силѣ и значенію рода.

Въ силу соображеній такого рода дѣло не кончалось случайною смертію виновника: вмѣсто него долженъ погибнуть кто нибудь изъ его рода, и при томъ одинъ изъ лучшихъ его представителей: «мечь—святое дѣло!»

Отношенія были самыя натянутыя: одинъ родъ съ другимъ совершенно не хотѣлъ имѣть никакого дѣла. Одинъ другого опасался; одинъ другому старался вредить, чѣмъ только можно. Чувствовалось и сознавалось всѣми все зло такого положенія, и вотъ понемногу начали хлопотать о примиреніи съ той и другой стороны; но больше конечно со стороны Зецовъ, у которыхъ тутъ страдали честь и имя; а въ то же время они страдали и матеріально. Одинъ старецъ между ними, больше всѣхъ хлопотавшій о примиреніи, радостный умеръ всего за нѣсколько дней до исполненія обычая. Это особенный случай; обыкновенно же умиренья ищеть крвникъ.

Наконецъ общими усиліями достигнуто, что Бойковичи признали себя виновною стороною и предоставили Іову Зецу право избрать 24 кмета (судьи), рѣшенію которыхъ онъ покоряется.

Кметы эти выбраны были Зецомъ изъ различныхъ сторонъ, и чуть-ли не большинство ихъ было изъ партіи Бойковичей. Это былъ хорошій знакъ, указывавшій на искренность отношеній и взаимное довѣріе.

Кметы собрались въ селѣ Вишневѣ (тоже въ краю Бойковичей) и постановили слѣдующее:

1. Іово Бойковичъ, какъ наслѣдникъ рукоставника (крвника, убійцы), платить въ видѣ мыта (подкупъ, плата или даръ, чтобы привлечь кого-либо на свою сторону) 30 цекиновъ (60 флориновъ) и цѣну мертвой головы Іову Зецу и его брату Нику—сумму въ 133 цекина и два гроша и половину пары.

2. Іово же Бойковичъ долженъ устроить обѣдъ Іову Зецу и его сторонѣ на 300 чел.

3. Іово Бойковичъ долженъ послать Зецу два посланника (изъ числа кметовъ) съ 12-ю кумствами.

4. Въ знакъ вѣчнаго мира и любви обѣ стороны должны дать одна другой 12 великихъ и 12 малыхъ побратимствъ.

5. По старинному обычаю, Бойковичъ долженъ исполнить обрядъ передачи пушекъ-крвнице (ружья, которымъ совершено убійство) со всѣми унижающими его формами.

День назначенъ 27 августа (понедѣльникъ).

II.

Описаніе самаго обряда: 12 колыбелей молятъ принять кумство; виновникъ выходитъ передъ пострадавшаго на четверенькахъ съ ружьемъ на шеѣ; 24 побратимства; обѣдъ; сложеніе виновною стороною оружія на трапезу; прощеніе; чтеніе рѣшенія.—Размышленія по поводу всего этого.

Мы, нѣсколько человѣкъ съ Цетинья, наканунѣ отправились коляской въ Сутвару (мѣстечко въ Грблѣ), гдѣ и ночевали у знакомыхъ. Байцы отправились черезъ Ловченъ и прибыли тоже наканунѣ въ село Пелиново, гдѣ живутъ пострадавшіе Зецы.

Назначено было всѣмъ, принадлежащимъ сторонѣ Зецовъ, собраться въ Пелиновѣ въ 6 ч. утра.

Это маленькое селцо, удалившееся отъ главной дороги въ горы (къ Черногорской границѣ) на полчаса. Кругомъ журчатъ потоки, домики ютятся въ размоинахъ и кроются въ зелени деревь. Домикъ Іова Зеца—совсѣмъ маленькій съ одною комнатою наверху, а внизу коноба (хозяйственное отдѣленіе). Онъ сидитъ въ какой-то ямѣ, такъ что входъ въ верхнее отдѣленіе съ сосѣдняго бережка устроенъ по мосткамъ. Тамъ теперь помѣстились, кромѣ членовъ семьи, 12 чел., которые должны принять 12 кумствъ. Рядомъ тутъ же круглое гумно, прекрасно выложенное тесаннымъ камнемъ, какъ блюдо съ закраинами. На этихъ закраинахъ и помѣщаемся мы, всѣ сторонники Зецовъ; иные взобрались на сосѣднихъ скалы и на деревья, чтобы оттуда лучше видѣть всю церемонію. Въ домикѣ происходитъ договоръ, кому какъ дѣйствовать.

Около 7 ч. показались женщины, несущія колыбели на головахъ. Не за долго до ихъ прихода домикъ затворился, и кругомъ водворилась какая-то серьезная тишина. Женщинамъ этимъ предстояло идти часа три; поэтому онѣ должны были тронуться еще до разсвѣта, когда подувалъ съ горъ свѣжій сѣверный вѣтеръ; а тутъ пригрѣло солнышко, и носильщицъ охватило солнечнымъ жаромъ. Впереди нихъ шли два посланника для переговоровъ.

Подопли эти женщины и спустили на землю колыбельки, тяжело вздыхая. Никто имъ ни «помагай Богъ», ни онѣ никому. Дѣти, замотанныя въ своихъ колыбелькахъ, также не подають ни знака жизни.

Посланники, одинъ съ графиномъ ракин, другой съ виномъ входятъ на мостокъ и, не стучась въ дверь, какъ бы въ какомъ-то страхѣ, скромно привѣтствуютъ: «Доброе утро въ домѣ кума!» Отвѣта нѣтъ. Они опять повторяютъ то же самое. Мертвая тишина по прежнему, словно никого и въ домѣ

нѣтъ. «Богъ и святой Іованъ! Во имя Бога и святого Іована, доброе утро куму!» Тогда дверь распахивается, и посланники входятъ внутрь. Кромѣ угощенья виномъ и ракіей, они, опять въ видѣ мыта, подаютъ умирнику двѣ леденицы (пистолеты, отдѣланные въ литое серебро безъ куска дерева или другого металла, кромѣ стальныхъ стволовъ и замковъ). Затѣмъ начинаютъ входить женщины съ колыбельками. У каждого ребенка подъ головкой завернутая въ бумагу какая-нибудь мелкая серебряная монета. Всякій подниметъ головку ребенка, посмотритъ, что тамъ есть, и иной возьметъ, другой оставитъ. Это тоже мыто со стороны матерей. Первый принимаетъ кумство главный изъ Зецовъ: принятіе это выражается поцѣлуемъ ребенку. Такъ точно поступаютъ и всѣ остальные.

Прежде бывало, что колыбели приносились по три утра; съ ними были и другіе, и всѣ они, стоя передъ домомъ, всячески умоляли и заклинали принять кумство. Теперь эта форма смягчена.

Прежде приносили непременно некрещенныхъ дѣтей, и иные нарочно медлили съ крещеньемъ, чтобы пригodiлось къ подобному случаю; а теперь только случайно можетъ найтись ребенокъ некрещенный; но кумство заключается настоящее.

Послѣ этого женщины съ колыбельками отправляются къ своимъ Бойковичамъ, на общее сборное мѣсто. Зець съ своими гостями отправляется черезъ полчаса, чтобы дать женщинамъ съ колыбельками возможность прійти на мѣсто раньше. Но этого невозможно: народъ этотъ не можетъ идти мѣрнымъ шагомъ, а всякій летитъ, какъ можетъ, особенно при тяжелыхъ подъемахъ въ гору. Мы нѣсколько разъ догоняли и обгоняли женщинъ, останавливались и давали имъ пройти впередъ, а на сборное мѣсто пришли въ одно время.

По пути мы встрѣчали толпы народу изъ разныхъ селъ: одни были наши товарищи, другіе шли къ Бойковичамъ. Последнимъ мы не отвѣчали на ихъ привѣтствіе: «помагай Богъ!» Мы еще не помирились; при томъ они заискиваютъ у насъ, а не мы у нихъ.

Наконецъ, черезъ три часа ходу мы достигли сборнаго мѣста. Главари съ той и съ другой стороны выскочили впередъ и остановили своихъ людей, чтобы не смѣшались. Остановились одни передъ другими точно два враждебныя войска, и между ними оставлено нейтральное пространство шириною метровъ во сто.

Насталъ короткій моментъ тишины, а затѣмъ съ той стороны выдѣляется группа. Сынъ убійцы въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и безъ шапки ползетъ на четверенькахъ, а на шеѣ у него виситъ длинное ружье на ремнѣ (всегда длинное ружье, для большого эффекта, хотя бы убійство совершено было и изъ пистолета); его съ концовъ поддерживаютъ два кмета, тоже безъ шапокъ. Увидя это, Зець торопливо побѣжалъ впередъ, чтобы сократить эту тяжелую,

унизительную сцену. Онъ подбѣгаетъ къ Бойковичу, чтобы его скорѣе поднять, а этотъ въ тотъ самый моментъ цѣлуетъ его въ ноги, груди, плечи. Снявши ружье съ шеи Бойковича, Зець обращается къ нему съ слѣдующими словами, которыя ради силы ихъ приведемъ по сербски: «Нрво—брате; пак крвнмче; пак завазда брате! је-ли ово она пушка, те узела живот моме оцу?...» и, не дожидаясь отвѣта, вручаетъ ружье назадъ Бойковичу, выражая этимъ полное прощенье прошлаго, и оба цѣлуются, братски обнимаясь.

Послѣ этого съ той и съ другой стороны выходятъ по одному человѣку, которые по спискамъ выкликаютъ личности, долженствующія побрататься. При этомъ не извѣстно, кто съ кѣмъ побратается, потому что списки предварительно не считываются. Между этими 24 побратимствами называются вѣльми и тѣ 12, которыя прежде уже приняли кумство. Со стороны Бойковича всѣ выходятъ безъ шапокъ и съ покорностью.

Послѣ этого, кметы и главные люди изъ Бойковичей зовутъ Іова Зеца съ его дружиной и гостями на обѣдъ.

Трапеза была устроена высоко подъ скалами: посрединѣ широкія доски, поднятыя на камни, представляли собою одинъ длинный столъ, а передъ нимъ, тоже изъ досокъ, немного только пониже, родъ скамеекъ. Чело трапезы обращено было къ востоку. Первые мѣста заняли два начальника (podestà) грбальскій Іоко Николевичъ и паштровицкій Нико Давидовичъ; по правой сторонѣ сѣли Зець съ 24 вѣльми и малыми побратимами, а по лѣвой, противъ него, 24 кмета. Остальные 300 и даже болѣе человѣкъ размѣщены были также по старѣйшинству, и размѣщение это продолжалось съ часъ. Меня помѣстили между двумя начальниками. На столѣ разложены были говядина и баранина, вареная и печеная, хлѣбъ, сыръ. Когда все было готово, одинъ изъ священниковъ (онъ же и кметъ) прочиталъ молитву, и затѣмъ стали всѣхъ обносить ракіей. Ъли, конечно, просто руками, безъ всякихъ инструментовъ, и во время ѣды обносили виномъ. Здравницъ не было никакихъ; только кто пилъ, призывалъ имя Божіе и вкратцѣ выражалъ желаніе, чтобы миръ былъ искренній и прочный. Всѣ ѣли; но Іово Зець и 12 принявшихъ кумство не прикасались ни къ чему: это значитъ, что умиренье еще не окончено.

Когда обѣдъ былъ оконченъ, кметы напомнили, что теперь пора платить. Распорядители со стороны Бойковичей вынесли цѣлое блюдо завернутыхъ въ бумагу монетъ и стали раскладывать передъ каждымъ зецевымъ гостемъ, начавши, конечно, прежде съ него самого. И это длилось около полчасца. Іово Зець поднялся съ мѣста и спросилъ своихъ, всѣ-ли получили должное, и опять сѣлъ, получивши утвердительный отвѣтъ. Затѣмъ опять кметы приказываютъ, чтобы въ дополненіе къ недостающему въ деньгахъ снесено было передъ Зеца оружіе. Тотчасъ началось обезоруженіе бойковичевой

стороны, и все это при самой глубокой тишинѣ. Въ моментъ обезоруженія кое-гдѣ послышался женскій плачь, тотчасъ однако заглушенный.

Между тѣмъ передъ Зецомъ поставили огромное металлическое блюдо, и на него стали сносить лучшее оружіе: леденицы и тоже отдѣланные въ серебро большіе ножи, иногда въ позолотѣ и украшенные кораллами и дорогими камнями. Каждая леденица заряжена и курокъ поднять на первый взводъ. Принесли до 34 леденицъ и 11 ножей. Спрашиваютъ Зеца: «Довольно-ли?»— «Нѣтъ»,—отвѣчаетъ онъ. Приносятъ еще 6 леденицъ и 3 ножа. Опять недостаточно. Собираютъ какъ бы послѣднее: кладутъ еще двѣ леденицы и ножъ. «Довольно»—говоритъ Зець, и молчанье продолжается. Передъ нимъ стоитъ не только груда серебра, но и отличнаго и цѣннаго оружія, съ которымъ соединены. Богъ знаетъ, какія воспоминанія у его бывшихъ владѣтелей! а теперь оно больше не ихъ. Извѣстно, что все это будетъ возвращено; но тѣмъ не менѣе, у каждаго на лицѣ сомнѣнье: а что будетъ дальше? ну, а какъ онъ все это возьметъ собою? Это неопредѣленное состояніе прерываютъ кметы: именно одинъ изъ нихъ, священникъ съ прекраснымъ лицомъ, обрамленнымъ падающими на плечи свѣдыми, кудрявыми волосами—встаетъ и обращается къ Зецу съ такими словами: «Не подарить-ли ты что нибудь намъ, такъ какъ мы, по твоему желанію, потрудились на примиреніи?»—Встаетъ Зець и, молча, подаетъ имъ черезъ столъ десятокъ леденицъ и нѣсколько ножей. Опять пауза; снова къ Зецу обращается съ подобною же просьбой распорядитель обѣда. И ему даются двѣ леденицы. Затѣмъ Зець обращается вѣдъ стола: «А гдѣ мой кумъ? позовите его сюда». Онъ является по-прежнему раздѣтый, подходитъ къ своему куму съ покорностью и цѣлуетъ въ плечо. Тотъ-же беретъ цѣлое блюдо съ оружіемъ, при помощи другихъ, весь дрожа (отъ волненія или напряженія?) приподнимаетъ его и передаетъ своему кривну. Этотъ, поцѣловавши опять кума въ плечо, принимаетъ блюдо при помощи другихъ, и Зець говоритъ: «Возвращаю тебѣ все: и прощается смерть моего отца, и забывается все, что было; между нами же да будетъ братство, миръ и любовь. Не надо мнѣ и это твое мыто (вынимаетъ и передаетъ ему двѣ леденицы, принятыя утромъ), ни бѣлой тряпки со стола не понесу отъ тебя, и возвращаю еще и это мыто»—беретъ и передаетъ ему замотанную въ бумагу монету. «Возвратите и вы всѣ»—обращается онъ къ своимъ.

Затѣмъ настаетъ еще пауза, чисто ради душевнаго успокоенія, потому что сцена была трогательная. Послѣ этого Зець спрашиваетъ, гдѣ его кума. Подходить кума съ колыбелью, ставить передъ нимъ, а сама цѣлуетъ въ руку кума... «Вотъ тебѣ твое мыто назадъ»—говоритъ Зець, возвращая принятую утромъ монету—«а вотъ тебѣ и еще» и вручаетъ флоринъ. «Воротите и вы всѣ своимъ кумамъ, что приняли отъ нихъ;»—говоритъ онъ, обращаясь къ

своимъ кумовьямъ. Тѣ такъ и поступаютъ, возвращая принятое, и прибавляютъ еще какую нибудь монету, иной сверхъ того дарить платокъ.

Когда весь обрядъ исполненъ, тогда одинъ изъ кметовъ встаетъ на столъ и читаетъ сетенцію (рѣшеніе 24-хъ) и передаетъ её Зецу, а этотъ въ свою очередь передаетъ Бойковичу.

Назавтра долженъ быть обѣдъ для главнаго кума Зеца съ другими 11-ю. Тогда сетенція будетъ изготовлена въ двухъ экземплярахъ, которые будутъ связаны шелковыми шнурками за мелкую монетку, турецкую пару или какую-нибудь старинную венеціанскую. Монетка эта разрѣзывается ножницами, и при каждомъ экземплярѣ остается только по половинкѣ ея. Вотъ почему, какая-бы сумма ни опредѣлялась за мертвую голову, всегда упоминается и половина пары.

Въ заключеніе намъ могутъ задать вопросъ: какое положеніе занимала во всемъ этомъ официальная власть? Ее представляли собою 4 или 5 жандармовъ изъ мѣстной команды; держась сначала совершенно въ сторонѣ, они потомъ смѣшались съ толпою и были любопытными зрителями, какъ и всѣ. Два же упомянутые выше начальника—выборные представители власти и при томъ состояли въ роли кметовъ.

Этимъ все и кончилось. Мы позваны были знакомыми завернуть въ ихъ дома; а сверхъ того сочли за долгъ и честь посѣтить домъ нынѣшняго митрополита черногорскаго Митрофана, который родомъ именно изъ села Главатаго, гдѣ живутъ его старикъ-отецъ и братъ, семейный человѣкъ. Къ вечеру мы пѣшкомъ вернулись въ Сутвару, а на другой день колясной—въ Цетинье.

Передавши такимъ образомъ съ возможными подробностями и точностью все, что происходило передъ нашими глазами, постараемся, сколько возможно короче, собрать во едино и тѣ впечатлѣнія, которыя оставило въ насъ непосредственное наблюденіе фактовъ.

Первое впечатлѣніе то, что всѣ эти сцены, весьма трогательныя и даже суровыя, придуманы съ цѣлю подѣйствовать на цѣлый народъ и, устрашая этими формами, отъ исполненія которыхъ не можетъ уклониться ни одинъ виновный, предупреждать возможность убійства. И это, въ дѣйствительности, производитъ на народъ эффектъ ужасный. Тутъ вы у многихъ могли видѣть слезы на глазахъ, а иной приглушалъ въ себѣ рыданія, не говоря о женщинахъ, которыя плакали. Это, значить, не пустыя формы и сцены въ родѣ театральнаго представленія, а вѣрно рассчитанныя на нравственное, воспитательное вліяніе. Что же касается матеріальнаго наказанія виновнаго на счетъ его имущества, такъ какъ тутъ страдаютъ и матеріальные интересы потерпѣшаго, то оно играетъ чуть ли не послѣднюю роль: за голову платится 266

флор. и 2 гроша—сумма ничтожная, сравнительно съ значеніемъ потери главнаго человѣка въ домѣ. Тѣмъ не менѣе она иногда взималась прежде. Это было особенно умѣстно тамъ, гдѣ съ той и съ другой стороны погибло нѣсколько человѣкъ; тогда такимъ способомъ подводились общіе счеты; кромѣ того тутъ же взималось за лѣченіе раненныхъ и за различные другіе случившіеся при томъ убытки. Но нравственная сторона постоянно брала верхъ, и со временемъ стало какъ бы неприличнымъ цѣнить деньгами голову своего человѣка.

Весьма важную роль тутъ играетъ мыто: вмѣстѣ съ платою за голову присуждаются 30 цекіновъ (60 флор.) мыта, и кромѣ того подарки или подплата на каждомъ шагѣ.

Выпрашиванье кумства—также своего рода мыто, только моральное, какъ великая почесть.

Что касается обѣда,—а прежде бывали обѣды по три дня—то это единственно и падало тяжестью на виновныхъ. Но тутъ помогаетъ цѣлый родъ; и что стоитъ имъ угостить 300—500 человѣкъ гостей? особенно въ прежнее время, когда со скотомъ некуда было дѣваться; а все угощеніе и состоитъ въ мясѣ. Въ настоящее же время угощеніе это доводится до возможно скромныхъ размѣровъ.

Итакъ, въ основаніи этого обычая положенъ принципъ моральный, при чемъ необходимыхъ издержекъ несравненно меньше, чѣмъ на всякомъ современномъ судѣ, гдѣ одно сидѣніе по тюрьмамъ составляетъ страшную экономическую и моральную тяжесть.

Послѣ этого останавливаемся на слѣдующемъ фактѣ: пострадавшій принадлежитъ роду Туйковичей и не имѣетъ за собою никого больше, тогда какъ на сторонѣ виновнаго, кромѣ Бойковичей, стоятъ еще Любановичи и Лазаревичи; и не смотря на все это Туйковичи выигрываютъ. Этого никакъ не добился бы одинъ родъ, еслибы ему не помогали, проникнутые сознаніемъ его правоты, и всѣ другіе роды, весь Грбаль. Значитъ, судъ этотъ—результатъ того чувства справедливости, которое глубоко лежитъ въ цѣломъ Грбальскомъ народѣ. И никогда еще не бывало, чтобы судъ этотъ судилъ иначе.

Сколько наконецъ, нужно имѣть доброй воли и энергіи, искусства и стойкости, чтобы цѣлый сильный родъ заставить принять такія тяжкія условія, которыми онъ принижается до крайней степени!... Все это показываетъ на глубоко вѣдренныя гражданскія добродѣтели.

Эти племена дѣйствительно всегда отличались, и какъ юнаки въ бою, и какъ граждане, стоящіе за правду и охраняющіе свои права, какъ высшую драгоценность. Но они изстари, рядомъ съ племеннымъ и родовымъ бытомъ, держали крѣпко и общину, которая стояла надъ родомъ и племенемъ. Грбаль, собственно, и есть община, въ которую, какъ составныя единицы, входятъ роды

и плѣмя. Этимъ духомъ общины Приморцы и стоятъ много выше своихъ братьевъ-Черногорцевъ, которые, не смотря на громадныя преобразованья, постигшія ихъ бытъ, и на громадныя труды князя Николая для поднятія просвѣщенія и культуры въ Черногоріи, по духу остаются при возрѣвнѣхъ своего стараго, племенного и родового, быта.

Вотъ къ какимъ выводамъ относительно самого народа привело насъ наблюденіе обряда умиренья крови.

На этомъ мы могли бы и остановиться; но картина наша была бы не полна и заключенія не совсѣмъ ясны, еслибы мы, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, не упомянули о кровавой мести.

III.

Кровавая месть и умиренье крови — два нераздѣльные древнія народныя учрежденія.

Кровавую месть многіе считаютъ признакомъ дикости народа и отсутствія въ немъ закона и законности, которые обуздывали бы самоволіе и грубые нравы дикарей. Это самый извращенный взглядъ на дѣло. Кровавая месть вмѣстѣ съ умиреньемъ крови представляетъ одно изъ стариннѣйшихъ учрежденій, которое не множило убійства, а напротивъ предупреждало ихъ.

Въ древнее время, во время племенныхъ формъ народной жизни, кровавая месть охраняла эти формы противъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Когда не было хорошей администраціи и полиціи, всякій воздерживался отъ обиды кому либо и нарушенія мира, зная, что его непремѣнно постигнетъ за то казнь. если не его лично, то его родственника или одноплеменника, передъ которыми онъ также долженъ былъ отвѣчать. Что въ послѣдствіи изъ этого произошло много зла, въ томъ виновато не учрежденіе, а культурная степень народа и самый характеръ этой культуры. Больше всего принесла этому зла война, которая выше всѣхъ добродѣтелей и способностей человѣческихъ ставитъ храбрость и умѣнье справляться со своими жертвами; затѣмъ отсутствіе законности и неуваженіе власти къ народнымъ обычаямъ и учрежденіямъ. На Балканскомъ полуостровѣ Турція явилась военною ордою, въ которой все дѣлалось по мысли и волѣ ея главнаго военнаго повелителя—падишаха и его субалтерновъ.

И въ этомъ обезображенномъ государствѣ народъ спустился на степень скота, а съ нимъ вмѣстѣ потеряли всякое значеніе и его учрежденія, которыя съ того времени не могли болѣе дѣйствовать или стали подвергаться извращенію. Между тѣмъ прежде было иначе. Кровавая месть при Неманичахъ признавалась за учрежденіе народное и государственное. Душанъ, не уничтоживъ его совсѣмъ, регулировалъ его, замѣнивъ другими законами.

Интересный случай приводит г. Весничъ (стр. 32—33) изъ начала XIV в. «Одинъ Дубровчанинъ убилъ Сербина; дубровницкій князь (comes) хотѣлъ казнить его смертью, по итальянскому закону; но Дубровчане не дали, и дѣло было сообщено въ Венецію. Тутъ рѣшено было передать дѣло сербскому кралоу (тогда былъ Милутинъ), тѣмъ болѣе, что пострадалъ Сербинъ. Краль на это отвѣтилъ, что онъ никакъ на это не соглашается, не желая проливать кровь своихъ, и что желаетъ, чтобы судили и рѣшили по древнему, его и его предковъ обычаю вражды, и иначе не соглашается никакъ, такъ какъ онъ это подтвердилъ даже присягою, а что Рагузинцы могутъ поступать со своими Рагузинцами, какъ хотятъ; онъ же самъ съ этими людьми не поступитъ иначе, какъ по обычаю вражды¹⁾».

Этотъ случай лучше всего показываетъ намъ, какъ полезно въ то время было это учрежденіе умиренія крови, которое составляетъ только заключительный актъ кровавой мести.

Между прочимъ г. Весничъ обращаетъ вниманье еще и на тотъ фактъ, что у западныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, уничтоженью кровавой мести главнымъ образомъ помогло католическое духовенство, чего совѣтъ не замѣчается у Сербовъ (стр. 20—21), и далѣе объясняетъ это невысокимъ уровнемъ образованности сербскаго духовенства, а потомъ добавляетъ: «Даже когда сербская церковь мѣшалась въ дѣла кровавой мести, священники и тогда являются, какъ судьи, и участвуютъ не какъ слуги церкви, но скорѣе, какъ главные люди своего племени» (стр. 69—70).

Въ этой послѣдней замѣткѣ все правда; мы только дадимъ ей надлежащее освѣщеніе.

Католическое духовенство никогда не было народнымъ; поэтому оно никогда и не держалось народныхъ обычаевъ, а скорѣе уничтожало ихъ, не щадя даже самой народности; тогда какъ сербское духовенство всегда было чисто народное и потому держалось¹⁾ народныхъ обычаевъ, какъ своихъ родныхъ, собственныхъ. И потому, участвуя во всѣхъ народныхъ дѣлахъ, какъ люди, стоящіе по уму и другимъ качествамъ выше остального народа, духовныя лица старались не уничтожать народные учрежденія, а оберегать ихъ отъ искаженій и вносить въ исполненіе разныхъ предписываемыхъ ими формъ только порядокъ, любовь, смыслъ и идею, что и приличествуетъ исполнѣ ихъ пастыр-

¹⁾ Отвѣтъ короля Уроша, 1308 г. въ Сербск. Памят. М. Пуцича. (1862 г. стр. 153). «Quod in hoc nullo modo assentiret et quod nolebat spargere sanguinem suorum, sed volebat sententiarum et tenere antiquam consuetudinem vrasde praedecessorum suorum et suam et quod aliud non faceret aliquo modo, quia hoc etiam firmaverat per sacramentum et quod Racusei facerent de suis Racuseis quidquid vellent, sed ipse non faceret de suis hominibus nisi secundum dictam consuetudinem vrasdae».

скому призванію. Въ этомъ случаѣ не корить ихъ слѣдуетъ, а благодарить за святое храненіе народности со всѣми ея древними обычаями и учрежденіями.

А что касается Запада, то тамъ надъ искорененіемъ этого обычая работало много факторовъ: общее благоустройство жизни и культурность нравовъ, просвѣщеніе и просвѣщенная власть, гуманизмъ и гуманныя идеи, которыя сыпались въ народъ великими, просвѣщенными умами; въ томъ же смыслѣ помогало и католическое духовенство; но отнюдь не оно одно. Сербамъ же досталась иная доля: турецкое господство, военная власть, мухамеданство со всѣми сопровождающими злами; а все, что сербскій народъ сохранилъ, вопреки всѣмъ обращеннымъ на него гоненіямъ, всѣ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи помогли ему освободиться отъ чуждаго ига и занять съ достоинствомъ мѣсто между культурными народами, сохранено преимущественно его духовенствомъ.

Вотъ почему духовныя лица были не за истребленіе такихъ обычаевъ, какъ кровавая месть и умиреніе крови, а за ихъ лучшее примѣненіе на практикѣ.

Говоря о кровавой мести, не нужно забывать, что тутъ примѣшивается нѣчто и изъ религіознаго чувства. «Ко се не освети, тај се не посвети» говоритъ Сербія. Это значитъ: «Тотъ не можетъ быть святымъ, т. е. удостоиться заслуженной его добродѣтелями жизни на томъ свѣтѣ, кто не будетъ отомщенъ».

Это далеко отъ разнузданнаго убійства, которое совершается въ Албаніи, а когда-то бывало и въ Черногоріи и Приморьѣ, когда не изъ мести, а просто изъ пустяковъ видались другъ на друга, и тутъ падали десятки жертвъ.

В. Врчевичъ рассказываетъ, какъ въ Грблѣ же въ 1842 г., начавши шуткой, окончили тѣмъ, что убили троихъ на смерть, а 6 ранили. Но и это не все. Въ дополненіе къ тому, четверо, встрѣтивши священника и изъ разговора съ нимъ узнавши, что онъ идетъ причастить одного изъ раненныхъ, убили и его на мѣстѣ.

Это—разнузданность, дошедшая уже до какого-то опьяненія кровью, и какое-то пренебреженіе къ человѣку и человѣческой крови. Для такихъ случаевъ, мы бы сказали, и нѣтъ умиренія; но народный духъ и тутъ нашелъ выходъ, чтобы только избѣжать зла еще большаго. ¹⁾

Такого рода массовыя убійства не имѣютъ ничего общаго съ кровавою местью. Но и она теряетъ смыслъ тамъ, гдѣ государство беретъ на себя охрану жизни и имущества каждаго.

¹⁾ См. В. Врчевичъ—«Низ приповѣдака» Панчево 1881 г. статья: «Кровава ужоба» стр. 196—206.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что, какъ кровавая месть, такъ и умиренье крови, были нѣкогда народными учрежденіями, посредствомъ которыхъ обезпечивалась всеобщая безопасность, и польза или необходимость ихъ признавалась самою политическою властью; но времена и обстоятельство измѣнили ихъ духъ и характеръ, а всеобщая разнузданность нравовъ и привычка биться за каждую мелочь внесли въ это учрежденіе то, что оно сдѣлалось бичемъ человѣчества.

Но это нужно приписать измѣненію нравовъ, одичавшихъ подѣ вліяніемъ духа воинственности; дикіе нравы эти и извратили учрежденіе кровавой мести до удовлетворенія кровью за малѣйшую обиду, иногда только воображаемую. Въ концѣ концовъ, кровавая месть теперь утратила всякій смыслъ и значеніе, а только заключительный ея актъ, умиренье крови, какимъ-то чудомъ исполнѣ законно продолжаетъ существовать и нынѣ.

П. Ровинскій.

Цетиньё, 16 окт. 1890.

Маріупольскіе Греки.

Занимаясь исторіей готскихъ народностей въ области нынѣшней Россіи вообще и крымскихъ Готовъ въ особенности, я пришелъ къ убѣжденію, что послѣднихъ потомковъ Готовъ таврическихъ слѣдуетъ видѣть въ такъ называемыхъ Маріупольскихъ Грекахъ, выселившихся въ 1778 г. изъ Крыма подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита Готѣйскаго и Кафійскаго ¹⁾. Выходцамъ этимъ были отведены обширныя земли въ нынѣшнемъ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, гдѣ они основали городъ Маріуполь и 23 селенія, существующія и понынѣ ²⁾.

Переселенцы, въ составъ которыхъ вошли также тѣ немногіе Грузины и Волохи ³⁾, которые вмѣстѣ съ Греками выселились подъ защиту единовѣрной православной державы—Россіи, распадаются на двѣ части: одни изъ нихъ, такъ называемые «татъ», говорятъ по гречески; они вышли главнымъ образомъ изъ прежнихъ Генуезскихъ владѣній южнаго берега Крыма;—другіе, говорящіе по татарски,—суть выходцы изъ юго-западной горной области Крымскаго полуострова, т. е. именно изъ той области, которая до 1475 г. составляла владѣніе Мангупскихъ или «Готскихъ» князей (*domini Todorî или domini Gotiae* Генуезцевъ).

Отправляясь лѣтомъ текущаго года на югъ съ цѣлью отысканія здѣсь слѣдовъ готской жизни, я поставилъ себѣ прежде всего задачей познакомиться съ этими потомками народа, слѣды котораго я хотѣлъ отыскать. При этомъ изслѣдованію подлежала, очевидно, главнымъ образомъ та часть греческаго населенія, которая говоритъ по татарски. Я могъ тѣмъ болѣе ограничиться ею,

¹⁾ Мысль эта высказана въ видѣ догадки уже въ 1874 г. А. Куникомъ въ Зап. Акад. Наукъ XXIV, стр. 142. Причины, подтвердившія мнѣ эту мысль, изложены мной въ статьѣ «Die letzten Schicksale der Kriugoten», появившейся въ отчетѣ Реформатскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1889—90 учебный годъ.

²⁾ Ихъ теперь 25, такъ какъ прибавилось двѣ деревни: Новая Карань и Новая Игнатьевка.

³⁾ По рукописной «Вѣдомости» Суворова, хранящейся въ ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба и изданной мной въ указ. мѣстѣ стр. 84 сл., Грузиновъ было всего 219, Волоховъ 161 человекъ; Грековъ-же 18,391. Армяне, вышедшіе вмѣстѣ съ ними въ числѣ 12,611, отделились отъ нихъ и поселились на устьѣ Дона, основавъ здѣсь городъ Нахичевань.

что греческія деревни посѣтилъ и описалъ еще въ 1874 г. покойный Григоровичъ ¹⁾).

Сводя въ нижеслѣдующемъ результаты моей поѣздки въ Маріупольскій уѣздъ въ одну общую картину, я долженъ прежде всего замѣтить, что ходъ моихъ разысканій обуславливался исключительно главной моею цѣлью—отысканіемъ готскихъ слѣдовъ. Я не могъ и не хотѣлъ останавливаться, напримѣръ, на собираніи точнаго статистическаго матеріала относительно численности греко-татарскаго населенія или сельско-хозяйственнаго его быта. Это обстоятельство послужить, надѣюсь, достаточнымъ извиненіемъ той неполноты и односторонности, которымъ, по необходимости, долженъ страдать мой очеркъ жизни и быта Маріупольскихъ Грековъ. Главной цѣли своей я не достигъ, т. е. ясныхъ слѣдовъ готской жизни я не нашелъ ни въ лексиконѣ татарскаго говора, ни въ собственныхъ именахъ, ни въ преданіяхъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, по дорогѣ къ ясно-намѣченной, къ сожалѣнію не достигнутой, цѣли попались кое-какіе факты «живой старины», которые, можетъ быть, покажутся читателю не безъ-интересными.

Приемы, которыми я пользовался при собираніи интересовавшаго меня матеріала, состояли въ слѣдующемъ. Прибывъ въ какое-либо село, я обращался прямо къ сельскому старостѣ или волостному старшинѣ, гдѣ таковой имѣлся. Распросивъ его и растолковавъ въ чемъ дѣло, я черезъ него собиралъ всѣхъ стариковъ деревни. Дѣлалось это обыкновенно очень быстро, такъ какъ старики, по дряхлости своей, уже не уходять въ поле на работу и въ большинствѣ случаевъ оказывались всѣ налицо. Приводили ко мнѣ людей дѣйствительно старыхъ; встрѣчались между ними такіе, которымъ свыше 80-ти лѣтъ (одинъ, въ Башевѣ, утверждалъ даже, что ему больше ста); не было конечно такихъ, которые-бы видѣли еще Крымъ; въ большинствѣ случаевъ они оказывались сыновьями, рѣдко внуками, первоначальныхъ выходцевъ. Они почти всѣ крайне интересовались моимъ дѣломъ и очень охотно отвѣчали на мои вопросы. Недовѣрчивость, обычную въ простолюдиѣ въ подобнаго рода вопросахъ, я замѣчалъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Вообще я долженъ отмѣтить фактъ, что во всемъ краѣ, во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ населенія я встрѣтилъ такое дружелюбное, почти ласковое отношеніе ко мнѣ и моему дѣлу, такую, часто неожиданную, предупредительность въ оказаніи содѣйствія моимъ разысканіямъ, что край Маріупольскихъ Грековъ въ этомъ отношеніи оставилъ во мнѣ самое лучшее воспоминаніе ²⁾). Я отмѣчаю это не только для

¹⁾ Записка Антикварія о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ. Одесса. 1871.

²⁾ По могу не вспомнить здѣсь съ особенной благодарностью Маріупольскаго уѣзднаго исправника Георгія Николасвича Гордынскаго, который всячески и словомъ и дѣломъ оказывалъ мнѣ свое вліятельное содѣйствіе.

того, чтобы печатно повторить выраженіе глубокой благодарности всѣмъ содѣйствовавшимъ мнѣ лицамъ, но и для того, чтобы показать, что я при своихъ изысканіяхъ былъ поставленъ въ наилучшія условія; если результаты моей поѣздки оказались тѣмъ не менѣе сравнительно незначительными, то это слѣдуетъ приписать отсутствію ожидавшагося мной матеріала.

Возвращаюсь къ изложенію моихъ пріемовъ.

Разговоръ со стариками составлялъ самую интересную и поучительную часть моихъ разысканій. Покончивъ съ нею, я обыкновенно отправлялся къ мѣстному священнику. Отъ него я часто получалъ драгоценныя свѣдѣнія, такъ какъ большинство священниковъ вышло изъ среды тѣхъ же Грековъ и во многихъ случаяхъ уже раньше интересовалось историческимъ прошлымъ этихъ Крымскихъ выходцевъ. Осмотромъ церкви и церковной утвари обыкновенно заканчивалось мое пребываніе въ извѣстномъ селѣ.

Я провелъ въ области Маріупольскихъ Грековъ всего 10 дней. За это время я успѣлъ познакомиться съ городомъ Маріуполемъ и со всѣми 10-ью татарскими деревнями въ слѣдующемъ порядкѣ: Старый Крымъ, Карань, Игнатьевка, Ласпа, Бешевъ, Улакы (Джемрекъ тожъ), Богатырь, Камара, Старый Керменчикъ ¹⁾ и Мангушъ. Кромѣ того, я по дорогѣ останавливался въ Большой Янисолъ (Салгирь-Енисала тожъ) и въ Стылъ, двухъ греческихъ деревняхъ.

Что касается исторіи первоначальнаго заселенія края Крымскими выходцами, то нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія я почерпнулъ изъ «Списка съ записки внесенной министромъ финансовъ въ комитетъ министровъ 31-го декабря 1823 году за № 3966.» Списокъ этотъ хранится у г. исправника Гордынского и любезно былъ мнѣ имъ предоставленъ. Изъ этой записки оказывается, что по плану въ 1779 г. Высочайше конфирмованному Грекамъ предназначалось 1,237,475 десятинъ земли въ границахъ, подробно обозначенныхъ. Но когда въ 1817 г. была назначена коммиссія для точнѣйшаго опредѣленія земельной собственности каждаго села и рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ относительно землевладѣнія Грековъ, то «означеннаго въ грамотѣ числа десятинъ не оказалось, отъ того что въ самой натурѣ ихъ не явилось», какъ характерно выражается записка, а оказалось въ означенныхъ грамотой границахъ всего только 744,384 дес. 1225 саж., т. е. почти на 500,000 десятинъ меньше предполагавшейся земли. Изъ этихъ земель въ безспорномъ владѣніи Грековъ состояло 723,563 дес. 1359 саж., остальные же земли были

¹⁾ Въ Маломъ-Керменчикѣ я не былъ: это село основано позднѣе выходцами изъ Старога Керменчика и не имѣетъ, какъ меня убѣждали, ни стариковъ свѣдущихъ, ни старинной церковной утвари.

заселены казенными крестьянами или состояли во владѣніи помѣщиковъ. Но такъ какъ и этихъ земель казалось слишкомъ много для сравнительно малаго числа поселенцевъ, то коммиссія наръзала основаннымъ послѣдними 23-мъ селеніямъ всего 350,080 дес. 2181 саж., а городу Мариуполю всего 14,991 дес. 145¹/₂ саж. ¹⁾, да для рыбнаго промысла 6000 дес. удобной и 2332 дес. 755 саж. неудобной земли. Кромѣ того, Грекамъ предоставлено еще 139,517 дес. 1527¹/₂ саж. для будущаго заселенія. Надѣлъ былъ, какъ видно, очень щедрый: всего Грекамъ отведено 518,421 дес. 2209 саж. Въ 23-хъ греческихъ селеніяхъ насчитывалось тогда Грековъ, Грузиновъ и Волоховъ всего 11,212 душъ мужескаго пола, которыя распредѣлялись по селеніямъ слѣдующимъ образомъ: Сартана 664, Чермалыкъ 425, Карань 652, Игнатьевка 630, Ласпа 396, Каракуба 435, Вешеве 620, Стыла 489, Волковаха 207, Улакы 309, Константинополь 487, Богатырь 571, Камара 588, Большая Янисоль 613, Новая Каракуба 417, Керменчикъ 650, Новый Керменчикъ 169, Малая Янисоль 842, Чердаклы 407, Старый Крымъ 214, Мангушъ 655, Ялта 570, Гурзуфъ 202.

Въ Мариупольской городской управѣ сохранился оригиналъ карты тѣхъ земель, которыя, по рѣшенію Екатерины II, предназначались переселенцамъ. Она носитъ заголовокъ: «Карта представляющая часть Азовской губерніи Мариупольскаго уѣзда, земли, которая опредѣляется вышедшимъ изъ Крыма Грекамъ». Посреди самой карты собственноручная надпись Императрицы: «Быть по сему. Екатерина». Затѣмъ другой рукой приписано: «Конфирмантъ 2-го октября 1779 года»; наконецъ, внизу на самомъ краю подпись: «Князь Потемкинъ». На эту карту, конечно, еще не нанесены основанныя въ послѣдствіи села; но уже обозначено мѣсто, гдѣ предполагалось основать Мариуполь: это тоже мѣсто, на которомъ теперь дѣйствительно стоитъ этотъ городъ.

Въ городской же управѣ хранится и довольно обширный архивъ, но, къ сожалѣнію, въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ. Даже поверхностное ознакомленіе съ нимъ заняло бы нѣсколько мѣсяцевъ; я поэтому за него и не брался, тѣмъ болѣе, что хранитель его увѣрялъ меня, что старыхъ документовъ, касающихся первоначальнаго заселенія края, въ немъ не имѣется: состоитъ онъ почти исключительно изъ бумагъ бывшаго греческаго суда, просуществовавшаго до 60-хъ годовъ нашего столѣтія.

Что касается распредѣленія переселенцевъ по деревнямъ, то меня прежде всего интересовалъ вопросъ, изъ какихъ именно крымскихъ деревень вышли жители каждаго Мариупольскаго села въ отдѣльности. Къ сожалѣнію, я пол-

¹⁾ Удобной земли 14,264 дес. 1732¹/₆ саж., неудобной 726 дес. 813¹/₂ саж.; селеніямъ: 346,602 дес. 1010²/₃ саж. удобной и 8978 дес. 1170¹/₂ саж. неудобной.

ной ясности въ этомъ вопросѣ не достигъ. Письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ никакихъ, а что касается устныхъ преданій, то и они въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. Твердыя точки опоры даютъ только названія деревень: въ нихъ повторяются названія крымскихъ селъ, изъ которыхъ вышли основатели ихъ: такъ, въ селѣ Улакы, называющемся и Жемрекъ, поселились, очевидно, выходцы изъ крымскихъ селъ Улакы и Жемрекъ. Этими данными приходится довольствоваться относительно селъ: Демирджи (Константинополь тожъ), Камары, Чермалыка, Гешева, старой и новой Каракубы (Аргынъ тожъ), Сартаны, Чердаклы, Малой Енисоли, Эски-Крыма, Мангуша, Стыли, Гурзуфа (или Кызылташъ) и упомянутого уже Жемрека (Улакы).

Относительно остальныхъ восьми селъ ¹⁾ мнѣ удалось установить слѣдующее: въ Карани поселились выходцы изъ крымскихъ деревень Карани, Мармары и Черкезъ-Кермана (устное преданіе); въ Ласпѣ: жители Ласпы и Алсу (потому что одна часть деревни и теперь еще называется Алсу); въ Богатырѣ: изъ Богатыря и деревни Лака (такъ какъ, со словъ священника, часть деревни называлась такъ); въ Большой Енисолѣ поселились жители крымской деревни того же названія и, кромѣ того, выходцы изъ села Аянъ; до настоящаго времени село распадается на двѣ части: одна, Янисоль, говоритъ по гречески, другая, Аянъ, по татарски! ²⁾ Такъ какъ послѣдняя называется и Езенбашъ, то, вѣроятно, въ нее вошли также выходцы изъ этой крымской деревни. Въ Старомъ Керменчикѣ соединились жители четырехъ селъ: Керменчика, Шуру, Албата и Бія-сала; они, по преданію, составляли въ Крыму одну паракію и, поселившись вмѣстѣ, завели споръ о церковномъ престолѣ: побѣду одержали жители Керменчика, и церковь была выстроена во имя Св. Троицы, такъ какъ такая-же церковь имѣлась въ крымскомъ Керменчикѣ.—Наконецъ, Ялта заселена выходцами изъ Ялты, Біюкъ-Ламбата и Ключюкъ-Ламбата.

Что касается села Игнатьевки, то оно заселено исключительно Грузинами и Волохами, вышедшими изъ Крыма вмѣстѣ съ Греками. По ихъ преданію, Грузиновъ-выходцевъ было всего 36 казановъ (т. е. семействъ; по «Вѣдомости» Суворова 219 человекъ); они въ Крыму своихъ селъ не имѣли, а были въ рабствѣ у Татаръ; митрополитъ Игнатій освободилъ ихъ, вывелъ вмѣстѣ съ Греками и основалъ имъ здѣсь особое село, назвавъ его своимъ именемъ: Игнатьевкой. Они и теперь еще называютъ себя Грузинами, а не Греками, хотя говорятъ исключительно по татарски, забывъ грузинскій языкъ; между

¹⁾ Девятос—Волковаха или Бугасу основано не Крымскими выходцами, а анатолийскими Греками въ 20-хъ годахъ.

²⁾ Церковь одна, но въ ней два престола: Воскресенія (Аянъ) и Георгія Побѣдоносца (Янисоль).

ними немного только «грековъ». Въ обычаяхъ и правахъ они ни въ чемъ не отличаются отъ сосѣднихъ Грековъ. Осталось одно лишь сознаніе, что они—Грузины, а не Греки, да еще нѣсколько грузинскихъ фамиліальныхъ именъ (такъ, есть между ними «дворянинъ» Ломидзевъ, который показалъ мнѣ свою дворянскую грамоту, выданную его дѣду при Екатеринѣ, въ подтвержденіе его дворянскаго достоинства). Въ ихъ составъ вошли несомнѣнно всѣ выходцы крымскихъ селъ Какціон (?), Бешутки и Султанъ-Салы, изъ которыхъ выселились одни только Грузины. Въ другихъ деревняхъ Маріупольскихъ Грековъ я не нашелъ никакихъ слѣдовъ грузинскаго населенія. Что касается Волоховъ (выходцевъ крымскаго села Абдалъ), то они, по увѣренію Грузиновъ, тупой народъ и не захотѣли жить вмѣстѣ съ Грузинами въ Игнатьевкѣ: они выселились и основали въ 10 верстахъ отъ стараго села новое—Новую Игнатьевку, гдѣ и теперь живутъ сплошной массой¹⁾; говорятъ они по волошски, и фамиліи сохранили старыя, волошскія (я замѣтилъ между ними извѣстную и у насъ фамилію Абаза). По преданію, ихъ было при выселеніи изъ Крыма 96 человекъ; по вѣдомости Суворова 161; теперь ихъ 382 души мужскаго и 390 женскаго пола.

Мнѣ осталось еще замѣтить, что въ самомъ Маріуполѣ поселились выходцы изъ Карасу-базара, Кафы (Феодосіа) и Бахчисарая²⁾.

Такимъ образомъ удалось опредѣлить мѣсто поселенія выходцевъ изъ 37-ми крымскихъ городовъ и селъ. По вѣдомости Суворова, Греки, Грузины и Волохи вышли изъ 68-ми мѣстъ. Остается, слѣдовательно, неясной судьба переселенцевъ изъ 31 мѣста. Вѣроятно Греки городовъ Козлова (Евпаторіа) и Балаклавы вошли въ составъ Маріуполя; выходцы другихъ селъ слились съ большою массой, не оставивъ по себѣ воспоминаній о первоначальной родинѣ. Странно однакожъ, что въ ряду названій Маріупольскихъ селъ встрѣчаются и такія, которыхъ нѣтъ въ спискѣ Суворова, именно: Богатырь, Аргынъ (Каракуба) и Езенбашъ (Янисоль), а, между тѣмъ, одноименныя села и теперь еще существуютъ въ Крыму и, несомнѣнно, изъ нихъ дѣйствительно вышли православные. Обстоятельство это, конечно, должно быть объяснено неточностью Суворовской вѣдомости. Можетъ быть, спорныя деревни въ ней поименованы, но подъ другимъ только названіемъ?

Замѣчу наконецъ еще, что, по преданію, вмѣстѣ съ православными выселилось изъ Крыма и нѣсколько мусульманскихъ семействъ, которыя приняли крещеніе уже только въ Россіи; но они до настоящаго времени народомъ и

¹⁾ Новая Игнатьевка пока еще заштатное село, но жители хлопочутъ о признаніи его самостоятельнымъ и строить церковь.

²⁾ Рѣчь свящ. Павла Щербина по поводу столѣтія кончины митрополита Игнатія, 1886 г., стр. 17.

официально (т. е. по фамиліи) называются «турками» (со словъ отца Андрея Чентукова въ Старомъ-Крымѣ).

Внѣшній типъ у всѣхъ переселенцевъ въ общемъ одинъ и тотъ-же: они средняго роста, не слишкомъ крѣпкаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, обыкновенно въ кудряхъ, глаза большіе, быстрые, черные, носъ большой съ горбомъ, губы широкія, въ сильныхъ, энергичныхъ контурахъ,—однимъ словомъ, это тотъ-же типъ, который и теперь еще господствуетъ среди горныхъ жителей Крыма, т. е. типъ чисто новогреческій, своеобразно красивый и характерный. Типичныя черты тюркскаго племени (въ Крыму—степныхъ и городскихъ Татаръ): узкій разрѣзъ карихъ глазъ, сильно развитыя скулы, узкія блѣдныя губы и желтовато-блѣдный цвѣтъ лица—встрѣчаются крайне рѣдко; я замѣтилъ въ этомъ отношеніи только одно дѣйствительно типичное лицо (сына волостнаго старшины въ Карани; его отецъ—чистѣйшій Грекъ).

Но болѣе интересно и важно для насъ другое отступленіе отъ общаго греческаго типа: это—чисто готскій типъ. Онъ встрѣчается не слишкомъ часто, но нельзя сказать, чтобъ очень рѣдко: почти въ каждой деревнѣ я замѣтилъ одного или нѣсколько лицъ этого типа: они ростомъ выше Грековъ, стройнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкаго, широкаго тѣлосложенія; глаза темно-голубые, красиваго разрѣза, не такіе широкіе, какъ у Грековъ, волосы золотистаго цвѣта, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ въ кудряхъ; цвѣтъ лица, какъ у всѣхъ блондиновъ, нѣжный, щеки и губы алыя, носъ короткій, прямой. Однимъ словомъ, это чисто готскій типъ; существованіе его среди греческаго населенія Маріупольскаго уѣзда я не могу себѣ объяснить иначе, какъ атавизмомъ, проявленіемъ готской крови въ жилахъ этихъ переселенцевъ. Особенно поразилъ меня ямщикъ, везшій меня изъ Богатыря въ Камару, юноша лѣтъ 19-ти, носящій всѣ характерныя черты этого типа; имя его Гавріилъ, по фамиліи Чалбашъ (т. е. «бѣлая голова»); онъ рассказалъ мнѣ, что и у покойнаго отца его были свѣтлые волосы и голубые глаза, отчего его и прозвали «бѣлой головой»¹⁾. Что этотъ свѣтлый германскій типъ встрѣчается сравнительно рѣдко, это неудивительно: въ борьбѣ двухъ типовъ, свѣтлаго и смуглаго, всегда побѣждаетъ темный (ср., напр., юго-западную Германію и французскую Швейцарію).

Что касается языка переселенцевъ, то они, какъ я уже сказалъ, дѣлятся въ этомъ отношеніи на двѣ группы: одни, такъ называемые «татъ», говорятъ на своеобразномъ греческомъ нарѣчій, которое они называютъ «айла» (оно

¹⁾ Я сначала относился очень недověрчиво къ случаямъ этого рода и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ справлялся, нѣтъ-ли тутъ примѣси великорусскаго свѣтлаго типа. Мое недověріе оправдалось только одинъ разъ (въ Ласпѣ), притомъ-же это было дѣйствительно русское, но готское лицо (глаза сѣрые, носъ маловѣрный).

описано Григоровичемъ въ указ. статьѣ); но кромѣ того, всѣ «таты» понимаютъ и говорятъ также и по татарски; пѣсни ихъ даже всѣ исключительно татарскія; греческихъ пѣсенъ они не помнятъ. Другая группа, говорящая по татарски, вовсе не знаетъ греческаго языка. Любимая пѣсня какъ тѣхъ, такъ и другихъ—пѣснь о героѣ Кјороглу (сынѣ слѣпца) и его подвигахъ, которая поется и въ Крыму еще. Но Татары помнятъ, что и они говорили когда-то по гречески: священники неоднократно рассказывали мнѣ, что крестьяне постоянно обращаются къ нимъ съ просьбой читать имъ евангеліе по гречески, хотя они ни одного слова греческаго не знаютъ: «намъ, говорятъ они, тонъ пріятенъ!» (Старый-Крымъ, от. Чентуковъ). И дѣйствительно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда священникъ соглашается на ихъ просьбу и читаетъ имъ евангеліе по гречески, то въ крестьянахъ появляется гораздо больше усердія къ молитвѣ, и они толпами сходятся послушать звуки языка ихъ предковъ на далекой родинѣ.

Въ языкѣ Татаръ, съ которымъ я успѣлъ поближе познакомиться, встрѣчается сравнительно мало словъ греческихъ, исключительно для выраженія понятій церковныхъ: такъ «святой» въ ихъ языкѣ: аіосъ (ἅγιος), но передъ собственнымъ именемъ то-же понятіе выражается татарскимъ «азисъ» (азисъ Петросъ). Германскихъ словъ я въ ихъ языкѣ не нашелъ, хотя ревностно искалъ ихъ. За-то въ него все больше и больше проникаетъ русскихъ словъ. Дѣло въ томъ, что мужчины уже всѣ безъ исключенія знаютъ русскій языкъ, а молодежь даже между собой часто говоритъ по русски; важную роль играетъ здѣсь, конечно, общая воинская повинность и русское богослуженіе, сравнительно недавно введенное (см. ниже). Обрусѣніе подвигается очень быстро впередъ, и черезъ два-три поколѣнія русскій языкъ будетъ господствовать и въ обыкновенной рѣчи Грековъ-переселенцевъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я въ глухой степи встрѣтился съ молодымъ Грекомъ и попросилъ его спѣть мнѣ пѣсню, а онъ мнѣ въ отвѣтъ затянулъ тонкимъ носовымъ голосомъ: «Я жанился, перемѣнился; я таперича не твой!» Я остановилъ его, но онъ увѣрялъ, что у нихъ другихъ пѣсенъ не поютъ, что старики, молъ, еще помнятъ кое-какія татарскія пѣсни, а они, молодежь, поютъ только русскія. Это подтвердили мнѣ въ послѣдствіи и старики. Какимъ образомъ сѣверная фабричная пѣсня попала на югъ, на берега Калки—я не знаю.

Все сказанное о языкѣ относится, однако, только къ мужскому населенію; женщины въ этомъ отношеніи консервативнѣе, и я не видалъ ни одной женщины знающей, хотя мало-мальски, русскій языкъ. Фамильныя прозвища въ рѣдкихъ только случаяхъ сохранили чисто греческую, либо татарскую форму (напр. Экархоу, Коджасиро; Уружбай, Мами, Муратъ, Тельмачъ); по большей части они уже передѣланы на русскій ладъ (Чентуковъ, отъ татарск.

чентухъ купцѣй; Костомановъ, Барабашевъ, Певріевъ, Акритовъ, Теміровъ), или же они прямо русскія (особенно въ духовномъ сословіи: Савельевъ, Агапьевъ, Юрьевъ, Антоніевъ; всѣ эти лица—Греки, не Русскіе). Наконецъ въ Мангушѣ я встрѣтилъ старика Суворова, или лучше Суворова: онъ сказалъ мнѣ, что отецъ его, вышедшій изъ Крыма, назвалъ себя такъ въ честь знаменитаго полководца, который командовалъ въ то время южно-русскими арміями и былъ главнымъ руководителемъ и защитникомъ переселенцевъ въ 1778 году.

Въ бытѣ и обычаяхъ переселенцы Греки не отличаются отъ Татаръ: и тѣ и другіе, какъ жаловались мнѣ священники, народъ лѣнивый; работаютъ только мужчины, да и то лишь бѣдные; женщины же всѣ дома сидятъ и весь день трубки курятъ, въ чемъ, конечно, сохранилась черта ихъ крымской жизни и татарскаго вліянія. Но вообще они народъ трезвый и честный; пьянство пока еще не слишкомъ сильно распространено. Отличіе Грековъ отъ Татаръ замѣчается только въ праздничномъ нарядѣ женщинъ: Гречанки носятъ на головѣ бѣлыя повязки съ блестящими побрякушками, Татарки—простые платки яркихъ цвѣтовъ¹⁾. Въ Енисолѣ, которая распадается на двѣ части (см. выше), отличіе это строго соблюдается. Мужчины одѣваются одинаково.

Невѣсты Татары выбираютъ только изъ татарскихъ селъ, Греки—изъ греческихъ; но причина этому не сознаніе національнаго отличія, а различіе въ языкѣ: Татарки не знаютъ греческаго языка и наоборотъ. Браки съ Русскими въ прежнее время никогда не заключались; теперь они хотя и случаются, но очень рѣдко. Женится молодежь не по расчету, а всегда, будто-бы, по любви: «былъ-бы женихъ красавецъ», вотъ принципъ, которымъ руководствуются невѣсты, выходя за-мужъ (Старый-Крымъ).

Любопытный старинный обычай сохранился какъ у Грековъ, такъ и у Татаръ—такъ называемые панаиры, публичныя игры въ высокіе церковные праздники (храмовые, на Рождествѣ и т. д.). Въ опредѣленный день собираются въ селѣ жители окрестныхъ деревень; всѣ выходятъ на свободное мѣсто передъ селомъ и начинается рядъ поединковъ: борцы обхватываютъ и стараются повалить другъ друга; побѣжденъ тотъ, чья спина первая дотронется до земли. Вокругъ борцовъ стоятъ старики и наблюдаютъ, чтобы все шло правильно, по старинному, чтобы не было драки; они же большинствомъ голосовъ рѣшаютъ спорныя дѣла. Передъ борьбой борцы благословляются священникомъ, который обязательно присутствуетъ на играхъ, и затѣмъ приступая къ борьбѣ, обмѣниваются братскимъ поцѣлуемъ. Награду лучшаго борца составляетъ, кромѣ славы, голова быка, съѣденнаго сообща всѣмъ народомъ.

¹⁾ Идя подъ вѣнецъ, невѣсты въ Мангушѣ закрываютъ себѣ лицо на турецкій ладъ.

Дѣло въ томъ, что за играми слѣдуетъ пиръ, устраиваемый однимъ изъ сельчанъ или нѣсколькими вмѣстѣ, если участники бѣдны. Священникъ рѣшаетъ, у кого быть угощенію въ слѣдующій панаиръ. Охотниковъ всегда много (не смотря на то, что пиръ обходится, конечно, дорого), такъ какъ угощать народъ въ этихъ случаяхъ считается большой честью. Впрочемъ, каждый изъ гостей приносить на пирушку кто что можетъ, уменьшая этимъ расходы хозяина.

Конечно, на этихъ панаирахъ случаются и несчастія. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Ласпѣ одинъ борецъ изъ Бешева переломилъ себѣ ногу; случай этотъ хотѣли скрыть, и слишкомъ поздно отвезли больного въ больницу, гдѣ онъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Не смотря на это, сами родственники пострадавшаго отвѣчали на распросы полиціи отрицательно, утверждая, что онъ самъ переломилъ себѣ ногу случайно въ полѣ: боялись, что полиція запретитъ панаиры.

Такихъ панаировъ въ каждомъ селѣ по нѣсколько въ годъ. Въ Мангушѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ селъ, ихъ даже 9: два главные, на которые сходятся гости изъ другихъ селъ (8 мая и 8 іюня), и 7 мелкихъ (1 янв., 1 и 10 февр., 21 мая, 27 іюня, 11 ноября и 24 декабря).

Что касается народныхъ преданій, то я не нашелъ ни одного такого, которое восходило-бы до временъ Готовъ и готскихъ князей: эпоха татарскаго и турецкаго ига (1475—1778) такъ сильно подѣйствовала на воображеніе угнетенныхъ, что въ ихъ памяти совершенно безслѣдно стерлись воспоминанія о прошлыхъ лучшихъ временахъ. Все, что я имъ рассказывалъ о прежнемъ ихъ житіи-бытіи въ Крыму, о манкупецкихъ князьяхъ и т. д., оказывалось для нихъ пріятною новостью; они увѣряли, что ихъ отцы и дѣды никогда ничего подобнаго имъ не рассказывали. Только одинъ упомянутый уже старикъ Сувуровъ (Леонтій Θεодоровичъ) въ Мангушѣ зналъ о существованіи готскаго княжества. Это вообще одинъ изъ интереснѣйшихъ людей, съ которыми мнѣ удалось познакомиться въ теченіи моей поѣздки. Старикъ 81 года, разбитый параличемъ, вотъ уже третій годъ лежащій безъ движенія на постели, у открытаго окна своей избы, еле движущій языкомъ, но замѣчательно умный, начитанный и сохранившій поразительную свѣжесть памяти. Онъ уже въ 1835 г. былъ старшиной, много путешествовалъ, бывалъ и въ Крыму. Онъ съ молодыхъ лѣтъ живо интересовался прошлымъ своего народа, спрашивалъ объ этомъ кого могъ, читалъ все, что попадалось ему подъ руки. Онъ многое мнѣ рассказалъ; но, къ сожалѣнію, подробности его рассказа скоро убѣдили меня въ томъ, что его источникъ—не устное, а книжное преданіе, хотя онъ и увѣрялъ, что, напримѣръ, объ Исайкѣ, послѣднемъ князѣ Ман-

купскомъ, сказывали ему и дѣды¹⁾). Новыхъ фактовъ я отъ него не узналъ. ново для меня было только увлеченіе и восторгъ, съ которымъ онъ рассказывалъ объ этихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней и о подвигахъ своихъ предковъ, говоря при этомъ всегда въ первомъ лицѣ «мы...» Для него мое посвященіе было сущимъ праздникомъ; онъ расплакался, когда я сказалъ ему, что хочу писать о его народѣ книжку, просилъ упомянуть въ книжкѣ и о немъ, да непременно прислать ему. Я ему, конечно, обѣщалъ.

Если въ памяти переселенцевъ и исчезли слѣды давно минувшаго славнаго прошлаго, то воспоминанія о татарскомъ угнетеніи сохранились очень живыми. Они помнятъ имена Девлетъ-Гирея, Шагинъ-Гирея, Асланъ-бея; старики не разъ, со слезами на глазахъ, рассказывали мнѣ объ угнетеніяхъ и мученіяхъ, которымъ подвергались ихъ отцы, о томъ, какъ Татары похищали у нихъ дѣвушекъ, позорили женъ, пилили ихъ отцевъ деревянной пилой и всячески мучили и разоряли ихъ. Объ этомъ и въ пѣсняхъ ихъ поется. Въ пѣсняхъ же воспѣвается, какъ говорили мнѣ священники, и далекая родина—Крымъ, воспоминанія о которомъ крѣпко держатся въ народной памяти. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ стариковъ не соглашался спѣть мнѣ такую пѣсню: они, очевидно, стѣснялись; а молодые этихъ пѣсенъ уже не знаютъ. Но что они помнятъ Крымъ, что отцы и, особенно, матери много имъ рассказывали о томъ, какъ хорошо въ Крыму, какія тамъ горы, виноградники, сады—это всѣ мнѣ говорили. Сохранились также преданія о богатыхъ кладахъ, будто бы зарытыхъ ихъ отцами при выходѣ изъ Крыма. Бывали примѣры, что потомки отправлялись туда, чтобы вырыть схороненное богатство: они, конечно, возвращались съ пустыми руками, хотя въ преданіяхъ мѣста, гдѣ зарыты эти клады, обозначены самымъ точнымъ образомъ: столько-то шаговъ влѣво или вправо отъ такого-то дерева, такой-то скалы.

Наконецъ, считаю нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ любопытномъ фактѣ сохраненія живой связи съ Крымомъ. Въ селѣ Богатырь есть священникъ от. Леонтій Юрьевъ. Его отецъ и дѣдъ были священниками въ томъ-же селѣ. Прадѣдъ же его (по женской линіи) былъ нѣкто Юрій Саханъ (Сахау), богатый дворянинъ, имѣвшій много земли въ крымской деревнѣ Богатырь: однихъ пастуховъ у него, по преданію, было нѣсколько сотъ, и при помощи ихъ онъ часто защищалъ и спасалъ христіанъ отъ Татаръ. Онъ же нѣсколько разъ спасалъ митрополита Игнатія и наконецъ вывелъ вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ православныхъ въ Россію, причемъ Игнатія вывезли въ бочкѣ, чтобы скрыть отъ Татаръ. Прибывъ на новую родину, Саханъ основалъ здѣсь Богатырь и на

¹⁾ Самъ онъ, по его разсказу, также княжескаго рода. Грамота, выданная его предкамъ греческими (византійскими?) царями, была затеряна по пути въ Россію; бабушка Сувурова всегда горько плакала, рассказывая внуку объ этомъ.

свои средства выстроилъ церковь, которая стоитъ и понынѣ. Въ крымскомъ же Богатырѣ существуютъ до сего дня дома и сады Юрья Сахава. Много лѣтъ тому назадъ жена одного «татарскаго дьякона» въ Богатырѣ, также происходящая изъ того же рода Сахавъ, но въ молодости похищенная Татарами, узнавъ, что въ Россіи имѣются потомки Юрья Сахава, прислала отцу Леонтію черезъ земляка въ подарокъ посохъ, волошскихъ орѣховъ мѣшокъ и 20 штукъ айвы!

Перехожу, наконецъ, къ послѣднему отдѣлу моего очерка. Церкви въ селахъ переселенцевъ въ общемъ довольно богаты. Старыхъ церквей однако мало: онѣ большей частью замѣнены уже новыми. Самая старая—соборъ въ Мариуполѣ, выстроенный еще Игнатіемъ; онъ деревянный, простой и невзрачный, окна маленькія, украшеній почти никакихъ. Въ послѣдствіи перестроили его съ цѣлью увеличенія, причемъ, однако, оставили древнюю часть нетронутой; затѣмъ, такъ какъ онъ и въ этомъ видѣ казался слишкомъ малымъ, то выстроили рядомъ съ нимъ новый большой каменный соборъ. Въ старомъ покоится прахъ митрополита Игнатія, память котораго свято чтится потомками Крымскихъ выходцевъ. Онъ похороненъ въ склепѣ въ сидячемъ положеніи на креслѣ. Склепъ покрытъ бѣломраморной доской съ слѣдующей надписью золотыми буквами:

«Здѣсь покоится приснопамятный святитель Игнатій

24-ый митрополитъ Готскій и Кафскій

мѣстоблюститель Константинопольскаго

патріарха въ Крыму

откуда увелъ Грековъ въ 1777 г. (sic!)

освободивъ отъ татарскаго ига

и водворивъ въ Мариупольскомъ округѣ

испросивъ для нихъ Высочайше

привилегированную грамоту

скончался 16 февраля 1786 г.

и уцѣлѣвшій донынѣ».

Склепъ нѣсколько разъ вскрывали; очевидцы рассказывали мнѣ, что тѣло покойнаго митрополита уцѣлѣло и находится все въ томъ же положеніи на креслѣ; облаченіе же все превратилось въ прахъ. Въ соборѣ же хранятся вещи, нѣкогда принадлежавшія Игнатію, напр., его митра изъ краснаго сукна, серебряное кадило (съ надписью: τοῦ ἁγίου Νηκολάου ἐκαστρο Καφᾶ 1778), серебряное блюдо 1732 года, такая-же ложечка 1759 г., и другія мелочи; наконецъ греческое печатное евангеліе (Венеція 1709), принадлежавшее предшественнику Игнатія, митрополиту Гедеоу, какъ явствуетъ изъ приписки на первомъ листѣ, сдѣланной рукой самого Игнатія въ 1765 г. На нѣкоторыхъ цѣнныхъ вещахъ есть еще слѣды черной краски, въ которую окрашивали

христіане драгоцѣнности, чтобы скрыть отъ хищныхъ Татаръ.—По сельскимъ церквамъ разбѣяно довольно много подобныхъ предметовъ церковнаго обихода, вывезенныхъ еще изъ Крыма, большей частью издѣлія прошлаго вѣка, грубой работы. Одна только вещь древнѣе: это серебряная чаша, на ножкѣ которой латинская надпись: PRO * HOSPITALI * S * MARIA * MAGDALENA * ANNO * DOMINI * 1599. Она находится въ церкви села Мангуша и попала сюда, очевидно, изъ какой нибудь генуезской католической церкви.—Наконецъ, отмѣчаю еще такую же чашу въ церкви Игнатьевки: на ея ножкѣ, на пяти круглыхъ медальонахъ, есть греческая надпись, упоминающая—въ самой варварской орфографіи—о митрополіи Готѣской и Кафской (τις [της] μητροπόλεως Γοτθίας καὶ Καφᾶ ἔτος 1722). Это единственный предметъ церковной утвари, который напомнилъ мнѣ о томъ, что я нахожусь среди потомковъ Готовъ.

Изъ древнихъ иконъ самая замѣчательная: икона Божіей Матери Одигитріи въ Успенской церкви слободы Марыина подъ Мариуполемъ. Она уже описана Григоровичемъ. Подобныхъ ей старыхъ иконъ, писанныхъ на мастикѣ, есть нѣсколько: такъ въ Ласпѣ образъ Георгія Побѣдоносца, такой же образъ въ Бешевѣ. ¹⁾ Но большая часть иконъ въ сельскихъ церквахъ—новыя, русской работы. Наконецъ, стоитъ упомянуть о древнемъ желѣзномъ крестѣ (выш. въ 1 м. 50 сант.) въ церкви села Богатырь; онъ покрытъ теперь мѣдными рельефными украшеніями русской работы. Онъ считается явленнымъ: пастухи нашли его въ полѣ еще въ бытность христіанъ въ Крыму, незадолго до выселенія; отнесли его въ сельскую церковь, но онъ не захотѣлъ тамъ остаться: два раза возвращался онъ самъ собой ночью на старое мѣсто, въ поле; наконецъ, когда его принесли въ избу одной благочестивой вдовы, онъ остался здѣсь до самаго выселенія православныхъ. Когда захотѣли православные переселиться—съ крестомъ опять бѣда: не хочетъ онъ оставить излюбленнаго мѣста. Сняли его наконецъ съ молитвами, положили на телѣгу, повезли; да не тутъ-то было: оглобли телѣги повернули назадъ въ деревню. Помогли наконецъ тѣмъ, что крестъ связали, привязали къ телѣгѣ и такимъ-то образомъ отвезли его съ собой въ Россію. Теперь онъ стоитъ въ Богатырской церкви, подъ особымъ балдахиномъ, высоко чтимый жителями села и окрестныхъ деревень.

Что касается церковныхъ книгъ, то на ряду съ новыми, русскими, которыя одѣтъ только въ употребленіи теперь, имѣются во всѣхъ сельскихъ церквахъ и старыя, особенно евангелія греческія, безъ исключенія печатныя, ве-

¹⁾ Георгій Побѣдоносецъ и Осодоръ Стратилатъ на ряду съ Константиномъ и Еленой—самые популярныя святыя края.

неціанской работы (древнѣйшее 1672 г. въ Эски-Крымѣ, затѣмъ 1689 г. въ Стылѣ и другія, большею частью прошлаго вѣка; новѣйшее 1852 года, также печатанное въ Венеціи); кромѣ того татарскій Апостолъ печатный греческими буквами (Венеція 1793 г.) въ Улаклахъ, и рукописныя турецкія евангелія 1745 г. (Бешево), 1773 г. (Богатырь) и, наконецъ, еще 1869 г. (Карань). Переплеты всѣхъ этихъ книгъ — новые, не представляющіе интереса.

Богослуженіе ведется теперь, какъ я уже замѣтилъ, на русскомъ языкѣ, съ недавнихъ сравнительно поръ; оно было введено повсюду лишь лѣтъ 15—20 тому назадъ (въ Карани лишь съ 1879 г.); прежде оно велось на греческомъ языкѣ, котораго крестьяне вовсе не понимали. Теперь даже проповѣди читаются по русски; только нѣкоторые священники, произнесши русскую проповѣдь, повторяютъ ея суть еще по татарски — для женщинъ, которыя, какъ я уже сказалъ, вовсе не знаютъ русскаго языка. Изъ священниковъ мнѣ встрѣтился только одинъ Русскій, от. Ѳеодоръ Карасевъ въ Ласпѣ, молодой еще человѣкъ. Всѣ остальные — Греки, но, конечно, получившіе воспитаніе въ русскихъ семинаріяхъ и поэтому прекрасно владѣющіе русскимъ языкомъ. Часто священническій санъ переходитъ отъ отца къ сыну, и я уже указалъ на примѣръ села Богатыря, гдѣ внукъ служитъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ священнодѣйствовали его отецъ и дѣдъ, въ церкви основанной прадѣдомъ,

Вышеизложеннымъ исчерпываются свѣдѣнія, добытыя мною во время моего странствованія въ приазовскихъ степяхъ.

Я искалъ свѣдѣній о тѣхъ же Грекахъ еще и въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно, что митрополія Готейская и Кафійская по смерти Игнатія въ 1786 году была присоединена къ тогдашней Славянской, нынѣшней Екатеринославской епархіи. Я поэтому заѣхалъ въ Екатеринославль и справился, не имѣется ли тамъ какихъ либо бумагъ изъ архива готской митрополіи. ¹⁾

Оказалось, что такихъ бумагъ не имѣется, а есть только позднѣйшія записи о крещеніяхъ, бракахъ и т. д. Бумаги же митрополіи остались, какъ я узналъ потомъ, въ рукахъ наслѣдниковъ (племянниковъ) митрополита Игнатія (по фамиліи Хозадинова), и должны находиться у дочери одного изъ этихъ племянниковъ, основавшей въ Херсонѣ женскую гимназію. Я хотѣлъ написать туда, но Суворовъ сказалъ мнѣ, что уже раньше справлялись (если не ошибаюсь, преосвященный Гермогенъ, епископъ псковскій, бывшій таврическій), и что на письмо, посланное въ Херсонъ, не было получено отвѣта. Нужно бы прослѣдить это дѣло лично, на мѣстѣ. У меня не было на это ни времени, ни средствъ. Но думаю, что бумаги эти—если онѣ вообще еще имѣются—должны-бы найтись и что, во всякомъ случаѣ, стоитъ труда поискать ихъ.

¹⁾ Приношу искреннюю благодарность Д. Д. Барашкову за оказанную мнѣ при этомъ помощь.

Наконецъ, не могу не упомянуть о цѣнномъ приобрѣтеніи, сдѣланномъ мною въ послѣдній день моего пребыванія въ Маріуполѣ. Отъ секретаря земской управы, Ивана Эдуардовича Александровича, я узналъ о цѣнныхъ лингвистическихъ и этнографическихъ матеріалахъ, собранныхъ покойнымъ Θεоктистомъ Абрамовичемъ Хартахаемъ († 1881 г.), основателемъ и первымъ директоромъ Маріупольской мужской и женской гимназій. Хартахай самъ былъ по происхожденію Грекъ и еще студентомъ живо интересовался судьбой своихъ соплеменниковъ. Достигнувъ на родинѣ твердаго положенія, онъ явился ревностнымъ дѣятелемъ на поприщѣ просвѣщенія роднаго края. Къ сожалѣнію, многое изъ собранныхъ имъ матеріаловъ пропало по смерти его, такъ какъ имъ не придавали никакой цѣны. Все, что уцѣлѣло, въ старомъ ящикѣ на чердакѣ, было любезно предоставлено въ мое полное распоряженіе вдовой покойнаго Хартахая, Софьей Аркадьевной Домонтовичъ, за что приношу ей глубокую благодарность. Эти немногіе, но крайне цѣнные остатки состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) 5 тетрадокъ матеріаловъ (собранныхъ самимъ Хартахаемъ) для словаря нарѣчія аила,
- 2) Греческій пѣсенникъ изъ села Сартаны,
- 3) Сборникъ греческихъ и татарскихъ пѣсень и разсказовъ,
- 4) Рукописный словарь греческаго литературнаго языка съ поясненіями на мѣстномъ нарѣчіи,
- 5) 4 татарскихъ рукописи различнаго содержанія; между прочимъ богатый сборникъ татарскихъ мѣстныхъ пѣсень (всего 47).

Всѣ рукописи писаны греческими буквами и приобрѣтены Хартахаемъ въ разныхъ селахъ Маріупольскаго уѣзда у крестьянъ. Греческій матеріалъ будетъ мною изданъ въ скоромъ будущемъ; изданіе татарскихъ текстовъ предоставляю лицамъ болѣе меня свѣдущимъ. Всѣ приобрѣтенныя мною рукописи, по рѣшенію Этнографическаго Отдѣленія И. Г. О., будутъ переданы Императорской Публичной Библіотекѣ.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, не могу не пожалѣть, что результаты моей поѣздки не оправдали надеждъ, возложенныхъ на нее. Къ отысканію слѣдовъ Готовъ остается, слѣдовательно, одинъ только путь — археологическія разысканія въ самой крымской Гори. Первые шаги по этому пути я уже сдѣлалъ нынче же лѣтомъ, и твердо убѣжденъ, что рано или поздно достигну цѣли, рисующейя пока только моею мечтѣ.

Θ. Браунъ.

С.-Петербургъ.

10-го октября 1890 года.

ЗАМѢТКИ

О СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНАХЪ ВЪ ВЕЛИКОРУССКИХЪ БЫЛИНАХЪ.

Мы желаемъ сообщить нѣкоторое количество матеріаловъ, касающихся собственныхъ именъ въ былинахъ.

1) Передъ нами Илья Муромецъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что лицо съ этимъ именемъ никогда не существовало. Не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтописи во многихъ случаяхъ выставили на первый планъ часто ничтожныхъ князей и умолчали о настоящихъ не титулованныхъ герояхъ событій; народъ-очевидецъ не только могъ, но даже долженъ былъ отнестись къ своимъ дѣятелямъ съ большою справедливостью... Имя нашего богатыря—христіанское, и это обстоятельство не позволяетъ относить время возникновенія о немъ пѣсенъ къ очень глубокой древности. Христіанскія имена стали у насъ употребляться болѣе или менѣе часто не раньше XII вѣка (мы основываемся на данныхъ Новгородской лѣтописи, сохранившей много именъ бояръ и лучшихъ людей), но сомнительно, чтобы они могли спуститься въ народную массу, среди которой сложились былины, раньше начала XIII в. Такимъ образомъ возникновеніе былинъ объ Ильѣ едва ли можетъ быть относимо ко времени до конца XII в.

2) Добрыня Никитичъ. Кажется, нѣтъ достаточнаго основанія видѣть въ этомъ богатырѣ отраженіе древнѣйшаго изъ историческихъ Добрынь—дяди Владимира св. Имя Добрыня въ древней Руси было однимъ изъ числа самыхъ распространенныхъ именъ, какъ свидѣлствуютъ съ одной стороны показанія лѣтописей и документовъ до самаго XVII в. (Лаврент. сп. л. 361, 1-я Новгородск. л. 155, Переяславскій лѣтописецъ 177, Акты Оедотова-Чеховскаго I, 271¹⁾), съ другой мѣстныя названія: Добрынино (три села въ Ярославской губ., два въ Вологодской, по одному въ Тверской и Владимирской), Добрынина (дер. въ Пермской и Владим. г.), Добрыни (четыре дер. въ Тверск., одна въ Петерб.), Добрыничи (Пск.), Добрынята (Пермск.), Добрыниха (Влад., Костр.), Добрынка (Пермск.),

¹⁾ Еще см. «Славинскій именословъ» Морошкина и ст. Чечулина.

Добрынинская (Вятск.), Добрынинскій починокъ (Волог.), Добрынское (четыре дер. Влад.). Древній Новгородъ имѣлъ Добрыню (=Добрынину) улицу. Сверхъ того, у насъ распространены фамиліи Добрынинъ и Добрынкинъ (между прочимъ среди купечества и крестьянства). Поляки нѣкогда имѣли имя Добрыня (Бодуэнъ де Куртенэ, «О древн. польск. языкѣ»). Сравни у Сербовъ названія селъ Добрыня и Добрине.

Мы придаемъ большую важность мѣстнымъ названіямъ и фамиліямъ.

Въ первыхъ мы очень часто имѣемъ дѣло или съ прилагательными отъ древнихъ личныхъ именъ (Добрынинъ—первоначально поселеніе Добрыни), или съ патронимиками (отчествами) древнихъ личныхъ именъ (Добрыничи—сперва потомки Добрыни, жители поселенія, потомъ самое поселеніе), или съ чистыми древними именами, по преимуществу во множественномъ числѣ (Добрыни—сперва нѣсколько лицъ съ именемъ Добрыня, жители поселенія, потомъ самое поселеніе). Здѣсь мы встрѣчаемся нерѣдко съ очень древними личными именами, такими, которыя не сохранены намъ ни въ одной лѣтописи, ни въ одномъ документѣ. Таково имя Перемиль, отъ котораго названіе трехъ селъ въ Петербургской г. Пермилово и города въ Галиціи Перемиль. Срав. былинное Пермилъ=Бермята.

Въ фамиліяхъ мы довольно часто имѣемъ или прилагательныя отъ древнихъ личныхъ именъ (Добрынинъ—первоначально сынъ, потомокъ Добрыни), или патронимика (Добрыничъ—первоначально сынъ Добрыни). И здѣсь, такъ какъ фамиліи стали употребляться у насъ по меньшей мѣрѣ съ XIV в., нерѣдко мы находимъ такіа древнія имена, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ и документахъ ¹⁾.

Понятно, если мы знаемъ большое количество сходныхъ мѣстныхъ названій и фамилій,—мы имѣемъ право говорить о значительной распространенности въ древней Руси того или другаго личнаго имени; если сходныя мѣстныя названія найдены нами лишь въ извѣстныхъ частяхъ Руси (напримѣръ, въ сѣверныхъ губерніяхъ), мы можемъ говорить объ преимущественномъ употребленіи личнаго имени въ этихъ частяхъ ²⁾.

¹⁾ Таково, между прочимъ, имя Тихомиръ. Оно у насъ сохранилось только въ фамиліи, а у Сербовъ извѣстно по документамъ (Деч хрисовулы 90, 123).

²⁾ Мы пользуемся въ собственныхъ именъ, русскихъ и инославянскихъ, «Славянскимъ именословомъ» свящ. Морошкина (Спб. 1867), статью г. Чечулина: «Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в.» («Библиографъ» 1890 г. № 7—8), Словаремъ Южно-славянской Академіи (который еще не доведенъ до половины), извлеченіями изъ старо-сербскихъ поминиковъ проф. Новаковича и наданными нѣсколько лѣтъ назадъ сербскими Дечанскими Хрисовулами XIV в. (въ «Гласникѣ» Сербскаго Уч. Общества 2 отд., кн. 12). Мѣстныя названія, русскія и инославянскія, извлечены нами изъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ» разныхъ губерній, изъ обширнаго *Słownika geograficznego królestwa polskiego*, къ сожалѣнію

3) Передъ нами Чурило Пленковичъ. Имя Чурило не можетъ быть считаемо происшедшимъ отъ древне-русскаго К ю р и л ь = Кириллъ, такъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ достовѣрныхъ примѣровъ измѣненія на русскою почвѣ и въ ч. ¹⁾ По всей вѣроятности, оно уменьшительное (отъ Чурославъ или ему подобнаго; сравни въ «Словѣ о полку Игоревѣ» уменьшительное вѣтрило отъ вѣтръ, въ одномъ новгородскомъ документѣ, до 1263 г., упомянутомъ въ «Древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма» Срезневскаго, стр. 130, Твердило, имя посадника, отъ Твердиславъ), что не мѣшаетъ ему, какъ и инымъ именамъ на ило, быть общеславянскимъ.

Собственное имя Чурило въ лѣтописяхъ и документахъ XV—XVI вв. встрѣчается сравнительно рѣдко. Мы можемъ отмѣтить: nobilis Andreas dictus Czurilo (въ галицкомъ документѣ 1410 г. «Akta grodzkie i ziemskie», II, 61), Чурилко и Тараску Чурилѣва (Новгородскія писцовыя книги, 1495 г.), Ивана сына Григоріева Чюрилова (подъ 1377 г. Поли. собр. р. лѣт. VIII, 32), крестьянина Ѳедку Андреева сына Чюриловскаго (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 63), Чюрилу Иванова (Акты Калачова II, 274, 1603 г.). Но мѣстныя названія сохранили его въ значительномъ количествѣ. Мы знаемъ 34 деревни съ названіемъ Чурилово (Ярославская г. 9, Вологодская 7, Пековская 6, Костромская 3, Владимир. и Тверская по 2, въ западной Руси 2, Смоленская, Курская и Казанская по 1), четыре съ именемъ Чуриловъ (Вятская 2, Тверская 1, Игуменскій уѣздъ 1), одну съ именемъ Чурилова (Орловская), одну съ именемъ Чурилина (Казанская). Далѣе намъ извѣстны: Чурилково (семь: Псковскія 1, Тверская 3, Московская 1, Ярославская 1, Костромская 1), Чурилы (фольваркъ Сѣдлецк. г.), Чурилки (двѣ дер.: Владимирская 1, Костромская 1), Чуриловичи (Минская), Чуриловская (пять: Вологодская 3, Архангельская 1, Вятская 1), Чуриловскій погостъ (Олонецкая), Чурильцево (Владимирская ²⁾). Русская фамилія Чуриловъ также извѣстна (отмѣтимъ съ этою фамиліею крестьянина Звенигородскаго уѣзда, жителя Москвы 80-хъ годовъ).

еще не конченнаго, изъ упомянутого выше словаря Южно-славянской Академіи и изъ разныхъ случайныхъ источниковъ. Фамиліи русскія взяты нами по преимуществу изъ газетъ, изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, изъ списковъ лицъ имѣющихъ право быть избирателями на выборахъ гласныхъ и т. п. очень немногочисленныхъ источниковъ; сербскія—изъ Словаря Ю.-сл. Ак.

¹⁾ Имя Чуприанъ, откуда великорусское мѣстное названіе Чуприановка, вышло, конечно, изъ Киприанъ, но подъ вліяніемъ словъ чупръ, чуприна и т. п. Кетати: Кюриль въ сербскомъ языкѣ должно перейти въ Ъуриль, а не въ Чуриль.

²⁾ Чурило и Чуриловщина, дер. Полоцкаго уѣзда въ XVI в. (Оглоблинъ, въ Сборникѣ Археологич. Инстит. т. IV); Чурилово, дер. подъ Москвой XVII в. (Дѣло о Ѳ. Шакловитомъ, I, 437); Чурилова, дер. XVI в. (Акты Ѳ.-Чеховскаго, I, 70).

Между сербскими мѣстностями одна носитъ имя Чуриловацъ (Словарь Ю.-Сл. Ак.); между болгарскими есть Чурилово (село Костурскаго округа. «Книжици» за 1889 г. № 1, стр. 19). Одна сербская фамилія XVI в.— Чуриловичъ.

Отмѣтимъ еще: мышъ Чурилку въ старой лубочной картинѣ «Мыши кота погребаютъ», русск. нарицательн. чурилко (названіе птицы; мы его знаемъ изъ «Etymologisches Wb.» Миклошича), сербск. нарицательн. чурило (Словарь Ю.-Сл. Ак., при глаголѣ чурити—дымить), ново-болг. нарицат. чурило (тиски для винныхъ ягодъ. «Изв. Слав. Благотв. Общ.» 1888 г. стр. 507).

Имя Пленъ, Плѣнъ, уменьшительное Пленко, откуда отчество Пленковичъ (срв. др.-р. отчества Иванковичъ, Михалковичъ и т. д.) въ древней Руси, повидимому, не пользовалось особою извѣстностью. Лѣтописи и документы не знаютъ его; мѣстные названія отъ него происходящія немногочисленны. Намъ извѣстны четыре деревни съ именемъ Плѣнково въ Вятской г., три съ именемъ Плѣнкина и одна съ именемъ Плѣнчиха, тоже въ Вятской г. (Плѣнкина гора въ той же губ.), одна съ именемъ Пленино, Костромской г.

Трудно сомнѣваться въ древности этого имени: сербскіе документы XIII в. имѣютъ его (Плѣнъ, Плинъ, Морошкинъ); по своему образованію оно тождественно съ цѣлымъ рядомъ несомнѣнно древнихъ именъ. Сравни Плѣнъ при глаголѣ плѣти (медленно горѣть, Даль) и Жданъ, Бжанъ, Молчанъ, Хотѣнъ, Горѣнъ, Жадѣнъ, при глаголахъ ждати, бжати и т. д.

Кстати: Пленъ иногда называется въ былинѣ гостемъ заморскимъ. Это выраженіе отнюдь не указываетъ на то, что составители быliny считали Плена иностранцемъ, прибывшимъ изъ за моря. Оно значитъ, какъ видно изъ 1-й Новгородской лѣтописи: купецъ, ѣздящій для торговли за море, купецъ, ведущій заграничную торговлю.

4) Имя Дюкъ у насъ было объясняемо нѣсколько разъ, но всѣ прѣжнія объясненія намъ кажутся неудовлетворительными. Что это имя не принадлежитъ къ числу древнихъ народныхъ, языческихъ именъ, въ этомъ никто не сомнѣвался. Но какого оно происхожденія?

Имя Георгій, одно изъ самыхъ распространенныхъ въ старой Руси христіанскихъ именъ, у насъ въ древности имѣло нѣсколько видоизмѣненій. Лѣтописи приводятъ его въ видѣ Гюргій, Гюргъ, Дюргъ, Дюрдіи,¹⁾

¹⁾ Звукъ *д* образовался на великорусской почвѣ изъ *г*; срв. *т* въ Авдотья, Акатій и т. п. Малорусское нарѣчіе не дастъ намъ примѣровъ измѣненій: въ *д* и *к* въ *т* въ собственныхъ именахъ.

Юрій. Первые четыре формы были, по лѣтописямъ, въ постоянномъ употребленіи приблизительно до половины XIII вѣка и образовали нѣсколько уменьшительныхъ (напримѣръ, Гюрята, имя новгородскаго посадника XI в.). Затѣмъ они исчезли, бывъ мало по малу вытѣснены формою Юрій (она въ XIV в. употребляется уже постоянно). Имя Дюкъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть уменьшительнымъ отъ Дюрдій¹⁾, не сохраннымъ намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ документахъ, въ послѣднихъ потому, что они восходятъ у насъ лишь къ XIII—XIV в. (и то очень немногіе, какъ духовная Новгородца Климента и рядная Тѣшаты), когда формы Гюргій, Дюрдій съ ихъ уменьшительными уже стали выходить изъ употребленія. Но образованіе его вполне ясно: мы знаемъ у Сербовъ вполне соответствующее ему по звукамъ и значенію уменьшительное Дюка (ђука, въ старыхъ памятникахъ Гюка²⁾); у насъ самихъ извѣстны уменьшительныя сходнаго типа: Ивачъ отъ Иванъ (1-я Новгородская лѣтопись), Селивачъ (откуда фамилія Селивачевъ) отъ Селиванъ.

Современныя великорусскія мѣстныя названія и фамиліи указываютъ на широкое употребленіе въ древней Руси имени Дюкъ.

Мы знаемъ Дюк-переволочу, мѣстность С.-Петербургской губ., Дюкъ или Дюки, деревню Калужской губ., Дюкъ (Митюшинскій Дюкъ), Тамбовской губ., Дюково, одну деревню Вологодской губ., одну Костромской и двѣ Владимирской, Дюкову, дер. Петербургской губ., Дюковку, дер. одну Владимирской и одну Тульской губ., Дюковскую, дер. одну Костромской губ. (почтов. станція) и одну Вологодской губ., Дюкино, дер. одну Тверской и три Псковской губ., Дюкалово, дер. одну Костромской и одну Псковской губ., Дюкарево, дер. Орловской.

Фамилія Дюковъ въ настоящее время пользуется сравнительною распространенностью. Мы знаемъ Дюковыхъ: 1) доктора въ С.-Петербургѣ, недавно умершаго, 2) почетнаго гражданина, жителя Москвы 80-хъ годовъ, 3) студента-филолога Петербургскаго университета 80-годовъ, 4) ученика Ровенскаго реальнаго училища 80-хъ годовъ, 5) крестьянина Покровскаго уѣзда, жителя Москвы 80-хъ годовъ, 6) дворянина (Московскія Вѣдомости 1889 г. № 166, стр. 5), 7) дѣйствительнаго статскаго совѣтника (Моск. Вѣдом. 1886 г. № 211, стр. 4), 8) крестьянина Ростовскаго уѣзда (Артыновъ, село Угодищи, стр. 11) и 8) владѣтельницу театра въ Харьковѣ. Сверхъ того, одинъ изъ героевъ романа Мельникова «Въ Лѣсахъ» носитъ фамилію Дюковъ.

¹⁾ Интересно названіе дер. Дюдъково; или Дюрдъково? срв. гончаръ изъ горичаръ (Ярославской губ.).

²⁾ Словарь Южно-славянской Академіи. Имя Георгій у Сербовъ звучитъ Дюрдь (ђурђь)=др.-русс. Гюрь.

Малорусское названіе какого-то растенія дюкъ и польское названіе одной мѣстности въ Пруссіи Dziuki едва ли имѣютъ отношеніе къ нашему Дюку.

Богатырь Дюкъ именуется въ былинѣ бояриномъ — выходцемъ изъ «краснаго Галича». Это, по нашему мнѣнію, указываетъ на ту славу, которою пользовалось въ средней Руси XII—XV вв. галицкое боярство, богатое и сильное: народъ считалъ честью для своего богатыря-боярина быть выѣзжимъ изъ Галича.

5) Собственное имя Соловей, безъ сомнѣнія, образовалось изъ нарицательнаго.

Употребленіе названій животныхъ разнаго рода въ качествѣ личныхъ именъ свойственно едва-ли не всему человѣчеству. Древняя Русь знала его издревле. Такъ, намъ извѣстенъ Чеголъ = щеголь, писецъ Слово Григорія Богослова XI в., Воронъ — писецъ Житія Саввы Освященнаго XIII—XIV вв. (Общ. древн. писм.). Документы XV—XVII вв., особенно московскіе, имѣютъ подобныя имена въ большомъ числѣ. Въ нихъ упоминаются Баранъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ, Заяць Захарынъ, Кречеть Микулинъ, Куликъ Котовъ, Овца Владимировъ, Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ (одинъ изъ жидовствующихъ) ¹⁾. XVI и XVII вв. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ, которыя въ эту пору стали уже нерѣдко принимать значеніе прозвищъ и употребляться вмѣстѣ съ христіанскими именами. Первый томъ «Актвъ, относящихся до гражданской расправы древней Руси», Ѳедотова-Чеховскаго, упоминаетъ о Соболя Михалевъ, Михалъ Собакъ Семеновъ, Гридъ Волкъ Онфимовъ, Воробъ Федоровъ, Хомякъ Страховъ, Иванъ Боровъ Тимоѣевъ, Боранъ Павловъ, Иванъ Туръ, Жукъ Захарынъ, Василии Жукъ Ивановъ (XVI—XVII вв.). Въ дѣлѣ о кн. Пожарскомъ («Чтенія» Общ. ист. и др. 1870 года, I) мы находимъ такія имена Псковичей: Васька Воробей, Юрій Волкъ, Яковъ Жукъ, Стахей Голубъ (нач. XVII в.). Современные фамиліи въ родѣ Воробьевъ, Волковъ, Жуковъ, Голубевъ, ведущія начало отъ собственныхъ именъ въ родѣ Воробей, какъ извѣстно, очень многочисленны.

Имя Соловей, носимое въ былинахъ двумя лицами, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго, встрѣчается въ нашей старой дѣловой письменности рѣдко. ²⁾ Но это едва ли не случайность. Во всякомъ случаѣ широкое распространеніе въ наше время фамиліи Соловьевъ (между прочимъ среди купечества и крестьянства), кажется, достаточно ручается за частое употребленіе этого имени въ старину.

¹⁾ «Славянскій именословъ» Морошкина. То же въ сербскихъ документахъ.

²⁾ Тамъ же. и въ ст. Чечулина.

Безъ сомнѣнiя, имя жены Потока Лебедь Бѣлая принадлежитъ къ тому же типу именъ, къ которому относится Соловей. Соединенiе въ имени существительнаго и прилагательнаго не рѣдкость въ древней Руси; напомнимъ Волчьяго хвоста X в.; укажемъ на Есипа Лубяную Саблю въ Актахъ Ѳедотова-Чеховскаго (I, 70). Но вотъ что интересно. Потокъ и его жена именуются въ былинахъ довольно часто двумя именами вмѣстѣ—сперва христіанскими, потомъ народными: Михайло Потокъ Ивановичъ, Авдотья Лебедь Бѣлая. Подобное употребленіе среди народа вмѣстѣ двухъ именъ относится по нашимъ документамъ къ сравнительно позднему времени; оно начинается приблизительно съ половины XVI в. (ранѣе народное имя обыкновенно стоитъ одно ¹⁾). Кромѣ примѣровъ выше указанныхъ, мы можемъ привести изъ Актовъ Ѳедотова-Чеховскаго: Михайло Губа Микулинъ сынъ, Ѳедотъ Оботуръ Вахромѣевъ сынъ, Иванъ Жиха Власьевъ сынъ, Гурей Малюта Фоминъ сынъ Кошкннъ, Зиновъ Шарапъ Васильевъ сынъ. Это обстоятельство заставляетъ думать, что окончательная редакція былинъ о Потокѣ должна быть относима ко времени не ранѣе XVI в. ²⁾).

Имя Будимиръ, отъ котораго отчество Будимировичъ, было довольно распространено въ древней Руси, особенно въ уменьшительной формѣ Будило (напримѣръ Акты Ѳ.-Чеховскаго I, 258). Оно вмѣстѣ съ другими древними именами въ XV в. и слѣд. уже вышло изъ употребленія, и потому въ документахъ намъ не встрѣчалось. Но оно сохранилось въ нѣсколькихъ мѣстныхъ названіяхъ: Будимирово, дер. Тверск. губ., Будимировская, дер. Новгородск. губ., Будимерцы, дер. Псковск. г., и въ цѣломъ рядѣ мѣстностей въ разныхъ концахъ Руси съ именами Будиловъ, Будилово, Будиловка. Фамилія Будимировъ намъ не извѣстна, но фамилія Будиловъ, великорусская, и Будиловичъ, Будзиловичъ, бѣлорусская, особенно послѣдняя, пользуются значительнымъ распространеніемъ.

Сербы знали и, кажется, еще знаютъ мужское имя Будимиръ и женское Будимира (Словарь Ю.-Слав. Ак.). У Поляковъ есть мѣстныя названія Budzimir, Budziłow, Budziłowo, Budziłowka, Budzile (Słownik), что указываетъ на значительную популярность у нихъ въ старое время имени Будимиръ.

6) Ставръ, какъ извѣстно,—имя новгородскаго сотскаго, заточеннаго Владимиромъ Мономахомъ въ 1118 г. (1-я Новгородская лѣтопись). Послѣ это

¹⁾ Князья и бояре именуются двумя именами раньше, съ XV в.: Данилъ Щеня, Василій Грузъ и т. п.

²⁾ Потокъ, Потыкъ—не искаженіе ли болѣе древняго Потно (Глѣбъ Потковичъ, Ипатск. сп. 487) или Потка=птица? Потка встрѣчается въ документахъ (Морозкинъ).

имя въ лѣтописяхъ не встрѣчается (если не считать уменьшительнаго Ставко, Лаврент. см. лѣт. подъ 1096 г. ¹⁾). Кажется, оно неизвѣстно и въ документахъ.

Мѣстныя русскія названія показываютъ, что оно въ древности было довольно рѣдко; мы знаемъ лишь четыре мѣстности съ названіемъ Ставрово (Владимирская г. 2, Тверская и Псковская по 1, и одну съ названіемъ Ставровщина (Полтавская). Фамилія Ставровскій, нерѣдкая у насъ теперь, едва ли имѣетъ отношеніе къ имени Ставръ; вѣроятно, она одна изъ новѣйшихъ семинарскихъ фамилій (отъ σταυρός).

Сербы знали имя Ставеръ, Ставро. Оно, въ формѣ Ставеръ, упомянуто четыре раза въ дечанскихъ хрисовулахъ, и, сверхъ того, въ формѣ Ставро, встрѣчается въ старыхъ сербскихъ помянникахъ (Новаковичъ).

Нарицат. ставръ, сохранилось только въ выраженіи: ставры точить (новгородское, «Опытъ обл. словаря») = балясы точить, балагурить.

Имя Годи́нь, отъ котораго отчество Годиновичъ, носимое въ былинахъ двумя лицами, по русскимъ памятникамъ намъ неизвѣстно. Но о существованіи его у насъ когда-то говорятъ мѣстныя названія: Годиновичи (почтовая ст. въ Могилевской губ.) и Годеново (дер. Ярославской губ. ²⁾). Это имя общеславянское, существовавшее, кромѣ Русскихъ, также у Сербовъ и Поляковъ (Морошкинъ); первые имѣютъ село Године (въ Черногоріи, извѣстное съ XIII в.; другое село—Годинацъ—въ документахъ того же стол.); у послѣднихъ есть дер. Godunowice (Калишск. г.). Образованіе нашего имени одинаково съ образованіемъ именъ Плѣнь, Хотѣнь и др. (срв. глаголъ годити).

7. Дунай. Это имя, встрѣчающееся, кромѣ былинъ, еще въ одной хороводной великорусской пѣснѣ, нѣкогда у насъ было широко распространено, особенно въ уменьшительной формѣ Дунило ³⁾). Галицко-волинская лѣтопись знаетъ галицкаго воеводу Дуная (Ипатск. см. подъ 1281 г. и слѣд.); позднѣй, половины XVII в., московскій документъ говоритъ объ живописцѣ Дунаѣ Даниловѣ (Забѣлинъ, «Матеріалы для исторіи русск. живописи», въ «Временникѣ», кн. VII, стр. 8). Современныя мѣстныя названія, ведущія начало отъ имени Дунай, нерѣдки. Мы знаемъ пять поселеній съ именемъ Дунаево (г. Пермск. 2, Вятск., Новг. и Псковск. по 1), одно съ именемъ Дунаевка (Влад.), три съ именемъ Дунай (Вятск., Костр.. Томск.), два съ именемъ Дунаецъ (Курск., Черниг.), три съ именемъ Дунайка (Курск. 2, Черн.), по одному съ именами Дунаевщина (Новгор.), Дунайчицы (Слуцк. уѣзда) и Дунаевцы (Ушицк. у.); поселенія съ именами Дунилово, Дуниловская, Дуниловичи довольно многочисленны. Современная фамилія Дунаевъ

¹⁾ Лѣтописное: со Ставкомъ можно читать также: с Оставкомъ.

²⁾ Акты Бѣдотова-Чеховскаго знаютъ еще дер. Годи́нки (I, 227)

³⁾ Акты Бѣд.-Чеховскаго: Лева Дуниловъ (I, 78).

пользуется значительною извѣстностью (особенно между купечествомъ и крестьянствомъ); такъ, въ Москвѣ въ 1889 г. находилось четыре лица съ этою фамиліею, имѣвшихъ право быть избирателями на выборахъ гласныхъ: одинъ почетный гражданинъ, одинъ московскій мѣщанинъ, одинъ крестьянинъ Егорьевскаго у. и одна Ковровская купчиха.

Это имя—имя общеславянское. Дубровницкій документъ 1347 г. имѣетъ выраженіе: *apud domum Dupaј*; теперь у Сербовъ извѣстны село Дунави и село Дунајевѣ. въ Босніи (словарь Ю.-Сл. Ак.). Поляки имѣютъ мѣстное названіе *Dupaј* (*Stownik*) и фамилію *Dupaјewski*. У древнихъ Чеховъ (XII в.) было имя Дунай (Морошкинъ).

Мы не беремся опредѣлять отношеніе собственнаго личнаго имени Дунай къ названію рѣки и къ тѣсно связанному съ послѣднимъ областному польскому нарицательному *dupaј*—рѣчка, потокъ ¹⁾, но не видимъ достаточнаго основанія считать личное имя происходящимъ отъ названія рѣки.

8. Имя Хотѣнь—довольно распространенное въ древней Руси. Мы знаемъ Хотѣна въ писцовой кн. Шелонской пятины 1584—85 г.; намъ извѣстны современныя русскія мѣстныя названія: Хотѣново, семь деревень: три въ Ярославской и по одной въ Владим., Костромск., Олонецк. и Тверской губ., Хотѣнцево, дер. Яросл. г., Хотѣнка, четыре деревни: двѣ въ Тверской, одна въ Калужской губ., одна въ Ровенскомъ уѣздѣ, Хотѣнь двѣ дер., одна въ Калужской и одна въ Волынской губ., Хотень въ Ровенскомъ у., Хотени въ Тверской, Хотеничи въ Черниговской, Хотѣнское во Влад., Хотѣнчицы въ Виленской губ. Сверхъ того, мы знаемъ городъ на Днѣпрѣ, который въ молдавскихъ документахъ XV в. называется Хотѣнь (сборн. Уляницкаго, стр. 53, 75) ¹⁾.

То же имя употреблялось у старыхъ Чеховъ XI—XIII в. (Морошкинъ).

Образованіе этого имени ясно: сравни Хотѣнь при глаголѣ хотѣти со Жданъ при ждати. Извѣстно русское областное прилагательное хотѣнь.

¹⁾ *Dupaј* у Мазуровъ означаетъ глубокую воду (озеро, ручей) съ высокими берегами (*Wiśła* 1889 г. III, 568, 585—6), въ другихъ мѣстахъ—пропасть (? *Zbiór wiadom. do antropolog. kr. II*, 246). То же нарицательн. дунай=потокъ встрѣчается у Русскихъ на югѣ (*Zbiór VII*, 171, 183) и въ Олонецкой губ. (Гильфердингъ, Онѣж. бл., 330).

²⁾ Мѣстныя названія Хотилово, Хотьково, довольно многочисленны въ средней Руси, происходятъ отъ уменьшительныхъ Хотило, Хотько, которыя могли образоваться или отъ Хотимиръ, или отъ Хотѣнь.—Хотѣево вѣроятно,—отъ Хотей=Фотей, Фотій.

Село Хотѣново, на Кашиинскомъ рубежѣ, упомянуто въ актѣ XVI в. (Акты Ездотова-Чеховскаго, I, 167).

Имѣнье Хотень, Пов. у., упомянуто въ грам. 147 г. (*Archiwum Sanguszków*, I, № 91).

Имя Блудъ, отъ котораго образовано отчество Блудовичъ,—имя историческаго лица X в. ¹⁾). Наши мѣстные названія свидѣлствуютъ о его нерѣдкомъ сравнительно употребленіи въ старину. Мы имѣемъ: Блуди, три деревни въ Московск., Тв. и Черниг. губ., Блудово, шесть поселеній, два въ Костромской и по одному во Владим., Нижегород., Псковской и Ярославск. губ., Блудково, дер. въ Вологодск. г., Блудиново, дер. въ Ярославск. губ. У старыхъ Чеховъ имя Блудъ было довольно распространено (Морошкинъ); Поляки имѣютъ мѣстные названія Błędów, Błędowa, Błędowo, Błędowice.

9. Имя Козаринъ, отчество Козариновичъ, въ старой Руси было довольно распространено. Мы знаемъ въ началѣ XII в. воеводу Козарина (Лаврент. сп. л. 270), въ XV в. пана Козарина Рязановича (Archiwum Sanguszków, I, 45 и др.), пана Козарина (грам. Свидригайла 1438 г.), въ XVI московскаго дьяка Козарина Дубровскаго ²⁾).

Мѣстное названіе Казариново извѣстно намъ въ шести губерніяхъ (Вологодск., Костр., Ярославск., Нижегородск. 2, Псковск.), Казаринова— въ одной (Пермск.), Казарино или Казарина въ 5 (Вологодск., Костр. 2, Пермск. 3, Тульск., Псковск.), Казаркино въ 2 (Волог., Костр.). Затѣмъ мы знаемъ мѣстные названія: Казаринцево (Псковск.), Казариновка (Каневск. у.), Казары (Опмянск. у. и Вятск. г.), Казарь (Тульск.), Казарикъ (Ворон.), Казарка (Калуж. и Ярославск.), Казарки (Пенз.), Казаричи (Черн.), Казарята (Влад.), Козариха (Волог.), Казарное (Волог.), Казаровщина (Вятск.), Казаринскій (Вятск.) и др. Фамилія Казариновъ, по преимуществу дворянская, у насъ нерѣдка.

Это имя едва ли не однородно съ другими собственными личными именами, происходящими отъ народныхъ (племенныхъ) названій. Наша древняя лѣтопись знаетъ боярина Чудина (т. е. одного изъ народа Чудь); 1-я Новгородская лѣт. упоминаетъ о Семьюнѣ Еминѣ (изъ Еми, подъ 1219 г.) и бояринѣ Неревинѣ (изъ Неревы, подъ 1167 г.). Далѣе извѣстны: писецъ такъ наз. Юрьевскаго Ев. XII в. Угрюнецъ (уменьшит. отъ Угринъ), отецъ писца Ев. 1270 г. Лотынь, Варяжько, Ляшько, Торчинъ (убійца св. Глѣба); позже Фрязинъ ³⁾, Русинъ, Куманинъ, Чер-

¹⁾ Имя Блудило въ Актахъ Оед.-Чеховскаго, I, 112 и др. Тамъ же, 232: Игнатей Блудовъ.

²⁾ Еще нѣсколько старыхъ примѣровъ употребленія этого имени у Морошкина. Чечулинъ отмѣчаетъ его, какъ часто употреблявшееся въ XVI в., Казаринъ Осѣинъ въ Актахъ Оед.-Чеховскаго (I, 78).

Крестыанинъ Фрязинъ Пвановъ въ Актахъ Оед.-Чеховскаго (I, 82).

мисинъ (откуда фамиліи: Русиновъ, Куманинъ) и т. п. Первоначально эти имена принадлежали лицамъ изъ инородцевъ; потомъ они стали передаваться потомкамъ и мало по малу вошли въ общее употребленіе.

Сравни былинные имена Жидовинъ ¹⁾ и Волхъ (Всеславьевичъ). Последнее едва ли не произошло изъ Волохъ; по крайней мѣрѣ въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. мы читаемъ: волхи 24, волхи 25 и др. = волохи. А имя Волохъ сохранилось въ старыхъ (съ XV в.) и новыхъ фамиліяхъ и въ рядѣ мѣстныхъ названій: Волохово (Калужск., Влад., Псковск. три, Тул.), Волоховъ (Курск.), Волхово (Тв. три), Волоховщина (Тв.), Волховская (Волог.).

10. Микула Селяниновичъ. Микула = Никола. Эта форма была распространена у насъ издревле до новѣйшихъ временъ.

Селянинъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ древне-русскихъ именъ. Его знаютъ сравнительно поздніе документы (Акты Арх. Эксп., I, № 205. Акты Калачова, I. 692; III, 97; Чечулинъ); оно сохранилось въ названіяхъ Селяниново, село Тульской губерніи, Селянино, двѣ дер. въ Тульск. и въ Ярослав. губ., сверхъ того, мы знаемъ мѣстн. названіе Селянцево, Костромск., Селятино, Псковск., Селилово, Калужской, Селиловичи, Орловской. Последнія происходятъ отъ уменьшительныхъ Селята и Селило.

Святогоръ — собственное имя, повидимому мало извѣстное въ древней Руси. Его нѣтъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ документахъ; оно дало мало мѣстныхъ названій. Тѣмъ не менѣе послѣднія существуютъ. Мы знаемъ поселенія: Святогоры, Вологодской губ., Святогоръ, Пермской, Святогорки, Орловской, Святогорово, Московской, Святогорское въ Вологодской и Вятской, Святогорье въ Вологодской и Костромской. Фамилію Святогоровъ носить старый купеческій родъ въ г. Твери.

12. Передъ нами имена русскихъ не играющихъ въ былинахъ особенно видной роли, а также нѣкоторыя отчества.

Бермата едва ли не искаженіе Бернята, уменьшительнаго отъ Бернъ. Бьрнъ (въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII в. 11). Дер. Бернятино — Костр. г.

Срв. польское отчество Бернатовичъ (нач. XIII в.) въ Ипатск. сп. 485.

Буславъ, изъ Богуславъ, съ опущеніемъ г = h откуда отчество Буславлевичъ, Буславличъ, искаженное Буславьевичъ, Буславьичъ, — тоже одно изъ древнихъ и общеславянскихъ именъ. Оно было у насъ въ древности по видимому въ значительномъ употребленіи. Мы знаемъ

) Мы имѣемъ мѣстныя названія Жидово, два поселенія Костромской г., Жидовичи Псковск., Жидиха Пск.

въ XIII в. новгородскаго боярина Богуслава. 1-я Псковская лѣтопись, подъ 1500 г., говоритъ о посадникѣ Ѡмѣ Буславичѣ. Деревня Буславля упоминается въ XVII в. (Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, 186): село Буслаево существуетъ теперь въ Костромск. г. Фамилія Буслаевъ пользуется у насъ нѣкоторою распространенностью.

Имя Богуславъ у Чеховъ и Поляковъ было нѣкогда въ большомъ употребленіи (Морошкинъ).

Казимерь, откуда отчество Казимировичъ, принадлежитъ къ числу очень древнихъ, общеславянскихъ личныхъ именъ. Сложныя имена, въ родѣ Казимиръ, Ярославъ, Воигостъ, Миронѣгъ, по лѣтописямъ и документамъ, стали уже рѣдки въ XIV в., а въ XV—нач. XVI в. они—исключительное явленіе и встрѣчаются по преимуществу въ отчествахъ (старецъ Памсій Ярославовъ XV—XVI в.). Имя Казимерь вышло изъ употребленія однимъ изъ послѣднихъ: Новгородская лѣтопись упоминаетъ о новгородскомъ посадникѣ Казимерѣ подъ 1476 г. Названіе ручья Казимиръ—въ Череповецк. у. Новг. г. (Новгор. Сборникъ, V, 222). Фамилія Казимировъ въ концѣ 80-хъ годовъ принадлежала двумъ жителямъ Москвы—чухломскому мѣщанину и корчевскому крестьянину.

Колыванъ. Мы знаемъ Александра Колыванова (въ продолженіи 1-й Новгор. лѣт., 362) и нѣсколько мѣстныхъ названій: Колыванъ (1) др.-русское названіе Ревеля, 2) названіе какого-то города изъ числа волынскихъ Новг. лѣт. по Синод. сп. 447, 3) названіе села въ Пермск. г.), Колыванка (Влад.), Колываново (два села Нижегород.).

Мамелфа или Амелфа—христіанское имя = Мамелхва. Оно съ буквою ѿ находится въ Макарьевскихъ Минеяхъ (5 окт.).

Путята—одно изъ самыхъ обычныхъ именъ древней Руси, между прочимъ имя писца Миней XI в. Мѣстныя названія: Путятино и ему подобныя, довольно многочисленны; фамиліи Путята (или, въ польской передѣлкѣ, — Пуцятю), Путятинъ—не рѣдкость.

Рахманъ (отчество Соловья-разбойника Рахматовичъ едва ли не искаженіе Рахмановичъ) и особенно Рахманинъ—нерѣдки,¹⁾ но едва ли древнія имена. Они ведутъ свое начало, вѣроятно, отъ прославленныхъ въ романѣ объ Александрѣ Мак. и въ нѣкоторыхъ апокрифическихъ житіяхъ врахманъ = браминовъ; во всякомъ случаѣ въ позднихъ спискахъ Александрии и посланія Василія Новгородскаго о земномъ раѣ мы вмѣсто врахмане читаемъ: рахмане. Мѣстныя названія въ родѣ Рахманово (Костр., Кал., Орл., Моск. пять, Нижегород., Пенз. г.) у насъ довольно обычны. То же можно сказать о фамиліяхъ Рахмановъ, Рахманиновъ, Рахманинъ.

¹⁾ «Славянскій именословъ» Морошкина.

Саулъ. Мы знаемъ Ивана Саулина (Акты Ѳед.—Чеховскаго, I, 237) и поселеніе Саулово Яросл.

Имя Сбродъ, отчество Сбродовичъ, было повидимому, въ древности мало употребительно. Можетъ быть оно дало начало нѣсколькимъ мѣстнымъ названіямъ: Збродово Волог., Збродова Кал. и Пермск., Збродовъ, Пермск., Збродовская Волог., Сброды Вятск.

Имя Оника, Аника, откуда уменшительныя Аничко, Аничка,— не что иное какъ видоизмѣненіе имени Іоанникій, получившее начало на греческой почвѣ (срв. Алекса при Алексѣй = 'Αλεξῆς). Оно было у насъ въ употребленіи въ старое время (мы знаемъ его съ XVI в.) и употребляется какъ обычное въ народѣ въ наши дни. Отъ него происходятъ довольно распространенныя теперь фамиліи Аникинъ, Аничковъ, Аничкинъ.

13. Имена враговъ русскихъ богатырей въ былинахъ—по большей части русскія или употреблявшіяся Русскими. Въ виду этого представляется на нашъ взглядъ рискованнымъ отыскивать въ нихъ Тугоркана, Шарукана и т. п. историческихъ лицъ,

Имя Тугаринъ было у насъ въ употребленіи въ XVI—XVII в.; мы знаемъ Суздальца Тугарина Данилова (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 314) и Тугарина Молчанова Акты Калачева, III, 232. Мѣстныя названія: Тугариново Новгор. и Олон. г., Тугарино Орловск., Тугары Вятск., Тугарки Нижегород., Тугаровская Вятск., и довольно распространенная фамилія Тугариновъ (между пр., Барсуковъ, Погодинъ, I, 191) свидѣтельствуютъ о томъ, что это имя у насъ не было рѣдкимъ.

Съ именемъ Шарка мы можемъ сопоставить мѣстныя названія: Шарково Моск. г., Шаркова Арханг., Шарковщина Полт., Шарки Тверск. (дна поселенія), Шарчина и Шарчикова Пермск., Шаричи Вятск. Мѣстность Шарковщина, и нынѣ носящая это названіе, существовала въ Полоцкомъ уѣздѣ еще въ XVI в. (Оглоблинъ).

Кощей, какъ извѣстно изъ «Слова о полку Игоревѣ» и лѣтописей, какъ нарицательное въ XII в. и позже означало: рабъ. Мы не нашли это слово какъ собственное имя въ документѣ до 1459 г. (Акты Калачова I, 547) (срв. Смердъ Пыхачовъ, Холопъ Митинъ сынъ въ Актахъ Ѳ.-Чеховскаго, I, 154, 15). Мѣстныя названія отъ него не особая рѣдкость: Кошеево, шесть поселеній въ Ярославск. г., одно въ Тульск., Кошеевка Яросл., Тул. Фамилія Кошеевъ не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ. Ее носили въ концѣ 80-хъ годовъ изъ московскихъ жителей одинъ цеховой и одинъ кашинскій крестьянинъ.

Баба Латыгорка, мать сына и врага Ильи Мур., едва ли не есть нарицательное (какъ указалъ уже Ѳ. И. Гуслаевъ въ своемъ академическомъ

*) Фамилія Шарковъ довольно обычна въ Новг. губ., по крайности въ г. Боровнахъ и въ уѣздѣ.

разборъ «Ильи Муромца» Ор. Миллера). Во всякомъ случаѣ 1-я Псковская лѣтопись называетъ Лотышей Лотыгорю: Нѣмцы и Лотыгори, съ Лотыгорю (стр. 187). Былина связываетъ Латыгорку съ камнемъ Латыремъ: «я отъ камня отъ Латыря, я отъ бабы отъ Латыгорки», говоритъ сынъ Ильи. Мы не надѣемся дать какое-либо удовлетворительное объясненіе камню Латырю, но можемъ указать мѣстныя названія: Латырево Влад. г., Латырь Вятск., Латырскій Вятск. и рядомъ съ ними названіе Латыгорево Тв. ¹⁾).

Афромей, Вахрамей=Варооломей.

14. Мѣстныя названія былинь не требуютъ особыхъ поясненій.

Что такое крестъ Леванидовъ, къ которому, по однимъ былинамъ, съѣзжаются богатыри, у котораго, по другимъ, живетъ Соловей-разбойникъ, изъ подъ котораго, по третьимъ, вытекаетъ Волга? Мы должны ограничиться предположеніемъ. Древняя Русь повидимому нерѣдко ставила большіе каменные кресты или огромные камни съ высѣченными на нихъ крестами для указанія границъ и въ воспоминаніе какихъ-нибудь событій. Мы знаемъ Роговолодовъ, Борисовы камни на Двинѣ, мы знаемъ Стерженскій крестъ, поставленный новгородскимъ посадникомъ Иванкомъ Павловичемъ въ 1134 г. въ память начала работъ въ верховьяхъ Волги; новгородская лѣтопись упоминаетъ, какъ объ извѣстномъ урочищѣ, объ Игначѣ (Игнатовѣ) крестѣ ²⁾; молдавскіе документы 1446 и 1452 гг. упоминаютъ о Крачуновѣ или Короченевѣ камнѣ (Уляницкій). Крестъ Леванидовъ, упоминаемый былинами, а за ними духовными стихами, могъ быть однимъ изъ хорошо извѣстныхъ въ древней Руси крестовъ (въ родѣ Игнатова), стоявшимъ на какомъ-нибудь важномъ распутѣ или возвышенности ³⁾.

Во всякомъ случаѣ Леванидовъ — прилагательное отъ имени Леванидъ = Леонидъ. Это имя, съ *с*, — сравнительно нерѣдко въ великорусскихъ памятникахъ XVI—XVII вв.

Городъ Кидишъ, встрѣчающійся въ былинахъ объ Ильѣ, упоминается («Китежъ») въ раскольническихъ легендахъ (о нихъ, между прочимъ, въ романѣ Мельникова «Въ лѣсахъ»), какъ невидимый городъ, хранящій древнее православіе.

¹⁾ Латырево можетъ быть измѣненіемъ Латыгорево.

²⁾ Татары шли «отъ Торжку Серегѣрьскимъ путемъ оли и до Игнача креста», подъ 1239 г.

³⁾ Можно отмѣтить, что въ нѣсколькихъ былинахъ выраженіе «у креста Левонидова» поясняется выраженіемъ: «у мощей Борисовыхъ». Мощи Бориса и Глѣба, какъ извѣстно, были въ южномъ Переяславѣ.

Городъ Орѣховецъ, упоминаемый въ былинѣ о Вольгѣ, извѣстенъ по 1-й новгородской лѣтописи (стр. 347).

Рѣка Смородина, упоминаемая въ тѣхъ же былинахъ, по названію близка къ соврем. рѣчкѣ Смородинной близъ г. Карачева, въ сѣв. части Орловской губ.¹⁾ (Моск. Вѣд. 1889 г. № 101, корресп. изъ Карачева), и къ соврем. Смородинской волости, Фатежск. у. Курской губ.

Слово *поляница* = *витязь* встрѣчается въ старшей редакціи сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ («Лѣтописи» Тихонравова). Слово *храборъ* = *витязь* встрѣчается только въ древне-русскихъ текстахъ на церковно-славянскомъ языкѣ или съ примѣсью церковно-славянскаго элемента (особенно часто въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ). Древне-русскіе тексты съ болѣе или менѣе чистымъ русскимъ языкомъ и современные русскіе говоры не знаютъ этого слова.

А. Соболевскій.

¹⁾ Здѣсь-же село Девятидубье.

**ПИСЬМА П. И. ПРЕЙСА КЪ М. С. КУТОРГЪ, И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ,
П. О. ШАФАРИКУ, КУРШАТУ и друг.**

(1836—1846).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Считаю себя счастливымъ, что могу издать въ свѣтъ предлагаемыя письма и записки, наилучшій конечно источникъ біографіи перваго преподавателя Славяновѣдѣнія въ Петербургскомъ Университетѣ, покойнаго П. И. Прейса († 1846 г.)—и важный матеріалъ для исторіи русской и славянской науки. Въ ея лѣтописяхъ Прейсу по праву принадлежитъ почетное мѣсто. Въ исторіи Славяновѣдѣнія, по времени и по ученой подготовкѣ, по дарованіямъ и по заслугамъ, Прейсъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ ¹⁾. Въ Россіи и вообще въ Славянствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительнаго языкознанія и первымъ критикомъ Вонповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ Славянствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знаткомъ Литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ отличнымъ изслѣдователемъ Славянскихъ древностей. Уже въ 1843 году ему ясны были разныя недочеты, пробѣлы и недостатки знаменитаго труда Шафарика „Славянскія древности“. Небольшія статьи его о Ц.-Сл. языкѣ, о средне-болгарскомъ нарѣчій, о глаголической письменности, объ эпической поэзіи у Сербовъ и проч., явившіяся съ полѣтѣю тому назадъ, и теперь должны быть рекомендуемы всѣмъ начинающимъ славистамъ, какъ работы образцовыя. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ рѣдкую честь въ Славяновѣдѣніи, за одно съ разными статьями и изслѣдованіями Добровскаго, съ разсужденіемъ и наблюденіями Востокова.

Сынъ иностраннаго подданнаго, музыканта, католическаго исповѣданія (не Чеха ли или Мораванина?), Петръ Ивановичъ Прейсъ родился кажется во Псковѣ или гдѣ то въ Пск. губ., въ 1810 г. О дѣтствѣ и первоначальномъ его воспитаніи къ сожалѣнію намъ ничего не извѣстно. Знаемъ лишь, что семья его была бѣдная, что съ 13 уже лѣтъ, какъ онъ самъ говоритъ въ печатаемой нами ниже запискѣ, въ немъ пробудилась научная любознательность, стали сказываться его филологическія наклонности и его любовь къ Русскому языку. Въ Петербургскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, Прейсъ пробылъ три съ половиною года. „Обстоятельства семейныя,—писалъ Прейсъ въ 1838 г. (27 іюля) Попечителю С.-Петербургскаго Округа (см. ниже)—за десять лѣтъ предъ симъ заставили меня оставить С.-Петербургскій Университетъ въ то время, когда мнѣ до окончательнаго экзамена оставалось только полгода, и отправиться въ Дерптъ для занятія по Высочайшему повелѣнію мѣста“ учителя въ тамошней гимназіи. Надо прибавить что дѣйствительный студентъ Прейсъ 12 мая 1828 г. былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ Русскаго языка въ Дерптской гимназіи и лишь 10 окт. 1837 г. былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ той же гимназіи.

Въ Петербургѣ у адъюкта Попова, проф. Фрейтага и Греффе Прейсъ могъ приобрѣсти основательныя знанія по древнимъ языкамъ. Еще 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ и потомъ студентомъ онъ съ жадностію читалъ и перечитывалъ что могъ достать въ тогдашней Императорской Публичной Библіотекѣ по русской и славянской филологіи. Тогда же еще онъ ознакомился съ знаменитымъ разсужденіемъ Востокова, почувствовалъ сразу его важность, но, по собственному его признанію, долго его вполне не понималъ. Десятилѣтнее пребываніе высокодаровитаго и трудолюбиваго Прейса въ Дерптѣ было

¹⁾ Изъ первыхъ нашихъ наслѣдителей Славяновѣдѣнія по возрасту Бодянский О. М. былъ старше всѣхъ. Онъ родился въ 1808 г., Прейсъ—въ 1810 г., Срезневскій—въ 1812 г. и Григоровичъ—въ 1815 г.

для него въ высшей степени благотворно. Лѣтомъ же 1828 г. пріѣхали въ Дерптъ его университетскій товарищъ и другъ Мих. Степ. Куторга, а затѣмъ и другіе молодые люди изъ Русскихъ университетовъ, для поступленія въ профессорскій институтъ, ставшіе вскоре его друзьями: Шкляревскій П. П.¹⁾, умершій въ Дерптѣ въ 1830 г., Порошинъ, Викт. Степ., Чивилевъ, А. И., Калмыковъ, Петръ Дав. и другіе. Въ Университетской бібліотекѣ, гдѣ, благодаря стараніямъ знаменитаго проф. Эверса, было хорошее собраніе книгъ и изданій по Славянщинѣ, Прейсъ нашелъ много важныхъ для себя источниковъ и пособій по Славяновѣдѣнію. Въ теченіе десяти лѣтъ изъ этого необыкновеннаго и удивительнаго младшаго учителя Русскаго языка образовался и выработался превосходный ученый. Между тѣмъ шли годы, Дерптскіе друзья Прейса уѣхали изъ Дерпта, пробыли годъ, два въ Европѣ, заняли кѣседуры въ Университетахъ, а Прейсъ все оставался младшимъ учителемъ гимназій. Наконецъ, 10 октября 1837 г. его назначили старшимъ учителемъ, а еще въ сентябрѣ того же года Министръ Народнаго Просвѣщенія письменно обратился въ Петербургскому Попечителю съ вопросомъ, не имѣетъ ли кого Петербургскій Университетъ предложить на открытую новымъ уставомъ кѣседуру Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій и прибавилъ, что Министрство разрѣшило-бы, для лучшаго приготовленія, отправить такого кандидата въ Славянскія земли, какъ уже рѣшило послать кандидата Московскаго Университета на эту кѣседуру—Бодянскаго. На запросъ объ этомъ Попечителя, Профессора Историко Филологическаго Факультета Устряловъ, Куторга, Порошинъ и нѣкоторые юридическаго, какъ проф. Калмыковъ, хорошо знавшіе П. И. Прейса и высоко цѣнившіе его знанія и дарованія, рекомендовали его Совѣту Университета, а Совѣтъ Попечителю, какъ человѣка, наилучше приготовленнаго для занятія этой новой кѣседуры. Такъ началась новая эпоха въ жизни Прейса.

Въ слѣдъ за письмами Прейса къ М. С. Куторгѣ изъ Дерпта мы помѣщаемъ ниже два официальныхъ его письма къ князю Дондукову-Корсакову, тогдашнему Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, двѣ записки Прейса: одну черновую объ его Славянскихъ занятіяхъ до отъѣзда его за границу, другую о планѣ его путешествія по западнымъ Славянскимъ землямъ. Тутъ же прилагаемъ заимствованный нами изъ отношенія Попечителя къ Министру Народнаго Просвѣщенія отзывъ Востокова, подъ руководствомъ котораго, по собственному желанію, занимался Прейсъ девять мѣсяцевъ въ Петербургѣ до отъѣзда своего въ исходѣ 1839 г. за границу. Далѣе идутъ позднѣйшія, въ высшей степени любопытныя письма Прейса изъ Кенигсберга, Данцига и Берлина, особенно же изъ Славянскихъ земель Австро-Венгріи и изъ Петербурга, за послѣдніе годы его жизни, такъ рано прервавшейся къ великой горести его друзей и къ великому ущербу для науки.

За изданіе этихъ замѣчательныхъ писемъ и записокъ превосходнаго ученаго и прекраснѣйшаго человѣка, столь важныхъ и интересныхъ не для одной русской науки, должно благодарить владѣльцевъ ихъ—Мих. Степ. Куторгу, сына натуралиста проф. Степ. Сем. и племянника и наслѣдника проф. Мих. Сем. Куторги,—ближайшаго друга Иреисова—и О. И. Срезневскую,—любезно передавшихъ намъ для печати эти письма и записки Прейса. Остальные матеріалы извлечены нами изъ хранилищъ, указываемыхъ въ своемъ мѣстѣ²⁾.

В. Ламанскій.

Ко всѣмъ живымъ еще пріятелямъ и знакомымъ Прейса или къ ихъ наслѣдникамъ какъ въ Россіи, такъ и за границею обращаемся съ покорнѣйшею просьбою доставить намъ свои воспоминанія о немъ или имѣющіяся у нихъ его письма, записки или вѣрныя съ нихъ копіи. Просимъ и бывшихъ Дерптскихъ учениковъ и университетскихъ слушателей (1842—1846) Прейса сообщить намъ что сохранила ихъ память объ

¹⁾ См. Стихотворенія Павла Шкляревскаго. СПб. печатано въ типографіи вдовы Плушаръ. 1832. 12° 85 + XIII стр., съ предисловіемъ издателя (М. С. Куторги).

²⁾ О Прейсѣ см. прекрасно написанное воспоминаніе Срезневскаго въ его замѣчательной брошюрѣ: «На память о Бодянскомъ, Григоріи и Прейсѣ П. И. Срезневскаго. СПб. 1878. О Прейсѣ стр. 1—14.

этомъ высокодостойномъ человѣкѣ и ученомъ. Полагать можно, что въ Дерптѣ и Прагѣ, въ Загребѣ и у Словаковъ—напр., у наслѣдниковъ М. Ходжи бывшаго великимъ почта-телемъ Прейса, какъ я знаю изъ бесѣдъ моихъ съ Ходжею (лѣт. 1862 г.), и вѣроятно другихъ старыхъ Словенскихъ дѣятелей могутъ найтись письма Прейса, или вообще болѣе или менѣе любопытныя данныя для его біографіи.

22 апрѣля 1836 года. Дерптъ. Среда.

Милъ-сердечный другъ, Михаилъ Семеновичъ! Пока ты еще не обаялся (это названіе водится на Руси), то тебя можно тревожить и беспокоить; а тебѣ стыдно и грѣшно на это гнѣваться. Каково? Не это-ли называется нахрапомъ взять. — А что взять? тому слѣдуютъ пункты.

Ты самъ знаешь, куда иногда не дернетъ человѣка припадокъ учености. А такъ какъ я страдаю этимъ недугомъ и мѣстныя лечебныя пособія не помогаютъ, то я рѣшился прибѣгнуть къ тебѣ, Отче! и просить о учиненіи мнѣ выписки изъ *Böhmes diplomatische Beiträge zum Schlesi-chen Recht und Geschichte*. Этой книги нѣтъ ни въ библіотекѣ здѣшней, ни у Крузе. — Послѣ этого нечего было искать инудѣ.

Быть можетъ, что въ Венковомъ приобрѣтеніи или у Круга и т. д. найдется пятый томъ этой книги с. 141. Мнѣ думается, что эти *Beiträge* похожи на наше собраніе грамотъ и договоровъ; если моя догадка справедлива, то ты мнѣ сдѣлаешь одолженіе и доставишь всю грамоту въ точной копіи и спискѣ. Ходъ моихъ изысканій устремилъ меня на эту страницу; найдешь ее, такъ легко узнаешь, а не найдешь ее, то я самъ при первой возможности, сообщу тебѣ объясненіе. Теперь же я не богатъ досугомъ¹⁾.

Одно еще обстоятельство хотѣлось бы мнѣ поставить тебѣ на видъ (прости мнѣ таковое нахальство); мнѣ бы нужна была эта выписка *so bald als möglich*. Скажу болѣе: эта выписка тѣсно связана съ планомъ, который тебѣ, вѣроятно, не безызвѣстенъ, т. е. съ переселеніемъ моимъ въ Петербургъ при первомъ случаѣ.

Мнѣ пріятно думать, что ты не откажешься съ своей стороны бросить на вѣсы моего счастья нѣсколько лотовъ; эти нѣсколько лотовъ перетянутъ меня въ Петербургъ, быть можетъ, скорѣе нежели вы могли ожидать. — Слѣдовательно: *so bald als möglich und wo nur möglich*.

Сергѣй Елисеевичъ носитъ подъ мышками бумаги отъ и къ попечителю; часто обѣдаетъ у него; часто напоминаетъ мнѣ объ обязанности моей писать хоть для журналовъ, а я его упрекаю тѣмъ-же. Потомъ я бываю у Тихвинскаго; потомъ отъ него маршъ домой за книгу, оттуда въ постель.

¹⁾ Къ сожалѣнію этого рѣдкаго сборника *Böhme* нѣтъ въ Петербургѣ, ни въ Имп. Публ., ни Акад., ни Унив. библіот. В. Л.

на ночлегъ, а оттуда за книгу, да за уроки и т. далѣе. Вотъ тебѣ и жизнь, но не безъ удовольствій.

Кланяйся, пожалуйста Порошину, скажи ему, что я нигдѣ не могъ достать тетради, которую бы стоило переслать. У иного конца нѣтъ, у другого смысла нѣтъ, у третьяго не разберешь даже при помощи опытныхъ и свѣдущихъ палеографовъ между студентами. — Жаль, очень жаль, что я не могъ услужить Виктору Степановичу.

Кланяйся также и Федору Ивановичу Нейдгардту и разругай его за неписаніе, такъ, какъ только друзья могутъ ругаться.

Калмыкову, Петру Давидовичу поклонъ и упрекъ, что не пишетъ о судебныхъ поединкахъ.

Однимъ словомъ, если будешь гдѣ либо между нашими, такъ расклавивайся на всѣ четыре сторонушки отъ ихъ товарища. — Будь здоровъ, въ Берлинѣ дери черезъ Дерптъ, вотъ пока мои желанія тебѣ.

Въ ожиданіи твоей *П. Прейс.*

30 марта 1837 года. Среда.

Любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ!

Спишу отвѣтомъ на письмо брата: оно несказанно утѣшило и обрадовало меня, увѣривъ въ непремѣнности твоего расположенія ко мнѣ, въ твоей любви къ товарищу по университету, по наукѣ и чувствамъ. — Отъ глубины простаго сердца приношу тебѣ мою чувствительнѣйшую, искреннюю благодарность. — Она тѣмъ сильнѣе во мнѣ, что мнѣ повятна цѣль твоего дружескаго предложенія: это сближеніе меня съ занятіями моими. — И кто съ этой стороны затронулъ мое сердце, тотъ счастливъ тѣмъ блаженствомъ, которое онъ доставилъ другому. — Болѣе не умѣю ничего сказать.

Братъ пишетъ мнѣ, чтобы я отвѣчалъ тебѣ поскорѣе: съ первою почтою исполняю его просьбу. — Съ своей стороны 'долгомъ почитаю обратить твое вниманіе на дерптскія обстоятельства мои.

Тихвинскій, отблаговѣстивъ свои 26 лѣтъ при Дерптской гимназіи, долженъ въ слѣдствіе новаго положенія подать въ отставку. По словамъ попечителя нашего мнѣ приходится занять его мѣсто; быть можетъ, удастся получить и лекторство при университетѣ. — Все это къ іюню непремѣнно должно рѣшиться. — Кажется, что благоразуміе требуетъ отъ меня — обождать, не представляются-ли мнѣ въ Дерптѣ лучшіе виды?

Степанъ Семеновичъ пишетъ мнѣ, что ты предлагаешь мнѣ мѣсто старшаго учителя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ — Очень хорошо. Но ты не знаешь, можетъ быть, что я, по милости бывшаго министра просвѣщенія, только младшій учитель. Подвергнутъ-ли меня, при занятіи предлагае-

мага тобою мѣста, экзамену или нѣтъ. Это мнѣ навѣрное слѣдуетъ знать.— При опредѣленіи въ Дерптѣ я избѣгну такого экзамена или подвергнусь формальностямъ онаго и то въ крайнемъ только случаѣ.

Прошу также увѣдомить меня объ обязанностяхъ учителя въ корпусѣ.—

1) Чему я буду учить? 2) По какимъ руководствамъ слѣдуетъ мнѣ учить предметъ преподаванія? 3) Будетъ-ли на мнѣ лежать поправка тетрадей кадетовъ? 4) Сколько часовъ придется мнѣ давать? 5) Продолжается урокъ часъ или два? 6) Какъ продолжительны вакаціи въ корпусѣ? 7) Наконецъ, каково жалованье по мѣсту, которое ты мнѣ предлагаешь?

Притомъ хотѣлось-бы мнѣ знать, когда я долженъ поступить на службу, въ случаѣ, если условія мѣста учительскаго въ корпусѣ могутъ показаться мнѣ *annehmbar*.

Ты извинишь меня навѣрно за скрупулезность моихъ запросовъ. Сообразивъ мои обстоятельства, ты, вѣроятно, найдешь ихъ справедливыми и основательными, найдешь также естественнымъ мое недоумѣніе и нерѣшительность.— Впрочемъ отъ обстоятельности твоего отвѣта будетъ многое, или лучше, все зависѣть. — Важныя, очень важныя причины заставляютъ меня желать перемѣны мѣста моего жительства, хотя съ другой стороны привычки и инныя, извѣстныя тебѣ, причины привязываютъ меня къ Дерпту.

Надѣюсь, что ты досконально увѣдомишь меня обо всѣхъ пунктахъ, которые я по дружбѣ предложилъ тебѣ и будь увѣренъ, что я очень хорошо понимаю и умѣю оцѣнить всѣ выгоды служить подъ начальствомъ друга.

Зная меня, какъ человѣка, зная, можетъ быть, и какъ учителя, который совѣстливо и честно несъ тяготу своего званія 9 лѣтъ въ Дерптѣ, гдѣ мнѣ приходилось во все это время учить одной только азбукѣ, зная притомъ, что я нисколько не слабѣлъ въ своемъ усердіи къ наукѣ, что я презиралъ всѣми выгодами жизни въ жертву ей, зная, говорю, все это, ты можешь быть увѣренъ, что одушевлюсь еще большею ревностію, имѣя предъ собою прекрасное поприще дѣятельности воспитательной: душа моя жаждетъ ея.

Прощай и кланяйся брату, супругѣ его и всѣмъ, кто меня еще помнитъ.

Твой П. Прейс.

19 мая 1837 года. Дерптъ.

Любезнѣйшій Михаилъ Семеновичъ!

Благодарю тебя за доставленіе сочиненія твоего: оно принесло мнѣ много удовольствія.—При случаѣ надѣюсь доставить тебѣ замѣчанія свои во свидѣтельство того, что я читалъ статью твою съ должнымъ вниманіемъ.—Жаль,

что ты не могъ воспользоваться послѣднимъ сочиненіемъ Шафарика: нѣкоторыя его мнѣнія ты могъ бы подвергнуть суду. — Приятно бы услышать твой приговоръ ¹⁾.

Теперь сѣбѣ сообщу мое рѣшеніе по поводу дружескаго твоего предложенія. Я долго боролся между да и нѣтъ и наконецъ долженъ былъ прознать роковое для меня: «нѣтъ». Славянская древность ввела меня въ значительные расходы, которые, разумѣется, надобно будетъ покрыть.

Переѣздъ въ Петербургъ и первое обзаведеніе потребовали бы также издержекъ значительныхъ, für welche ich jetzt nicht gewachsen bin.—Безъ отягощенія моихъ родныхъ, у которыхъ также ничего нѣтъ, я не могу на это рѣшиться; быть же имъ въ тягость—рука не поднимется у меня никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ. Сверхъ того и нѣкоторые пункты твоего письма невыгодны для меня: въ Корпусѣ квартирныхъ полагается 200 р., а въ Дерптѣ получаю 400; зимнія каникулы очень коротки; праздниковъ мало... Грѣшный человѣкъ! Я люблю то и другое.

Жалѣю, очень жалѣю, что и теперь, при такомъ удобномъ, казалось-бы, случаѣ, прыжокъ изъ Дерпта въ Петербургъ оказывается для меня невозможнымъ.

Если меня впредь когда либо будешь имѣть въ виду, то я осмѣливаюсь тебѣ откомендовать и знанія мои въ Русской Исторіи.—Это такъ, мимоходомъ, для болѣшихъ окказій, какъ сказано въ Горѣ отъ ума.

Еще разъ благодарю тебя за доброе, дружеское предложеніе и жалѣю, что не могу имъ воспользоваться, въ силу пунктовъ, писанныхъ выше. Ликуй и веселись будущій, счастливый мужъ и не забывай одинокаго друга и товарища твоего

П. Прейса.

Ваше Сіятельство

Милостивый Государь!

Литература и Древности Славянскихъ народовъ издавна составляютъ любимый и почти исключительный предметъ моихъ занятій, не имѣвшихъ доселѣ никакой другой цѣли, кромѣ одной Науки. Но теперь, когда Правительствомъ предположило послать въ Славянскія земли нѣсколькихъ молодыхъ людей, долженствующихъ со временемъ распространить въ нашемъ отечествѣ науку совершенно новую, во мнѣ родилось живѣйшее желаніе дать моимъ любимымъ занятіямъ основаніе и направленіе болѣе точное и тѣмъ достигнуть нѣкогда возможности быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ.

¹⁾ Здѣсь разумѣются соч. М. С. Куторги Полит. устройство Германцевъ до VI ст. Сиб. 1837. и трудъ Шафарика Slovanské Starožitnosti. W Praze. 1837.

Обращаясь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою доставить мнѣ счастье быть на томъ поприщѣ, которое одно можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для ученыхъ занятій, я далеко отъ мысли считать себя вполне достойнымъ онаго: досуги, послѣ занятій моихъ службою, до сихъ поръ едва позволили мнѣ изготovitъ нѣсколько статей, изъ которыхъ двѣ заключающія извлеченія и переводы изъ сочиненій, писанныхъ на Богемскомъ языкѣ, доставлены мною въ «Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія». Одну, уже напечатанную, имѣю честь представить Вашему Сіятельству. Вскорѣ представлю и другія статьи, изготовленные мною для того же Журнала.

Мнѣ неизвѣстны всѣ условія, требуемыя Правительствомъ, но я слышалъ, что одно изъ нихъ непрѣмѣнное; это степень по крайней мѣрѣ Магистра. Для меня, который въ продолженіи многихъ лѣтъ занимался предметомъ слишкомъ спеціальнымъ, и который по должности старшаго учителя Русскаго языка, не можетъ отлучиться на долгое время, нѣтъ никакой возможности подвергнуться тотчасъ испытанію на степень магистра. Я долженъ сначала войти въ болею экзаменующагося и для этого только двѣ возможности. Я обязуюсь по возвращеніи изъ заграницы выдержать и Магистерскій и Докторскій экзаменъ, въ термины, которые мнѣ назначать; или, если меня примутъ съ тѣмъ, чтобъ я предварительно остался на годъ въ Петербургѣ, гдѣ бы я могъ заниматься подъ руководствомъ извѣстнаго знатока Славянскихъ языковъ Г. Востокова, и по истеченіи сего времени выдержавъ Магистерскій экзаменъ, отправиться въ Славянскія земли. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, оставивъ мою должность и не имѣя иныхъ средствъ существованія, я былъ бы поставленъ въ необходимость просить опредѣленнаго содержанія отъ Правительства.

Вѣряя себя вполне покровительству Вашего Сіятельства, я долженъ при-
соединить, что для меня тѣмъ еще лестнѣе вступить на предлагаемое поприще, что развитіемъ любви къ моему предмету я обязанъ Университету, находящемуся подъ Вашимъ благодѣтельнымъ попеченіемъ.

Съ совершенною преданностію и глубочайшимъ уваженіемъ честь имѣю быть

В. С.

Мил. Гос.

Покорный слуга

П. Прейсъ.

Дерптъ. 19-го Февр. 1838 г.

(Арх. М-ва Нар. Просв. Дѣло Прейса).

В. С.

М. Г.

Въ письмѣ моемъ отъ 19-го Февраля этого года изъ Дерпта я осмѣлился обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ В. С-ву о доставленіи мнѣ счастья быть на томъ поприщѣ, которое любимымъ занятіямъ моимъ дало бы основаніе прочное и направленіе положительное. Непремѣнное условіе, которое Правительство требовало отъ посылаемаго за границу для изученія Славянскихъ языковъ было то, чтобъ избранный для сей цѣли имѣлъ степень по крайней мѣрѣ Магистра. Мнѣ, который не имѣетъ никакой степени, представлялись двѣ возможности: или по возвращеніи изъ за границы выдержать экзаменъ и Магистерскій и Докторскій, или еще до отправления въ Славянскія земли пріобрѣсть степень Магистра. Въ послѣднемъ случаѣ на приготовленіе испрашивалъ я годового срока, въ продолженіи котораго надѣялся выполнить требованіе Правительства. Тѣмъ тверже былъ я въ этой надеждѣ, что приготовляясь къ экзамену на степень Магистра Россійской и Славянской Словесности, я въ это время исключительно занимался бы только своимъ предметомъ. И какіе отличные виды представляло мнѣ пребываніе въ С.-Петербургѣ! Руководство А. Х. Востокова, посѣдѣвшаго въ изученіи Славянскихъ языковъ, бесѣды съ другими знатоками этого предмета, изъ которыхъ нѣкоторые сами были въ земляхъ Славянскихъ, возможность пользоваться сокровищами здѣшнихъ библиотекъ, наконецъ многочисленные случаи къ практическому изученію языка Польскаго, коего и древнѣйшіе, литературные и историческіе, памятники могли мнѣ быть доступны. Такимъ образомъ я утѣшалъ себя основательною надеждою, что познанія мои въ языкахъ Церковно-Славянскомъ, древне-Русскомъ съ его различными измѣненіями, и Польскомъ, будутъ значительно дополнены такъ, что за границею мнѣ бы оставалось исключительно изученіе прочихъ діалектовъ.

На прошеніе мое послѣдовало предписаніе Его Высочайш. Г. Министра Нар. Просв., сообщенное мнѣ Г. Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа чрезъ Исправляющаго должность Дерптскаго Директора Училищъ. На основаніи сего предписанія, былъ я, по причисленіи къ С.-Петербургскому Университету, уволенъ отъ должности Старшаго Учителя Россійской Словесности при Дерптской гимназій, и получилъ приказаніе отправиться въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года выдержать экзаменъ на степень кандидата и магистра.

Обстоятельства семейныя за десять лѣтъ предъ симъ заставили меня оставить С.-Петербургскій Университетъ въ то время, когда мнѣ до окончательнаго экзамена оставалось только полгода, и отправиться въ Дерптъ для занятія по Высочайшему повелѣнію мѣсто Учителя въ тамошней гимназій. Здѣсь я занятіе Литературою и Древностями Славянскихъ народовъ, бывшее еще

въ С.-Петербургскомъ Университетѣ любимымъ моимъ предметомъ, сдѣлаюсь исключительнымъ, специальнымъ занятіемъ. Весь досугъ, хотя и умѣренный, послѣ трудовъ службы былъ посвященъ на удовлетвореніе страсти моеѣ къ изученію Славянскихъ языковъ. Со многими жертвами сопряженное изученіе древне-Русскаго, Церковно-Славянскаго, Богемскаго, Польскаго, Сербскаго, Русняцкаго, ихъ литературы и исторіи, равно какъ и сравнительнаго языкознанія, было содержаніемъ моеѣ дѣятельности, постоянной и исключительной.

По изложеніи этихъ обстоятельствъ долгомъ своимъ почитаю объяснить Вашему С-ву, что непремѣнное условіе держать экзаменъ на степень кандидата сопряжено для меня со многими затрудненіями. Десятилѣтняя служба и занятія однимъ предметомъ поставили меня къ большому числу факультетскихъ Наукъ въ отношеніи довольно отдаленныя, какъ это обыкновенно бываетъ со всѣми, которые постоянно занимаются однимъ специальнымъ предметомъ. Между тѣмъ, предписаніемъ Его Высочайшаго Удѣла Г. Министра, я долженъ буду соединить двѣ обязанности: ученика, приготовляющагося къ экзамену и вмѣстѣ обязанность, обязанность священную, къ Правительству и Наукѣ. Приготовленіе къ экзамену на степень кандидата займетъ почти все время, которое мнѣ слѣдовало бы употребить на занятія моимъ главнымъ предметомъ, и такимъ образомъ ожиданія Правительства въ отношеніи къ успѣхамъ моимъ въ Славянскихъ языкахъ, при всѣхъ средствахъ, которое (sic) оно мнѣ открываетъ, не могутъ быть исполнены. Затрудненія увеличиваются тѣмъ еще болѣе, что мнѣ послѣ этого предстоитъ выдержать экзаменъ на степень Магистра, написать и защитить диссертацию.

Высоко цѣня благодаренія Правительства и вмѣстѣ желая оправдать ожиданія онаго, я почитаю долгомъ своимъ по совѣсти и откровенно сказать, что при обязанности выдержать экзаменъ на Кандидата я не нахожу возможности удовлетворить требованіямъ Начальства, и такимъ образомъ долженъ буду лишиться дѣятельности въ области той Науки, которая издавна составляетъ главный предметъ моихъ занятій.

Представляя сіи обстоятельства на благоусмотрѣніе Вашего С-на, я остаюсь въ совершенной увѣренности на покровительство, которое Вы оказываете занимающимся Науками.

Честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію
В. С.

Мил. Гос.

Покори. слуга

И. Ирейсъ.

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1838 г.

(Тамъ же).

Черновая записка Прейса объ его занятіяхъ съ 1823 по 1839 г.

Еще съ первой поры моего юншества положилъ я начало филологическимъ изученіямъ¹⁾; чѣмъ болѣе я съ ними знакомился²⁾, тѣмъ все живѣе и живѣе становилась во мнѣ идея изучить Русскій языкъ съ условіями и требованіями(ми) точнаго и основательнаго знанія. Занятія древними языками дали начало моимъ изученіямъ и управляли ихъ ходомъ³⁾ Что я только умѣлъ требовать изъ Импер. Публ. Библ., то все было читано съ жадностію: съ 13-го (года⁴⁾) моей жизни до 18 (лѣтъ) она была моею наставницею.

На этой точкѣ зрѣнія находился я за десять лѣтъ по выходѣ моемъ изъ Университета С.-Петербургскаго. Обязанности службы переселили меня въ Дерптъ.—Здѣсь стремленія мои мало по малу начали осуществляться.—Многое, чего мнѣ не доставало въ Петербургѣ какъ по ограниченности моихъ средствъ, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, было наконецъ восполнено тѣми сокровищами, которыя представляла мнѣ Университетская Библіотека. Незабвенный Эверсъ собиралъ и успѣлъ собрать важнѣйшее по части Славянскихъ древностей и языкознанія. Чѣмъ болѣе я углублялся въ предметъ, тѣмъ болѣе онъ распространялся предо мною: для изученія Русскаго языка потребовались знанія, о которыхъ я прежде и не чаялъ.

Добровскій далъ моимъ изученіямъ направленіе критическое, также рецензіи Копитара въ *Wiener Jahrbücher*. Зародышъ сомнѣнія былъ брошенъ; пытливость была подстрекнута.—Къ сожалѣнію, не находилъ я въ нихъ полного, удовлетворительнаго отвѣта на мои запросы.—Все, что было напечатано на Древне-Славянскомъ, знакомило меня съ словами, оборотами и грамматикою языка. Но именно при грамматическомъ изученіи встрѣчались трудности непреодолимые. Неудивительно! Я имѣлъ подъ рукою памятники позднѣйшіе, также и руководителями были люди, пользовавшіеся преимущественно тѣми же источниками.—Для развитія критическаго духа въ этомъ бореніи заключалось достаточно пищи.—При всемъ томъ все это составляло *aggregat* свѣдѣній разнородныхъ, въ которыхъ не было единства, требуемаго отъ точнаго знанія.

Въ 17 ч(асти) Труд(овъ) О(бщества) Л(юбителей) Р(оссійской) Сл(овесности) при М(осковскомъ) У(ниверситетѣ)⁵⁾ прочелъ я разсужденіе о Славянскомъ языкѣ⁶⁾ знакомство мое съ этимъ разсужденіемъ очень давно. Первоначально

¹⁾ Было написано и зачеркнуто: «съ давней поры» «труды Общества любителей Словесности, существовавшаго при Московскомъ Университетѣ и многія другія пособія дѣлали».

²⁾ Б. нап. и зач.: «чѣмъ болѣе я углублялся въ»

³⁾ Б. нап. и зач.: «Высота филологическихъ изслѣдованій въ области классическихъ языковъ служила (была) для меня путеводною звѣздою».

⁴⁾ «года» и «лѣтъ» прибавлено нами. В. Л.

⁵⁾ Все чтѣ въ скобкахъ прибавлено нами. В. Л.

⁶⁾ Б. нап. и зач.: «однако-же».

я понималъ его очень плохо ¹⁾. Въ каждомъ замѣчаніи сочинителя этого разсужденія заключается результатъ, выводъ изъ предварительнаго глубокаго изученія своего предмета: подробности должны были найти мѣсто въ его грамматикѣ ²⁾. Чтобы исполнѣ достигнуть тѣхъ результатовъ, которые предложены авторомъ, надобно было развивать все, что авторомъ дано in писе.—Трудъ не легкій при недостаткѣ древнихъ памятниковъ ³⁾. Мало по малу ⁴⁾ сталъ я отыскивать средства, которыя мнѣ казались довольно надежными.

Ознакомясь съ Гриммомъ ⁵⁾, я сталъ все болѣе и болѣе довѣрять тому, что находилъ въ организмѣ новѣйшихъ діалектовъ. Вскорѣ однако долженъ былъ убѣдиться что въ нихъ только отчасти сохранились свойства древняго Славянскаго. Сличеніе ихъ съ Ц. (Ц зач.) С. въ отношеніи грамматическомъ и лексикологическомъ постепенно приводили меня къ результатамъ, введеннымъ авторомъ разсужденія о Ц. С. языкѣ. При этой работѣ я не могъ ограничиться одними живыми языки (sic.—ами), надобно было прибѣгнуть къ изслѣдованію историческаго хода ихъ. Къ счастію, въ этомъ отношеніи я имѣлъ передъ собою для наученія своего Краледворскую рпсь и Starobyła Składania ⁶⁾, изъ Польскихъ нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ сочиненій ⁷⁾ которыя я по возможности сличалъ съ нынѣшнимъ Польскимъ при помощи Поляковъ самихъ. Въ отношеніи къ Сербскому заключающееся въ Ексархѣ Болгар. Калайдовича было единственнымъ моимъ источникомъ. Къ удовольствію моему я въ послѣдствіи замѣтилъ, что столкнулся во многомъ съ Шафарикомъ ⁸⁾. Само собою разумѣется, что въ отношеніи къ Русскому я находилъ болѣе средствъ.

¹⁾ Прейсъ разумѣетъ: знаменитое «разсужденіе о Славянскомъ языкѣ служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка» Востокова 1820. (Филологическія наблюденія А. Х. Востокова. Изд. по поруч. II отд. А. Н. И. Срезневскій. СПб. 1865 г., с. 1—27).

²⁾ Б. нап. и зач.: «Только съ того времени, какъ дальнѣйшее изученіе Славянскаго породило во мнѣ тѣмъ сомнѣній, познакомило меня со множествомъ противорѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудило живѣйшее желаніе разсѣять этотъ мракъ, (засвѣтилась надежда-за черкнуто), только съ этого времени упомянутое разсужденіе сдѣлалось для меня доступнѣе. Но всѣ трудности не могли быть тотчасъ устранены.—Сочинитель сего разсужденія».

³⁾ Б. нап. и зач.: «Чтобы понять и убѣдиться вполнѣ въ истинѣ того, что предложено авторомъ, мнѣ ничего не оставалось, какъ тщательно изучать памятники подѣ его руководствомъ. Успѣхъ (зачеркнуто) Слѣдствіемъ такого».

⁴⁾ Б. нап. и зач.: «Изъ (нихъ:—зачеркнуто) которыхъ однихъ можно бы было при помощи критики извлечь собственно принадлежащее Ц. С. и то, что вошло въ него въ послѣдствіи изъ новѣйшихъ діалектовъ».

⁵⁾ Нап. и зач.: «Болпомъ и другими» Прейсъ разумѣлъ здѣсь великій трудъ Я. Гримма: Die Deutsche Grammatik. Gotting. 1819. В. I, изд. 1822. Bde II—IV. 1826—37.

⁶⁾ Удивительно, что Прейсъ ни слова не говоритъ о превосходномъ трудѣ Добровскаго Geschichte der böhm. Sprache u. Literatur 1792 и 1818 гг., гдѣ собственно въ первыхъ, особенно же въ изд. 1818 г., явился опытъ историческаго изученія одного изъ славянскихъ языковъ.

⁷⁾ Было написано и зачеркнуто: «Сигизмундовыхъ временъ».

⁸⁾ Здѣсь разумѣется сочиненіе Шафарика Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serb. Mundart. Pesth. 1833.

Другимъ пособіемъ для меня было наблюденіе надъ словами, перешедшими изъ чужихъ языковъ въ Славянскія (sic). Многія изъ нихъ, заимствованныя у Германскихъ народовъ, значительно разнятся отъ тѣхъ же значеніемъ и формою. Это заставило меня опять обратиться къ великому труду Гримма, къ сочиненіямъ Граффа, Циманна и т. д.¹⁾—Этотъ источникъ моихъ изученій не остался безъ пользы какъ въ отношеніи филологическомъ, такъ (и) въ отношеніи историческомъ. Г. Шафарикъ въ своихъ Древностяхъ не упустилъ изъ вида этого важнаго историческаго момента; и здѣсь я имѣлъ удовольствіе во многомъ найти подтвержденіе своимъ наблюденіямъ, хотя съ другой стороны приведенъ въ необходимость отступить отъ него, особенно въ отношеніи къ Финскимъ языкамъ²⁾.

Источникомъ самаго ограниченнаго объема были слова перешедшія изъ Славян. языковъ въ чужія (sic). Болѣе всего отыскалъ я ихъ въ словаряхъ Венгерскомъ, Молдавскомъ, Литовскомъ и Эстскомъ. Значеніе и форма, хотя не вездѣ чистая, проливали все однакоже свѣтъ на предметъ.

Всѣ эти изученія вмѣстѣ съ исторіею, древностями и—сколько позволяли мнѣ средства—правомъ Славянъ, послужило основаніемъ къ составленію Словаря этимологическаго обще-Славянскаго; отъ этого накопились у меня матеріалы къ сравнительной Славян. Грам., образовались сборники юридическій и мифологическій, грамматики исторической Русской, Словаря древнихъ словъ Русскаго языка, извлеченнаго изъ чтенія едва ли не изъ всего, что напечатано³⁾.

Присоединить ли къ этому тѣ матеріалы, которые постепенно копились при сличеніи Слав. Грам. съ родственными языками. Изученіе такое было для меня важно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны сличеніе Славян. съ Герман. Лат. Греч. и отчасти Литовск. указывало на многія общія точки, въ которыхъ первый сопрягается съ послѣдними, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживая тѣ особенности, которыя образовались и развились независимо, своеобразно, въ духѣ Славянскомъ.—Такимъ образомъ при этомъ сличеніи не тождество, но разность, особенность были главнѣйшимъ предметомъ изученія. Постепенные переходы и измѣненія, которымъ языкъ подвергается въ продолженіе времени⁴⁾, никогда не бывають повсемѣстны, никогда вполнѣ не измѣ-

¹⁾ Т. c. Graff, Eb. G. Althd. Sprachschatz Berl. 1835—43. 6 Bde. Ziemann Mittelhd. Wörterbuch. 1838. Болѣе краткій 1837.

²⁾ Въ Дерптѣ Прейсъ познакомился съ Эстонскимъ языкомъ, а затѣмъ пользовался уже и друг. финскими нарѣч. См. позднѣйшее письмо его къ С. И. Барановскому въ Гельсингфорсѣ.

³⁾ Написано и потомъ зачеркнуто: «При всемъ этомъ я былъ слишкомъ далекъ отъ увѣренности въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ. Масса собраннаго и безпрестанно (напис.: безпрестаннаго) растущаго матеріала (недостатокъ времени) (зач.) невозможность обработать и привесть сіе въ систему накопленное по недостатку досуга».

⁴⁾ Б. нап. и зач.: «Но такъ какъ языкъ въ постепенныхъ переходахъ и измѣненіяхъ, которымъ онъ (языкъ) подвергся въ продолженіе времени, отказывается не отъ всего, что составляло его собственность въ древнѣйшую эпоху».

няютъ первобытнаго его состава: въ новомъ его состояніи всегда остается многое древнее, до котораго время не касается. На основаніи этого нѣкоторые отдѣльные случаи въ новѣйшихъ діалектахъ суть исключенія, между тѣмъ какъ въ Ц. Сл. они составляютъ правило. Тоже самое представляетъ и грамматическое сличеніе язык. Слав. съ родственными: то, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ представляется явленіями, не имѣющими видимой связи и причинами (sic вм. причины) въ настоящемъ организмѣ языка, то самое находимъ въ родственныхъ языкахъ въ видѣ закона, правила, вполне развитаго. И вотъ другая сторона необходимости сравнительной филологіи для полнаго историко-критическаго познанія нынѣшнихъ языковъ. Эти два направленія нисколько не мѣшаютъ одно другому, ибо дополняютъ себя взаимно.

Не смотря однако-же на всѣ эти изученія и наблюденія я былъ слишкомъ далекъ отъ надежды ¹⁾ всѣ эти довольно разнообразныя свѣдѣнія связать въ цѣлое, привести въ стройную систему. Сверхъ того ²⁾, что дѣятельность учительская, столь тяжелая въ Остзейскихъ губерніяхъ, не позволяла приступить къ подобной работѣ, сверхъ того, что ³⁾ масса (написано по ошибкѣ маста) собираемаго постоянно увеличивалась, я находился безпрестанно въ затруднительномъ положеніи къ Ц. С. Я все не имѣлъ документовъ, вѣрныхъ и несомнительныхъ, которыя (sic) могли бы убѣдить въ вѣрности тѣхъ путей, которые я долженъ былъ избрать для того, чтобы дойти до результатовъ, которые сочинитель раз(сужденія) о Ц. С. (Востоковъ) предложилъ (какъ) въ Трудахъ, такъ (и) въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ.

Glagolita Clozianus, думалъ я, объяснить мнѣ многое, прочитавъ объявленіе о книгѣ Кошитары. — Къ сожалѣнію я нашелъ здѣсь только то, что сей послѣдній уже прежде говорилъ въ Wiener Jahrbücher и то что заимствовано имъ изъ трудовъ А. Х. Востокова.

Наконецъ въ прошломъ году мнѣ представилась возможность исключительно посвятить себя тому, что составляло содержаніе и стремленіе моей жизни. Просьба моя, въ которой заключался актъ справедливости, уважена; не въ Прагѣ я ⁴⁾ началъ свое приготовленіе къ новому призванію, но въ Петербургѣ.

Изъ предъидущаго видно, какъ я понималъ задачу Славянской филологіи, какія средства употреблялъ къ рѣшенію оной и наконецъ чего мнѣ недоставало. Теперь къ занятіямъ моимъ въ Петербургѣ.

Понятно послѣ этого, что Ц. С. долженъ былъ составить главный пред-

¹⁾ Б. нап. и зач.: «Не тронутымъ, но очень натурально, что родственныя языки».

²⁾ Б. нап. и зач.: «увѣренности».

³⁾ Б. нап. и зач.: «Не говоря уже».

⁴⁾ Б. нап. и зач.: «Каждый день болѣе или сколько-нибудь».

⁵⁾ Нап. и зач.: «долженъ начать».

метъ моихъ занятій. Надобно было повѣрить тѣ результаты, которые приобрѣтены были (sic—вм. были) сравнительнымъ изученіемъ Церковно-Славянскаго. Вообще говоря, многое подтвердилось и именно то, что обще нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ Славянскихъ діалектовъ. Многое, казавшееся мнѣ Ц. С. ¹⁾, должно было отойти въ грамматику тѣхъ діалектовъ, изъ которыхъ Ц. С. получалъ чуждые ему приливы.—Наблюденія этого рода не бесполезны будутъ для исторической грамматики новѣйшихъ нарѣчій.

Вообще меня занимала система гласныхъ Ц. С. въ корняхъ, производныхъ слогахъ и грамматическихъ функціяхъ и отношеніе сихъ гласныхъ къ новымъ діалектамъ.—Дѣйствительно слишкомъ долго система гласныхъ была опѣниваема чрезвычайно поверхностно и безъ должнаго соображенія ихъ важности. Еще Добровскій не довольно точенъ былъ въ семъ отношеніи: это видно изъ его каталога корней. Открытіе правильнаго употребленія полугласныхъ ѣ и ѣ (напис. рь), потомъ открытіе ринезмовъ дало изслѣдованіямъ другое направленіе. Безъ этого очень легко самые разнородные корни соединять или приурочивать ихъ къ значеніямъ самымъ произвольнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что замѣчаніе Гримма: *Die Consonanz gestaltet, der Vocal bestimmt und beleuchtet das Wort*, останется навсегда правиломъ при этимологическихъ и грамматическихъ изслѣдованіяхъ.

Сверхъ того, что древніе памятники ²⁾ установили нѣкоторыя мои шаткія понятія о вопросахъ грам. Ц. С., я долженъ сказать, что лексикографическая часть моихъ изученій подвинулась очень значительно.—Значеніе многихъ словъ я принужденъ былъ прежде отыскивать (sic—вм. вать) то въ новыхъ діалектахъ, то угадывать изъ связи, въ которой онѣ мнѣ встрѣчались,—но здѣсь опытъ доказалъ, что средства эти помогали не вездѣ: сличеніе съ Греч. подлинникомъ и изустное объясненіе ³⁾ имѣло слѣдствіемъ довольно важныя модификаціи моихъ прежнихъ понятій. Не говорю уже о множествѣ словъ совершенно ⁴⁾ новыхъ, которыя нигдѣ мнѣ не встрѣчались или встрѣчались въ новыхъ діалектахъ.—Далѣе —пріятно было встрѣтить нѣсколько словъ, важныхъ въ отношеніи къ древнему праву Славянъ, къ ихъ Мифологіи и т. д. Встрѣча эта тѣмъ пріятнѣе ⁵⁾ была, чѣмъ неожиданнѣе. Эти слова восполняютъ сумму (sic—вм. сумму) тѣхъ случаевъ, которые составляютъ общее достояніе Славянъ.

При чтеніи древнихъ памятниковъ и постоянномъ ихъ сличеніи съ Греческимъ подлинникомъ...

¹⁾ Б. нап. и зач.: «при повѣркѣ древн.».

²⁾ Б. нап. и зач.: «которые были мнѣ предложены вели не сообщ.».

³⁾ Очевидно—Востокова. В. Л.

⁴⁾ Зач.: «для меня».

⁵⁾ Б. нап. и зач.: «это тѣмъ драгоцѣннѣе, что...».

Лѣтопись Манаасся и Георгія Амартола озарили для меня вождельнымъ свѣтомъ нѣкоторые грамматическіе пункты Болгарскаго и Сербскаго. Изъ первой видно, что Болгарскій 14 столѣтія многое уже утратилъ и измѣнилъ, что ему принадлежало нѣкогда. Кажется что діалектъ сей въ означенную эпоху едва ли сохранилъ ж-сы съ носовымъ изглашеніемъ. Не смотря на то, что хотя сіи звуки употребляются ргомісее, одинъ вмѣсто другого, но нигдѣ не употреблены вм. ю, оу. Это подтверждается и словами Венелина (Моск. Набл. 1837. Сентябрь Кн. 1 с. 74) «Такъ въ однихъ мѣстахъ (въ Болгаріи) говорятъ песокъ, хлѣбъ, камень, любя, лѣбяхъ и проч., а въ другихъ; пѣсокъ, любь, комокъ, любимъ, любихъ». За то: Аржс (Арѣс), Ефратжс (Евфратѣс) необходимо ведутъ къ заключенію, что ж = ѣ или ѣ (ѣ), подобно какъ Ц. С. б ж д е т ѣ произносятся Болгарами: Бѣде (Моск. Набл. 1837. Сентябрь Кн. 1 с. 93 — 94). Въ этомъ я еще болѣе убѣдился при чтеніи Временника Георгія Амартола, гдѣ ж вмѣсто ѣ довольно часто встрѣчается, но также и вмѣсто ѣ; кѣбъ (кѣбъ), прожѣзи, тжмж, лѣбина (лѣбина), скжѣтаніе и скѣжѣтаніе, вм. ѣ стѣнж (вм. стѣны) и т. д., изрѣдка только вм. ѣ, которое едва ли не произносилось подобно Польскому въ словѣ wiaga: по крайней мѣрѣ къ этому ведетъ правописаніе нѣкоторыхъ словъ: напр. млѣды (младый), глѣва, (глава), ѣше (-аше).

При чтеніи Георгія Амартола я собралъ многое, что можетъ послужить со временемъ дополненіемъ и модификаціею мнѣнію Шафар. въ его *Serbische Lesekönner*.

Литературою прочихъ славянскихъ народовъ я менѣе имѣлъ возможность заняться, по неимѣнію подъ рукою необходимыхъ пособій.—Преимущественно меня занимало сравнительное изученіе эпическихъ и лирическихъ пѣсень у разныхъ народовъ Славянскихъ. Для этого у меня было достаточно матеріаловъ, потому что мало мало я успѣлъ собрать едва ли не все, что до сихъ поръ издано въ свѣтъ. Сожалѣю, что въ Петербургѣ я не могъ воспользоваться собраніями Нѣмецкихъ и Скандинавскихъ пѣсень, которыми я пользовался въ Дерптѣ какъ изъ Университетской Библіотеки, такъ и изъ частныхъ Библіотекъ. На время это важное изученіе должно было приостановиться. Польскимъ языкомъ мнѣ удалось заняться и исторически: *Psalterz królowej Małgorzaty*, потомъ отрывки, довольно значительныя, которыя я нашелъ у Мацѣевскаго въ его *Pamiętnikach*, были для меня чрезвычайно поучительны. Для Краинскаго, кромѣ Словаря и Грам. Ярника, Мурко, Metelko я имѣлъ подъ рукою *Volkmera Fabule ino Pésmi*. Сербское собраніе моихъ книгъ увеличилось двумя: Пѣваня Черногорска и Херцеговачка, Словацкихъ: пѣснями народными Коллара и поэмю Голаго: Святополеъ и Моравскихъ Сушила (напис. Сушили). Сверхъ того изученіе Шаф. *Starož.* и *Časopis českého Museum*.

При всемъ томъ я успѣлъ слѣдовать (sic) и за успѣхами Сравнительной Филологіи: третья часть Бошповой *Vergleichende Grammatik*, новыя сочиненія Бенари, Граффа, Куна. Впрочемъ съ этой стороны надѣюсь сдѣлать приобрѣтенія за границею».

(Пол. отъ М. С. Куторги).

Одобренный Востоковымъ планъ путешествія Прейса по заграничнымъ Славянскимъ землямъ.

Отправляющійся въ заграничныя Славянскія земли обязанъ исключительно имѣть въ виду изученіе языковъ и литературъ Славянскихъ. Древности, Исторія, Палеографія и т. д. также пересмотръ Архивовъ не должны отвлекать его отъ главной цѣли. Такимъ образомъ излишне, кажется, путешествіе по странамъ, гдѣ Славянское населеніе изчезло и гдѣ находятся одни только памятники чисто историческіе, но не литературные. Этимъ сбережется время, которое можно будетъ съ большою пользою употребить на преслѣдованіе главной цѣли въ путешествіи по землямъ чисто Славянскимъ. На основаніи этого позволено думать, что поѣздка въ сѣверную Германію и Италію, по всей вѣроятности, не принесетъ существенной пользы тому, который обязанъ имѣть въ виду литературно-филологическія изученія. Въ отношеніи къ прибалтійскимъ странамъ Германіи можно утвердительно сказать, что для языка и для литературы здѣсь нельзя ожидать приобрѣтеній. Въ разсужденіи Италіи должно будетъ переговорить съ Копитаромъ, который недавно тамъ былъ. Судя по извѣстіямъ, сообщеннымъ Г. Палацкимъ и по другимъ свѣдѣніямъ, можно думать, что посѣщеніе Милана, Генуи, Болоньи, даже Рима и Венеціи, едва ли представитъ особенныя выгоды. Во всякомъ однако же случаѣ подробности можно будетъ узнать отъ Копитара, Палацкаго и другихъ.

Въ послѣднія десять лѣтъ сравнительная филологія сдѣлала такіе блистательные и огромные успѣхи, что Славянскій языкоизыскатель не можетъ не слѣдовать за ходомъ ихъ. Сравнительная филологія получила нынѣ совершенно иное значеніе. Теперь дѣло заключается не въ томъ, чтобы отыскать тождество звуковъ въ сравниваемыхъ языкахъ и такимъ образомъ выводить начало одного языка изъ другого. Въ новѣйшее время метода эта оставлена, убѣжденіе сдѣлалось повсемѣстнымъ, что Европейскіе языки имѣютъ матеріалъ общій. Вся важность вопроса заключается въ опредѣленіи органическихъ различій и въ развитіи характеристическихъ началъ отдѣльныхъ языковъ, въ раз-

витія того, что имъ особенно свойственно. Въ этомъ отношеніи для изслѣдователя Славянскихъ языковъ становится чрезвычайно настоящимъ изученіе Литовскаго языка, въ чемъ никакъ нельзя сомнѣваться послѣ того, что сказано объ этомъ предметѣ Гриммомъ, Боппомъ, Боленомъ, Резою, Шафарикомъ и другими. Въ послѣднее время Поттъ всего ощутительнѣе сдѣлалъ эту истину, преимущественно въ новомъ сочиненіи: *De Borusso—Lithuanicae tam in Slavicis quam Letticis linguis principatu*. Недавно еще справедливо замѣтилъ Шафарикъ (*Časopis Českého Museum*. 1838 с. 255), что безъ вреда нельзя исключить Литовскаго языка изъ круга Славянскихъ и что, при сличеніи послѣднихъ между собою, первый есть регулативъ, подобно какъ языкъ Готскій для изучающаго германскіе діалекты.

Послѣ этого не безполезнымъ будетъ посѣтить Кенигсбергъ, гдѣ въ тамошнемъ Университетѣ есть кафедра языка Литовскаго. Нѣкоторыя свѣдѣнія правда небольшія, приобрѣтенныя Прейсомъ въ этомъ языкѣ, подають надежду, что изученіе его не составитъ особенной трудности и не останется напраснымъ для науки. Изъ Кенигсберга отправиться въ Данцигъ и селенія Кашубовъ для собранія свѣдѣній о языкѣ ихъ и провѣрки замѣчанія Мронгоміуса, будто нарѣчіе Кашубовъ ближе къ Русскому, нежели къ Польскому (Библиографическіе Листы с. 251). Послѣ этого побывать въ Берлинѣ и войти въ сношеніе съ Боппомъ, который въ своей *Vergleichende Grammatik* оказалъ важныя услуги Славянскому языку поясненіемъ его грамматическихъ формъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Сверхъ того можно ожидать много поучительнаго отъ знакомства съ Граффомъ, Генари и другими, которые много содѣйствовали успѣхамъ сравнительной филологіи. Наконецъ вотъ еще одно обстоятельство, которое сильно влечетъ сюда того, который въ продолженіи десяти лѣтъ усердно занимался Педагогіею практически и теоретически: это учебныя заведенія въ Пруссіи. Какъ бы пріятно было увеличить познанія въ этомъ предметѣ на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Изъ Берлина отправиться въ Великое Герцогство Познанское, отсюда въ Силезію, Саксонію, Лузацію, Моравію и Богемію. Указателями при путешествіи по этимъ землямъ послужать извѣстія и замѣчанія, которыя напечатаны въ разныхъ сочиненіяхъ гг. Кепшена, Добровскаго, Копитара, Мацѣвскаго, Строева (въ Протоколахъ Археографической Коммисіи) и т. д. Сверхъ того знакомство съ учеными въ этихъ земляхъ будетъ надежнымъ руководствомъ для путешественнаго. Вообще сіи земли болѣе извѣстны, точнѣе описаны, большее число заключаютъ въ себѣ дѣлателей. Въ продолженіи года можно здѣсь сдѣлать важныя приобрѣтенія, особенно въ Прагѣ.

Изъ Богеміи поѣхать въ Вѣну, гдѣ воспользоваться руководствомъ Копитара и пособиями тамошнихъ библіотекъ.

Изъ Вѣны отправиться въ Пестъ и Офенъ, потомъ проѣхать въ Штирію, Каринтію, Крайну, Кроатію и Славонію, изъ Лайбаха въ Триестъ и оттуда въ Венецію, если въ послѣдствіи окажется что поѣздка въ Венецію можетъ быть особенно полезна для изучающаго Славянскіе языки и литературу. Страны, гдѣ господствуетъ нарѣчіе Хорутанское, должны особенно обратить на себя вниманіе путешествующаго. Труды Копитара и другихъ сдѣлали это нарѣчіе чрезвычайно важнымъ въ отношеніи историческомъ и филологическомъ.

Откуда путешественникъ долженъ поѣхать въ Далмацію, Герцеговину, Рагузу, Скутари, Черногорію, Боснію, Сербію и Булгарію и чрезъ Молдавію, Валахію и Седмиградскую область въ Галицію, гдѣ, какъ извѣстно, для дѣятельности Славянскаго ученаго представляется обширное поле. Въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе Русиновъ, столь важное по отношенію къ Малороссійскому, должно обратить особенное его вниманіе.

Изъ Кракова направить путь въ царство Польское; въ Литвѣ вновь обратиться къ языку Литовскому и короче познакомиться съ нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ.

Путешествіе по землямъ, гдѣ господствуютъ Славянскія нарѣчія, принадлежащія къ Илирійской отрасли, потомъ поѣздка въ Галицію и царство Польское, едва ли можетъ совершиться въ продолженіе годового срока, особенно если сообразить значительное пространство земли, малоизвѣстность нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ странъ, довольно ограниченное число надежныхъ руководителей и т. д. Можетъ быть на путешествіе по этимъ землямъ потребуется не менѣе полутора года.

«Этотъ планъ былъ, по словамъ Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа въ его отношеніи къ Министру, рассмотрѣнъ г. Востоковымъ и найденъ имъ очень основательно написаннымъ и совершенно соотвѣтствующимъ своему назначенію». — «Г. Востоковъ, — писалъ Попечитель Министру 5 Мая 1839 г. — отзывается съ весьма похвальной стороны объ успѣхахъ занятій Прейса, котораго при самомъ порученіи его руководству въ Іюлѣ прошедшаго 1838 г., онъ нашелъ хорошо уже приготовленнымъ къ избранному имъ поприщу, и потому Востокову легко было руководить его къ приобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній. Прейсъ, по указанію его, преимущественно занимался въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Румянцевскомъ Музеумѣ чтеніемъ древнѣйшихъ Славянскихъ рукописей и выписками изъ оныхъ, и Востоковъ надѣется что въ сіи девять мѣсяцевъ онъ не мало приумножилъ свой запасъ Славянскаго языкознанія, который ему теперь остается дополнить предстоящимъ путешествіемъ, и что послѣ оного Прейсъ будетъ безъ сомнѣнія способнѣе всѣхъ занять кафедру Славянскихъ нарѣчій при С.-Петербургскомъ Университетѣ».

(Арх. М. Нар. Пр.).

Кенигсбергъ. Декабря 19-го 1839 года.

Пока еще не замерзли въ чернильницѣ чернила спѣшу писать къ тебѣ, любезный Мишель. — Вы все вѣрно на меня сердиты, что я такъ долго молчалъ. Виновать, впредь буду аккуратнѣе. Уже не въ первый разъ узнаю, что большія рождаются бѣды, когда начнешь откладывать.

Про Дерптъ не пишу; Сухачевъ вѣрно былъ въ Петербургѣ. Въ Ригѣ я пробылъ день; вечеръ провелъ въ пріятной бесѣдѣ съ моими бывшими учениками, которые теперь большею частію сами учителя. По порученію Кенпена былъ я у Гольдгаммера (который немедленно хотѣлъ списаться съ П. И. Ему же чрезъ Сухачева, я доставилъ диссертацию Ленца о Духоборцахъ. И прочія его порученія исполнены или будутъ исполнены въ свое время). Все это для Виктора Степановича). Гольдгаммеръ женатъ и отецъ семейства; онъ просилъ меня всемъ вамъ кланяться. — Въ Ригѣ я нанялъ фурмана до границы и доѣхалъ преспокойно въ прекраснѣйшей коляскѣ. Изъ Таурогена до Тильзита въ прусской почтовой бричкѣ. Нѣманъ *cum adjacentibus* напомнилъ мнѣ одну поэмю, которая услаждала мнѣ путешествіе по Жмуди. Въ Тильзитѣ пріѣхалъ я рано, а потому тотчасъ отправился къ директору гимназій, который былъ такъ добръ, что подарилъ мнѣ цѣлый день. Онъ познакомилъ меня довольно подробно съ здѣшнею гимназіею. Душевно радовался я успѣхамъ учениковъ. И неудивительно! Учителя — чудо. — Только учитель Исторіи мнѣ не понравился своимъ непомѣрнымъ крикомъ и странными жестами. У него Исторія въ лицахъ. Въ то время, какъ я былъ въ его урокъ, онъ представлялъ Монтецуму. Умора. — Послѣ классовъ къ директору на бесѣду; ему обязанъ многими свѣдѣніями. — Въ 7 часовъ вечера тронулся наконецъ diligensъ и я съ нимъ. На другое утро нижеподписавшійся былъ уже въ Кенигсбергѣ. Первымъ дѣломъ было отыскать брата Розенбергера (бывшаго дерптскаго директора). Сей былъ такъ добръ и услужливъ, что я пересказать тебѣ не умѣю. — Послѣ того къ Сарториусу, котораго здѣсь не жалуютъ; отсюда къ Лобеку съ твоею диссертациею ¹⁾, за которую онъ тебя очень благодаритъ. Онъ очень обрадовался, что въ Петербургѣ Русскіе занимаются древностію, между тѣмъ какъ тамъ же официальные археологи ничего не дѣлаютъ. *Sapienti sat.* — Лобекъ кланяется Кенпену и пеняетъ, что онъ оставилъ древность. — Я пораженъ былъ нѣсколько при первомъ взглядѣ на

) Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité. Paris. 1839. Сарториусъ Э. В. Х. богословъ р. въ Дармштадтѣ 1795 г., былъ проф. богословія въ Дерптѣ (съ 1824), а потомъ съ 1835 г. суперинтендентомъ В. Пруссіи въ Кенигсбергѣ. + 1859 г. Напис. нѣск. богосл. соч.

Лобека. Читая его *Aglaophamus*, я полагаю, что онъ лѣтъ 30. На самомъ же дѣлѣ онъ оказывается уже порядочнымъ старичкомъ ¹⁾.—Лобекъ очень доволенъ сравнительною филологіею; я ее защищаю за исключеніемъ разумѣется злоупотребленій, которыя дѣйствительно съ каждымъ днемъ усиливаются, какъ видно изъ новаго сочиненія Höfer-a ²⁾.—Я нерѣдко бываю у почтеннаго Лобека. Потомъ направилъ я свои стопы къ Друману, который принялъ твою диссертацию и меня съ величайшимъ благоговѣніемъ. Человѣкъ онъ очень добрый и умный, да только мучитъ меня своею вычурною учтивостію; чѣмъ я ему соотвѣтствовать не могу. Фохта я также посѣтилъ; только онъ мнѣ показался нѣсколько спѣсивымъ ³⁾. Отъ него я узналъ, что въ здѣшнемъ Тайномъ Архивѣ Русскихъ актовъ нѣтъ ранѣе пятисотыхъ годовъ (1525). Съ этого года можно ими пользоваться только съ позволенія министерства. Такъ какъ эти акты не могутъ мнѣ принести существенной пользы, то я и не хлопоталъ объ этомъ позволеніи тѣмъ болѣе, что они будутъ списаны для археографической коммисіи. Что же касается до профессора Резы (*Rhesa*), то это чудакъ, какого свѣтъ не производилъ. — Это съ ногъ до головы укутанный ипохондрикъ, человѣкъ боязливый, разсѣянный, забывающій сказанное самимъ за нѣсколько минутъ. Такъ какъ онъ говоритъ медленно, съ разстановкою и тихо, то каждое мною скоро и громко сказанное слово конфузятъ его. Онъ начинаетъ посеменивать ногами, руками и всѣмъ тѣломъ. Разумѣется, что и я конфужусь. Пробыть у него часъ—мученіе для меня. Я пользуюсь только его библіотекою, въ которой очень много драгоцѣнныхъ рукописей, относящихся къ Литовскому языку. — Учусь собственно у одного студента, природнаго Литвина ⁴⁾, котораго Реза мнѣ рекомендовалъ.—Я очень доволенъ его уроками. — Сверхъ того ежедневно въ ¹/₂ 7 утра является ко мнѣ унтеръ-офицеръ — Литвинъ, съ которымъ стараюсь конверсировать.

Вообрази себѣ, что здѣсь *Landau* никто не знаетъ; одинъ знакомецъ

¹⁾ Лобекъ р. 1781 г. + 1860 г. Отличный филологъ-эллинистъ. Важны были его труды по Греч. грам. Его *Aglaophamus, seu de theologiae mysticae Graecorum causis*. Бенигсбергъ 1829 г. 2 т. имѣетъ большое значеніе въ исторіи сравнительнаго изученія міеологій и религій. (См. Lang A. *Myth, ritual a. religion*. London. 1887 I, 20).

²⁾ Пр. вѣроятно разумѣлъ его сочин. *Beiträge zur Etymologie u. vergl. Gram. d. Haupt-Spr. d. indogerm. Stammes*. Berlin. 1839.

³⁾ Друманъ р. 1786 г. + 1861 г. Его главное соч. *Gesch. Roms in seinem Uebergang v. d. republ. zur monarch. Verf.* неудачное по порядку изложенія, блещетъ новыми и вѣрными мыслями. Незадолго передъ смертію онъ изд. *Die Arbeiter u. Kommunisten in Griechenland u. Rom*. 1860.

⁴⁾ Это былъ Куршаты, извѣстный составитель Грам. и Слов. Литовскаго.

⁵⁾ Voigt. р. 1786 г. + 1863 г. в. заслуженный историкъ: *Gesch. Preussens* 1827—1839. 9 том. *Codex diplomaticus prussicus*. 1836—1861. 6 том., и нѣк. др. замѣчат. въ свое время труды, какъ *Hildebrand als Papst Gregor VII*, 1815. 2 изд. 1846.

мнѣ сказывалъ, что человекъ, носящій подобную фамилію, уѣхалъ въ Америку. — Какъ жаль!

Слѣдовательно, какъ видишь, первый день прошелъ; на другой же день я отправился съ моимъ попутчикомъ странствовать по городу и осматривать достопримѣчательности, которыхъ не много: вечеромъ былъ въ театрѣ (въ первый и послѣдній разъ): представляли die Stumme von Portici и очень дурно. — На третій день я уже сидѣлъ въ моей уютной квартирѣ за Литовскимъ, которымъ занимаюсь усердно. — Это занятіе удержитъ меня въ Кенигсбергѣ до половины января, а можетъ быть и до конца. — Для другихъ языковъ пособій довольно вездѣ; для Литовскаго нигдѣ, кромѣ Кенигсберга. Притомъ этому прекрасному языку суждено въ Пруссіи скоро умереть. Общая повинность быть солдатомъ и за-прещеніе въ школахъ учить на Литовскомъ, чрезъ нѣсколько поколѣній, истребить совершенно этотъ языкъ, тѣмъ болѣе, что Литовское народонаселеніе не превышаетъ 150 тыс. человекъ.

Кенигсберга (sic) описывать нечего; ты его знаешь. Изъ лекцій мнѣ бы всего болѣе хотѣлось послушать Розенкранца; къ сожалѣнію однако же не могу изъ-за Литовскихъ уроковъ, которыхъ никакъ нельзя расположить иначе. Другія же лекціи меня не интересуютъ; съ большою пользою употребляю я лишнее время на посѣщеніе школъ, которыя, не повѣришь, какъ меня занимаютъ. — Профессоръ Боленъ (Bohlen), къ душевному моему прискорбію, находится теперь въ Галлѣ, надѣясь вылечиться отъ сильнѣйшей чахотки. — Этотъ молодой ученый съ жаромъ принялся за изученіе Литовскаго и успѣлъ въ немъ до того, что путешествуя по деревнямъ, собралъ множество народныхъ пѣсенъ. Онъ перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ и думалъ издать съ подлинникомъ; но не нашелъ Verleger-a. Онѣ лежатъ теперь въ Тайномъ Архивѣ, но я надѣюсь до нихъ добраться.

Дней пять тому назадъ проѣхалъ чрезъ Кенигсбергъ Срезневскій, одного со мною предмета; его посылаетъ Харьковскій (sic) университетъ. Онъ очень обрадовалъ меня своимъ проѣздомъ.

Недѣли за двѣ общество здѣшнихъ врачей праздновало день своего учрежденія; въ качествѣ гостя и я былъ приглашенъ сюда. Разумѣется, ѣли, пили, пѣли, между пѣющими гораздо былъ Moser, Prof. Physic. Здѣсь я сдѣлалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Раза два былъ въ обоихъ здѣшнихъ клубахъ, которыхъ есмь членъ. Разговору нѣтъ; играютъ въ карты, читаютъ газеты и молча пьютъ пиво изъ огромнѣйшихъ стакановъ. — Слѣдовательно, довольно скучно.

Забавно смотрѣть на ученіе здѣшнихъ солдатъ, которыхъ этимъ дѣломъ занимаютъ часовъ 6 въ день. — Годы службы уменьшены до 2-хъ, вмѣсто прежнихъ трехъ; волонтеры служатъ полтора. Стою я однажды на плацѣ-

парадѣ подлѣ кучки солдатъ, стоявшихъ праздно. Вслушиваюсь въ ихъ разговоръ. Одинъ между прочимъ тако рекъ: «närrisch genug, dass unser einer, einzeln genommen ganz schaufelig aussieht. Ist er aber im Glied und Reihe, so sieht er ganz russisch aus» ¹⁾). Это разсужденіе простаго прусскаго солдата меня очень позабавило.

Коонецъ моимъ разглагольствіямъ о Кенигсбергѣ.—Напиши мнѣ, сдѣлай милость о себѣ. Что, каково идутъ твои дѣла. Я часто объ этомъ думаю, какъ жаль, что я не дождался брата въ Петербургѣ: какъ ему пріятно было возвратиться домой. Здорово-ли дитя? Твое здоровье каково? Степанъ Семеновичъ разумѣется здоровъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Каролинѣ Борисовнѣ. Нельзя-ли будетъ сообщить о времени и планѣ путешествія Чижова ²⁾, съ которымъ очень бы хотѣлось гдѣ нибудь столкнуться. Поклонись ему и извини меня, что не успѣлъ съ нимъ проститься. Къ Виктору Степановичу über kurz oder lang буду особенно писать. — Нельзя-ли будетъ какъ нибудь добыть двухъ экземпляровъ Чувашской грамматики, вышедшей въ 1836 году въ Казани и сохранить ихъ до моего пріѣзда. Черезъ два года можетъ быть не сыщешь ни одного экземпляра. Объ этой книгѣ я свѣдалъ по разбору, напечатанному въ Berliner Jahrbücher. — Не вышла ли диссертация Касторскаго, которая меня очень интересуе? Нельзя ли ее будетъ черезъ Кенвена отправить въ Прагу къ Шафарыку, который бы мнѣ ее передалъ.

А. В. Никитенкѣ и Плетневу мое почтеніе свидѣтельствуется нижеподписавшіяся.—Исторію Устрялова въ «Preussische Staatszeitung» расхвалили; за то досталось ей въ «Neue Hamburger Zeitung». — Другихъ рецензій еще не встрѣчалъ.

Крафтиштрема вездѣ знаютъ. Лобеку разсказывалъ мнѣ нѣсколько премуморительныхъ анекдотовъ.—Слѣдствіе о Мукерахъ кончено; приговоръ еще не опубликованъ. Говорятъ, что наказаніе будетъ строгое. Одинъ изъ этихъ фанатиковъ дошелъ до того, что предвидя скорый новый потопъ, построилъ себѣ судно на Прегелѣ, на случай надобности. Такъ какъ постройка этого ковчега производилась очень дурно, то онъ и потонулъ. Эки чудеса дѣлаются въ пресвѣщенной Пруссіи. Впрочемъ дуракамъ законъ не писанъ.

И такъ до слѣдующаго письма. Будь здоровъ и побѣждай.

Твой П. Прейс.

Адресъ: Königsberg. Burgstrasse № 4, Haus Paulini.

Спасибо тебѣ за Лобека и Друмана: чрезъ нихъ я имѣю свободный входъ въ Королевскую Библіотеку.

¹⁾ Т. е. «довольно забавно, что любой изъ насъ ваятый въ одиночку смотритъ совсѣмъ дрянно, а въ ряду и въ строю смотритъ совершенно Русскимъ». Schaufelig —собств. schöfelig—слово заимствованное изъ Еврейскаго жаргона—жалкій, дрянной.

²⁾ Ф. В. Чижовъ адъюнктъ математики въ Пст. ун. и известный потомъ общественный дѣятель.

14 января 1840. Кенигсбергъ.

Только нѣсколько строчекъ на этотъ разъ, любезнѣйшій М. С. и прежде всего спасибо за дружеское письмо, которое меня очень развеселило. Поздравляю тебя съ началомъ лучшей эпохи. Я былъ въ восторгѣ отъ извѣстій, которыя ты мнѣ сообщилъ. — Ура!

Литовскій удержалъ меня въ Кенигсбергѣ долѣе, нежели я предполагалъ. Предметъ этотъ впрочемъ требовалъ по возможности основательнаго изслѣдованія. — Я приближаюсь теперь къ концу своихъ изысканій и слѣдовательно къ отъѣзду изъ Кенигсберга. Отсюда отправляюсь на нѣсколько дней въ Данцигъ, гдѣ пробуду много недѣлю. Изъ Данцига поспѣшу въ Познань недѣли на три и отсюда уже въ Берлинъ, гдѣ слѣдовательно надѣюсь быть въ мартѣ мѣсяцѣ. — Этотъ планъ заставляетъ меня просить тебя о высылкѣ мнѣ денегъ въ Кенигсбергъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

До отъѣзда моего изъ Кенигсберга буду писать въ Совѣтъ Университета. На дняхъ принимаюсь за составленіе записки.

Относительно Циндера, я только могу просить тебя дать мнѣ цудлочку, если тебѣ это будетъ не непріятно! Custos библіотеки есть великое дѣло! По пріѣздѣ въ Берлинъ первымъ моимъ дѣломъ будетъ сходить къ Дункеру. Боюсь только не будетъ ли поздно.

Кругъ моихъ знакомствъ распространяется. Я былъ также нѣсколько разъ приглашенъ на вечеръ къ Друману, Лобеку, Сарториусу. Познакомился также съ Розенкранцемъ, у котораго даже былъ на лекціи. Читаетъ обворожительно. — Въ Sylvester-Abend былъ на балу и смотрѣлъ, какъ потѣшается здѣсь средній классъ. Дамы большею частію пріятныя существа, за то кавалеры народъ неотесанный. — Какъ членъ клуба, я хожу иногда слушать концерты, даваемые здѣсь диллетантами. Въ послѣдній разъ я писалъ о пораженіи Устрялова, теперь бьютъ безъ милосердія Фаддѣя Булгарина, напримѣръ, въ «*Berliner Jahrbücher*». — И по дѣломъ!

Ничего ты мнѣ не пишешь о своемъ здоровьѣ. Сиг? Не забудь объ этомъ отиѣтитъ въ будущемъ твоимъ письмѣ. И я аплодирую Степану Семеновичу: *floreat, crescat!* До слѣдующаго письма! Будь здоровъ: поклонъ всѣмъ безъ обиды.

Твой П. Прейс.

Что дѣлаетъ Петръ Давидовичъ? ¹⁾ Кто ректоръ?

¹⁾ Проф. Каминовъ.

Берлинъ. 27 апрѣля 1840.

Любезный Мисель! Я уже слишкомъ двѣ недѣли въ Берлинѣ; полагаю, что застану письмо твое здѣсь. Ждалъ, ждалъ, ходилъ каждый день на почту, справлялся у Дункера; но письма нѣтъ, какъ нѣтъ. Или оно затерялось на почтѣ или ты болѣишь. — Досажаю на себя, что не писалъ тотчасъ по прїѣздѣ своемъ въ Берлинъ; мысль, авось сегодня или завтра получу письмо отъ тебя, удерживала меня. — Изъ Кенигсберга я не писалъ потому, что на другой день по полученіи твоего письма я уже былъ въ дорогѣ. Но возвратимся въ Кенигсбергъ.

Тяжело мнѣ было разстаться съ нѣкоторыми изъ кенигсбергскихъ знакомцевъ, особенно съ Лобекомъ. По желанію твоему я былъ у него съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣніе о твоихъ *tribubus*. Вотъ точное *fac-simile* его словъ:

«Da ist eine höchst gediegene, geistvolle Arbeit. — Uns in Deutschland kommen solche Arbeiten nicht zu oft vor, прибавилъ онъ съ обыкновенною солью, *wahrhaftig nicht*». Причемъ вновь просилъ меня «*ihn Dir zu empfehlen und danken für die Ehre die ihn H. Prof. Kutorga erwiesen hat.*» — Онъ заключилъ надеждою и просьбою, что ты не оставишь поприща, «*die so rühmlich begonnene Laufbahn*». —

Ты вѣрно не воображаешь, какъ обрадовалъ меня такой отзывъ Лобека. — Зная его, что это человекъ *durch und durch Wahrheit*, зная, какъ онъ недоволенъ текущею ученою литературою, я боялся, что и тебѣ достанется: онъ человекъ откровенный, и не умѣетъ падить. — Я слышалъ, какъ онъ казнилъ нѣкоторыя знаменитости. — Слава Богу, сошло благополучно!

Теперь въ Данцигъ, который мнѣ чрезвычайно понравился во всѣхъ отношеніяхъ. Сравненія нѣтъ съ *Haupt und Residenzstadt* Кенигсберга, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе упадаетъ. — Жители горько жалуются на затруднительность торговыхъ сношеній съ Россією.

Въ Данцигъ дали мнѣ нѣсколько писемъ, въ числѣ ихъ были адреса и не къ ученымъ, т. е. къ бюргерамъ въ тѣсномъ смыслѣ, которыхъ я въ Германіи почитаю самымъ здоровымъ классомъ людей. Надобно самому испытать то гостепріимство и радушіе, съ которымъ я здѣсь былъ принятъ, особенно долженъ я упомянуть объ аптекарѣ Лефасѣ и кандидатѣ теологій Рёснерѣ (который, разумеется, уже женихъ и опять разумеется женихъ не одной только церкви Христовой). Они водили меня по городу, водили по окрестностямъ, которыя очаровательны и въ мартѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ не успѣлъ еще сбѣжать съ полей. Замѣчательно, что отъ Кенигсберга до Данцига площадь — хоть шаромъ покати. Вблизи Данцига вдругъ начинаеть

тинуться цѣлая линія возвышеній, которыя произвели на меня сильное впечатлѣнiе. Это для моихъ глазъ первыя горы. Все подгорье застроено дачами, домиками, усажено аллеями; подъ ногами твоими море, вдали Нела и ты позволишь мнѣ молчать. Вѣсѣда съ этими добродушными бюргерами отрадна, особенно тѣнили меня твердыя ихъ убѣжденiя въ существеннѣйшихъ пунктахъ, касающихся человѣка. Изъ ученыхъ съ удовольствiемъ упомяну о добромъ старикѣ, который прозывается Mrgongovius, извѣстный Польскiй лексикографъ. Я ему очень многимъ обязанъ въ отношенiи къ своей цѣли. Любовь его къ своему предмету превышаетъ всякое описанiе. Не смотря на то, что почти 8 десятковъ лѣтъ покоятся на его могучихъ плечахъ, онъ еще бодръ, свѣжъ и юношески дѣтеленъ. Его чрезвычайно обрадовало мое посѣщенiе: я видѣлся съ нимъ ежедневно.

Mrgongovius ввелъ меня въ Journalisticum. Это названiе имѣетъ въ Данцигѣ особенное значенiе. Разъ въ мѣсяцъ одинъ изъ членовъ этого Journalisticum, поочередно, приглашаетъ на вечеръ всю братiю, принадлежащую къ этому coetus попить винца, чаю, шоколаду, покурить, побалагурить. Здѣсь я нашелъ весь почетъ Данцига, начиная отъ Ober-Bürgermeister'a—а это не шутка. Комиссiя—знакомится со всѣми! Въ памяти у меня остался Marquart, учитель здѣшней гимназiи, филологъ. — Stadt-Angelegenheiten были главною темой, особенно Weichsel-Durchbruch. И я поневолился съѣздить посмотреть на эту достопримѣчательность. Въ теченiи двухъ часовъ Висла успѣла прорыть себѣ новое устье (о геологiи!). До сихъ поръ не знаютъ еще навѣрно, къ добру-ли Данцига случился этотъ казусъ. Мнѣ сказывали, что въ прошломъ, если еще не 17 столѣтiи, сенатъ города Данцига хотѣлъ именно въ нынѣшнемъ Durchbruch'ѣ прорыть берегъ. Планъ остановился за немнѣшнимъ миллиономъ, которые потребовались на исполненiе его. Природа сдѣлала statûs. Я варваръ,—глядя на Durchbruch, жалѣлъ объ одномъ: огромныя льдины, которыми загромождены были Висла и берега ея, имѣли видъ утесовъ и скалъ. Все это должно исчезнуть!

Данцигъ всѣмъ хорошъ и пригожъ; въ одномъ пунктѣ однакоже оплошалъ.—Подумайте: Здѣсь болѣе 400 человѣкъ, которые отличили себя какииънибудь воровскимъ дѣломъ и которые всѣ insgesamt состоятъ подъ присмотромъ полицiи, почему и именуются здѣсь: «die Observaten». За нѣсколько лѣтъ они такъ изволили здѣсь шалить, что бѣдные бюргеры принуждены были образовать общество; очередные члены по нѣскольку разъ ночью должны были являться на квартиру обсерваторовъ, для того, чтобы убѣдиться, не на промыслѣ ли молодцы.—Ихъ обыкновенно отсылаютъ въ Грауденцъ въ рабочiй домъ, который я видѣлъ въ проѣздъ мой чрезъ этотъ городъ. Надъ воротами рабочаго дома написано «Der Reue und Besserung». Этотъ девизъ обсерваты толкуютъ по своему: проживъ здѣсь нѣкоторое время, они возвра-

ищутся въ Данцигъ съ раскаяніемъ, что до сихъ поръ были только мелкіе воры, въ дѣйствительности исправляются, дѣлаясь ворами № 1. За нѣсколько недѣль передъ моимъ пріѣздомъ одинъ изъ исправившихся обсерваторъ разрѣзалъ ножомъ ротъ жандарму, который хотѣлъ было его схватить съ личнымъ. Богъ меня миловалъ отъ нападеній этихъ обсерваторъ. Здѣсь завидуютъ намъ, что въ нашей власти Сибирь.

До самаго почти Грауденца я ѣхалъ въ пріятномъ обществѣ.

Это былъ Маріенвердскій Schulrath. Цѣлый день толковали о школахъ. Отъ Грауденца до Торна спутникомъ моимъ былъ солдатъ, который повѣствовалъ мнѣ о состояніи ратнаго дѣла въ Пруссіи. Дорога была ужасная; здѣсь нѣтъ шоссе. Ужась! Я измучился на пространствахъ этихъ 8 миль.

Проѣзжая черезъ городокъ Kulmsee, я не пропустилъ случая взглянуть на здѣшнюю ратушу для контраста. Говорю безъ всякаго преувеличенія; эта ратуша ни дать, ни взять голубятня.

Отъ Грауденца начинаются уже польскія деревни и города, которые и здѣсь точь въ точь какъ въ Жмуди.—Хотя я и не принадлежу къ числу чертей, при всемъ томъ долгомъ моимъ почитаю замѣтить, что Boże meki (Божьи муки, Stucifixy), разставленные на дорогахъ и поляхъ были и будутъ мнѣ противны.

Въ Торнѣ я пробылъ три дня, надѣясь получить нѣкоторые грамоты, о которыхъ мнѣ говорилъ проф. Фохтъ. Но ихъ уже нѣтъ—исчезли съ лица земли въ слѣдствіе безпорядочности здѣшнихъ магистратскихъ чиновниковъ. Здѣсь я познакомился съ Новицкимъ, учителемъ здѣшней Bürgerschule, натуралистомъ, какъ слышу, очень дѣльнымъ.—Другое знакомство было съ Dr. Наебеке, который усердно занимается древностями Торна и сравнительнымъ языкознаніемъ. Въ Торнѣ я посмотрѣлся на католическія церкви, видѣлъ домъ, гдѣ жилъ Коперникъ, осмотрѣлъ ратушу съ ея диковинными прелестями Bürgerthum'a и т. д. Въ церквахъ на каждомъ шагѣ поражали меня картины, нѣкоторыя изъ нихъ презабавнаго содержанія. Напримѣръ, Спаситель несетъ оленя. Надпись гласитъ: dulce opus meum. Другая картина представляетъ операцию обрубанія. Очень нужно!

Въ 4 часа ночи меня разбудили: пора ѣхать. Нечего дѣлать. До Гитъкова, первой станціи отъ Торна, мнѣ пришлось ѣхать одному. Въ Гитъковѣ присоединился ко мнѣ неожиданный, но весьма пріятный пассажиръ — преобразованная, прелюбезная, преживая, прелестная Жидовочка лѣтъ 16. Насъ было только двое! Въ Иноврацлавѣ, на слѣдующей станціи, я принужденъ былъ съ нею разстаться и ѣхать съ какимъ-то польскимъ графомъ, чelonъкомъ интереснымъ и бывалымъ.

Стрѣльно, Тршемешно и т. п. города Польскіе, т. е. масса домовъ, обманныхъ глиной и наполненныхъ Жидами. Въ Тршемешно я успѣлъ осмотрѣть

здѣшнюю церковь. Въ ней 16 придѣловъ. Съ дороги видѣлъ башню Крушницкую, гдѣ Попеля мыши съѣли:

То старина, то и дѣяніе.

Синему морю на послушаніе!

Наконецъ вечеромъ въ 9 час. мы доплелись до Гнѣзна, первой столицы польскихъ королей и донинѣ митрополіи Великопольской. Городъ этотъ за двадцать лѣтъ предъ симъ выгорѣлъ почти до тла. Всего замѣчательнѣе здѣсь соборъ, гдѣ обрѣтаются мощи св. Войтѣха (Адальберта), хранящіяся въ серебряной ракѣ; по бокамъ ея вырѣзаны на серебрѣ апостольскіе подвиги этого первоучителя Прусской Литвы. Сверхъ того примѣчательнъ дворецъ Дунина, нынѣ пустой. Этотъ Дунигъ, по рассказамъ, человекъ весьма ограниченнаго ума, который любитъ поѣсть, попить и повеселиться. Въ его дворцѣ собиралось самое любезное общество Гнѣзна и окрестностей, не выключая и дамъ! Не удивляюсь, что сіи послѣднія ходятъ по немъ въ траурѣ.—Кромѣ того стоитъ еще взглянуть на церковь св. Георгія. Она построена на мѣстѣ языческаго третища. Здѣсь показывали мнѣ двѣ каменные фигуры яко бы изображенія двухъ идоловъ. Дѣло не невозможное.—Отъ скуки я познакомился съ директоромъ здѣшней гимназіи, Neu, переводчикомъ Лелевелевыхъ *Kleine Schriften*.

Отъ Гнѣзна до Познани оставалось 7 миль. Чтобы ѣхать на почтовыхъ, надобно было ждать три дня, а потому я нанялъ Куявяка; въ открытой телегѣ, при несносной погодѣ (мокрый снѣгъ валилъ безъ милосердія) я поѣхалъ до Розпапіа. Дорогой забавлялъ меня этотъ Куявякъ своими рассказами и особенно тѣшилъ своимъ великопольскимъ выговоромъ. Ночью, Югу помогающе, мы прибыли въ Познань. На другой день я отправился съ письмами къ здѣшнимъ литераторамъ. Въ тотъ же день былъ уже въ библіотекѣ Рачиньскаго, относительно которой я нѣсколько обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ двѣ недѣли, проведенныя мною здѣсь, я почти не выходилъ со двора; погода была не выносаемо дурна. И я не былъ этимъ не доволенъ: успѣлъ пройти нѣкоторыя части исторіи Польской литературы... Войковскій, Лукашевичъ и. с. w. снабжали меня всѣмъ, что относилось къ предмету моихъ занятій.

Quoad-Познань, то этотъ городъ имѣетъ двѣ стороны: одна старопольская (см. выше), другая принадлежитъ новѣйшему времени, и это безспорно лучшая часть. Подивовался я на огромный коллегіумъ, принадлежавшій нѣкогда іезуитамъ. Нечего сказать, умѣли строить! Но вотъ замѣчательность особеннаго рода, которая мнѣ пришла въ голову при мысли о Познани. Въ день воскресный я какъ-то забрелъ въ Лютеранскую церковь *Garnisons-Kirche* и остолбенѣлъ! Церковь была биткомъ набита. Развѣ это не рѣдкость. До того въ лютеранскихъ церквахъ я видѣлъ только нищихъ, калѣкъ, чающихъ движенія воды.

Но впрочемъ пора въ Берлинъ, до котораго 34 мили, т. е. 24 часа ѣзды. Съ почтамта мнѣ удалось перебраться тотчасъ на квартиру (Neu-Friedrichs-Strasse нр. 64). Первый выходъ въ посольство, гдѣ какой-то молоденькій дипломатъ сказалъ мнѣ, чтобы я отправился «на полицію», что и сдѣлано было. За симъ къ Дункеру; застаю его дома и слышу изъ устъ его, что онъ тебя не имѣетъ чести знать. Можетъ быть это мой сынъ? Тыфу пропасть, подумалъ я. Отправляюсь къ сыну, хотя мнѣ и невѣроятно было, чтобы ты въ письмѣ своемъ ко мнѣ могъ ошибиться, давъ мнѣ адресъ къ старику Дункеру. Сынъ живетъ подлѣ. Вхожу, спрашиваю и онъ знаетъ ничего не знаетъ. «Сходите въ контору отца моего».—Отправляюсь въ контору, допытываюсь. Выходить: точно съ старикомъ ты имѣлъ дѣло, но что до сихъ поръ не получали отъ тебя писемъ. Я сталъ въ тупикъ.—Я могъ только увѣрить Commis, что письмо не замедлитъ прибыть и просилъ его увѣдомить меня, коль скоро оно получитъ. Въ ту же минуту я бросился на почту — и тутъ ничего: проходитъ недѣля, другая. Ты вѣрно заболѣлъ или письмо потеряно.—Вотъ на чемъ я остановился и каждый день досажаю на себя, что не тотчасъ взялся за перо. Но глупость сдѣлана и ея не поправишь досадою. Другая непріятность: я пріѣхалъ въ каникулы. Съ 1-го мая начнутся лекціи. Мнѣ непременно хочется побывать у нѣкоторыхъ профессоровъ, и потому пробуду здѣсь до письма твоего. Впрочемъ каникулы въ томъ отношеніи для меня удобны, что я свободно могу заниматься работами въ библіотекѣ, гдѣ съ 9—12 и съ 2—5 обрѣтаюсь. Сверхъ того и дома у меня довольно дѣла.

Ближайшіе сосѣди мои Цумптъ и Риттеръ. Къ первому я отправился съ твоей диссертациею; онъ очень сердечно благодарилъ тебя за нее. Цумптъ ужасная флегма.—Онъ, между прочимъ, говорилъ о питомцахъ Педагогическаго института и спрашивалъ: гдѣ они получили свое первоначальное образованіе. Я притворился, что не знаю, чужъ къ чему это ему нужно. «*Fleissige Menschen, aber stumm, mit einer mechanischen Auffassung*» и т. д. Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, пока продолжалась его филиппика.—Потомъ онъ перешелъ къ Фрейтагу, благодарилъ его за Иліаду и сталъ ее хвалить безъ конца: «*da ist ein Buch, welches in den Händen aller Schullehrer sein muss; diese Arbeit verräth grossen Geschmack, Tact; es ist in jeder Hinsicht vortrefflich*». Эта похвала высказана была Цумптомъ непритворно; онъ не забылъ прибавить, что онъ не ожидалъ отъ Фрейтага такого труда. Съ тѣхъ поръ я не видѣлся съ Цумптомъ.

Къ Риттеру я отправился съ поклонами отъ П. И. Кешнена, которому онъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Кромѣ ласковаго приѣма безподобный Риттеръ далъ мнѣ нѣсколько писемъ къ М-me Robinson (урожденной Jacob, извѣстной переводчицѣ Сербскихъ пѣсенъ подъ псевдонимомъ Talvj), къ библіотекарю Фридендеру и, наконецъ, къ Вилькену, къ которому тотчасъ отправился. Онъ

откомандировалъ меня ad Pontium Pilatum, въ Пиндери.—Все люди чрезвычайно привѣтливые и услужливые.—О тебѣ ни полслова, ни Пиндери, ни Вилькентъ. Въ библіотекѣ я познакомился съ Бутманомъ, у котораго языкъ — мечъ обоюдо-острый.

На этотъ разъ довольно: усталъ «писамни», какъ говаривала Протасова.— Хотѣлось тебѣ рассказать о комической трагедіи Раупаха Борисъ Годуновъ (sic), о томъ, какъ Годуновъ одѣтъ былъ, о кучерскихъ его порткахъ и рубахъ и т. д. Ужъ натѣшился я, глядя на эту трагедію. Нелѣзность въ высшей степени! И Нѣмцы ею недовольны. Что до того Раупаху: 300 таллеровъ у него въ карманѣ.—

Поклонъ отъ меня всѣмъ добрымъ нашимъ друзьямъ и товарищамъ. Я, благодаря Бога, здравствую при такой превосходной погодѣ: шинелей давно не видать.—По полученіи отъ тебя письма не премину тотчасъ отвѣтить. — Будь здоровъ и отведи душу твоимъ письмомъ.

Твой П. Прейс.

**Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и
считается днемъ урочнымъ?**

Оказывается, что этимъ вопросомъ задавались наши предки, и уже въ XVI вѣкѣ, не зная настоящей причины, одинъ книжникъ отвѣтилъ на него легендой. Въ одной рукописи XVI в. (Соф. № 1462 л. 82) находимъ слѣдующую статью:

«Что ради наречеса Иванъ вечеръ Купальницею и коеа ради вины полезно есть на различныя лѣчебныя потребности? Отвѣтъ. Добрѣ выпрашаеши, възлюбленне, тайна убо царскаа добро есть танти, дѣла же Христова проповѣдати преславно есть. Отъ много убо пытания сіа навыхохъ отъ искусѣйшихъ мужъ: въ каа времена и въ конхъ странахъ преж сіе учинися прозваніе. Бѣ человекъ благочестивъ въ Израили, именемъ Товитъ. И оклеветанъ бысть къ царю и избѣгъ вѣн града и успе подъ стѣною царскою, отворени очи нмы. Птицы же, зовомыя ластовицы, упустиша калъ свой на очи его. И бысть на очію его бѣлма. Бѣ же отроковица отъ роду его, имущи въ себѣ бѣса. И повелѣ сыну своему Товиту повяти ея. Онъ же не смѣаше бѣса ради, прежде бо того семь мужъ убьени быни отъ бѣса. И помолися отроковица Богу, и посла Богъ на помощь има ангела своего Рафаила. И рече Товитъ сыну своему Товиту: съ рукописаніемъ отиди въ Мидію и оттуду, вземъ десять талантъ злата, скоро принеси ми. Отроку же пытающу спутника и обрѣте ангела Божіа Рафаила, яко чловека стояща. И рече Товиту: азъ путь свѣдаю, а имя ми Назарья, да иду съ тобою. И приидоша къ рѣцѣ Тигрѣ, отроку же влѣзшу купатися по свѣту ангелову, и приде къ нему рыба ліа, по нашему же осетрѣ. И рече ему ангелъ: ими рыбу и, прорѣзавъ чрѣво ея, възми утробу и сердце и желчь и съхрани. Отроку же выпрашающе: чему се на потребу? и рече ему ангелъ: утробою я сердцемъ кадаши изгонитъ бѣса и пойметъ отрокъ отроковицу жену себѣ; желчію же потребити бѣлмо. Егда же возвратися Товитъ къ отцу своему и створи, якоже сказа ему ангелъ, и прогнанъ бысть бѣсъ каждеіемъ сердца и утробы, и потребися бѣлмо помазаніемъ желчи. И оттолѣ мнози назнаменованія той день, въ онъ же Товитъ купася свѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца іуніа

въ 23, яко той день благопотребенъ есть на всяку пользу роду человѣческому».

Въ приведенной статейкѣ мы видимъ любопытный образчикъ того, какъ книжники народному обычаю и вѣрованію старается дать объясненіе и оправданіе при помощи церковной литературы. Интересный сюжетъ библейской «Книги Товита» пользовался въ старину большою популярностью и легъ въ основу апокрифическаго разсказа о томъ, «какъ Провъ назвалъ Иисуса братомъ» (въ компиляціи съ именемъ болгарскаго попа Іереміи), и однороднаго съ нимъ «Указа о братотвореніи»; эта послѣдняя легенда пересказывалась у насъ для объясненія происхожденія очень распространеннаго въ старину у Грековъ и православныхъ Славянъ обычая «братотворенія», «побратимства» или братства названнаго (Разборъ легенды см. въ нашей книгѣ: «Матеріалы и Замѣтки по старинной славянской литературѣ» в. I. М. 1888 г. стр. 168—172). Не дѣлая никакихъ выводовъ, замѣтимъ, что жена Семиклея—Селевкія, не названная въ текстахъ югославянскаго апокрифа, въ русскомъ «Указѣ о братотвореніи» называется *Купавой*.

М. Соколовъ.

Огонь на свадьбѣ.

«Въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ волынскаго Полѣсья сохранился еще своеобразный свадебный обычай. Невѣсту, прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь. Это испытаніе дѣлается съ цѣлью узнать, сохранила-ли она дѣвственность до замужества. По понятіямъ Полѣшуконъ, огонь долженъ обжечь дѣвушку, еслибы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, должна перешагнуть невѣста». («Нов. Вр.» № 5303).

ОТДѢЛЪ II.

Великорусскія народныя легенды.

Марина безбожница и Стенька Разинъ ¹⁾.

Въ „Орловомъ кустѣ“ обитала атаманша Марина безбожница, а въ „Чукалахъ“ жилъ Стенька Разинъ. Мѣстности эти въ то время были покрыты непроходимымъ лѣсомъ. Марина со Стенькою вели знакомство, и вотъ, когда Марина вздумаетъ со Стенькою повидаться, то кинетъ въ станъ къ нему, верстъ за шесть, косырь, а онъ ей отвѣчаетъ: иду-де, и кинетъ къ ней топоръ. Марина эта была у него первой наложницей, а прочихъ до 500, и триста женъ. И не могли Стеньку поймать. Поймають, посадятъ въ острогъ, а онъ попроситъ въ ковшичкѣ водицы испить, начертить уголькомъ лодку, выльетъ воду — и поминай какъ звали! Однако, товарищей его всѣхъ переловили и разогнали, а онъ самъ ушелъ и спрятался въ берегу, между Окой и Волгой и до сихъ поръ тамъ живетъ: весь обросъ мохомъ, не знаетъ ни губъ, ни зубъ. Не умираетъ же онъ отъ того, что его мать-земля не принимаетъ. И оставилъ этотъ разбойникъ здѣсь кладъ, подъ корнями шести березъ зарылъ его. А узнали про это вотъ какъ: сидѣлъ одинъ мужичекъ въ острогѣ виѣстѣ съ товарищемъ разбойника. Вотъ тотъ и говоритъ ему: „послушай, братъ, въ такомъ-то мѣстѣ лежитъ кладъ, мы зарыли его подъ корнями шести березъ, рой его въ такое-то время“. Стало быть, ужъ онъ не чаялъ, что его выпустить на вольный свѣтъ, а, можетъ быть, раскаялся и далъ зарокъ. Вышелъ этотъ мужикъ изъ острога, пошелъ на указанное мѣсто, а березы ужъ срубили и корней не знаютъ; рассказалъ онъ про это всему селу: подѣлали щупы, однако клада не нашли, а кладъ-то, говорятъ, все золото да серебро, цѣлыя бочки.

¹⁾ Сообщившій эти преданія г. Мамакинъ предпосылаетъ преданію о Стенькинѣмъ кладѣ слѣд. замѣчаніе: «Старожилы рассказываютъ, что во времена Пугача помѣщичьи крестьяне Лукояновскаго уѣзда охотно принимали сторону послѣдняго, для чего стояло надѣть какую-то юбку, заткнуть—и готовъ казакъ. Въ деревнѣ приказчикъ, по случаю смуты, бѣжалъ и пробрался до Питера, къ господамъ своимъ, по ночамъ лѣсами. Народъ бросился его искать и въ домъ, и въ стогамъ сѣна, пробуя вилами, потомъ принялись разорять барскій домъ; лоскуты отъ обоевъ дѣвки вкостали въ косы. Послѣ усмиренія бунта, будто бы, у виновныхъ крестьянъ рѣзали уши, рвали бороды; ключья послѣднихъ: черные, рыжіе, сѣдые, говорятъ, долго хранились въ водосточныхъ трубахъ отъ разореннаго барскаго дома. Этотъ бунтъ, нѣкогда полагать, и послужилъ канвою для слѣдующаго довольно распространеннаго преданія, въ которомъ имена дѣйствующихъ лицъ довольно таки перепутаны. Подробности любопытны, но предположеніе невѣроятно. Во второмъ преданіи приписано Брюсу, что на христіанскомъ востокѣ въ довольно раннее время приписывали Симону Волхву, а въ среднее вѣка въ Германіи Фаусту—сочиненіе чаролика. Творинная Брюсомъ изъ цѣлѣвой женщины—очевидно молодая и красивая, коли возбуждаетъ ревность его жены—не слѣды ли и отзывъ другаго мотива Симоновскаго и Фаустовскаго сказанія—объ Еленѣ? Какъ и когда оно къ намъ зашло? Въ третьемъ преданіи судъ и наказаніе Салтычихы глаголю-поэтически превосны Пугачу. Салтыкова род. въ 1730 г., б. наказана въ дек. 1768 г., прожила въ тяжкомъ заключеніи 33 года + 1800 или 1801 г. Русск. Арх. 1865. 247 сл. Тамъ же 1871 С. 1281. Русская Старина 1874 С. 497 сл. Было открыто, что въ теченіи 10 или 11 лѣтъ она погубила своихъ людей слишкомъ 100 д., преимущественно женскаго пола, въ томъ числѣ дѣвочекъ лѣтъ 11 и 12. Убіиства совершались въ Москвѣ въ собств. домѣ и подмосковномъ селѣ Троицкомъ Подольск. у За Салт. числялось болѣе 600 д. крестьянъ въ гг. Волог., Костр. и Моск. Молва народная обвиняла ее въ людоедствѣ, будто бы С. употребляла себѣ на жаркое вм. сладкаго мяса—женскія груди. (Р. Арх. 1865 и 1871 г.). Ред.

Б р ю с ь.

Былъ въ старыя годы великій чародѣй Брюсъ. Много хитростей зналъ и дѣлалъ онъ; додумался и до того, что хотѣлъ живаго человѣка сотворить. Заперся онъ въ отдѣльномъ домѣ, никого къ себѣ не впускаетъ, никто не вѣдалъ, что онъ тамъ дѣлаетъ, а онъ мастерилъ живаго человѣка. Совсѣмъ сготовилъ—изъ цвѣтовъ—тѣло женское, какъ быть,—оставалось только душу вложить, и это отъ его рукъ не отбылось бы, да на его бѣду — подсмотрѣла въ щелочку жена Брюса и, какъ увидѣла свою соперницу, вышла дверь, ворвалась въ хоромы, ударила сдѣланную изъ цвѣтовъ дѣвушку, и та разрушилась.

Пугачъ и Салтычиха.

Когда поймали Пугача и засадили въ желѣзную клѣтку, скованнаго по рукамъ и ногамъ въ кандалы, чтобы везти въ Москву, народъ валя-валялъ и на стойки съ ночлегами, и на дорогу, гдѣ должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народъ, а ѣхали въ каретахъ разные господа и въ кибиткахъ купцы.

Захотѣлось также взглянуть на Пугача и Салтычихѣ. А Салтычиха эта была женщина злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на видъ грозная. Да какъ ей и не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясомъ грудныхъ дѣтей. Отберетъ отъ матерей изъ своихъ крѣпостныхъ шестинедѣльныхъ дѣтей, подъ видомъ, что малютки иѣшаютъ работать своихъ матерямъ, или другое тамъ для виду наскажетъ — господамъ кто осмѣлится перечесть? и отвезутъ—де этихъ ребятешекъ куда-то въ воспитательный домъ, а на самомъ-то дѣлѣ сама Салтычиха заколетъ ребенка, изжаритъ и съестъ.

Дѣло было подъ вечеръ. Остановился обозъ съ Пугачемъ на ночлегъ; пріѣхала въ то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника—дугубца, не больно-де и изъ робкихъ. Молва уже шла, что когда къ клѣткѣ подходилъ простой народъ, то Пугачъ ничего — разговаривалъ; а если подходили бары, то сердился и ругался. Да оно и понятно: простой—черный народъ сожалеетъ о немъ, какъ жалѣетъ о всякомъ преступникѣ, когда его поймаютъ и везутъ къ наказанію,—тогда какъ покуда тотъ преступникъ ходилъ по волѣ и отъ его милости не было ни проходу пѣшему, ни проѣзду конному, готовъ былъ козля поднять, — сожалеетъ по пословицѣ: „лежачаго не бьютъ“; а дворяне болѣе обращались къ нему съ укорамъ и бранью: что-де, разбойникъ и душегубецъ, попался!..

Подошла Салтычиха къ клѣткѣ; лакеешки ея раздвинули толпу. — „Что попался, разбойникъ?“ спросила она. Пугачъ въ ту пору задумавшись сидѣлъ, да какъ обернется на зычный голосъ этой злодѣйки — и, Богу одному извѣстно, слышалъ ли онъ нро нее, видѣлъ-ли, или просто-на-просто не понравилась она ему звѣрскииъ выраженіемъ лица и своей тушей, — да какъ гаркнетъ на нее; застучалъ руками и ногами, нидя кандалы загремѣли; глаза кровью налились: ну, скажи звѣрь, а не человѣкъ. Обмерла Салтычиха, насилу успѣли живую домой довести; привезли ее въ иѣмьне, внесли въ хоромы, стали спрашивать, что прикажетъ, а она уже безъ языка. Послали за попомъ; пришелъ батюшка; видѣть, что барыня ужъ не жилица на бѣломъ свѣтѣ, исповѣдовалъ глухою исповѣдью; а вскорѣ Салтычиха и душу грѣшную Богу отдала. Прилетали въ это время на хоромы ея два черныя ворона...

Много лѣтъ спустя передѣлывали домъ ея и нашли въ спальнѣ потаенную закладку и въ подпольѣ сгнившія косточки.

Изъ Маманина.

(Записаны въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи).

П ъ с н и

крестьянъ села Молодова Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда.

(Окончаніе).

9.

Ой, пйду я лісомъ, лугомъ: bis
Тамъ мый мылый орѣ плугомъ.
Ой, вінъ орѣ, а я бачу— bis
Вінъ спѣває, а я плачу.
Понэсѹ я ёму істы, bis
Чи нэ скаже вінъ мнѣ сісты.

Понэсѹ я ёму пѣты, bis
Чи нэ станэ говорѣты.
Якъ наіўса, да напѣвса bis
То-й на рѣлю (22) повалѣвса:
Ой, кто каже: мій мужъ добрый,
Бодай тому вікъ нэдѣвгій.

10.

Коло млына, коло броду bis
Два голубки пылы воду.
Напывши, полынули (45),
Крылечками стрепэнулы,
Свое коханне вспомэнулы:
„Якъ мы, сэрдце, любылыса,
Сухи дубы розвылыса; bis
А якъ-же мы побралыса,
То-й зелены повалылыса“. bis
— Ой, немае, да-й нэ буде,— bis
Розсудылы злые людэ.
Розсудылы, розгудылы, bsi
Щобъ мы въ пари нэ ходылы.

Я молода въ Божуй кари (46), bis
Не давъ мѣни Господь пари:
Ны пари, ны пароньки, bis
Ны долы, ны доленьки.
Ой, пойдѹ я у церкву;
У церквы людэи мныго,
Оно-жъ нема сэрца мого.
Ой, пойдѹ-жъ я на річеньку,
На річеньку подывлюса,
Да-й объ камѣнь розобьюса.
Нэхай тѣе людэ знаютъ, bis
Що зъ кохання умирають.

11.

Зеленый дубочекъ
На лѣсъ похылывса:
Молодой возаче,
Чого замурился (39)?
Чи воли присталы,
Чи зъ дорожки збывса?
— Воли нэ присталы,

Зъ дорожки не збывса, —
Пошовъ до корчмы,
Горилки напывса.
Ишоу изъ корчмы,
На плыть (40) повалывса,
Тамъ людэ стоялы,
Мѣнэ осуждалы...

— Вы дивные людэ,
Чого суждаеце,
Самы не знаеце:
Я у чужимъ краю
Пароньки нэ маю;
Тылько у менэ пари —

Чорны очи у твари. (41).
Тылько-й розмовоньки, (42) —
Що чорны бровоньки.
Тылько-й прихильчэчка —
Біла постилечка.

12.

1.

Гиля, гиля, білы гусы,
Изъ поплаву (52) — на пэсокъ:
Оддавъ менэ мій батэнько, —
Я-жъ думала, на часокъ.

Гиля, гиля, білы гусы,
Изъ поплаву — на воду:
Оддавъ менэ мій батэнько
Изъ роскоши да въ бэду.

Гиля, гиля, білы гусы,
Вжежъ наплавалыса. —
Ужежъ моі ясны очки
Да-й наплакалыса.

2.

Нагнувавса мій мылэнькій
Безъ причины на менэ:
Якъ сидэмо вэчераты, (54).
Не говорить до менэ.

Зустринемось ў воротэчкахъ,
Обиходыть вінъ менэ: —
Сама знаешь, молодая,
Що нэ люблю я тебэ.

13.

Ой, ты груша моя, кунджерывая. (31)
Ой, а гдэ-жъ ты росла, моложавая?
— Я вэсною взойшла, літомъ выросла
При зелэномъ лужкѹ, при крутѹмъ бэ-
рожекѹ.
Тамъ стояло дэуча (32) пүзьно зъ вэ-
чора,
Зажигало свѣчу воску ярого, [bis
Дожидало дружка приудалого.
Ой, пришовъ, прибэгавъ підъ воротэчка,
Застучавъ, забрызчавъ у окенэчко.

Одчинило (33) дэуча сінны, — хаточку,
Запросѣло (34) дружка на вэчеруш-
ку (35). (bis)
Налывало дружку вина чарочку.
„Я до тебэ пришовъ нэ напытыса,
А до тебэ пришовъ розспростытыса: (bis)
Чи позволышь, дэуча, оженытыса.
Оженысь, молодэцъ, помагай Боже!
Не бэри удовы, бороны Боже!
Да бэри за себэ ты подруженьку,
Красну дивоньку, полюбвнычку.

14.

Ой, шумыть, гудѣ дубровонька,
Да плаче, тужить удивонька.
Ой, плаче, тужить и рыдае,
Да на бытый шлэгъ (36) поглядэе.
А тымъ шлягомъ уланэ идуть,
Да мого дружка коня вэдуть.
„Ой, уланушки молодые,
Куда вы мого дружка ділы?“
— У чистумъ полі трава шумыть,
А въ туй травы твій другъ лэжить:
„Вы, уланушки молодые,
Чи пйдэте въ мою стѣрону?

Накажитэ (37) моіи жинци,
Нэхай вона жэнэ не ждѣ,
Да нэхай вона замужъ идэ.
Да нэхай не идэ за ныкого, —
За поручнычка молодого,
За поручныкомъ добре будэ, —
То вона мэнэ позабудэ.
За поручныкомъ добре житы,
Да на панцину нэ ходыты;
На панцину нэ ходыты,
Да лыхимъ панамъ нэ годѣгы. (38)

15.

Якъ прихавъ мій мильнѣй съ поля,
То-й заплакавъ, коло конька стоя:
„Ой, бідная да головонька моя,
Захворіла (43) мильнѣя моя“.

Не плачь, мильнѣй, не плачь, черно- —
брийнѣй,

Не вбывайса у вѣлкую тугу.
Якъ я умру, то возьмешъ собі другу,

А мнѣ зробышь зъ хитрыноньки труну (44).
„Немѣ-дѣ, мыла, хитрыноньки взяти,
Да будешъ, мыла, въ сосновушъ лѣ-
жати“.

Да будешъ, мильнѣй, по садочку ходити,
Молодую жинку за ручку водити,
Да тобі, мильнѣй, жинка молодая,
А моїмъ дѣткамъ мати нѣрідная.

16.

Ой, задумавъ, загадавъ: (bis)

Не по собі жинку взывъ.

Пойду до вѣйска служити, (bis)

Щобъ мнѣ зъ ёю нѣ жити.

Ой, кобъ ёї Бѣгъ узывъ, (bis)

То я-бъ ёї поховавъ

И могилу-бъ высипавъ,

Жовтымъ пескомъ обгорнуу,

Дывиною обсадивъ:

„Ой, дывино, дывино,

Зеленая ялыно,

На ялыни соловей,

Соловейко маленькій,

Голосочокъ тонѣнкій,

Не щечечи на зорі,

Нѣ задавай жалю мнѣ.“

17.

Ой, на гори жито,

И въ долини жито.

Подъ білою березою

Козака забыто.

Быто-жъ ёго, быто,

На смерть нѣ забыто;

Червоною (23) кытайкою (24)

Оченьки (25) закрыто.

Якъ пришла дивчина

Съ чернымы очима,

Да подняла кытаечку,

Да-й заголосила (26).

Да пришла другая,

Вжежъ то нѣ такая,

Якъ подняла кытаечку,

Да-й поцілювала

Да пришла третья

Изъ новѣй хаты:

„Буде-жъ тобі, вражій сѣнѣ,
Насъ трѣхъ нѣ кохаты.“

— Ой, одна любила,

А друга кохала,

А третья чаровница,

Да-й очаровала.

А тепѣрь я тутъ,

А завтра поїду;

Будешъ, мыла, припадаты

До моего слѣду.

„Я-жъ нѣ припадала,

Припадаты нѣ буду,

Якъ безъ тебѣ горувала,

Горуваты буду“.

18.

1

Тепѣрь купайло, завтра Янѣ, Янѣ,
Будемъ гуляты цілый дѣнь, дѣнь.
Тепѣрь купайло, завтра Янѣ, Янѣ.
Мнѣ молодѣнькуй на торгъ (47) трѣба.
Повѣзу батѣньку продавати,
Собѣ милого купувати.
Продамъ батѣньку за три гріди,
Куплю милого за чотѣри.

2.

Нѣ ластѣвонька (48) купалася,
Га бѣрозѣчку сушылася, —
Дѣвонька у батька просылася:
„Ой, батьку, батьку, мый батѣньку,
Учини-жъ бо мнѣ свою волю, —
Кобъ ще я літо літовала,
Рѣсуу косу годовала.
Русая носа до пояса,
Білѣе личко, якъ яблычко.“

19.

„Дивчино моя, заручоная!
Чого ходишь, не говоришь, — засмучо-
ная?„ (49).
— А вчора була, якъ рожа (50) цвѣла,
А тепѣра білз личка,
Якъ рута вяла.
„Я-жъ тѣбѣ не бывъ, а ны батько мій,
Да бывъ тѣбѣ, дивчинонько,
Дурный розумъ твій.
Я-жъ тѣбѣ не бывъ, нѣ мати моя.—
Была тѣбѣ, дивчинонько,
Натура твоя.
Я-жъ тѣбѣ любивъ,
Якъ ружовый цвѣтъ;
Чи мні тѣбѣ Бигъ не судѣвъ,
Ой, чи цілий свѣтъ“.

И сядѣ гора, и тудѣ гора,
Промѣжъ тымъ горонькамъ
Ясная зора.
Ясная зора ранѣнько взошла,
Молодая дивчинонька
По водѣцу шла.
Казакъ за ёю, якъ за своєю:
Сывымъ, сывымъ коныченькомъ
По-пидъ горю:
„Дивчино моя, напый мні коня
Зъ холадної крыныченьки,
Зъ нового вѣдра“.
— Якъ буду твоя,
То напою й два
Зъ холадней крыныченьки,
Зъ нового вѣдра.

20.

Бувайтѣ здоровы,
Новин пороги,
Тамъ, дѣ походымы
Мої білы ноги.
Ой, гдѣ походымы,
Не будуть ходыты;

Кого я любила,
Не буду любыты.
Кого я любила,
У людѣ пустыла,
А кого нѣ знала,
Съ тымъ на шлюбн (51) стала.

21.

Да чій-жъ то пшеница,
Що довгн загонъ? —
— То-жъ того козака,
Що чорныя бровы.
Да чій-жъ то волюки
По гори ходылы?
— То-жъ того козака,
Що ны вѣдвохъ любылы.
Одна я любила, —
Другого зашлюбила.
Я-жъ ёго любила, —
Житьте отрула (18).

Кого нѣ любила,
Любыты нѣ буду. —
Его-жъ полюбила,
То-й вікъ нѣ забуду.
Я ёго любила,
Сѣстра розлучила;
Бодай тѣбѣ, сестро,
Вода утопыла.
Бодай тѣбѣ, сестро
Вода руда мыла,
Ой, якъ же-жъ ты менѣ
Зъ мылымъ розлучила.

22.

Була Польща, була Польща,
Да стала Россія:
Не заступыть сынъ за батька,
А батько за сына.
Пошовъ батько изъ сохомъ,
А сынъ зъ бороною;
Пошла мати за лѣтъ жати,

А дочка до гною.
Ой, ковала зозуленька,
Ковала, ковала,
Якъ панщина, даремщина
Одъ пана втѣкала. (54).
Утѣкала панщинонька,
Ажъ горы траслыся. —

А за ею экомоны:
„Панцино, вэрныса!“
Нагоньмы панциноньку
На калыновумъ мосты:
„Вэрнысь, вэрнысь, панцинонька,
Хочь до пана въ госты.“
— Не вэрнуса, не вэрнуса,
Бо нэма до кого,
Було хлопа шановаты, (35).

Якъ здоровья своего.
Нэ вэрнуса, нэ вернуса,
Бо нэма до кого;
Тэперъ менэ посылайте
Хочь до мирового. —
Подякуймо-жь Богу и Царю
А также-й Царицы:
Законамы панциноньку
На прусскуй границы.

23.

Ой, ты зайчику,
Кудрявчику,
Не становьса
Блызько менэ,
Не становьса
Блызько менэ,
Бо скажутъ людэ, —
Любышь менэ,

Бо я родоньку
Нэ такого,
Щобъ я любила
Ляда—кого. (56).
А колы любишь,
Любы дуже, —
Колы не любишь, —
Нэ жартуй-же. (58)

24.

Ходыгъ голубъ коло хаты,
У ёго ножки волохаты;
Якъ загуде жалостнэнько,
На сэрденьку тяженько.
„Ой, нэ ходы, голубэ,
Ой, нэ гукай, нэбоже,
Да кого-жь я вірно люблю,
Поможн-жь бо мні Боже.
Ой, зроблю я зъ воску свічку,
Да пущу я на воду:

Плывы, плывы зъ воску свічка
Да крузь цілую нычку.
Ой, нэ свэты зъ воску свічка,
Да нэ свэты ныкому,
Оно-жь мойму мылэнькому,
Якъ идтимэ до дому.“
А въ городи барвинночокъ
Да на дыгъ похилився;
Нідэ мылий на Україні
Черезъ людэ поклоньвса.

25.

Заковала зозуленька,
Изъ бору лэтючи,—
Заплакала сыротонька,
На службоньку идучи.
„Ой, Боже мій милосэрдный,
Всімъ світомъ гіруешь,
Богатому долю даєшь,
Сироти жалуешь.
„Дэсь ты мене, моя маты,
Съ півночи родыла,
Що ты мені, моя маты,
Долі нэ вдэлыла“

— Удэлыла, доню, долю. —
Чорнэнькіе очи;
Нэ досылай, моя доню,
Темэнькеі ночи.
„Ой, хочь бы я, моя маты,
Ночи нэ доспала,
Людэ скажутъ и сговорать:
Сирота заспала.
Ой хочь бы я, моя маты,
Донь я нічъ робыла,
Людэ скажутъ и сговорать:
Сирота лэныла.“

Объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ.

22. Роля—пахатное поле.	41. Тварь—лице.
23. Червоная—красная.	42. Розмовонья—разговоръ.
24. Китаечка—лента.	43. Захворіла—заболѣла.
25. Оченьки—глазки.	44. Труна—гробъ.
26. Заголосила—заплакала.	45. Попынулы—полетѣли.
27. Мова—разговоръ.	46. Кара—наказаніе.
28. Зозулька—кукушка.	47. Торгъ—ярмарка.
29. Рабы—пестрые	48. Ластывонька, ластоўка—ласточка.
30. Хусточка—платочекъ.	49. Засмучоная—опечаленная.
31. Кунджерявая—кудрявая.	50. Рожа—роза.
32. Дзѹча—дѣвушка.	51. Шлюбъ—бракъ.
33. Одчыныло—отворило.	52. Поплавъ—лугъ.
34. Запросило—пригласила.	53. Вѣчераты—ужинать.
35. Вѣчерушка—ужинъ.	54. Утѣкаты—уходить.
36. Шлягъ—столбовая дорога.	55. Шановаты—дорожить, уважать.
37. Наказаты—передать.	56. Ляда-кого—лишь-бы кого.
38. Годыты—угождать.	57. Дуже—очень.
39. Зажурился—запечалился.	58. Нѣ жартуй-же—не шути-же.
40. Плыть—изгородь.	

Записала *М. А. Саковичъ*, членъ-сотрудница Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

Болгарокія народныя пѣсни,

(записанныя въ Прилѣпѣ).

Ю н а ч к и.

1.

Книга пиши' цара Костадина,
Ми я пракья града Митро'ица
На онне войно'и сино'и,
Войно'и сино'и, бракья Ашико'и:
Единъ Стеванъ, а другъ Павле:
„Ви се молажъ, бракья Ашиковци!
„Како знайте во Стамболъ да дой'те“.
Книга пишеть Павле помалечокъ
И му вели на брата Стевана:
„Ей ди брате, Ашикбанъ Стеване!
„Ни дошло книга отъ града Стамбола
„Отъ онега царя Костадина
„На онне бракья Ашиковци,
„Како знаатъ во Стамболъ да дойдатъ.
Тогай вели Ашикбанъ-Стевана:
„Ей ди брате, Павле помалечокъ,
„Ясъ сумъ женетъ, а ти не си женетъ;
„Си имаме една мила сестра,
„Мила сестра, бѣла Ангелина;
„Ами отъ насъ по богати нѣма,
„И отъ насъ нигдѣ по юпади нѣма,
„Како дворѣ сами да остане;
„Да не се чуе, да не се разбере,
„Оти не се тука войно'и сино'и,
„Да не ни се стори голѣма превара!
Изговори Павле помалютъ:
„Ей ди брате, Стеванъ-Ашикбане,
„Тѣа гайле ли си ти забрало?
„Ние си имаме яко кале,—
„Триста стажни во вишина,
„Стоипедесетъ во ширина,
„Си имаме до два сви коньн,
„Не се коньн, како коньн,—
„Туку ми се како сви соки.
„Кѣе явниме коньн по вечера,
„До полнока Стамболъ кѣе пойдиме,

„Отъ полнокъ пазатъ кѣе дойдиме;
„Кой кѣе чуе, кой кѣе не разбере?
И два брата канлъ се стори'я;
Яко кале, яко заключи'я,
По вечера коньн ми явна'а
И со коньн кале прерица'а,
И до полнокъ Стамболъ отидо'а,
Го найдо'а цара Костадина,
Кай ми шетатъ шарена одаа
И му велатъ войно'и сино'и:
„Богъ помагай, царе Костадине!
А що бѣше цара Костадина
Часотъ сабя ми потегна
Да погубить войно'и сино'и.
Тогай велатъ бракья Ашиковци:
„Мили вуйко, царе Костадине!
„Що си пратилъ града Митро'ица
„На онне войно'и сино'и?“
Се досѣти цара Костадина,
—Добрѣ дошле, мой милн виучина!
Вн се молажъ отъ небо до земли,
Да пойдите во Кочани Клисуре,—
Наживеле гладни арамин
Да сѣдите двѣ недѣли врѣме.
Що кѣе найте на колъ да удрите,—
Да смиристе Кочани Клисуре“.
Що се дочу отъ край до край земли,
Що се дочу во земя Арапска,
Кай ми разбра Мевметъ Арапина,
Оти не се тука войно'и сино'и.
Тей ми зеде до триста арапи
И ми дойде града Митро'ица.
Богъ го било Мевметъ арапина!
Ко'а гледатъ кале заключено.
Итро било Мевметъ арапина:
Ми напра'и триста коље,

Триста колъе—студено желѣзо,
 'И закачи во кале високо;
 Ми сопаша тристана пояси
 И си върза танка поло'ина;
 Отъ колъ на колъ на кале се вкачи.
 Що ми влезе во рамни дворо'и,
 Вити порти 'и отвори,
 Ми влего'а до триста арапи
 И малцѣ стока поплѣни'я:
 Двайсе то'ари су'о злато!
 Богъ го било Мевметъ Арапина!
 Тей не гледа стока да поплѣни,
 Само плѣни бѣла Ангелина.
 И остана млада Стеваница
 Сама во рамни дворо'и
 И се чуди сама що да чини'тъ,
 В'рацѣ крена свое машко дѣте.
 Бърго търчатъ во бѣла чаршия;
 Тая поиде во ладии ме'ани,
 Таму наиде гяче учениче;
 Изговори младата невѣста:
 „Мило брате, гяче учениче!
 „Напиши ми едно бѣло книже;
 „Къе го пратамъ во града Стамбола
 „На оние бракъа Ашиковци,—
 „Како зна'атъ бърго да си дойдатъ.
 „Оти дойде Мевметъ-Арапина:
 „Я поплѣни нивна мила сестра
 „И му плѣни нивно су'о злато.
 „А що бѣше гяче учениче,
 „Ѣ напиша една бѣла книга.
 „И що бѣше младата невѣста,
 „Си я зеде тая бѣла книга,
 „Бърго търчатъ на рамни дворо'и;
 „Що се качи високи дивани
 „И отвори шарени мусандри,
 „Ми изваде пиле соколо'о,
 „Книга му заши на дѣсното крило
 „И на пиле му велеше:
 „Чуй ме мене, пиле соколо'о:
 „Бърго 'оди во града Стамбола,
 „Да 'и бараши твоитѣ стопани;
 „Ако тука не 'и наидишъ,
 „Ти'да 'о'нишъ в' Кочани Клисуре,
 „Да му да'ишъ ова парче книга!
 „Ѣтна пиле соколо'о,
 „Ми отиде во града Стамбола,
 „Сньо Стамболъ го прошега,
 „Не 'и наиде бракъа Ашиковци;
 „Тогай поиде в' Кочани Клисуре,
 „Кога гледа пиле соколо'о:
 „Во стрѣдъ Кочани бѣла шатора,
 „Подъ шаторо Павле помалечокъ,
 „Стеванъ му спие на дѣсно колѣно.

Пиле слѣзе на Павле'о рамо;
 Пиле пицить, дѣсно крило тресить;
 Кога глѣда Павле помалечокъ,
 На крило му бѣла книга има.
 Кога виде Павле помалечокъ,
 Пърсти кърши'тъ, дробни солзи ронить,
 И скорива свой брата рогиени:
 „Стани, брате, Ашикбанъ Стеване!
 „Що ни дошолъ Мевметъ Арапина
 „Во нашитѣ рамни дворѣе,
 „Ни поплѣнилъ наша мила сестра;
 „Ни поплѣнилъ су'о злато.
 „В' часо два брата рипна'а
 „И конѣ ми наружа'а,
 „Конѣ ми сиви явна'а.
 Овде, онде по бѣли друмища
 Ми дойдо'а на двѣ раскърсеници:
 Една търга града Митро'ица,
 Друга търга во земя Арапска.
 Изговори Стеванъ по старо:
 „Айде брате, Павле помалечокъ,
 „Да си о'ише на рамни дворо'и!
 Тогай вели Павле помалечокъ:
 „Ей ди брате, Ашикбанъ Стеване,
 „Що бараме на рамни дворо'и?
 „Ти поиди си на рамни дворо'и,
 „Да си видишъ своята невѣста
 „И да видишъ твоє машко дѣте.
 „Ясъ къе одамъ во земя Арапска,
 „Я къе гла'а да'амъ, я къе сестра земамъ;
 „Ама ти се моламъ, мос мило брате,
 „Бърго иди нѣдатъ да ми сторишъ.
 „А що бѣше Павле помалечокъ
 „Коня бие со остри маймузи,
 „Дури црева коню къе истурить.
 „Кога бѣше врѣме никиндия,
 „Ми отиде во земя Арапска.
 „А що бѣше него'а мила сестра!
 „Тая сѣди на високи дивани
 „И до неа—Мевметъ Арапина.
 „Мила сестра брата си го виде.
 „Наче гърло бѣла Ангелина:
 „Чуй ме мене, Мевметъ стопанине!
 „Ти се моламъ отъ небо до земь.
 „Вечеръ вѣра къе ми мѣнишъ,
 „Испуцише бѣла видѣлина,—
 „Да си одамъ на вода студена,
 „Да си одамъ со деветъ алайки.
 „Изимъ 'ѣ даде Мевметъ Арапина,
 „Да ми оди на вода студена.
 „А що бѣше бѣла Ангелина,
 „Що си зеде два злати кбрика
 „И отиде на вода студена,
 „И му рече на деветъ алайки:

„Назбѣте 'и два злати нѣрика,—
„Да го прашамъ онай добръ юнакъ,
„Али видѣлъ мои бракъя рогъени.
Тогай вели бѣла Ангелина:
„Чуй ме, брате, Павле помалечокъ!
„Кри се брате отъ Мевмеда,
„Оти е юнакъ, да го Богъ убиегъ!
„Сега ми е врѣме рамазана,
„Той ми има голѣми адети;
„Да си о'нтъ по цѣрни кавина,—
„Дойди вечеръ, брате, да ме земеишъ,—
„Къе бѣгае, како Богъ поможи!
Богъ го убилъ Мевметъ Арапина,
Ми отиде по цѣрни кавина.
Ката вечеръ порти затвораше,
Тая вечеръ порти заборай.
И ми дойде Павле помалечокъ.
Си ѝ зеде своя мила сестра.
Богъ го било Мевметъ Арапина!
Како каве що пиеше,
Само себе се раздума:
„Фала Богу за чудо голѣмо!
„Ката вечеръ порти си затворафъ,
„Ова'а вечеръ порти заборанфъ,
„Да не ми се стори голѣма превара!
Како каве що пиеше
И на часо ми рипнало,
И ми тѣрча во рамни дво'ри,
Я побара бѣла Ангелина.
Кога виде оти побѣгнала,
В' часо собра до триста арапи
И ми прати голѣма потеря.
Богъ, 'и убилъ тристана арапи.
Що Павлета ми го привтаса'а.
Се опули бѣла Ангелина
И му рече на брата си:
„Дей ди брате, Павле помалечокъ!
„Я фѣрли ме во трѣва зелена,
„Не загинуи и ти зара'й мене!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Не бой ми се, сестро Ангелино,
„Дури стои гла'а на рамена!
Уще Павле зборо недорѣче
Го стаса'а тристана арапи.
А що бѣше Павле помалечокъ,
Часо слезе отъ коню на земи
И потегна сабя отъ ножница—
Деветъ педи во ширина,
Двана'есетъ во должина;
Свърте сабя на лѣво на дѣсно,
Ми постѣче до триста арапи.
В' часо аберж на Мевмеда му поиде
И голѣма войска ми пособра.
Наирѣтъ тѣрча Мевметъ Арапина,

Отъ конья дизгина в'уста държитъ,
Отъ заби му оганъ излегуватъ,
Во двѣ рацѣ до двѣ сабы носитъ.
Го догѣда сестра Ангелина:
— Ей ди, брате, Павле помалечокъ!
Я фѣрли ме во трѣва зелена,
Оти идить Мевметъ Арапина.
Ммогу е юнакъ, да го Богъ убиегъ!
Отъ конья дизгина в'уста държитъ,
Во двѣ рацѣ до двѣ сабы носитъ,
Отъ уста му оганъ излегу'а,—
Да не загинишъ и ти зарай мене!
Тогай вели Павле помалечокъ:
„Не бой ми се, моя мила сестро,
„Дури стоить гла'а на рамена!“
И привтаса Мевметъ Арапина,
Отъ конь слѣзе Павле помалечокъ,
В'часо трѣгна сабя отъ ножница:
Деветъ педи во ширина,
Двана'есетъ во должина;
Свърте сабя на лѣво на дѣсно.
Сета войска му ѝ испотроши,
Живъ го фати Мевметъ Арапина.
Добра коня низъ кърви пливаше!
Ете идить Стеванъ, постарѣотъ братъ;
Ами Павле брата не го позна,
Часо тѣргна сабя отъ ножница,
Къе погуби свой брата рогъени.
Тогай конь се познале,
Се познале, конь ми виснале.
Тогай гласи Стеванъ ми пропѣши:
„Не бой ми се, Павле помалечокъ!
„Еве на нидатъ ти идамъ.
Тогай Павле му велеше;
„Ей ди, брате, Ашикбанъ-Стеване!
„Ако конь не висне'а
„И тебѣ къе младо да загубевъ.
Се здружи'а два бракъя рогъени,
Отидо'а во рамни дво'ри,
„Готнесо'а Мевметъ Арапина,
Живо, голо го слеко'а;
Го върза'а во стредѣ дво'ри,
Го измачка'а меда и пекмеза.
Тогай се молигъ Мевметъ Арапина:
„Вн се моламъ, бракъя Ашиковци!
„Я слезете отъ диванъ високи,
„Младо мене вне загинете.
Тогай велатъ бракъя Ашиковци:
„Али чуешъ, Мевметъ Арапина!
„Ние нѣма да те загубиме,
„А сакаме, да ни го донесишъ
„Наше злато—два'есетъ то'ари.
Тогай вели Мевметъ Арапина
„Чуйте мене, бракъя Ашиковци!

„Пущете ми само дѣсна рака,
 „Па дайте ми калена, дивита,
 „Да напишамъ една бѣла книга,
 „Да ѝ пуцамъ на моя стара майка.
 А що бѣа войнои синои,
 Му пуция нему дѣсна рака,
 Му дадоа калема, дивита,
 И напиша една бѣла книга:
 „Чуй ме мене, моя стара майко!
 „За дваесетъ то'ари суо злато,
 „Да ми пратишъ четириесетъ товара,
 „Туку живо ясь да си откинамъ;
 И му прати злато, що сакаше.
 А що бѣа браќья Ашиковци
 Ми викнале дваица бербери:
 Г'избричи'а, живо го одра'а
 И со слама кожа наполни'а,
 И на коня го качия,
 Аберъ ми пратия во Арапска земя
 На негоа стара майка,

Оти идатъ Мевметъ Арапина
 Со онаа убаа невеста.
 А що бѣше негоата майка,
 Си излезе да си го пречека.
 Кога гледа тая, що кѣ види.
 Църна кожа слама наполнета!

Веселисе, чесни домаќине,
 Весела била чесната тѣрпеза
 Со ядене, брате, со пиење!
 Що слушало веселба имало,
 На кукъя слана, а во кукъя слава,
 До кукъята дървѣе со ясенѣе,
 Во кукъята здравѣе со веселба!
 Да се живи лугѣе во кукъята,
 Да е жива стока по полето,
 Да е жива глаа домаќинска,
 Да се живи гости приятели!
 Я турете, да се напиеме,
 Послѣ друга кѣ ви прикажине!

2.

Вино пиятъ три млади юнаци,
 Вино пиятъ Кочани дервени,
 Вино пиле за деветъ години,
 Записале Кочани дервени,
 Записале морските скелина,
 Кај што вървѣтъ царевото азно,
 Що му 'одитъ отъ вѣра рисянца.
 Кој кѣ бидатъ три млади юнаци?
 Първо бѣше Марко отъ Вароша, *)
 А другѣо Янкула Будимецъ,
 Трекѣо бѣше малечокъ Секула.
 Тие на царо до'одокъ не пуцаа,
 Що му 'оди отъ вѣра рисянца.
 А що бѣше цара отъ Стамбола,
 Той ми личи три млади теляли,
 Три теляли нисъ три града добри:
 Първи телялъ во града Стамбола,
 Втори телялъ во града Солуна,
 А трекиѣо нисъ града София:
 Да се бери многу турцка войска,—
 Кѣ 'и бие три млади юнаци.
 Се собра'е оджи, ефендин,
 Се собра'е по турчки кавина,
 Меѓу себе лакърдин чинатъ:
 „Алѣ чуετε, оджи, ефендин,
 „Ай да о'ѣме во града Стамбола,
 „Ние царо да го научиме,

„Да не бери гумно турцка войска,
 „Да не 'и бие три млади юнаци;
 „Тие не се три млади юнаци,
 „Туку ми се три млади кралеи:
 „Първо ми е Марко отъ Вароша,
 „А вториѣо Янкула Будимецъ,
 „А трекиѣо малечокъ Секула.
 „Тие со войска не се удира'атъ,—
 „Кѣ изивниатъ конѣи пеливани,
 „Кѣ потъргна'т сабѣи отъ ножници,
 „Сета войска кѣ му ѝ потрошатъ,
 „Живо царо в'рацѣ кѣ го вататъ,
 „Кѣ го мачатъ на жива живота,
 „Кѣ му сѣчатъ нозѣ до колѣна
 „И бѣли му рацѣ до рамена,
 „Кѣ му вадатъ очи отъ гла'ата;
 „Туку ние царо да го научиме,
 „Тембивъ да стори на вѣра 'рисянца,
 „Голѣмъ тембивъ за триста година:
 „Ни да се женатъ, ни да се мажатъ,
 „Ни на Велигденъ на законъ да одатъ,
 „Како тие адетъ що нима'атъ;
 „Ни па дѣте мало да се кърсти,—
 „Ситѣ тие кѣ се испотурчатъ.
 Богъ 'и убилъ 'оджи, ефендин!
 Отидоа во града Стамбола,
 Тие царо ми го научи'а:

*) Варошъ—дервня на $\frac{1}{4}$ ч. разстоянија на С.-З. отъ Прилѣпа; надъ деревней на скалахъ воддвигну'т замокъ кралевица Марка, развалины котораго торчатъ и до сѣхъ поръ.

„Честити царе, жезко сонце наше!
 „Не мой да беришъ многу турцка войска,
 „Да 'и биешъ три млади юнаци:
 „Тие не се три млади юнаци,
 „Туку ми се три млади Краде'и.
 „Тие со войска не се удираатъ:
 „Къе изявнатъ конѣи пеливани,
 „Къе потъргнатъ сабѣи отъ ножници,
 „Сета войска къе ти я потрошатъ,
 „Живо в'рацѣ тебе къе те вататъ,
 „Къе те мачатъ на жива живота,
 „Къе ти сѣчатъ нозѣ до колѣна
 „И бѣли рацѣ, царе, до рамена,
 „Къе ти вадатъ очи отъ гла'ата;
 „Туку, царе, да те научиме:
 „Тембивъ да сторишъ на вѣра 'рисянца,
 „Голѣмъ тембивъ за триста години:
 „Ни да се женатъ, ни да се мажатъ,
 „Ни на Велигденъ на законъ да пойдатъ,
 „Како адетъ що имаатъ;
 „Ни на дѣте мало да се кърсти,—
 „Сите, царе, къе се испотурчатъ!
 Кога бѣше недѣла Лазара,
 Се собра'а до триста дѣвојки,
 Къе ми одатъ на вода студена,
 Мегю себе тие си веле'а
 „Ал'чуете, момн, емъ дѣвојки!
 „Еве сие сега тамамъ за мажене;
 „Кай къе чекаме до триста години,
 „Бѣли плетенки къе си заплетиме;
 „Момчинята бради къе испущатъ,
 „Къе испущатъ дури до пояси.
 „Ай да о'име во града Стамбола,
 „Ние на паро да му се молиме,—
 „Изигъ да дай цара отъ Стамбола,
 „Да играме недѣла Лазара,
 „На Велигденъ ситѣ се турчиме.
 Отидо'а при цара силнего;
 Тие цару тогай се моле'я:
 „Честити царе, жезко сонце наше!
 „Ние, царе, къе ти се молиме:
 „Изигъ дай ни, царе отъ Стамбола,
 „Да играме недѣла Лазара,
 „На Велигденъ ситѣ се турчиме.
 Изигъ му даде цара отъ Стамбола;
 Си играле недѣла Лазара.
 Кога бѣше на Велия сабота,
 'И затвори в'стамболцка джамия.
 Изутрина пѣрвѣ денъ е Велигденъ,
 Царъ къе турчи до триста дѣвојки.
 Таму се згоди крало отъ Будима.
 Чудо крало, добро ми разбрало,
 Бърго търчатъ на рамни дво'о'и,
 Уще отъ порти крало ми викаше:

„Бърго, внуче, дѣте Еливерче!
 „Бърго търчай в'долзи конюшници,
 „Да отберишъ до деветъ ато'и,
 „Дури ферманъ ясъ да ти напишамъ.
 „Ти да пойдешъ во града Вароша
 „Кай онега Марка Варошлия,
 „Да му даишъ бѣлата фермана.
 „Царъ къе турчи до триста дѣвојки,
 „Наша вѣра тоѣ къе испогани;
 „Ако конѣи, чудо, попука'атъ,
 „Бърго оди во града Вароша.
 Кога поиде дѣте Еливерче,
 Кога поиде во града Вароша,
 Осумъ конѣи подъ него пукнале;
 А що бѣше дѣте Еливерче,
 Ми застава на вититѣ порти,
 Дваш'клукнува, три пати викнува:
 „Отвори ми, мили вуйко Марко!
 Бърго търчатъ младо Марко'ица,
 Вити порти тая 'и отвори;
 Кога глѣда дѣте Еливерче,
 Наче гърло дѣте да ми вели:
 „Мила вуйно, млада Марко'ице!
 „Що Марко'и дво'е отъгърдале?
 Изговори млада Марко'ица:
 „Чуй ме мене, дѣте Еливерче,
 „Еве има до деветъ години,
 „Сумъ го чула, не сумъ го видѣла,—
 „То а било в'Кочани—дервени.
 Вейкъе дѣте нищо не ми рѣче,
 Туку врати конѣи пеливана,
 Бърго търча в'Кочани—дервени.
 Таму ми е Марко отъ Вароша,
 Таму ми е Янкула Будимецъ
 И со него Секула малечокъ.
 Бърго търча дѣте Еливерче,
 И тая конѣи подъ него пукнала;
 Мало дѣте на нозѣ ми търчатъ;
 Отъ нозѣ му скорни се скинале,
 Отъ нозѣ му църни кърви течатъ;
 Падка дѣте во трѣва зелена,
 Пищитъ дѣте како змия лута,
 Що ми пуци танкитѣ гласе'и:
 „Чуй ме мене, мили вуйко Марко!
 „Тѣ, кай да си, сега овде да си,
 „Оти младо загнува'амъ.
 Како Марко вино що пиеше,
 Танки гласи ми заслуша,
 Наче гърло до зборува:
 „Чуй ме мене, малечокъ Секула,
 „Я явни го шарца пеливана
 „И излѣзи по бѣли друмо'и:
 „Алајлемъ, иди дѣте Еливерче.
 А що бѣше малечокъ Секула,

Часо явна шарпа пелвана,
Оди, оди по бѣли друмоу,
Ми го найде дѣте Еливерче,
Ми го найде во грѣва зелена
И го вати за рака дѣсница,
Си го върли задъ себе на койню
Го однесе в'Кочани—дервени.
А що бѣше дѣте Еливерче,
Си посигна во свилени пазу'и
И изваде бѣлата фермана,
Му ѿ даде на вуика си Марка.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
В'лѣва рака държи бѣли ферманъ.
А в'дѣсната мали чабуръ държи,
Мали чабуръ седумъ ока;
Вино пиетъ, Марко, ферманъ не'и'.
Како вино Марко що пиеше,
Ройно вино отъ носъ му потече.
Фърли чабуръ на чесна търпеза,
Що ми бие рацѣ отъ колѣна,
Дури пѣрсти нему полукале.
Солзи рони по бѣли образи,
Часо рипа на нозѣ юначки,
Бърго гърча долзи конюшници
Той ранеше двана'ес' ато'и;
Наче гърло Марко да му вели:
„Ал'чете, двана'ес' ато'и!
„Кой кѣ бидитъ отъ ситѣ по юнакъ,
„До полнокъ Стамболъ да м'однеси,—
„Царъ кѣ турчи до триста дѣвойки?
Ситѣ коньѣ глави наведо'а,
Нѣма койнюа що да се навати,
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми пойде кай стара кобилица.
Наче гърло Марко да ѿ вели:
„Кобилице, мило добро мое,
„Али можишъ в'Стамболъ да ме носишъ,—
„Царъ кѣ турчи до триста дѣвойки?
Нами вели стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко, стопанине!
„Ти си ранишъ дална'ес' атон,
„Ти се' млади тие во врѣмето,—
„Тие можатъ Стамболъ да те носатъ;
„Еве има два'есе години,
„Како си ме мене подвърдило,—
„Ясъ не можамъ Стамболъ да те носамъ.
Ми се врати Марко плачеейки;
Се обзърна стара кобилица,
Наче гърло тая да му вели:
„Стопанине Марко отъ Вароша!
„Донеси ми мене едно ведро,
„Едно ведро—лутца ракия
„И донеси шиникъ бѣла пченица;
„Дури Марко ти да се наружашъ

„И ясъ добро кѣ си се назобамъ.
Вейкѣ Марко ми се ослободи,
ѿ донесе лутца ракия,
ѿ донесе бѣлата пченица;
Дури Марко се наружа,
Кобилица се назоба.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
ѿ изведе стара кобилица.
Изговори стара кобилица:
„Чуй ме мене, Марко стопанине!
„Опаши ме со деветъ колани,
„Фърли ми се на мойтѣ рамена.
Добро Марко ѿ опаша,
ѿ опаша со деветъ колани,
ѿ се фърли юнакъ на рамена.
ѿ потера по бѣли друмоу;
Угрѣяла дзвѣзда вечерница,
Па ми вели Марко Варошанецъ:
„Оди, коню, нозѣ да ти капнатъ,
„Ал'не глѣдашъ дзвѣзда вечерница.
Па ми вели стара кобилица:
„Стопанине, Марко отъ Вароша,
„Я изва'и си твоя танка риза,
„Превързи си твойтѣ църни очи,
„Оти кѣ одамъ високи планинѣ,
„Да не очи негдѣ ти нарасамъ.
А що бѣше Марко отъ Вароша
Си изваде своя танка риза,
Па'ми вели стара кобилица:
„Али чуешъ, Марко стопанине!
„Я изва'и си чатали камшия.
Що извади Марко чатали камшия,
Да ѿ удри стара кобилица;
Тая вати вейкѣ прекутрупа,
Прекутрупа високи планинѣ.
До полнокъ Стамболъ ми отиде.
Ми застава стамболска джамия.
Наче гърло стара кобилица:
„Стопанине, Марко Варошлия!
„Отвързи си твойтѣ църни очи,—
„Ме начека висока планина,
„Да ѿ видишъ коя ѣ планина.
Тогай Марко очи си отвърза
Кога глѣда Марко отъ Вароша,
Не ми било висока планина,
Туку била стамболска джамия.
Тогай слѣзе отъ коню на земь,
ѿ цѣлива двѣтъ църни очи:
„Блазѣ тебѣ со твое юнасто;
„Не е тая висока планина,
„Туку ми е стамболска джамия.
Върза коня за врата ожамина.
Изговори Марко Варошлия:
„Али чуешъ, стара кобилице!

„Ясъ кѣ 'одамъ во ладна ме'ана
„Малку вино да си се напиймъ,
„Не кѣ пушишъ жива ди'яния,
„Ни да влезе, ни па' да излезе,
„Оти джувапъ мене не ми да'ашъ.
Кога бѣше той день първъ Велигденъ,
Кога зора се обзори,
Ете иди цара отъ Стамбола,
Кай ми носи оджи, ефендин.
И ми носи триста чо'адари,
Кѣ 'и турчи до триста дѣвойки.
Кога глѣда цара отъ Стамбола
За джамия конья привързано,
Тогай царо ми се досѣтило,
Па'ми вели цара отъ Стамбола:
„Ал'чете, млади чо'адари!
„Ай одете по ладни меани
„Да видите нѣкой пияница
„Добра конья, що ми привързало.
Отидо'а на ладна ме'ана,
Го найдо'а Марка отъ Вароша,
Кай ми пие вино тригодишно;
Па ми велатъ триста чо'адари:
„Ай де Марко, царь те вика тебе,
„Да си земишъ конья пеливана,
„Царь кѣ турчи до триста дѣвойки.
А що бѣше Марко отъ Вароша
Часо ришна на нозѣ юначки,
Часо дойде стамболцка джамия,
Отъ далеку ми се поклонуе:
„Чуй ме мене, царе отъ Стамбола!
„Прости мене до триста дѣвойки,
„Не мой вѣра да ни испоганишъ.
— „Богъ те било, жолта бугарину!
„Земи си коня пеливана,
„Да не вадамъ сабя отъ ножница,

„Да ти сѣчамъ глава отъ рамена.
Тогай Марко лели се молеше:
„Измиъ дай ми, царе, конья да си земишъ!-
А що бѣше Марко отъ Вароша
Що си зеде конья пеливана,
Му се върли коню на рамена,
Часо потегна сабя отъ ножница,—
Деветъ педи во ширина,
Двана'есетъ во должина,
Свърте сабя на лѣво, на дѣсно,
Ми изсѣче триста чо'адари,
Живо вати цара отъ Стамбола,
Му пресѣче нозѣ до колѣна,
Бѣли рацѣ дури до рамена,
Му извърте очи отъ гла'ата
И го кладе до вода студена,
Го дарува два дуката жолти;
Тогай Марко цару му велеше:
„Честити царе, жежко солнце наше!
„Ако нѣкой тебе те испраша,
„Отъ ощо си така улишено
„И ти, чудо, нему да прикажишъ:
„Силумъ вѣра да не се мену'а.
А що бѣше Марко отъ Вароша
'И испуци до триста дѣвойки,
'И дарува по едень жолти дукатъ
—Ал'чете, до триста дѣвойки!
Ай и вне Велигденъ чинете.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми влѣзе во града Стамбола,
Ми отиде в'царцкитѣ саран,
Малку 'азно, брате. ми поплѣни—
Седумдесе то'ари саде су'о злато.
Ми отиде Кочани—дервени;
Ми сѣднале во ладни ме'ани,
Да си пиятъ вино тригодишно.

Болгарскія народныя сказки.

(Изъ Пригѣпа).

1.

Нѣкоя кралица родила осумъ женски дѣца; деветтото дѣвойче го оставле безъ име, него го викале „безимко“; крало, мажотъ ѣ, билъ поганъ и ѣ реколъ, оти ако не родишъ нашко дѣте (чункимъ кралицата останала трудна) кѣ те заколамъ; си станува кралицава (коа дойде врѣме за рагяне) си я зема керка си постарата и си о'и во планина, и си зема пелени. Таму ѣ се рагя машко дѣте. Тая си вели: лели да сме си во кукята да се радуа'ме. Майка ѣ рѣкла на дѣвойчето: оди онде при овчарине да земишъ оганъ, да си завалиме и да повнеме дѣтево. Дѣвойчево о'и при овчаритѣ и отдалеку уще 'и слуша, оти си чинатъ лакърдий (защо тие не биле овчари, ами „нарѣчницитѣ“). едноо вели: петъ дни да бидитъ живо; друго роколъ: не! да биди живо 10 години, послѣ да умритъ; треkjо рѣколъ: двайсетъ или пойке години да биди живо, дури да до'йтъ за женене и да му са дава мома отъ ситѣ граден и кралей, а отъ нигдѣ да не биди, да биди отъ преку Дунавъ; Да биди со триста души сватон коа кѣ се женитъ; Да о'атъ по невѣста и коа кѣ с'идитъ на-затъ, преку море коа кѣ заминитъ, да го вати една дрѣмка, да слѣзи отъ конь и да го изе'итъ змня. Чу сестрава, се ужали, се увиди, оти така пареко'а за брато; ама никому не кажа; ситѣ сестри 'и омажия, таа не се мажи; „Дури не си видамъ братами, да с'ожени, нѣма да се мажамъ“, си велела. Дойде врѣме за женене; не се свърши отъ никадѣ: дури отъ преку Дунавъ отъ нѣкой краль; отаадѣ се свърши дѣтево, отъ кай що нарекоя нарѣчниците. Дойде врѣме, киниса'а поневѣста и сестра му по-старата ошла со него; отаадѣ си я зедо'а невѣстата, премина'а преку море. Го нападна една дрѣмка зетовъ и привика'а ситѣ свато'и: симнете го да пресние тро'а зетонъ! сестраму е со него; тая велитъ: „Кѣ пресниетъ, ама на мой skutъ да пресниетъ и со еденъ скоренъ“; го зеде сестра му на skutъ, отъ како го симна'а отъ конь; му собу едно скоренъ и му вели сестра му: „така е адето, брате, со еденъ скоренъ да пресниешъ, ка'о зетъ!“ као що легналъ да пресние, излѣгла една змня отъ морето, пра'о на него се загнала; воскорено я начеа сестра му, я възала арно во него и му вели: „со еденъ скоренъ кѣ си одишъ дома, оти си преспалъ, не чини со два скорна.“ Си дойдо'а дома, я вѣнчаа'а невѣстата, и 'и затвория невѣстава и зетовъ в'една одая; му вели постарата сестра: „ајде осумъ сестри и осумъ зетен! завалете стредворъ еденъ силенъ оганъ, кѣ гориме дута змня, отъ коя го дочувавъ братотъ, зашто нарѣчницитѣ нарѣко'а, коа се роди во планина, оти змня кѣ го клукни“. Завалня силенъ оганъ осумъ сестри и осумъ зет'и я върлия змнята натре в'оганъ да гори. Послѣ, се смѣятъ и пукотъ праатъ осумъ зетени и осумъ сестри. Ми дочу зето и ѣ вели на невѣстата: „сѣди ти, невѣсто, д'излезамъ да видамъ зетентѣ и сестритѣ, що джумбуши тераатъ“. Излѣзе, пойде ка'и огнотъ и змнята, како що гореше во него, рипна и го клукна во челото и тука умре. Отъ рѣченото, ете, чоѣкъ не можи да откни; го чува сестра му, ама арно го дочува!

2.

Прозенцата.

Имало еденъ терзия и шнелъ во една селцка кукья алища за кукьнитѣ лугъе; во тая кукья имало една невѣста бърго земена. Таманъ терзинява кѣ се прозевни и невѣстата се прозевнувала. Момчево (мажотъ ѣ) гле'аше, оти невѣстава се прозевнува башъ тогаш,

ко'а се празевнувалъ терзията; той зини. та'я зини: Момче'о си рѣкло, оти има нѣкая работа помеѓу нивъ; Намислилъ да' а обѣси. Отъ тука с'излѣголъ во корията, що била надъ кукън; послѣ, ойтъ отъ дърво на дърво, си бара гранка по яка за да я обѣси. Го догле'ува невѣстата и го праша: шо така о'ишъ отъ дърво на дърво, како прозенца отъ чоѣкъ на чоѣкъ? Ъ рече: зеръ така о'и прозенца отъ чоѣкъ на чоѣкъ?—Така.—Јасъ сакавъ за то'а да те обѣсамъ; И така невѣстава си куртулисала, зашто, ако не му кажела, кѣе лет-нела: той не знаелъ, оти прозенцата о'ишъ отъ чоѣкъ на чоѣкъ; прозевни се еденъ, прозевни се другъ!

3.

Имало една невѣста и еденъ зетъ, се вѣнчале и повѣнчанията зето умрѣлъ. Ангело му я зеде душата и гледа, невѣстава оти плачи во одаята, во кѣшо со вѣнецо на гла'а. О'ишъ ангело со душата при Госпо' и му вели: „що сторивме, Господи! Како биду'а така да земиме душата на зето; а невѣстата му сѣди во кѣошъ со вѣнецъ на гла'а и плачи. Шо сторивме, жало'и не се гледа'а“! Тогай му рече Госпо: „е, толку му бѣше вѣко, що да пра'амъ? Оди прашай го татка му, ако му да'а отъ днитѣ негон, душата отнеси му я“. Пойде кай таткаму, му вели: „му да'ашъ дни отъ твоитѣ на сина ти да станишъ?“—Таткото му рече: „неможамъ да му да'амъ, како кѣе му даамъ отъ моитѣ дни?“—Пакъ отиде кай Бога ангело: „неможамъ да да'амъ, како кѣе си 'и даамъ днитѣ, вели таткому, Господи“! Оди майка му прашай я, ако му даа отъ незинитѣ дни, душата отнеси му я. Дойде кай майка му, я праша: „кѣе му даишъ, вели, отъ твоитѣ дни на сина ти, да ти станишъ?“—Велитъ майка му: „како кѣе му да'амъ, моитѣ дни не можамъ да му 'и даамъ“. Па оди ангело: „не даватъ и майка му, Господи! Не даамъ отъ моитѣ дни, ко'о можамъ, вели, да му даамъ“! Е, оди уще невѣстата прашай я, ако му да'а отъ незинитѣ дни, отнеси му а душата. Дойде кай невѣстата ангело, я праша: „кѣе му даишъ, невѣсто, отъ твоитѣ дни на момчето: кѣе ти станишъ“. Невѣстата си стояла како шо я вѣнчале во одаята, во еденъ кѣошъ со вѣнецо на гла'а, си плакала прѣдъ зето спруженъ. Я праша ангело: „му даашъ отъ днитѣ“? та'я рече: „отъ напољу, пойкѣе му давамъ нему“; отиде ангело кай Бога му рече: „невѣстата покойна, пойкѣе му да'атъ днитѣ, шо 'и иматъ на момчето“.—Послѣ рече Госпо: „майка и татко толку да не се гледа'а, колку друшката“. И бла'осоп Госпо жажотъ и жената, ко'а кѣе се вѣнчаатъ да си се гледатъ; зато'а синъ, ко'а кѣе се ожени, пойкѣе си гледа жената, отъ колку майката!

4,

Имала една баба една квачка со пилиня; израсле пилињата, за яденѣе втасале. Имало еденъ богатъ, оде'а таму кай него пилињата денъ. Той си вакаше по едно, си ядеше; бабата саде нивъ 'и имаше; нѣмаше ни челатъ, ни нищо, саде нивъ си 'и имаше, со нивъ се радуваше; Богатио едно по едно во три дни 'и изеде; кой патъ си идеа квачката со пилињата, по едно нѣмало. Бабата велела: „що свиде у мене, шо завиде, саде нивъ 'и имамъ!“ сѣкий денъ по едно ѝ гинеше и таа се на Бога оста'аше. Велеше, оти Госпо да му плати на тој, шо 'и яди пилињата. Богатио тамамъ 'и дојде пилињата, пердунтѣ, шо бѣа на нивъ, ситѣ никна'а на него. И тој веке не можеше да излѣзи, зашто го бѣше страмъ; и сѣдна во кѣшо, во куката, и се стори, како лифъ и ѣ вели на домакинската: „сега, домакинко, шо кѣе прайме? оди, викай дуо'ов-нико, лѣкъ да кажуа“. Пойде женава, го викна дуо'овнико. Иди дуо'овнико, ко'а погле-дува во кѣшо, шо да види—нѣщо како ливъ, дури се уплашу'а. Богатио му вели на дуо'овнико: „еве јасъ ова го направивъ: имаше една баба дванайсе' пилиня, колку и изедовъ, ситѣ пердун ми никна'а.“ Дуо'овнико му вели: „нѣма лѣкъ, оти на Бога остаала, таа не те колнела, ами на Бога оста'ала и Той ти платилъ. Ако да има нѣщо друг-земи ѣ.“—Е, уще квачката е.—Земи ѣ квачката, ако остан на Бога, така кѣе си би-дишъ. Ако земи да колнитъ, кѣе ти паднатъ пердунтѣ. Богатио рече: „се'а кѣе до' и квачката, кѣе фатиме, да а уготвиме.“ Дойде квачката, я ватия, му уготви домакин-ката и ко'а сѣдеа да вечера'а, бабата си чекаше квачката да и дојдитъ; ко'а не

дойде, вати да колнитъ: "сърце да го яди, болесъ да го яди, краста да го яди, али малцѣ му бѣа илинията, ами и квачката ми я изеде. Со нея кѣ с' изведевъ друзи илини!" Ко'о що вечераше богатѣо, пердунтѣ му падна'а,—оти колнеше бабата, да остааше на Бога, не му па'я. За се чоѣкъ трѣба да оста'а на Бога и той кѣ му плати, защо не ѣ каилъ Богъ да колнитъ чоѣкъ. Е, що колни чоѣкъ, се да биду'а, вѣковъ би се затрелъ!

5.

С' имаше еденъ мажъ и една жена; жената си бѣше работна, мажко мързливъ—си сѣдѣше дома и си квачеше яйца—гускини яйца. Ошла женава на жетва у нѣкой ага и си прикажу'а по свѣто: „оти с' имамъ еденъ домакинъ, нищо не работи, дома сѣди и яйца гускини квачи; Ако дойдитѣ нѣкой ка'й него, той гърчи као гуска: гррр! везденъ сѣди натѣ яйцата и не се мърда“. Знамъ той що сака, вели агата: Да му поиди чоѣкъ дома со еденъ ятаанъ, да видишъ, како оста'атъ яйцата. Му вели жената: „дай ми еденъ ятаанъ и рубата твоя, да явнамъ на еденъ конъ, да пойдамъ дома да го заплашамъ тро'а“. Ъ да'атъ агава алищата негон, еденъ ятаанъ и коньо; му поидува дома, той сѣди потъ еденъ тремъ си квачи яйца, влегла тая и му свикала: „стани, дженабетъ, да ме сметнишъ отъ коньо“! Той туку гърчи, ка'онѣкой гуска: га! га! и не станува. Та мавну'а со ятаано, той станалъ и я сметналъ; Прометалъ троа, що прометалъ, агата му рѣколъ: „де, да ме кренишъ, на конъ да ме качишъ“! станува, го качува на конъ. и си о'й дури на нива ка'й агата и му кажува: „Пойдовъ, ме сими, ме качи, му удривъ нѣколко ятаани; не стануаше, ама ка'о му удривъ ятаанитѣ! ко'о дѣте зарипа; го сторивъ малко тербиетъ—ми помина тагата—баремъ го протепавъ малцѣ“! Вечерта ко'а си дошла, го прашала: „ка'о помина, домакине, денеска со яйцата“! Остай се, жено, денеска що налепивъ ясъ: Како ми дойде еденъ турчиннице со еденъ ятаанъ, со еденъ конъ, ко'а ми свика: стани, кьерата, да ме симишъ отъ коньо. Па го сметнавъ, ми удри нѣколко ятаани; и промета тро'а щопрошета, па ме натера до го качувамъ. Де, пеземнагу, да ме качишъ; ама, си'о, со рани бѣше. Кѣ се оитъ да се работи, да се оста'атъ яйцава, да не ми донтѣ пакъ!

6.

Си билъ нѣкой овчаръ, живѣалъ се в' планина во лугѣ не се смешалъ, ни прѣква знаелъ, ни литургия знаелъ нищо не знаелъ, защо нищо не видѣлъ—башка отъ планината. Еднашъ му загинала една овна—му се погоду'а да помини край една църква, низъ дворо, надзелъ во църквата да види, що има во нея. Що да види?—Ситѣ лугѣ со самарѣ, попоитѣ по два; мудойде страмъ, оти меѓу толку лугѣ той да е безъ самарѣ; ти о'итѣ надворъ, наогя едно добиче, му го зема самаро, си го клава на гърбъ и си влегу'а така в' църква. Тие, що се на пангаро, му вела'атъ: „оти така сисосамаръ?—е да ми прощаате: васъ ве видовъ со самари, ситѣ носите, ми дойде страмъ, па и ясъ зедовъ. Послѣ тие се свѣстия, и си веле'я, оти ние трѣба да сме многу грѣшни, щоне гледа така насъ со по еденъ самаръ, а попоитѣ по два, и му рѣко'а: „а остай го ти, акоси безъ самаръ“. Само църква оденѣ со грѣои, не е на принайтѣ отъ Бога то'а!

7.

Имало еденъ сиромашецъ, той с' ималъ една домакинка и едно дѣтенце; еденъ богатъ комшия клетъ билъ, отъ него той неможелъ да излѣзе на дворъ, и дѣтето не могло да излѣзи. Сиромашецо вели на домакинка та: кѣ'одамъ да го барамъ Госпо. да го прашамъ, али по-бърго кѣ'умри богатѣо, да се куртулисаме“. О'итѣ, си зема стапченцето; кѣ си го бара Госпо'. Една невѣста си сѣди на еденъ бунаръ, му вели: „Ка'й ке одишъ, дѣдо“? той ѣ велитъ: „Кѣ'одамъ да го барамъ Госпо, нѣщо кѣ го прашамъ“.—Е

прашай го и за мене, оти и мене, како на ситѣ, Госпо' не ми даѣ челатѣ.—Арно!—Понатаки еденѣ богатѣ чо'ѣкѣ го стретилѣ и му вели: „кай кѣе одишѣ, дѣдо“?—Кѣ'одамѣ да го барамѣ Госпо, да го прашамѣ нѣщо.—Е, прашай го и за мене, кай кѣе ме клаян таму во рай Госпо. Уще понатаки го найдо'а един арамни; тие го праша'а: „кай кѣе одишѣ, дѣдо?—Кѣ'одамѣ кай Господа, да го прашамѣ нѣщо?—Е, прашай го за насѣ, кай кѣе не клаян таму, али има мѣсто за насѣ, оти сме отепале, сме украде, многу лошо сме сториле. Кѣе прашамѣ, рѣколѣ дѣдото! Ко'а си о'итѣ, о'итѣ, си го најде во една гора зелена старно Госпо. Ей, старче! що си дошолѣ (той си знаише що бѣше дошолѣ).—По дойдовѣ, Господи? Имамѣ една мака динѣ голѣма отѣ комшията, той е богатѣ, ясѣ сумѣ сиромашѣ, не можиме да излезиме ни ясѣ, ни домакинната, ни дѣтето. Вика на насѣ, маатѣ. Уще колку години кѣе биди живѣ. Му рѣче Госпо: уще триста години кѣе биди живѣ.

— Е, милос, твоя! Колку сиромашотѣ рѣче, милос твоя! Госпо' стото му 'и реси, уще двѣстѣ му остана'а на богатѣло за живѣне. Една невѣста нѣмамѣ челатѣ и плачи', ми рѣче да прашамѣ, оти челатѣ не си 'ѣ далѣ, како на ситѣ другачки и незѣ.—Госпо, рѣче, оти нѣма да ѣ бидатѣ прокопцани челатѣта, тая е праведна, ке и дамѣ, ке и клаамѣ во грѣвѣ.—Еденѣ богатѣ нарача да те прашамѣ: него кай кѣе го клаяншѣ. Госпо му рѣче: оние кукѣ се него'и, зацо многу добринѣе чинеше и ирѣдѣ смѣртѣ му се направи, що му трѣба тука. Един арамни ми порочаа али и за нимѣ ке има мѣсто, оти многу лошо сториле: обрале, отепале, али и за нимѣ кѣе има мѣсто.—Има мѣсто, казанитѣ во райо' не ми се закрѣпени, кѣе си' и закрѣпамѣ. Го стрето'а најпѣрво арамнитѣ и го прашаа: „ей, старче, го праша Госпо, що ти рѣче: има мѣсто и за насѣ?“—Има, рѣче, и за насѣ, кѣе си закрѣпи со насѣ казанитѣ. Тие разгѣрна'а рацѣ и отѣ се сѣрце се разрадува'а и рѣкоа: „Е, сполай ми ти, Господи, оти има и за насѣ мѣсто.“—Послѣ, го стрете богатѣо', го праша: „Е, старче! що ти рѣче Госпо“? Натвоя рака Кѣе биди отвору'анѣ, затворанѣ сарантѣ ти се готои.—Е, овдѣ мака и гаму мака. Госпо сарантѣ, по то'а како чу' и даде на арамнитѣ, а богатѣо го тури да му кѣрпи казанитѣ.—Невѣстичката го стрете и го праша: „що ти рѣче, дѣдо, Госпо“? То а, оти не ти да'а дѣца, зацо кѣе ти бидатѣ непрокопцани, а ти си праведна, да не те клаян во грѣвѣ.—Тая рѣче: «сполай ми, милосѣ него'а!» Го чека дѣвойченцето отѣ сиромашецо, го чека, го пречеку'а и му рѣче: «Е, тате! що ти рѣче Госпо?»—Уще триста години кѣе биди живѣ.—Е, милосѣ него'а нека е! рѣче дѣваучево. Госпо тогаѣ, кога вне, оти и дѣвойчето оста'а се на Богѣ, му скуси на богатѣо уще сто години. Го стрете домакинната и таа рѣче: е, милосѣ него'а! Ко'а утрината слушаа плаченѣе, богатѣо си умрѣлѣ. Домакинната му вели: «море домакине, ти ми велеше, оти потриста години кѣе умри, а той сега умрелѣ. Е, незнаелѣ и Госпо!» Сиромашецо си зелѣ стѣпченцето и ошолѣ на го бара Госпо и го нашолѣ Госпо'и Госпо' му вели: «що барашѣ, старче!»—Ами, Господи, дельми велеше, оти по триста години кѣе умреше, а той умрелѣ денеска. Тогаѣ Госпо му рѣколѣ, зацо оставите на милосѣта моя и ясѣ за то'а така направивѣ:

(Сообщены И. Д. Младеновымъ, изъ Прилѣпа.)

ЛОПАРСКІЯ СКАЗКИ.

3) Оборотень медвѣдь.—(Ергаль Кувдъ).

На одномъ озерѣ жили Лопарь да Лопка. У нихъ была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, Лопарь ушелъ въ тундру къ оленямъ, а старуха съ дочерью остались дома. Вечеромъ онѣ сидѣли въ вежѣ, починали сѣтки и разговаривали. На срединѣ у нихъ горѣлъ огонь, надъ которымъ висѣлъ котелъ, съ варящейся рыбой. Онѣ бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдругъ повѣшенная вмѣсто двери постель открылась, и въ вежу зашелъ медвѣдь, весь покрытый льдомъ. Мать съ дочерью испугались. Дочь, сидѣвшая одна по другую сторону огня, перескочила черезъ огонь къ матери. Медвѣдь занялъ ея мѣсто и растянулся противъ огня. Мать съ дочерью сидѣли и смотрѣли на него. Сколько не смотрѣли на него и сколько ни показывали на двери, чтобы онъ вышелъ, но медвѣдь не двигался никуда, а только смотрѣлъ на нихъ и на котелъ. Хозяинъ не приходилъ между тѣмъ, и имъ было страшно. Наконецъ Лопка заключила, что это не простой медвѣдь, а должно быть оборотень. Она поэтому сняла котелъ съ огня и стала тянуть рыбу на двѣ кары. Одну кару взяла она себѣ, а другую подала медвѣдью.

Медвѣдь съѣлъ всю рыбу и легъ спать.

Мать съ дочерью только смотрѣли на него, а спать боялись. Боялись подойти къ нему, ожидая, скоро ли будетъ утро, или не придетъ ли хозяинъ.

Медвѣдь всю ночь проспалъ крѣпко и спокойно. Шерсть на немъ уже высохла. Предъ наступленіемъ зари онъ проснулся и посмотрѣлъ на хозяевъ. Смотрѣлъ онъ на нихъ нѣсколько времени наконецъ поклонился и пошелъ изъ вежи. Мать съ дочерью тоже вышли въ слѣдъ за нимъ, чтобы посмотреть, куда онъ пойдетъ. Медвѣдь недалеко отъ нихъ сталъ на заднія лапы, а передними сталъ показывать на озеро, откуда пришелъ вечеромъ. Мать съ дочерью смотрѣли на него и ничего не понимали. Наконецъ медвѣдь всталъ на всѣ ноги и пошелъ въ лѣсъ. Мать съ дочерью радовались, что онъ ушелъ, не сдѣлавъ никакого вреда, и въ тоже время думали: что такое имъ онъ показывалъ. По слѣдамъ его на озеро идти боялись.

Вскорѣ возвратился Лопарь. Ему все рассказали, и онъ задумался. Подумавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ: Вѣроятно у него былъ товарищъ и какъ ледъ еще не крѣпокъ, онъ утонулъ. Пойдемте по слѣдамъ его къ озеру и тогда узнаемъ, на что онъ вамъ указывалъ.

Пришли они на озеро и увидѣли большую прорубь.

Опустили туда карбасъ и увидѣли, что тутъ утонулъ медвѣдь. Стали его доставать и съ большимъ трудомъ вытащили на берегъ. Медвѣдь былъ большой и черныи. Положили его на кережу и притянули къ вежѣ. Здѣсь положили его къ огню, чтобы оттаять. Черезъ нѣсколько времени Лопинъ снялъ съ него шкуру и увидѣлъ, что это былъ не медвѣдь, а человѣкъ оборотень — олмашъ ергаль. Подъ шкурой кругомъ себя у него былъ поясъ — чересъ, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Лопинъ взялъ его себѣ, купилъ оленей и зажилъ такъ богато, какъ никогда и не думалъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

4) Сказка о Нойдѣ, проводникѣ оленей.

Жилъ-былъ въ Пазрѣкѣ одинъ Нойда (колдунъ), и ему хотѣлось, чтобы дикіе олени были и въ Пазрѣкѣ на Вилемскомъ наволокъ, *) а ихъ тогда нигдѣ нельзя было найти, какъ только въ Норвегіи. Однажды онъ подобралъ себѣ товарищей и сказалъ имъ: поѣдемъ за добромъ въ Норвегу. Самъ сѣлъ въ карбасъ на корму, а товарищи сѣли на носъ и стали грести, работать веслами. Приѣхавъ въ Норвегу, они пристали къ берегу. Ну, вы теперь сидите въ карбасѣ, никуда не ходите и дожидаетесь меня. Нойда самъ пошелъ на гору и тамъ взялъ оленій рогъ. Пришелъ съ нимъ въ карбасъ, сѣлъ опять на корму и сказалъ: „Если я этимъ рогомъ буду давиться, вы никто ничего не говорите и у меня не отнимайте, а если и задавлюсь, не жалѣйте. Ваше дѣло только грести обратно на Вилемскій наволокъ“. Сдѣлавъ наставленіе, онъ приказалъ ѣхать. Самъ рогомъ провелъ изъ Норвегіи къ Вилемскому наволоку и сталъ его грызть—ѣсть. Грызъ и глоталъ рогъ, и дошелъ до того мѣста, гдѣ у рога отдѣляется другой, какъ бы вѣтвь. Вотъ въ ротъ-то ему болѣе не входить, онъ и показываетъ одною рукою товарищамъ, чтобы ктонибудь пришелъ и отсѣкъ сторонній отростокъ. Этого между тѣмъ никто не понималъ, да и не смѣли подойти. Онъ между тѣмъ на одномъ мѣстѣ у рога все позорился и вложить его въ ротъ ни какъ не могъ. Олени дикіе въ это время, какъ птицы,плыли за карбасомъ и въ большомъ количествѣ. Добѣхали до Вилемскаго наволока и пристали къ берегу. Вышелъ Нойда на берегъ и сказалъ товарищамъ: „Никто изъ васъ не догадался отрубить вѣтви отъ рога, и поэтому я всего не могъ сгрызть. Теперь дикіе олени придутъ къ намъ только тѣ, которые успѣли до нашего приѣзда зайти въ море, а остальные останутся въ Норвегіи, да и тѣ, которые пришли, будутъ здѣсь не долго. Разсказчикъ прибавилъ: „вотъ ихъ теперь и нѣтъ“.

Записана со словъ Вас. Летова. Помѣщена была ранѣе въ «Голосѣ» (фельетонъ за 1893 г.).

5) Л е г е н д а.

Въ давнія времена въ Нотозерскомъ погостѣ, недалеко отъ Филяндін и 60 верстъ отъ г. Колы жила дѣвка-нойда. Разъ утромъ она встала рано и разбудила всѣхъ въ погостѣ. Ее спросили: за чѣмъ ты это дѣлаешь? Вотъ я вамъ, что скажу: Приготовьте себѣ хлѣба и воды на три дня и пзъ тупъ никуда никто не ходите. Скоро начнется для пользы вашей такая буря, что не будетъ видно ничего. Дѣлайте скорѣе такъ, какъ я сказала. Я лягу спать и меня не будите, пока я не встану. Всѣ Лопари такъ и сдѣлали, какъ она велѣла. Сама она легла спать. Едва-едва она заснула, какъ поднялась такая буря и мятель, что нѣтъ возможности это и выразить. Всѣ Лопари даже испугались. Черезъ три дня буря кончилась, и дѣвка —нойда встала. Она опять собрала Лопарей и сказала: возьмите пищали и пойте на мохъ (разбойничій). Лопари послушались ея, пошли. Когда пришли туда, то увидѣли много Шветовъ, шедшихъ раззорять погостъ. Большая часть ихъ замерзла, а которые были живы, тѣхъ убили. Такъ нойда и буря спасли отъ смерти и грабежа погостъ.

(Записана со словъ бывшаго Нотозерскаго Лопаря Сергія Герасимова).

*) Вилемскій наволокъ находится на устьѣ Пазрѣцкаго залива, на правой сторонѣ.

6) Два брата. (Кунхтъ вилъ).

Нѣкогда жили два родные брата—Лопари. Жили они мирно, какъ между собою, такъ и съ другими. Разъ одинъ изъ братьевъ поссорился съ Нойдой—колдуномъ, который и пригрозилъ ему: вспомнишь ты меня. Лопарю отъ этого сдѣлалось плохо. Онъ сталъ думать, что-то со мной сдѣлаетъ нойда. Сталъ бояться, и безъ брата своего никуда не ходилъ. Куда братъ, туда и онъ въ слѣдъ за нимъ. Другому брату это стало надобно, и онъ сталъ думать: какъ бы сдѣлать, чтобы онъ за мной не ходилъ. Разъ утромъ всталъ онъ и сказалъ брату: я пойду сегодня по ангасамъ (подобіе силы для промысла дикихъ оленей) одинъ и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое мѣсто: они подъ ногами около себя яголь—бѣлый мохъ—уже съѣли. Услыша это, поссорившійся съ нойдой братъ испугался. Однако онъ промолчалъ про ссору и подчинился волѣ брата. Тотъ ушелъ, а другой остался печальнымъ. Немного спустя къ нему пришелъ нойда или, подъ видомъ нойды, другой кто и сказалъ: пойдемъ бороться со мной: кто кого поборетъ, тотъ и правъ. Нойда былъ, нужно замѣтить, въ шапкѣ—невидимкѣ. Отошли они недалеко отъ вежи и начали бороться. Незнакомецъ сейчасъ же убилъ его. Отрѣзалъ послѣ этого нойда отъ убитого на лѣвой рукѣ мизинецъ. Къ отрѣзанному мѣсту руки поставилъ трубку, дунулъ, и кожа вся сошла съ тѣла. Тѣло безъ кожи недалеко отнесъ, положилъ на землю, а съ кожей пошелъ дальше, чтобы не догналъ его братъ убитого и не отомстилъ бы за смерть. Братъ возвратился къ вежѣ и увидѣлъ, что изъ вежи дымъ неидетъ, а олени стоятъ на старомъ мѣстѣ. Подумалъ, что братъ не здоровъ. Зашелъ въ вежу, но брата нѣтъ, а дрова лежатъ все тѣ же, что и были. Ему стало не ловко. Вышелъ изъ вежи, вскричалъ, но отвѣта нѣтъ. Подошелъ далѣе и увидѣлъ двои слѣды. Сейчасъ и догадался, что былъ, значить, Чудоорчъ или нойда. Пошелъ послѣ этого, оленей отпустилъ на волю всѣхъ, а себѣ оставилъ одного ирваса (нехолощенный олень—быкъ) хорошаго и собаку. Съ ними и пошелъ разыскивать брата. Время приходило къ зимѣ, и на землѣ было немного снѣгу. Слѣды поэтому онъ скоро нашелъ. Подъѣхавъ немного на оленѣ, онъ увидѣлъ покрытое землею тѣло человека безъ кожи и по величинѣ его заключилъ, что это его братъ. Съ поспѣшностію онъ обвернулъ тѣло въ бересто, вырылъ неглубокую яму и похоронилъ его. Слезы не проронилъ ни одной, оставилъ ихъ до удобнаго времени. Самъ послѣ этого сѣлъ въ кережу (подобіе корыта—замѣняетъ сани) и погналъ скорѣе впередъ по слѣдамъ за злодѣемъ. Не мало онъ переѣхалъ рѣкъ и окружилъ озеръ, потому что ледъ былъ некрѣпокъ, но наконецъ таки передъ вечеромъ увидалъ огонь. Сейчасъ онъ соскочилъ съ кережи, привязалъ ирваса къ лѣсникѣ, чтобы онъ не хрюкалъ, и самъ пошелъ посматрѣть, кто сидитъ у огня и что дѣлаетъ. Зная однако, что собака можетъ залаять и тогда убійца брата можетъ убѣжать, онъ надѣлъ ей на носъ шапку. Такъ принявъ онъ всѣ предосторожности, чтобы не выдать себя.

Подошелъ къ огню онъ съ собакой поближе и сталъ изъ-за лѣсинокъ смотрѣть. Огонекъ въ темнотѣ горѣлъ свѣтло. Подлѣ нойды въ сторонѣ лежала его одежда, а на немъ сверху надѣта была кожа брата. Въ ней онъ поворачивался къ огню и спиной, и брюхомъ, и боками, чтобы ее высушить. И вотъ когда она подсохла, онъ снялъ ее съ себя и сталъ складывать пластами. Лопарь—братъ нѣсколько разъ въ это время прицѣлывался выстрѣлить, но слезы не давали ему прямо навести на него пищаль. Наконецъ онъ осилилъ себя, выстрѣлилъ и попалъ въ Нойду. Тотъ однако вскричалъ: стрѣляй другой разъ. Нѣтъ меня не обманешь, ты хочешь еще встать, отвѣтилъ ему Лопарь. Для тебя, знаю, довольно и разу. Теперь пропадешь ты какъ собака. Шапка невидимка теперь тебѣ болѣе не поможетъ,—поэтому не хочу портить и пули. Сказавъ это, подошелъ къ нему, вырвалъ кожу брата изъ рукъ и пошелъ обратно. Тѣло нойды осталось на сѣденіе птицамъ и хищнымъ звѣрямъ.

Нужно еще замѣтить, что нойда всегда ходилъ за убитымъ братомъ до смерти, и онъ его видѣлъ, но старшій не видѣлъ, потому что къ нему онъ не имѣлъ никакого отношенія. Невидимка же шанка нойду или Чудоорча скрывать можетъ, пока онъ не убьетъ человѣка. Послѣ онъ ее тернетъ, или она сама скроется отъ него.

(Записана со словъ Ефима и Васи. Летовыхъ и Макс. Оедотова).

7) Собачья сказка.—(Пенный майнасъ).

Въ былыя времена жилъ старикъ со старухой. Старикъ былъ человѣкъ, какъ есть человѣкъ, а старуха была полчеловѣка, потому что одна половина была у нея человѣческая, а другая подобная звѣрю или, вѣрнѣе, собакѣ. Надъ старухой всѣ смѣялись заочно, а когда были виѣствъ съ нею, то боялись и уважали. Старикъ умеръ раньше, и скорѣ послѣ смерти его у нея родился сынъ на подобіе ея. Сынъ росъ не по годамъ, а по днямъ. И вотъ, когда онъ выросъ, изъ него сдѣлался хорошій промышленникъ. Онъ ежедневно ходилъ на промыселъ звѣрей и никогда не возвращался безъ ничего. Мать любила его, но онъ захотѣлъ наконецъ жениться. Возвратясь разъ съ охоты, онъ сказалъ матери: «Ты стала стара, тебѣ тяжело; поэтому я хочу жениться. Ты найди мнѣ невѣсту».

Старуха по любви къ сыну согласилась на его просьбу и сказала: „Недалеко отъ насъ живетъ старикъ со старухой. У него есть три дочери, и завтра я пойду сватать за тебя старшую. Они живутъ бѣдно и поэтому, полагаю, отдадутъ“.

На другой день сынъ ушелъ въ лѣсъ, а мать пошла искать ему невѣсту.

Старикъ съ семействомъ, увидя старуху, удивился ея приходу, потому что она никогда у нихъ не бывала. Старуха съ ними поздоровалась и, ее, какъ гостью, предложила сѣсть.

Старуха поблагодарила ихъ и прибавила: «Ничего, я постою. У меня, дѣдушка есть до тебя просьба: не хочешь ли съ нами породниться? Меня послалъ сынъ и просилъ, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женою. У насъ мяса довольно, ей будетъ хорошо».

Старикъ поговорилъ съ дочерью, и та согласилась идти сейчасъ же со старухой. Она прибавила еще: «Насъ три сестры, и ждать мнѣ долго не слѣдуетъ». Простилась она послѣ этого съ родителями и сестрами и пошла, какъ съ настоящею свекровью, къ своему мужу.

Пришли онѣ въ вежу,—старуха и говоритъ невѣсткѣ: «мужа твоего еще нѣтъ дома, онъ скоро придетъ. Ты пока ложись (указала ей въ одной сторонѣ мѣсто)—спи и не смотри, какъ я буду варить ужинъ. Не исполнишь этого, худо тебѣ будетъ».

Невѣстка, повидиному, послушалась. Сейчасъ легла она спать, а сама нзрѣдка тихонько и посмотреть, что будетъ варить свекровь и какъ?

Она увидѣла, что свекровь стала варить мясо въ кожаномъ мѣшкѣ. Мѣшокъ, повѣшенный надъ огнемъ, скорѣ, однако, потекъ. Старуха разсердилась и вскричала: «Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же ты теперь камнемъ». Не успѣла она этого сказать, какъ молодая окаменѣла, а въ вежу зашелъ сынъ и спрашиваетъ: «гдѣ моя жена?»

— «Смотри вотъ тамъ». И указала на окаменѣвшую.

— Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мнѣ жену. Начали снова варить и, когда готовъ былъ ужинъ, поужинали молча.

На слѣдующій день сынъ пошелъ въ лѣсъ, сказавъ матери: «Не забудь привести жену».

Мать послѣ него опять пошла къ старику и сказала ему: «дочери твоей на первых порахъ скучно, потому что мужъ ходитъ въ лѣсъ. Дозволь идти въ гости къ ней другой сестрѣ».

Старикъ согласился, и другая дочь пошла со старухой.

Пришли въ вежу. Старуха сказала ей, что она будетъ не гостья, а жена ея сыну. Указала ей и на окаменѣвшую сестру, прибавивъ: «Не послушаешься меня, тоже будетъ и съ тобой».

Невѣстка легла спать и уснула. Къ несчастію своему, она скоро проснулась и увидѣла, что свекровь варить въ мѣшкѣ.

Старуха опять разсердилась и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменѣла.

Пришелъ изъ лѣсу сынъ, спросилъ жену и мать указала на другую каменную человѣческую фигуру. Сынъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «Завтра должна быть у меня жена непременно, а нѣтъ—прощайся и со мною».

Мать отвѣтила: «Эти были непослушны и потому въ жены тебѣ не годились. Завтра я приведу меньшую сестру: изъ нея быть можетъ и выйдетъ жена».

Молча они сварили, молча и поужинали. На третій день сынъ пошелъ въ лѣсъ сердитый.

Мать послѣ него сейчасъ пошла къ старику и стала просить его, чтобы онъ отпустилъ и меньшую сестру въ гости. Старикъ, не зная ничего, и послѣдней дочери дозволилъ идти. Пришла она со старухой въ вежу и увидѣла, что сестры ея окаменѣли. Она испугалась сперва, но старуха сказала: „Не бойся. Онѣ не слушались меня и сами себя къ этому приговорили. Будь послушна мнѣ, исполни что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына“.

Старуха стала приготовляться варить ужинъ, а невѣстка легла спать и уснула крѣпко. Она не видѣла ничего. Старуха, наконецъ, услышавъ лай какъ-бы собаки, разбудила невѣстку и послала ее встрѣчать своего мужа, а ея сына. Вскорѣ оба они вошли въ вежу, поужинали и стали жить, какъ мужъ съ женой, любя другъ друга.

Вскорѣ у нихъ родился сынъ, очень похожій на отца. Оба они были рады, и мужъ сказалъ женѣ: Смотри, чтобы отъ сына нашего оленья постель подъ нимъ никогда не была мокра отъ его мочи. Сынъ росъ, какъ и отецъ, скоро. Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Разъ, однако, сынъ помочился на постель, и ее положили сохнуть. Пришелъ мужъ и увидѣлъ это. Онъ спросилъ: кто это сдѣлалъ? Мать отвѣтила: сынъ. Услыша это, онъ сказалъ: Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь отъ васъ уйду. Вы живите, какъ хотите. Сынъ сталъ также проситься идти съ отцемъ. Онъ согласился взять, и ихъ никакъ не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома и отъ нихъ послѣ родились дикіе олени. Мать при прощаніи съ сыномъ, который разлучилъ ее съ мужемъ, сказала ему: черныхъ звѣрей бойтесь, а бѣлыхъ вамъ нечего бояться. Не бойся также и гангасовъ (подобіе сила для дикихъ оленей), они дѣлаются для пользы людей и тебѣ не повредятъ. Отецъ съ сыномъ ушли, и болѣе объ нихъ не было никакого слуху.

(Записана со словъ Ефима Летова, Максима Осодотова и Вас. Летова).

8) Пыта олмашъ. Нагой человѣкъ — (Чакли варрь — лѣсная гора у Вакъ озера).

Жилъ былъ Лопарь Кондратій. Осенью онъ промышлялъ на Вакъ озерѣ рыбу. Разъ онъ ходилъ по Чакше варонъ и нашелъ большую глубокую яму. Онъ подумалъ: вѣрно, нагой человѣкъ здѣсь живетъ. Развязалъ онъ у себя каньги и снялъ ихъ съ

яогъ. Оборы (на подобіе ленточекъ; онѣ ткуются Лопарями изъ разныхъ цвѣтовъ шерсти дливою къ каждой ногѣ около 3 аршинъ; онѣ къ одѣтымъ уже каньгамъ прикрѣпляются за петельку и послѣ кругомъ ноги обвертываются нѣсколько разъ до конца, чтобы каньга не спадала съ ноги) онѣ связалъ вмѣстѣ и опустилъ одинъ конецъ въ яму, а другой привязалъ къ каньгамъ, которые оставилъ у ямы. Къ каньгамъ привязалъ еще веревку и самъ ушелъ не очень далеко въ сторону. Сперва еще у ямы онѣ нѣсколько разъ сказалъ: кизамъ, кизамъ чулмамъ — верчу, верчу и узелъ свяжу. Черезъ нѣсколько времени по оборамъ вышелъ изъ ямы нагой человѣкъ и сталъ одѣвать каньги. Кондратій въ это время выскочилъ и схватилъ его. Онѣ сталъ проситься, чтобы его отпустилъ. Кондратій сталъ просить выкупъ. Онѣ посулилъ и далъ вѣрное слово, что снова выйдетъ изъ ямы и принесетъ выкупъ. Кондратій отпустилъ его. Онѣ вскорѣ вышелъ и принесъ ему полную тарелку серебряныхъ денегъ. Допинъ взялъ и сказалъ: мало. Нагой человѣкъ принесъ ему и другой разъ столько же. Кондратій опять взялъ и сказалъ: маловато. Нагой человѣкъ болѣе ничего не сказалъ, а только покачалъ головою и ушелъ третій разъ. Вскорѣ принесъ ему ножикъ и вилку и отдалъ ихъ. Когда Кондратій это взялъ, онѣ сказалъ: Не на долго тебѣ этого богатства, за чѣмъ ты много взялъ? Скоро твой родъ обѣднѣетъ. Сказавъ это, ушелъ обратно. Кондратій самъ былъ богатъ, но родъ его постепенно дѣлался бѣднѣе и бѣднѣе.

(Записана со словъ Лопарей Василія Летова и Максима Ѳедотова).

9) Кюддъ ачка (Дикая старуха).

Очень давно жила-была одна старуха — нойда, колдунья. Ей наскучило быть въ человѣческомъ видѣ. Она захотѣла быть важной, оленемъ — самкой. Это съ ней и случилось. Долго ли, коротко ли она была оленемъ, этого вѣрно сказать нельзя. Наконецъ она сдѣлалась беременною и наступало время ей родить. Оборотись оленемъ. она, однако, должно быть, думала иногда по человѣчески. Предъ самыми родами она испугалась, что отъ нея родится олень, и желая избѣжать этого, опять обратилась въ женщину. Это ей однако не помогло. У нея родился не человѣкъ, а олень-быкъ. Какъ ни неприятно ей было, но все таки теленка она кормила своею грудью. Онѣ у нея выросъ и сталъ даже возить дрова къ вежѣ, гдѣ она жила. Они другъ друга понимали. И вотъ когда онѣ сталъ большой, захотѣлось ему на вою. Мать этому не препятствовала, только просила привести болѣе дровъ. Мать нарубила дровъ, а онѣ притянулъ къ вежѣ. Онѣ былъ сильный и сталъ пособлять ей и дровъ колоть. Такъ они заготовили дровъ довольно. Мать хотѣла дать ему еще при разставаніи груди, но онѣ отказался, и только проишь сказать, кто его отецъ: человѣкъ или олень? Мать на этотъ вопросъ отвѣтить не хотѣла. Видя это, онѣ показавъ видъ, что еще хочетъ поколотъ дровъ. Стали колоть толстую чурку. Когда у нея одинъ конецъ раскололся, тогда поставили клинъ въ щель. Сынѣ послѣ этого и показываетъ матери, чтобы она поставила ногу въ щель, а онѣ другимъ клиномъ будетъ колоть. Мать послушалась его, и положила ногу въ щель. Онѣ вмѣсто того, чтобы поставить клинъ, взялъ изъ щели зубами и первый. Ногѣ у матери прижало и она отъ боли закричала. Скажи, кто отецъ у меня, и тогда пособию тебѣ вытянуть ногѣ. Ей не хотѣлось открыть тайны, но наконецъ сказала: У тебя отецъ олень — ирвасъ. Послѣ этого вложилъ онѣ въ щель клинъ, придавилъ ногами и мать была свободна. Онѣ простился съ нею и ушелъ въ тундры — свое отечество.

(Записана со словъ М. Ѳедотова).

10) Чадцъ илліѣ живущій въ водѣ.

На островѣ Шалинѣ (въ истокѣ Пазрѣцкаго залива) жили два Лопаря и оба они были хорошіе промышленники. Однажды они ходили около морскаго берега и увидѣли почти у самаго берега: сидитъ женщина на камнѣ и чешетъ голову. Одинъ изъ Лопарей и сказалъ другому: я стрѣлю. Нѣтъ, не стрѣлай, это не человѣкъ, а чадцъ илліѣ — живущій въ водѣ. Онъ не послушался его и сталъ стрѣлять. Въ это время другой вскричалъ: «Берегись, женщина, въ тебя стрѣляютъ!» Она соскочила съ камня въ воду, недалеко она опять показалась на водѣ и вскричала: «Добрый человѣкъ, пожалѣвшій меня, приходи завтра въ это время сюда; а ты, который хотѣлъ убить меня, гдѣ будешь пить воду, тутъ и утонешь».

«Не дикой же я, что пойду или побреду въ глубокое озеро или рѣку пить. Вольно тебѣ врать».

Послѣ этого, оба товарищи поспорили не много и разошлись для промысла звѣрей въ разныя стороны до вечера. Стрѣлявшій въ женщину пришелъ къ ручью, наклонился и сталъ пить ртомъ, свалился въ ручей и утонулъ. На другой день утромъ товарищъ пошелъ его искать, потому что онъ вечеромъ не явился на означенное мѣсто. Нашелъ его онъ въ ручьѣ. Тѣло утонувшаго обернулъ въ бересто и предалъ землѣ. Окончивъ это дѣло, онъ пошелъ на вчерашнее мѣсто, куда звала его женщина. На дорогѣ встрѣтилась черная лисица. Онъ убилъ ее, снялъ шкуру и съ нею пошелъ далѣе. Пришелъ къ морю и сталъ дожидаться женщины. Она скорѣ вышла изъ воды и вскричала: Пришелъ ли ты, кого я звала?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ.

«Поди сюда къ берегу, сказала она».

Онъ подошелъ и получилъ отъ нея золота и серебра довольно и сталъ жить послѣ этого какъ кухманъ — купецъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

11) Айнай суло. Айновы острова—въ Ледовитомъ океанѣ противъ Земляного наволока и становища Мало-нѣмецкаго.

Мы Лопари не были еще христіанами, а въ нашихъ погостахъ, въ Лалландіи дикихъ оленей почти не было, или было да очень мало. Въ Финляндіи и Норвегіи было очень много. Вотъ и стали наши старики думать, какъ бы сдѣлать, чтобы дикие были и на нашей землѣ. Въ это время жили въ Печеньгѣ, около становища Вайу-губы, силачи—нойды три брата, и у нихъ была мать старуха—а г к а. Братья, какъ нойды, знали все и умѣли пособить горю. Вотъ однажды они и сказали матери и своимъ пріятелямъ: Мы пойдемъ въ Норвегу и отрѣжемъ кусокъ земли, на которой бѣгаетъ много дикихъ оленей, и приплывемъ сюда на этой землѣ со всѣмъ добромъ. Жизнь наша тогда пойдетъ богаче. Сказано, сдѣлано. Нойды отправились въ Норвегу. Мать старуха въ одну ночь спитъ и видитъ во снѣ, что ея дѣти возвращаются на норвежской землѣ съ оленями. Она вскочила какъ шальная, побѣжала изъ т у п ы — избы на п а х т у (высокая каменная гора противъ Айновыхъ острововъ) смотрѣть, какъ дѣтки ѣдутъ съ добромъ. Старуха увидѣла: земли идетъ много и гулъ отъ хрюканья и бѣгу оленей раздается далеко, далеко. Съ радости она заѣбла: Вотъ мои дѣтки ѣдутъ, вотъ они везутъ живота, везутъ оленей и важенокъ. И отъ радости еще вскричала: Не даромъ ихъ называютъ нойдами и силачами. Послѣ этого она сей-

часть же окаменѣла, окаменѣла и изба, и остатки отъ этого, говорятъ, можно видѣть на Земляномъ наволокъ и понийѣ.

Земля, плывшая по океану, отъ словъ старухи разорвалась на два острова и остановилась. Въ промежуткахъ между ними дѣти и все добро потонуло. Айновы острова теперь славятся мурошкою. Говорятъ еще, что всѣ морскіе острова, на которыхъ растутъ мурошка, приведены нойдами изъ Норвегіи. Другое преданіе касательно Айновыхъ острововъ и Кильгина, сходное въ одномъ, противорѣчитъ цѣли.

Въ Печеньгѣ и въ Колѣ въ это время, говорятъ, Препод. Трифонъ уже просвѣтилъ крещеніемъ многихъ Лопарей. Нойды, или Кебуны за это сердились на него, а также и на Лопарей, которые крестились. И вотъ на зло лопарскому Апостолу и крещенымъ, они вздумали запереть Печенгскій и Колъскій заливы, и для этой цѣли поплыли на отдѣлившейся землѣ къ заливамъ. Когда нойды подъѣзжали къ заливамъ, то ихъ замѣтили на берегу люди и закричали: земля идетъ, земля. Кричавшіе окаменѣли, а земля остановилась, и образовались острова: Айновы и Кильгинъ.

(Записана со словъ В. Лотова, а преданіе слышало отъ умершей 100 лѣтней дѣвicy Сусловой). Двѣ послѣднія были помѣщены въ «Голосѣ» за 1883 г.

12) Шапка невидимка.—(Къ тѣ каперъ).

Нѣкогда жилъ-былъ царь и у него была дочь красавица. Онъ послалъ объявленіе по всей землѣ, кто достанетъ звѣзду съ неба, тотъ и получить въ замужество его дочь. Люди знатные, узнавъ объ этомъ, сперва удивились столь странному объявленію, полагая, что со временемъ царь уничтожитъ его. Не видя однако отиѣны приказа, не стали и думать о красавицѣ. Царское объявленіе дошло и до Лапландіи. Вотъ одинъ Лопарь и похвастался, что онъ можетъ достать звѣзду. Сказано—сдѣлано. Лопарь пошелъ по высокимъ тундрамъ и горамъ, чтобы оттуда достать звѣзду. Онъ перебывалъ на многихъ высокихъ тундрахъ и горахъ, но звѣзды достать не могъ. Когда приходилъ на высокую тундру, то ему представлялось, что съ другой болѣе высокой можно достать, но когда приходилъ туда, опять видѣлъ тоже. Такъ онъ ходилъ долго, и наконецъ потерялъ надежду, что можно достать звѣзду. Сталъ горевать, потому что въ объявленіи сказано было еще, если кто скажетъ: достану, но не достанетъ, тотъ преданъ будетъ смерти. Горевалъ онъ немало времени, и хотѣлъ наконецъ лишиться самъ себя жизни, какъ въ это время откуда не возьмись явился предъ нимъ незнакомецъ и сказалъ: «Чіо ты такой печальный, развѣ что потерялъ?»

«Какъ мнѣ не печалиться, когда самъ себя я за хвастовство приговорилъ къ смерти. Желая сдѣлаться счастливымъ, я сказалъ что достану съ неба звѣзду, думая что можно это сдѣлать съ высокой горы, но между тѣмъ ошибся: сколько ни ходилъ, но успѣха никакого не было. Теперь не только мнѣ не жениться на царевнѣ, но еще придется умереть».

Незнакомецъ сказалъ: «Не знаю, какъ пособить твоему горю. Впрочемъ попытаемъ счастья. Ты садись ко мнѣ на спину и держись крѣпче. Мы полетимъ вверхъ, и ты только внизъ не смотри. Вотъ они и полетѣли, какъ птицы, къ облакамъ. Летѣли они долго; наконецъ Лопарь усталъ даже и держаться. Незнакомецъ въ это время и сказалъ: смотри вверхъ лучше. Онъ смотритъ и видитъ, что звѣзды у него подъ руками и всѣ большія.

Ну, что видишь, спросилъ опять его незнакомецъ. Звѣзды у меня почти въ рукахъ, отвѣтилъ онъ. Возьми же одну скорѣе руками. Онъ сейчасъ взялъ звѣзду, сперва одною рукою, а послѣ и другою. Какъ-двумя то руками онъ взялъ звѣзду, незнакомецъ

вдругъ и не стало. Лопинъ остался у звѣзды висѣть и думаетъ: звѣзда у меня и въ рукахъ, но и съ ней опять горе. Вѣтеръ между тѣмъ его бросалъ со стороны въ сторону, а онъ все таки отъ звѣзды не отступается. Наконецъ его оторвало вмѣстѣ со звѣздой, и онъ полетѣлъ внизъ. Упалъ онъ съ высоты на мохъ и просѣлъ до половины туловища. Звѣзду онъ положилъ въ карманъ, а самъ сталъ стараться выйти изъ нѣ. Съ большимъ трудомъ онъ освободился и тогда пошелъ искать дороги. Шелъ онъ немало времени, и наконецъ услышалъ, что недалеко кричатъ люди. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ, что между собою дерутся три человѣка. Подошелъ къ нимъ и сказалъ: «что вы за люди и о чемъ спорите, чуть даже не деретесь».

— «Мы всѣ родные братья. У насъ нынѣ умеръ отецъ, и у него осталась одна шапка—капперъ. Вотъ ее то мы и не знаемъ, какъ раздѣлить. Каждому взятъ хочется, а другимъ—то ничего не останется. Очень сожалѣю, что вы изъ-за такой бездѣлицы спорите и даже чуть не деретесь».

— Да, легко тебѣ это говорить, когда ты не знаешь нашей шапки. Шапка-то не простая, а невидимка: кто одѣнетъ ее, того никто не увидитъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Эта шапка лучше всякаго богатства».

— «Нельзя ли посмотрѣть мнѣ, покажите пожалуйста, я вамъ буду очень благодаренъ».

Они согласились и принесли.

Онъ взялъ въ руки и сталъ разсматривать. Да, шапка дѣйствительно хороша, и сталъ поднимать себѣ на голову. Братья, видя это, сейчасъ сказали: нѣтъ не одѣвай себѣ, мы тебя не увидимъ.

«Ничего, не надолго можно примѣрить. Правду ли вы еще говорите, стоитъ ли и спору-то. Я только удостовѣрюсь въ справедливости вашихъ словъ и возвращу вамъ».

Не успѣлъ онъ одѣть, какъ его перестали видѣть, и онъ пошелъ далѣе путемъ-дорогою.

Братья послѣ этого еще болѣе заспорили, но наконецъ сказали: «Шапки теперь нѣтъ, перестанемъ же и спорить, потому что изъ троицъ изъ насъ теперь никому не завидно. Будемъ лучше жить по прежнему, согласно, и поблагодаримъ незнакомца, что онъ избавилъ насъ отъ непріятности. Быть можетъ, во время спору мы бы убили еще одинъ другого».

Лопинъ въ шапкѣ-невидимкѣ шелъ себѣ къ царю и никого не боялся. Зналъ теперь, что у него никто не отниметъ и звѣзды. Вдругъ онъ опять услышалъ крикъ и пошелъ посмотрѣть. Когда сталъ приближаться къ людямъ, шапку снялъ. Теперь онъ увидѣлъ, что дерутся три человѣка. Онъ опять спросилъ ихъ: «что вы за люди и зачѣмъ обижаете одинъ другого?»

— «Мы братья. У насъ былъ отецъ и теперь умеръ. У него остались одни только каньги *),—каммай, но каньги только непростые. Если ихъ поверотишь на лѣвую сторону, то они сами идутъ, или вѣрнѣе несутъ на себѣ человѣка».

— «Нельзя ли мнѣ ихъ посмотрѣть?» Братья принесли и стали показывать.

Лопинъ разматривалъ ихъ внимательно и хвалилъ. Они будучи польщены его словами, дали ему и помѣрить. Лишь только онъ одѣлъ ихъ, какъ въ то же время одѣлъ на себя шапку и пошелъ отъ нихъ далѣе съ благодарностью за простоту.

Братья еще поспорили между собою, но наконецъ и они помирились, подобно первымъ.

Лопинъ теперь продолжалъ свой путь очень скоро, и чрезъ нѣсколько времени опять услышалъ крикъ. Пошелъ на голосъ и увидѣлъ, что между собою ссорятся три человѣка. Онъ спросилъ ихъ: о чемъ вы спорите и что дѣлите между собою?

Мы братья и сейчасъ похоронили отца своего. Денегъ и имущества у него не осталось никакого. Остался у него только одинъ посохъ, — с о б ъ; посохъ этотъ непростой: если рукоятю поставить въ землю во время войны, тогда на той сторонѣ, гдѣ находится посохъ, не убьютъ ни одного человѣка, а непріятели всѣ умрутъ отъ моровой язвы. Онъ попросилъ посмотрѣть и, какъ только взялъ въ руки, сейчасъ же рукоятю поставилъ въ землю, и братья умерли. Онъ положилъ ихъ въ землю и пошелъ въ веселомъ расположеніи духа къ царю. Шелъ,

шелъ и дошелъ до большого красиваго домъ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полями и садами. Онъ сталъ ходить около дому, въ надеждѣ не увидитъ ли кого. Къ сожалѣнію, людей не видѣлъ, а видѣлъ только, что летаютъ разныя птицы, и гуляютъ по саду. Передъ вечеромъ пошелъ онъ въ домъ и, лишь только отворилъ двери, сейчасъ увидѣлъ толстую женщину. Она, увидавъ его, сказала: «вотъ мнѣ теперь будетъ праздникъ, хорошее мясо само пришло ко мнѣ».

— «Нѣтъ, любезная! на мое мясо лучше не надѣйся. Я уже хожу много, много времени, и у меня остались только кости да жилы. Будь лучше добра, и помоги моему горю: скажи, въ которой сторонѣ живетъ царь съ красавицею-дѣвицею».

— «Вотъ этого-то я уже не знаю. Сижу постоянно дома и мнѣ во всемъ помогаютъ птицы. Спрошу у нихъ». — Вышла она въ садъ, и птицы по ея знаку всѣ прилетѣли къ ней. Она спросила ихъ: гдѣ живетъ царь и красавица дѣвица. Птицы отвѣчали что не знаютъ, и прибавили, что нужно спросить у самой большой птицы — Куддаль, которая носитъ людей. Она, быть можетъ, знаетъ. Явилась наконецъ и эта птица, спросили у нея, но она не отвѣтила ничего. Хозяйка, видя ее упрямство, стала бить и такъ какъ она молчала, взяла ее въ избу и бросила на печь. Птицу ожидала тутъ настоящая смерть, и она сказала: отпустите меня съ печи, я скажу. Ее взяли оттуда и хозяйка сейчасъ же велѣла ей отнести Лопина къ царскому дворцу. Лопинъ поблагодарилъ хозяйку и сѣлъ на птицу. Птица поднялась высоко и понесла его чрезъ рѣки, озера и моря. Летѣла она долго, наконецъ захотѣла ѣсть, сказала Лопину: брось на мое платокъ и кусокъ сѣры. Лопинъ бросилъ, и образовался островъ — Суло. Здѣсь они отдохнули и закусили. На другой день опять утромъ рано полетѣли они и передъ вечеромъ увидѣли стадо коровъ. Птица опустила Лопина на землю, указала ему дорогу къ царю, а сама схватила быка и полетѣла съ нимъ обратно. Лопинъ вскорѣ пришелъ къ царскому дворцу, надѣлъ невидимку — шапку и пошелъ во дворецъ. Здѣсь онъ увидѣлъ много людей, ходилъ за ними и разсматривалъ вездѣ и все. Наконецъ прошелъ онъ въ комнату къ царской дочери. Она сидѣла и шила себѣ хорошее платье. Въ это время она попросила у служанки пить. Та принесла, а Лопинъ отрубилъ отъ звѣзды кусокъ и положилъ въ чашку, когда мимо него несли.

Царевна, взявъ въ руки чашку, увидѣла, что въ водѣ плаваетъ звѣзда. Она изумилась и поставила питье въ сторону. Попросила другую чашку, но и съ этой Лопинъ сдѣлалъ то же. Царевна опять пить не стала и задумалась. Думала, думала и наконецъ сказала: «кто здѣсь есть изъ постороннихъ, пусть покажется, наказанія не будетъ». Лопинъ снялъ шапку, и она его увидѣла. «Кто ты такой и за чѣмъ сюда пришелъ, расскажи подробно».

Лопинъ рассказалъ о себѣ все сначала до конца и спросилъ, гдѣ царь? мнѣ нужно явиться и къ нему.

Царевна сказала: «Къ сожалѣнію, его нѣтъ. Онъ уѣхалъ на войну, откуда и послучены сегодня извѣстія, что войска его всѣ разбиты. Едвали онъ живъ теперь и самъ, прибавила она съ слезами на глазахъ».

Спросилъ онъ еще, въ которой сторонѣ война, и узнавъ, сказалъ, что поидетъ на войну. Увижу я тамъ самъ, такъ ли дѣла плохи и не могу ли пособить.

Царевна стала его уговаривать и упрасивать, говоря, что теперь у ней вся надежда на него. Наконецъ, убѣдившись, что онъ не останется, стала и сама проситься съ нимъ. «Онъ уговаривалъ ее остаться и сказалъ: если я пойду, то возвращусь скоро, да и царь возвратится, а если нѣтъ, то съ нимъ можетъ случиться дѣйствительно несчастіе. Царевна наконецъ осталась, а онъ въ своихъ каньгахъ сейчасъ же явился на войну. Лишь только онъ поровнялся съ царемъ, какъ сейчасъ же посохъ поставилъ рукоятку въ землю.

По непріятелю немедленно прошла моровая язва и войска всѣ умерли. Царь, стоявшій на колѣняхъ, прослезился и возблагодарилъ Бога за спасеніе, и сталъ собираться къ отъѣзду во свояси.

Лопинъ, видя, что война кончилась счастливо, въ своихъ канѣгахъ поспѣшилъ къ царевнѣ, чтобы передать о случившемся. Пришелъ онъ во дворецъ и рассказалъ, какъ и отчего погибъ непріятель. Она поблагодарила его, и стали дожидать возвращенія царя. И вотъ, когда пронеслась вѣсть, что царь возвращается съ побѣдой, царевна и Лопинъ вышли его встрѣчать. Царь не успѣлъ еще увидѣть у царевны звѣзды, какъ она и Лопинъ стали просить благословенія на бракъ. Царь на радостяхъ сейчасъ же благословилъ ихъ и далъ пиръ на славу всѣмъ. Новобрачные стали жить да Бога славить. Вотъ и сказка вся.

(Записана со словъ М. Федотова).

Свящ. К. К. Щеколдинъ.

Прим. Въ почтенномъ трудѣ г. Н. Харузина Русскіе Лопари очерки прошлаго и современнаго быта. М. 1890. Стр. 462—470—помѣщены пять сказокъ, изъ коихъ четыре были сообщены О. К. Щеколдинымъ: 1) О царскомъ сынѣ, 2) Игрунъ-смѣльчакъ сынъ, 3) Московскій воръ, 4) что бываетъ съ скупыми на томъ свѣтѣ.—См. также Островскій Д. Н. Лопари и ихъ преданія. Изв. П. Р. Геогр. О. 1889. Вып. IV. Стр. 316—333.

Якутскія народныя повѣрья и сказки.

(Приложенія къ Этногр. Оч. Три года въ Якутской области).

Громъ, по понятію Якутовъ, служитъ знакомъ проявленія гнѣва боговъ, живущихъ на небѣ. Каждый разъ, какъ загремитъ громъ, духъ, жившій на небѣ, низвергается на землю за свое неповиновеніе.

Маленькіе пѣтушки (*Phalaropus rufescens* Bris.) много терпѣли отъ щуки-рыбы. Въ ясный день, бѣгая по отлогому берегу рѣки, они часто дѣлались добычею щукъ; не стало пѣтушкамъ житья отъ щукъ, и въ горѣ своемъ рѣшили они просить Ан-Тоёна (создателя) избавить ихъ отъ этой напасти. Спросили щукъ: зачѣмъ губятъ онѣ пѣтушковъ? Онѣ отвѣтили, что дѣлаютъ это по неволѣ, чтобъ удовлетворить голодъ. Ан-Тоёнъ приказалъ щукамъ оставить пѣтушковъ въ покоѣ, указавъ имъ воду, гдѣ много мелкой рыбы, а чтобы щуки не забыли этого велѣнія, положено, чтобы, когда пѣтушки будутъ подходить къ водѣ, быть грому, отъ котораго щуки и прячутся на дно рѣки.

Главныхъ вѣтровъ—четыре: сѣверный, южный, восточный и западный. Этими вѣтрами управляютъ четыре добрыхъ духа, приставленные охранять покой четырехъ сторонъ земли. Эти добрые духи ведутъ между собой сношенія чрезъ посредство подчиненныхъ имъ вѣтровъ. Цѣль сношеній—слѣдить за духами противными (недобрыми) и узнавать, что они дѣлаютъ на землѣ. Вѣтры промежуточные, т. е. СВ., ЮВ, ЮЗ и СЗ. исходятъ отъ демоновъ, живущихъ между собой не въ ладу; они всегда ссорятся между собой, дерутся и къ тому же склоняютъ между собой людей. Главный надъ этими духами живетъ въ сторонѣ, между сѣверомъ и западомъ, откуда лѣтомъ сылетъ на землю соль, т. е. градъ, и нагоняетъ холодный вѣтеръ. Чрезъ посредство промежуточныхъ вѣтровъ сносятся съ духами (злыми) шаманы и даже ведутъ съ ними войну. Гдѣ вѣтромъ повалено или поломано много лѣсу, тамъ дрались шаманы. Вихрь—это злой духъ, который въ злобѣ своей вьется и кружится. Однажды два шамана, поссорившись между собой, условились подраться. Мѣстомъ драки назначенъ былъ Верхоянскій хребетъ; одинъ изъ нихъ жилъ недалеко отъ Якутска, а другой на р. Алданѣ, и разстояніе между ними было до 350 верстъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для поединка, оба шамана вышли изъ своихъ юртъ и оборотившись вихремъ полетѣли черезъ рѣки, лѣса и горы прямо къ Верхоянскому хребту; гдѣ они пролетали, тамъ оставался за ними слѣдъ, тамъ повсюду на горахъ и долахъ валился лѣсъ. На разсвѣтѣ назначеннаго дня прилетѣли они на Верхоянскій хребетъ и, отдохнувъ немного, начали драку. Дрались они долго, передомали весь лѣсъ на хребтѣ, изрыли тамъ земли и переворочали камни всѣ и только, когда выбились изъ силъ, перестали драться. Съ того-то времени и до сихъ поръ много поваленаго лѣсу лежитъ на Верхоянскомъ хребтѣ.

Прежде, давно, на землѣ была только одна плотоядная птица, по названію „Сарай“. Птица эта была огромной величины; она много пожирала на землѣ, и маленькіе тварягъ вовсе не было житья отъ нея, все трепетало ея. Не силенъ ли медвѣдь и не хитра ли лисица, однакожъ и они ея боялись и часто, когда она была близко, имъ приходилось голодать. Нужда заставила ихъ искать средства: всѣ звѣри, большіе и малые, собравшись на общій сугланъ (сходъ), или совѣтъ, единодушно положили просить Ан-Тоёна ¹⁾ избавить ихъ отъ этого страшнаго хищника. Просьба ихъ была уважена: изъ—ог-

¹⁾ Господа Бога.

ромной птицы Сарай сдѣлано было пятнадцать разныхъ плотоядныхъ птицъ; крупные звѣри совѣмъ избавились отъ ужасной птицы,—за то мелкимъ стало доставаться больше прежняго: ихъ стали истреблять и хищныя птицы, и крупные звѣри.

Аль-Ютъ итчитя—духъ огня.

До прихода Тунгусовъ, потѣснившихъ Якутовъ ближе къ сѣверному морю (южному море—Байкаль), Якуты не думали, чтобы кромѣ нихъ еще жили люди на землѣ. У верховьевъ Лены—начало земли, а у истоковъ ея—земля склоняется: тамъ конецъ. Сначала люди, т. е. Якуты, не знали огня, ѣли все сырое и много терпѣли отъ стужи, пока добрые духи не умудрили одного изъ нихъ добыть огня изъ камня и совершенно неожиданно. Вотъ это какъ было: въ лѣтній жаркій день бродилъ старикъ по горамъ и, присѣвъ отдохнуть отъ нечего дѣлать сталъ, бить камень о камень; отъ удара посыпались искры, зажгли сухую траву, а за нею и сухія вѣтви. Огонь распространился, и люди со всѣхъ сторонъ сбѣжались смотрѣть невиданное чудо; чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился огонь и привлекъ всѣхъ въ трепетъ и ужасъ, но къ счастью полилась сверху вода и загасила огонь. Съ этого времени Якуты научились добывать огонь и тушить его. Огню, какъ могущественной силѣ, поклоняются люди (Якуты); при принесеніи жертвы какому бы то ни было духу огню приносятъ прежде всего, и непременно отъ всякой пищи Якутъ плеснуть ложку въ огонь; ему бросаютъ отъ перваго весенняго кумыса, его вездѣ величаютъ Аль-Удътъ.

О чествованіи огня много разсказовъ. Такъ разъ Маркатанъ (Маркъ), ѣдучи къ тестю своему, заѣхалъ по дорогѣ къ своему знакомому Бахылау (Василію). Гостя нужно всегда угостить, а если у хозяина нѣтъ ничего, то хотя покурить трубочку или понюхать табачку, а тутъ дали поужинать. Маркатанъ удивился, что, готовя пищу, хозяйка, противъ общаго обыкновенія, не сплескивала въ огонь изъ котелка, а потому отъ себя почтилъ огонь, сплеснувъ ему ложку изъ поданной на столъ чашки. Поужинавъ легли спать. Ночью Маркатанъ пробудился и сквозь тлѣющій слабый свѣтъ разглядѣлъ, что на шесткѣ камина сидитъ мальчикъ сухой и тонкій, а когда Маркатанъ сталъ пристально всматриваться, то услышалъ тихую жалобу на хозяйина юрты: „Я исхудалъ здѣсь, никто мнѣ не даетъ ѣсть, я всегда голодный, и ты первый далъ мнѣ ложку камня. Я сдѣлаю тебѣ за это добро, слушай меня: уѣзжай отсюда скорѣе. ты увидишь, что здѣсь случится“. Маркатанъ почувствовалъ отъ страха дрожь во всемъ тѣлѣ и, скоро собравшись, уѣхалъ не простясь съ хозяйномъ. Отѣхавъ отъ юрты, Маркатанъ оглянулся: юрта Бахылая пылала вся въ огнѣ. У Моппея (Матвѣя) Коршука было всегдашнимъ обыкновеніемъ изъ варящейся пищи удѣлять что нибудь огню; оттого онъ всегда жилъ хорошо: его коровы телились раньше другихъ, сметана была гуще и масло—вкуснѣе. Старый Пайбалъ (Павелъ) также жилъ богато, а все оттого, что не забывалъ Аль-Юдъа и приносилъ ему жертву. Аль-Ютъ итчитя всегда подметалъ у него дворъ, убиралъ помѣть въ хотонахъ (хлѣбахъ), ходилъ за его телатами и жеребяти и залеталъ лошадямъ гривы; часто выдали маленькаго старичка съ метлой въ рукѣ: онъ ходилъ по двору и подчищалъ грязь лопатой, выбрасывалъ въ окно хотона скотскій помѣтъ, а когда, подонвши коровъ, разольютъ молоко по тунсамъ (берестяныя ведра) и поставятъ въ ледникъ, а сами послѣ трудовъ уснутъ, старичекъ отправляется въ погребъ и передливаетъ молоко изъ одной посуды въ другую, отчего, по увѣренію Пайбала, у него были сливки гуще, чѣмъ у другихъ и вкуснѣе. Уйбанъ (Иванъ) Чуча ѣхалъ разъ изъ города (конечно Якутска) домой, застигла его буря (шурга) и онъ заѣхалъ переночевать въ ближайшую юрту. Снявъ сумы и сѣда, подложивъ себѣ подъ голову, скоро заснулъ; видитъ во снѣ, что сѣдой старикъ прохаживается по юртѣ взадъ и впередъ и, подошедши къ Уйбану, сказалъ: Я перейду жить къ тебѣ! При этихъ словахъ въ сумѣ подъ головой что-то зашевелилось. Уйбанъ проснулся и вскочилъ съ своей постели: изъ сумы выбѣжала мышь и, испугавшись въ

свою очередь Уйбана, снова бросилась въ суму. Уйбанъ понялъ, что въ образѣ мыши былъ духъ, который обѣщался перейти къ нему на жительство; всю ночь просидѣлъ Уйбанъ, скорчившись, посреди юрты, боясь пошевелиться, а когда проснулись хозяева, Уйбанъ сталъ смѣлѣе, началъ даже покашливать и совсѣмъ забылъ, что ему хочется спать. Когда всѣ встали съ своихъ постелей, Уйбанъ вытащилъ суму на середину юрты, выложилъ изъ нея все, что въ ней было—онъ хотѣлъ выбросить и мышь, но въ сумѣ нашлось только свои вещи; онъ сложилъ ихъ обратно, и, не дождавшись завтрака, уѣхалъ домой. Къ вечеру онъ пріѣхалъ домой, вошелъ въ юрту, положилъ суму на свой оронъ (постель), а самъ подсѣлъ къ камину. Вскорѣ сума зашевелилась, и преогромная мышь выѣзла изъ нея и поспѣшно ушла подъ каминъ. Спустя нѣкоторое время Уйбанъ услышалъ, что юрта, въ которой онъ ночевалъ, стоитъ пустою: хозяинъ оставилъ ее, потому что какъ ни старался развести огонь въ каминѣ, онъ всегда угасалъ.

Сказка о могучемъ богатырѣ Кись-Саняхъ и о сынѣ его Бардамъ-Саналахъ.

Не на небѣ и не на нашей бѣдной землѣ, а въ среднемъ между небомъ и землею благодатномъ краю, гдѣ вѣчное лѣто и день, гдѣ солнце ни на минуту не прячется за причудливые хребты, гдѣ не бываетъ холода и вода не мерзнетъ и не убываетъ, гдѣ люди живутъ не старѣясь и не умирая, гдѣ о трудѣ и горѣ знаютъ только по наслышкѣ, жилъ давно человѣкъ, по имени Кись-Саняхъ; богатство у него было такое, что ни вамъ, ни мнѣ и во снѣ не видать, а жена его, дочь великаго господина, обладателя средней поднебесной страны, была такой неописанной красоты, какой на землѣ у насъ нѣтъ. Кись-Саняхъ въ приданое за женой получилъ дерево такое высокое и вѣтвистое, что вѣтви его бросали тѣнь на такое пространство, что весь скотъ его въ полдневный зной сходилъ подъ его тѣнь, а на вѣтви слетались всѣ поднебесныя птицы. Домъ у него былъ такой большой и крѣпкій, что ни вихорь, ни пурга, ни время не могли повредить ему, а двери входныя были столь тяжелы и велики, что восемьдесятъ человѣкъ едва могли отворять ее, да и самъ Кись-Саняхъ былъ молодецъ не въ нашу мѣру, и восемьдесятъ такихъ, какъ мы, врядъ-ли справились бы съ нимъ. Скота у Кись-Саняха было столько, что онъ, побывавъ одинъ разъ на нашей землѣ въ осеннюю звѣздную ночь подумалъ: звѣздъ ли надо мною больше, или у меня скота? Казалось бы, можно было жить безъ печали и горя и страха, но и Кись-Саняхъ былъ человѣкъ и имѣлъ свое горе и чувствовалъ страхъ. Онъ слышалъ, что на нашей бѣдной землѣ бываютъ такіе нахалы, что часто берутъ не свое и ходятъ въ гости незваными. Причиною страха была молодая его жена—чудо красоты. Боялся онъ, чтобы кто-нибудь не похитилъ ее, чтобы взоръ какого либо нахала не упалъ на его божество и не осквернилъ его. Онъ чувствовалъ, что если кто посторонній проникнетъ въ его жилище, то ждать ему горя и несчастій. Ревность и страхъ потерять свое сокровище не давали ему покоя ни днемъ ни ночью; онъ никогда не снималъ своей собольей шубы, не выпускалъ изъ рукъ своей тяжелой трости, всегда былъ вооруженъ съ ногъ до головы и приготовленъ ко всякой случайности. Чего онъ страшился, то скорѣе и случилось. Одинъ богатырь-волшебникъ, родомъ съ нашей земли, по имени Хара-Чогой, невидавшій никогда себѣ равнаго въ бою, услышалъ о богатствѣ, славіи и о красавицѣ женѣ Кись-Саняха и вздумалъ вавѣдать его. Вздумано—сдѣлано. Обратившись въ ворона, съ страшнымъ шумомъ и свистомъ полетѣлъ онъ къ жилищу Кись-Саняха. Прилетѣвъ, опустился на золотую поскотину, да такъ тяжело, что поскотина, какъ ни крѣпка была она, съ трескомъ обрушилась подъ тяжестью нежданнаго гостя. Воронъ посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: поднялась страшная пурга, нанесло отовсюду горы снѣга и града на владѣнія Кись-Саняха; всю землю и деревья покрыло ледянымъ покровомъ; третья часть всего скота Кись-Саняха была обѣдомъ страшному ворону. Кись-Саняхъ въ это время спалъ. Онъ имѣлъ привычку спать подъ рядъ трое стукотъ, а вы-

спавшись не спалъ втрое больше. Отъ шума и стука на дворѣ содрогнулась жена Кисъ-Саныха и вышла изъ юрты узнать, что тамъ дѣлается, и видить небывалое чудо: земля и деревья погребены снѣгомъ; обломки золотой поскотины лежать по сторонамъ, а скотъ безо всякой пощадъ пожираетъ страшный воронъ. Увидавъ ее, воронъ проговорилъ: „Пошли сюда своего мужа, у меня къ нему есть дѣло, да посылай поскорѣе, я ждать долго непривыкъ“. — Господинъ мой, воронъ сизочерный, говоритъ жена Кисъ-Саныха, смилуйся, не погуби: мужъ мой не зналъ, что ты будешь нашимъ дорогимъ гостемъ и ушелъ на промыселъ въ сѣверную сторону. Услышавъ это, воронъ, словно черная туча поднялся съ поскотины и полетѣлъ въ указанную сторону искать Кисъ-Саныха, но сколько ни леталъ, сколько ни искалъ, конечно его найти не могъ. Съ немалой досадою прилетѣлъ онъ назадъ и пожралъ вторую треть скота Кисъ-Саныха. Ахъ, ты негодная! вздумала обманывать меня и скрывать мужа! погоди, я найду его, а ужъ тебѣ, милая, непременно возьму къ себѣ, ты знай это! — выкрикиваетъ ей съ поля воронъ. Со страхомъ опять выбѣгаетъ къ нему жена Кисъ-Саныха и снова говоритъ ему: Не прогнѣвайся, господинъ сизо-черный воронъ, какъ ты отлетѣлъ, то мужъ возвратился съ охоты, но потомъ опять ушелъ и теперь въ южную сторону. Услышавъ это, воронъ снова полетѣлъ искать Кисъ-Саныха; леталъ, леталъ и снова возвратился ни съ чѣмъ назадъ; и послѣдняя часть скота стала жертвою его прожорливости. Позавтракавъ, воронъ снова улетѣлъ на поиски. Къ тому времени пробудился Кисъ-Саныхъ я, когда рассказала ему жена о случившемся, онъ страшно испугался и сказалъ: „Зачѣмъ ты не разбудила меня ранѣе? видно, пришло время принимать въ себѣ гостя незваннаго!“ Жена наскоро приготовила ему пищу на дорогу, увязала ее, и Кисъ-Саныхъ, попрощавшись съ женою, сѣлъ на коня и поѣхалъ на встрѣчу страшному ворону, по дорогѣ къ четыремъ горамъ. Вскорѣ страшный воронъ опять возвратился, и пуще прежняго горитъ злобой его глаза, пуще прежняго сжимаетъ онъ свои желѣзные когти. Не нашедши хозяина дома, въ третій разъ пустился искать его. Въ это время жена Кисъ-Саныха была беременна и ходила на послѣднемъ мѣсяцѣ. Отдавъ мужу все, что имѣла, она осталась ни съ чѣмъ: ей нечего было поѣсть, скотъ былъ съѣденъ ворономъ или погибъ отъ бури; между тѣмъ голодъ мучилъ ее. Въ раздумѣ вышла она на дворъ и жалобно взмолилась роднымъ своимъ, отцу и матери: „ахъ, родные мои, дорогіе, смилуйтесь надо мной, бѣдною сиротою! Былъ у меня мужъ, теперь навѣрное его не стало; былъ у насъ, скотъ, и было и богатство, но все истребилъ страшный воронъ! Я не знаю, что сдѣлалось теперь съ бѣднымъ мужемъ моимъ: его вѣроятно тоже загубилъ этотъ ужасный воронъ; и поѣсть-то мнѣ нечего; сама хожу беременная! Вспомните меня милые, вспомните — я вамъ родная!“ Послѣ того, долго-ли, коротко-ли, но все таки кажется въ тотъ же день много было хлопотъ и возни въ средней странѣ, на третьемъ ли небѣ, или между седьмымъ небомъ и землею; надъ жилищемъ Кисъ-Саныха скопилось много облаковъ, и вдругъ на полѣ появилось множество коннаго и рогатаго скота; засвѣтило по-прежнему солнце; снова поля зазеленѣли и зацвѣли, птички по-прежнему стали распѣвать свои беззаботныя пѣсни. Жена Кисъ-Саныха разбогатѣла пуще прежняго; послѣ этого она въ скорости родила сына и назвала его Бардамъ-Саналахъ. Мальчикъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и къ году сталъ уже сильнымъ и цвѣтущимъ юношей. Сынъ сталъ спрашивать мать, гдѣ его отецъ и кто онъ такой, какъ его зовутъ? Мать сначала не хотѣла рассказывать сыну исторію отца, но потомъ, уступая его просьбамъ, повѣдала ему свое горе, сказала и то, какъ раззорилъ ихъ страшный воронъ и какъ родные благословили ее снова богатствомъ. Тогда сынъ выпросилъ у матери лучшую лошадь, осѣдлалъ, поѣздилъ на ней, а потомъ сообщилъ матери, что онъ ѣдетъ искать отца. Сколько ни упрашивала его мать не ѣздить, сколько ни плакала, ни умоляла, юный богатырь не отступилъ отъ своего намѣренія и поѣхалъ искать отца прямо къ четыремъ горамъ.

Подѣзжая, онъ увидѣлъ, какъ около одной изъ горъ леталъ страшный воронъ, гоняясь за какимъ-то старикомъ. Бардамъ-Саналахъ догадался, что старикъ нѣкто другой, какъ его отецъ, а воронъ — богатырь волшебникъ Хара-Чогой. Онъ спустился съ коня и закричалъ ворону: „Эй, ты, братецъ, молодецъ удалый! Какая тебѣ будетъ слава,

если ты одолѣешь этого усталого старика? То-ли дѣло тебѣ со мной силой помѣряться, я противъ этого старика и помоложе и посильнѣе! Такая дерзость взбѣсила ворона, и онъ рѣшилъ наказать молокососа. Хорошо, сказалъ воронѣ, вотъ я не много отдохну, а потомъ попробуешь, такъ-ли ты силенъ, какъ сказываешь. Воронѣ далъ себѣ раздыхъ. Между тѣмъ старикъ благодарилъ своего избавителя, не зная того, что это былъ его сынъ, и общалъ ему въ награду половину всего своего имѣнія. Воронѣ, отдохнувъ, началъ бой: въ воздухѣ поднялась пыль такимъ густымъ облакомъ, что неба не было видно, а отъ шума и грома по всей землѣ (якутской) гулъ стоялъ. Долго дрались противники безъ перевѣса на чью либо сторону, наконецъ изнемогли и оба повалились на землю. Тогда Бардамъ-Саналахъ, отчаявшись въ побѣдѣ, обратился къ небу, заговъ: „Мой славный дѣдъ, что живешь въ средней странѣ, помоги мнѣ побѣдить ужаснаго злодѣя, брось съ неба въ пасть этого обжоры копые твое и тѣмъ, ты избавишь меня отъ страшнаго позора, а можетъ быть и отъ смерти!“ Едва допѣлъ онъ, какъ раздвинулось небо и копые, блестя молніей, упало прямо въ пасть задыхающагося отъ злобы ворона, который вскорѣ же и издохъ. Бардамъ Саналахъ сжегъ трупъ его, причеми отъ огня ускользнулъ блескъ вороновыхъ глазъ, сверкнувъ въ сторону, словно молнія. Сложивъ свое копые въ сумку (оно было складное), юный побѣдитель отправился домой. Отъѣхавъ немного, онъ увидѣлъ юрту, которой раньше не видалъ, и очень тому дивился. Онъ подошелъ къ юртѣ, заглянувъ въ щель—въ ней никого не было, пусто. Отпустивъ лошадь на траву, Бардамъ-Саналахъ спрятался въ кусты и караулилъ, кто придетъ въ юрту. Полежалъ онъ часть, другой, какъ вдругъ изъ разщелины горы выбѣжала очень быстро огромная крыса, которая, добѣжавъ до избушки, обратилась въ старуху и вошла въ юрту. Снова подкрался къ окну Бардамъ-Саналахъ и видитъ, что старуха кого-то нянчить, припѣвая: „ба, бая, ба, бай, что мигъ, то годъ, что мигъ, то годъ! Пять годовъ—пять вѣковъ!“ Сразу понялъ юноша, кого нянчила старая вѣдьма, и обратившись въ нишаго, вошелъ въ юрту; старуха нянчила ребенка, а блескъ глазъ его сразу напомнилъ богатырю страшнаго ворона. Старуха узнала вошедшаго и сказала ему: Судьба послала тебя побить нашъ родъ! я сестра главнаго богатыря Хара-Чогой, котораго умертвило копые твоего дѣда, но я дамъ тебѣ выкупъ за себя и за этого малютку; согласенъ ли ты на это?—Пожалуй, отвѣтилъ Бардамъ-Саналахъ, я не прочь, но какой выкупъ предложишь ты мнѣ?—„Такой выкупъ, отвѣтила старуха, какой тебѣ и во снѣ не снился, и, говорю напередъ, будешь имъ доволенъ. Вотъ тебѣ шелковый шарикъ: брось его передъ собой, и куда онъ покатится, туда и поѣзжай, а время и обстоятельства укажутъ тебѣ, что надо тебѣ дѣлать. Знай: камнемъ желѣзо сотрешь, а меня съ бою не возьмешь; смотри, не думай предлагать мнѣ условій, я ихъ не люблю; я сама властная госпожа и надо мной нѣтъ никакого владыки. Бардамъ-Саналахъ взглянулъ въ сверкающіе глаза старухи и, молча взявъ изъ ея рукъ клубокъ, поклонился и вышелъ. Сѣвъ на коня, онъ бросилъ впередъ свой клубокъ и поѣхалъ за покотившимся шарикомъ. Ыхалъ онъ долго и наконецъ видитъ передъ собой палаты изъ чистаго серебра; шарикъ, докатившись, исчезъ въ дверяхъ этого дворца. Богатырь подошелъ къ сѣнямъ, огромный засовъ дверей самъ отодвинулся передъ нимъ, и дверь раскрылась настежь. Вошелъ онъ въ палаты и видитъ: на мягкихъ соболихъ шкуркахъ сидятъ старикъ и старуха, сѣдые какъ снѣгъ. Лишь только вошелъ богатырь, какъ хозяева встали съ мѣстъ, поклонились ему и просили садиться: „Счастливаго пріѣзда, мой дорогой зятекъ, суженый нашей дочери! давно мы тебя поджидали!“ Спусти нѣкоторое время, провели его въ особое помѣщеніе, усадили на соболе съядьне, угощали жирнымъ конскимъ мясомъ, поили лучшимъ кумысомъ; затѣмъ подвели къ нему свою дочь и сказали: „Судьба назначила васъ однимъ для другого, живите счастливо и любовно!“ Дѣвица была чудомъ ума и красоты, и богатырь, увидавъ ея, полюбилъ сразу и тутъ же согласился жениться на ней. Начался пиръ, по обыкновенію: въ то время Якуты не знали вина и пили кумысъ съ масломъ, который приготавливали лучше, чѣмъ мы теперь. Послѣ совершившагося такимъ образомъ бракосочетанія тестъ сказалъ зятю: „Дорогой зять, я знаю, у тебя живы отецъ и мать, они не знаютъ, что ты живъ и здоровъ и даже женатъ; несомнѣнно они очень обрадуются, увидавъ тебя съ молодой женой; я отдамъ вамъ половину всего моего имѣнія, возьмите его и поѣзъ-

жайте благополучно обрадовать родителей твоихъ, которые думаютъ, что тебя погубилъ страшный воронъ, а вышло на оборотъ, недаромъ говорить пословица: отъ бѣды пожива бываетъ (аджархайтанъ аль тахсаръ); сестра ворона указала тебѣ насъ и твою жену“. Съ красавицей женой и полученнымъ богатствомъ поѣхалъ нашъ богатырь въ отчий домъ. Старикъ-отецъ, завидѣвъ приближающихся гостей, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и не узналъ своего сына. Богатырь сказалъ ему: Я тотъ, кому ты обѣщалъ половину твоего имѣнія, когда я избавилъ тебя отъ когтей ворона. Тогда старикъ едва привелъ себя на память и наконецъ вспомнилъ, что дѣйствительно какой-то молодецъ спасъ его отъ неизбежной гибели. Хотя старикъ и слышалъ отъ жены, что у нихъ былъ сынъ, но такъ какъ времени съ тѣхъ поръ прошло много и сынъ не возвращался, то съ теченіемъ времени и самая память объ этомъ обстоятельстве изгладилась изъ памяти и теперь едва онъ могъ припомнить, что дѣйствительно кто-то, когда-то спасъ его, но о томъ, что у него былъ сынъ, вспомнить не могъ. Старикъ позвалъ въ домъ гостей, а старуха, выйдя посмотрѣть, кто гости, узнала сына и на радостяхъ устроила пиръ на славу. Долго пили жирный кумысъ и ѣли вкусное и сочное конское мясо. Съ тѣхъ поръ молодые и старики зажили спокойно и счастливо.

Эрйдахъ Буруйдахъ Эр Соготохъ.

Съ седьмого неба былъ сотворенъ Якутъ, который жилъ на землѣ; у него была огромная юрта; за обѣдомъ и ужиномъ онъ ѣлъ по три кобылы, которыхъ варилъ въ громадномъ котлѣ; онъ былъ необыкновеннаго роста и силы—его звали Эрйдахъ Буруйдахъ Эр Соготохъ. Оружіемъ его были: лукъ, сдѣланный кузнецами, живущими за девятью морями, (эти кузнецы звались чѣмчѣрюкныи кырбытанъ и работали его девять сутокъ); стрѣла этого лука имѣла свойство убивать все, что было впереди на разстояніи семи ночлеговъ; 90-пудовая булава или кистень и огромный мечъ (батасъ), самой красивой работы, съ искусно отполированнымъ клинкомъ, довершали вооруженіе. Эр Соготохъ былъ увѣренъ, что если бы 38 родовъ чертей, живущихъ въ аду, вздумали бороться съ нимъ, то онъ всѣхъ ихъ раскрошилъ бы, какъ мухъ. Одинаково мощнымъ считалъ онъ себя и противъ 28 родовъ небожителей. Жилъ Эр Соготохъ одинъ, никого изъ людей не видалъ; богатство его было громадно и состояло изъ скота и пушныхъ звѣрей. Однажды, вставъ утромъ, онъ одѣлся, умылся, сѣлъ на своего вороного коня и поѣхалъ осматривать свой скотъ. Ъхавши, увидалъ онъ впереди себя саврасаго коня огромнаго роста, дыханіе котораго обхватывало пламенемъ все, что было передъ нимъ; на конѣ, сидѣлъ осьмигранный желѣзный чортъ; голова его была величиной равна десяти стогамъ сѣна сложеннымъ вмѣстѣ; носъ былъ желѣзный въ 3½ сажени длины; когти на рукахъ были тоже желѣзные и были по три четверти длины каждый. Одѣтъ былъ великанъ этотъ весь въ желѣзо, почему можно было принять его за желѣзнаго человѣка. Увидавъ такого страннаго великана, Эр Соготохъ и радъ былъ встрѣтить себя соперника, и вмѣстѣ съ тѣмъ злое чувство поднялось въ его сердцѣ; онъ поспекалъ къ нему и, поровнявшись, заплѣлъ: „Хотя ты осьмигранный чортъ, но слушай, что скажетъ тебѣ мое серебряное горло: откуда ты, какъ зовутъ тебя, кто твои предки и зачѣмъ ты заѣхалъ сюда“? Какъ только Якутъ Эр Соготохъ выговорилъ это, желѣзный великанъ сошелъ съ своего коня, имѣя въ рукахъ мечъ, и, довольно близко подойдя къ Соготоху, заплѣлъ: До моей родины можно доѣхать въ три вѣка, а путь лежитъ на край свѣта, черезъ девять морей, за огненнымъ моремъ. Отецъ мой—духъ огненного моря—Уотъ-осаръ-тоенъ, а меня зовутъ Тимиръ Уоранъ-Бухатырь. Я пріѣхалъ къ тебѣ попробовать твою силу, убить тебя и думаю, что я тебѣ равный другъ (т. е. такой же богатырь, съ которымъ тебѣ не стыдно сразиться). Эр Соготохъ выхватилъ свой мечъ, ударилъ имъ дьявола по головѣ и сказалъ— „На, вотъ, другъ, посмотри мою силу и ловкость“. Началась драка, продолжавшаяся девять сутокъ, и никто изъ нихъ не могъ считать себя

побѣдителемъ. Тогда дьяволъ сѣлъ на своего коня и сказалъ Якуту: „Ну, попробуй догнать меня, неужели ты не рѣшишься гнаться за мной? Якутъ погнался за нимъ, не зная, куда ѣдетъ; наконецъ разглядѣлъ, что ѣдетъ уже за предѣлами своей родины, гдѣ девять небосклоновъ сходятся съ землей, а съ западной стороны протекало огненное море. Доѣхавъ до этого моря, дьяволъ остановилъ своего коня и сказалъ Якуту: „ты теперь очень далеко отъ своего дома; если воротишься домой, то я всёми буду расказывать про твою трусость, расказу всему небесному улусу, передамъ на смѣхъ всему потомству. Ну, теперь смотри, какъ я поѣду“. Сказавъ это, дьяволъ бросился въ огненное море, а Якутъ, не отставая, полетѣлъ за нимъ. Три дня плылъ онъ по огненному морю, не было ни копча, ни краю его; пламя обхватывало всю его одежду и коня, такъ что на немъ сгорѣла вся одежда, а на конѣ вся шерсть. Наконецъ волной выбросило его на берегъ едва живаго, такъ что онъ не могъ ни встать, ни сдѣлать. Тогда онъ обратился къ небу и сталъ звать на помощь духа Сотворителя. На небѣ появилось бѣлое облако, грянутъ громъ, послѣ чего показалась сидящая на облакѣ шаманка, которая, спускаясь надъ нимъ, заплѣла: „Сотворившій тебя отецъ услышалъ просьбу твою; ты сотворенъ былъ въ давнопрошедшія времена на небѣ Ан-Тоён'омъ, сотворившимъ и всёхъ насъ. Я—шаманка, воскрешаю умершихъ, исцѣляю больныхъ; меня зовутъ Анъ Тюсюльгю Удаганъ. Отецъ твой посылаетъ тебѣ свое благословеніе на побѣду враговъ и на смерть Тимирь Урана. Вѣсть о твоёмъ спасеніи сообщаю тебѣ!“ и съ этими словами полетѣла обратно на небо.

Соготохъ немедленно почувствовалъ себя здоровымъ, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ за Тимирь Ураномъ на западъ; доѣхавъ до конца земли, гдѣ начинается дорога въ адъ, онъ, по причинѣ всегдашнихъ сумерекъ въ той сторонѣ, не могъ ничего разсмотрѣть. Люди тамъ были одноногіе, съ одной рукой на груди и однимъ глазомъ во лбу. Доѣхавъ до этого мѣста, Тимирь Уранъ скрылся изъ глазъ Соготоха, а люди его въ несметномъ количествѣ напали на Соготоха и били его семь сутокъ, и Соготохъ защищался противъ нихъ своей саблей; освободившись отъ нихъ, онъ продолжалъ свой путь на западъ и доѣхавъ до каменнаго дома, оборотился громаднымъ быкомъ, длиною въ 70 сажень, съ рогами въ 30 сажень и легъ у порога этого дома. На девятомъ мѣсяцѣ этого лежанья вышла изъ дому старуха Тимирь Бягидянь, съ семью горбами на спинѣ, съ однимъ глазомъ на лбу, съ саженымъ желѣзнымъ носомъ, съ одной рукой на груди, снабженной аршинными желѣзными когтями. Старуха, увидавши быка, стала скакать вокругъ него и заплѣла: „Ты скажи, бычекъ, откуда ты пришелъ; если бы съ неба спустился, былъ бы на тебѣ снѣгъ; если бы ты вышелъ изъ земли, былъ бы ты въ пыли. Я спала 9 мѣсяцевъ, и на счастье моего желудка богъ послалъ мнѣ тебя, и теперь мнѣ голодной будетъ чѣмъ позавтракать“. Какъ только старуха кончила эти слова, быкъ подхватилъ ее на рога, и началась драка: старуха защищалась носомъ и когтями. Дрались они 9 мѣсяцевъ, у быка не стало ни роговъ, ни шкуры и побѣда клонилась уже на сторону старухи, но быкъ сбросилъ съ себя остатки своей шкуры и сталъ опять тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, Соготохомъ, и, остановившись передъ старухой, заплѣлъ: „Дочь ада, слушай, что скажу тебѣ: меня зовутъ Эрийдакъ Буруйдакъ Эр Соготохъ. Я ищу богатыхъ Тимирь Урана, котораго, я знаю, ты спрятали, и, если ты мнѣ не выдашь его, то я тебя убью“. На это Тимирь Бягидянь вскричала такъ громко, что треснули горы: „Я теперь поняла, зачѣмъ ты лежалъ у моего порога девять мѣсяцевъ; я знаю, гдѣ Тимирь Уранъ, но пока будутъ цѣлы мои кости, я не выдамъ тебѣ его“. Снова началась жестокая борьба, и побѣда уже склонялась на сторону Якута, какъ старуха остановила его: „Дай мнѣ немного отдохнуть, и тебѣ скажу всю правду. Тимирь Уранъ проѣхалъ здѣсь три года тому назадъ; его домъ отсюда на югъ, за девятью морями, на концѣ земли тамъ, гдѣ живутъ Якуты, но не тѣ, которыхъ ты знаешь; тамъ живутъ Хонгорунъ Хотой Вюрю Тосенъ и его жена Кюнъ Тюсюльгю Хотунъ; у нихъ дочь—шаманка Сырдыкъ Сыралыма; она пожелала выйти за тебя за мужъ и потому послала за тобой Тимирь Урана, чтобы или заманить тебя къ ней, или привезти насильно“. Когда она кончила эти слова, онъ бросилъ ей свою шкуру, и она обратилась въ 70-ти саженнаго быка. Эр Соготохъ сѣлъ

на него верхомъ и поѣхалъ на югъ. На девятый день доѣхали они до страны, гдѣ жилъ Хонгоруиъ Хотой; Соготохъ спустился съ быка, который, проглотивъ сразу 270 коровъ, отправился назадъ. Затѣмъ Соготохъ направился къ дубу, стоявшему на громадномъ бугрѣ, отрубилъ 9 главныхъ сучковъ, разложилъ 9 костровъ, поймалъ 9 кобылицъ, которыхъ изжарилъ на 9-ти рожнахъ и съѣлъ всѣхъ разомъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Хонгоруна Хотоя, то послѣдній сказалъ: „Я думалъ, что Эръ Соготохъ—Якутъ, а онъ дьяволъ, и пріѣхалъ раззорить меня. Девять дѣвъ и девять юношей, приготовляйтесь, садитесь всѣ на бѣлыхъ лошадей, отправляйтесь къ нему и просите его ко мнѣ“. Они пріѣхали къ Соготоху и такъ обратились къ нему: „Господинъ нашъ, мы пріѣхали просить тебя пріѣхать къ нашему отцу и матери, которые этого желаютъ“. Услыхавъ это, Эръ Соготохъ сильно закричалъ на нихъ и, схвативъ свою саблю, гналъ ихъ 7 верстъ, а возвратившись назадъ, онъ опять изжарилъ 9 кобылъ и, съѣвъ ихъ, легъ спать. Посланные, возвратясь къ Хонгоруиу Хотоя, рассказали про все, что они видѣли и испытали и высказали при этомъ свое мнѣніе, что Эръ Соготохъ не человѣкъ, а дьяволъ. Хонгоруиъ Хотой имѣлъ двухъ сыновей-богатырей: перваго звали Хороджай-бяргиянь, а втораго—Хомусъ Уланъ Аттахъ Хомустаи Бяргиянь. Они, услыхавъ про поступокъ Соготоха, стали снаряжаться къ бою изготовившись, поѣхали къ Соготоху. Старшій заплѣлъ: „Я ожидалъ видѣть въ тебѣ хорошаго человѣка, а ты пріѣхалъ насъ раззорять; я тебѣ равный, и мы помѣряемся силой“. Началась драка и продолжалась девять сутокъ, безъ перевѣса на чей либо сторонѣ. Тогда дочь Хонгоруиъ Хотоя—шаманка Сырдыкъ Сыралыма сѣла на облако и стала умолять прекратить драку: „Эръ Соготохъ, послушай словъ любящей тебя: оставь драку! того же желаютъ и родители мои“. Услышавъ это, дравшіеся остановились и тутъ же помирились. Эръ Соготохъ женился на Сырдыкъ Сыралыма. Раньше на ней хотѣлъ жениться дьявольскій богатырь Анъ-Аджырга, который, взявъ съ собой 800 отборныхъ богатырей и пріѣхавъ къ Хонгоруиу-Хотоя, велѣлъ сказать ему: „Я думалъ жениться на твоей дочери, а ты отдалъ ее Эръ Соготоху. Соготохъ долженъ со мной драться, и побѣда рѣшится, кому изъ насъ должна принадлежать Сырдыкъ Сыралыма“. Эръ Соготохъ и два брата его жены, собравъ сколь возможно было больше вонновъ, направились на своего новаго врага, который истребилъ весь скотъ Хонгоруна Хотоя и сжегъ его лѣса. 9 сутокъ дрались Якуты и наконецъ перебили всю дьявольскую силу, а самого Анъ Аджырга, взявши въ плѣнъ, привязали къ 9-ти лѣсинамъ, но ни какъ не могли убить его. Тогда жена Эръ Соготоха сказала: „Не можетъ быть, чтобы онъ былъ весь желѣзный, когда хотѣлъ жениться на Якуткѣ: противъ сердца должно быть открытое мѣсто“. Дѣйствительно, противъ сердца обнаружено проникаемое мѣсто, и Анъ Аджырга былъ убитъ. Спустя нѣкоторое время Эръ Соготохъ съ женой поѣхалъ домой, (пути его было три года), и пріѣхавъ, зажилъ спокойно и зажиточно. Отъ него произошли теперешніе Якуты.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и библиографія.

ОБЗОРЪ ТРУДОВЪ ПО ЛИТОВСКОЙ ЭТНОГРАФИИ ЗА 1879—1889 г.

(Окончаніе).

Одинъ изъ основателей Тильзитскаго Общества, занявшій послѣ смерти Нессельмана кафедру сравнительнаго языкознанія въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, г. А. Беценбергеръ совершилъ въ 1879, 1880 и 1881 годахъ съ этнографическо-лингвистическою цѣлью поѣздки по Литвѣ. Результатомъ ихъ были его извѣстныя „Литовскія разысканія. Матеріалы по изученію языка и народности Литовцевъ“¹⁾. Въ этой книгѣ помѣщены: 1) дополненія къ литовскому словарю Ф. Нессельмана, собранныя не въ одной Прусской Литвѣ, а также и Повевѣжскомъ уѣздѣ у Литовцевъ кальвинистовъ въ Попельскомъ и Бирзенскомъ приходахъ, при этомъ авторъ не мало сдѣлалъ для словаря жемайтскаго говора Тельшевскаго уѣзда, Ковенской губ., и Мемельскаго округа въ Пруссіи. 2) Пѣсни (дажны) съ напѣвами (см. нотное приложеніе); 3) сказки и были; 4) загадки; 5) поговорки, заклинанія и ругательства; 6) суевѣрныя и вообще народныя воззрѣнія и обряды. При изслѣдованіи литовскаго народнаго пѣснотворчества Беценбергеромъ всегда указываются параллели изъ латышской поэзіи (срв. напр. X, XI и 16, 28)²⁾.

Изученію народныхъ говоровъ Прусской Литвы посвящены его диалектологическіе этюды „Zur Dialektforschung“, обнародованныя въ „Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen“, томъ VIII, стр. 98—142 и IX, стр. 253—293. Относительно географіи диалектологическихъ особенностей нынѣшней рѣчи Прусской Литвы Беценбергеръ приходитъ къ тому результату, что говоры ея различать слѣдуетъ по четыремъ областямъ, приблизительно соответствующимъ историческимъ провинціямъ Судавіи, Надравіи, Шалавіи и Цеклясь (вмѣстѣ съ Ламатою) въ началѣ 13 вѣка“³⁾.

Въ подробнѣе критическомъ разборѣ извѣстнаго литовско-нѣмецкаго словаря Куршата (+23 авг. 1884 г., родился 24 апрѣля 1806 г.) въ Göttinger Gelehrte Anzeigen за 1883 годъ, стр. 905—948, Беценбергеръ касался и говоровъ Русской Литвы и пришелъ къ тому выводу, что историческое изслѣдованіе этого языка должно преимущественно заключаться въ наблюденіи современныхъ его говоровъ и выдѣленіи признаковъ сравнительно наиболѣе древнихъ⁴⁾. Жемайтскому говору Тельшевскаго уѣзда,

¹⁾ Т. е. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen. 1882. Срв. мой отчетъ о Прусскихъ Литовцахъ I. с. стр. 2 и слѣд.

²⁾ Срв. мой отчетъ о поѣздкѣ къ Прусскимъ Литовцамъ стр. 1—2 и примѣчаніе 1-ое тамъ же.

³⁾ См. подробнѣе Литовскій катехизисъ Н. Даукши, Зап. Имп. Академіи Наукъ, Томъ 53, кн. 2. С Пет. 1886, стр. LIX и слѣд.

⁴⁾ См. I. с. LVI и слѣд.

волостей Плууганской и Кульской посвящена небольшая любопытная статья о жмудских носовыхъ въ вин. падежѣ единственнаго и род. пад. множ. числа въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Spr. за 1886, р. 307—314 подъ заглавіемъ „Zur žemaitischen grammatik“.

Въ томъ же 1886 году А. Беценбергеръ издалъ свой опытъ изслѣдованія типовъ литовскаго крестьянскаго дома: „Über das litauische haus“ ¹⁾. Этюдъ этотъ вызванъ рядомъ изслѣдованій о нѣмецкихъ крестьянскихъ постройкахъ О. Лавія ²⁾ и Р. Геннинга ³⁾, Мейцена ⁴⁾ о черемисскихъ, мордовскихъ, эстскихъ и финскихъ домахъ, Гейкеля ⁵⁾, и друг.

Въ 1887 году вышло отдѣльное изслѣдованіе о языкѣ прусскихъ Латышей на Курляндскомъ Нерунгѣ, напечатанное первоначально въ Магазиѣ Латышскаго-Литературнаго Общества, томъ 18, стр. 1—170 ⁶⁾. Историко-этнографическое и географическое описаніе жителей Курляндскаго Нерунга, составленное при участіи другихъ Кенигсбергскихъ ученыхъ тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ балтійскихъ языковъ и исторической судьбы народовъ балтійскаго побережья, издано было въ 1889 году въ 3-мъ томѣ „Forschungen zur deutschen Landes- und Volkskunde“ ⁷⁾ подъ заглавіемъ: „Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner“ ⁸⁾. Этотъ очеркъ Беценбергера заключаетъ въ себѣ 7 отдѣловъ. Послѣ краткаго введенія о географическомъ положеніи изучаемаго Нерунга, въ первой главѣ, на стр. 7—20, описываются особенности почвы, климатъ и вообще геологическій характеръ этого угла; во 2-ой приводятся историческія примѣчанія о корскомъ Нерунгѣ вообще и каждой мѣстности Саркова, Латенвальде, Кунцень, Роситень, Приедень, Пилкопентъ, Нидентъ, Карвайтентъ, Негельнъ, (по латышски Агила, по литовски Агилс), Шварцортъ и Зандкругъ въ отдѣльности. Въ третьей главѣ стр. 67—72 помѣщено описаніе дюнъ и попытокъ къ укрѣпленію песчаной почвы на нихъ и насажденію ихъ лѣсомъ. Глава 4-я (стр. 83—92) заключаетъ въ себѣ вѣсти объ археологическихъ находкахъ различныхъ періодовъ на этомъ пространствѣ, заимствованныя изъ извѣстныхъ сочиненій Тишлера, Клебса и вообще записокъ физико-экономическаго общества въ Кенигсбергѣ. Въ пятой главѣ (стр. 93—119) изложена исторія языка жителей курляндскаго Нерунга въ 18, 17 и 16 столѣтіяхъ. Въ 6-ой главѣ, на стр. 119—131, Беценбергеръ сообщаетъ краткую характеристику этихъ Куровъ (курляндцевъ) въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, описываетъ ихъ одежду, обычаи, повѣрья, домашній бытъ и занятія (рыболовство и янтарную промышленность) у Латышей Курляндскаго Нерунга. Особенно поражаетъ бѣдность народнаго творчества: Беценбергеру пришлось у нихъ услышать только три народныхъ пѣсни; изъ нихъ одна заимствована отъ Литовцевъ; онѣ вообще мало поются. О сказкахъ не можетъ быть и рѣчи (срв. стр. 282). Литовцы восточной части Нерунга напротивъ того богаты пѣснями и сказками, Латыши же въ западной части бѣдны ими, какъ бѣдна ихъ природа. Характеръ мѣстности, трудность работъ и простота жизни отражается и на ихъ языкѣ. Въ Прейлѣ слабо развиты понятія о золотѣ и серебрѣ, въ Сарковѣ картины называются мутными зеркалами (stulbi speegel'blinde Spiegel), сосна (по латышски preede) означаетъ часто дерево вообще (I. c. стр. 283). Въ прибавленіи къ этой книгѣ (стр. 132—140) помѣщенъ списокъ населенныхъ мѣстъ Курляндскаго Нерунга въ алфавитномъ порядкѣ и съ краткими этимологическими объясненіями. Вся книга представляетъ такимъ образомъ крайне грустную исторію оскудѣнія и

¹⁾ Отдѣльный оттискъ изъ Altpreussische Monatschrift Bd. XXIII Heft 1/2, 8, 79 стр. съ 21 рисунками. Дополненіе печатано тамъ же въ 1/4 выпускѣ стр. 629—633.

²⁾ Das frisische Bauernhaus in seiner Entwicklung während der letzten vier Jahrhunderte. LXI Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker. №

³⁾ Die Deutschen Haustypen. Тамъ-же, № LVII и того-же Геннинга „Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung“ № XLVIII.

⁴⁾ S. Meitzen. Das deutsche Haus in seinen volkstümlichen Formen. Berlin. 1882.

⁵⁾ Axel O. Heikel Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen (Отд. оттискъ изъ „Journal de la société finno-ougrienne IV. Helsingissa“. 1888, 8°).

объединяя курляндцев на прусскомъ Нерунгѣ, съ 16 вѣка до нашихъ дней, когда они или онѣмечиваются или литовятся.

Въ 1888 году Л. Беценбергеръ въ докладѣ, читанномъ 11 октября въ засѣданіи Тильзитскаго Литературнаго Общества, распространился объ этнографическомъ составѣ народонаселенія восточной Пруссіи и сосѣднихъ странъ (см. Mittheilungen, Heft 14 (III, 2) стр. 187—192).

Въ октябрѣ 1889 года А. Беценбергеръ вмѣстѣ съ В. Нерингомъ въ Бреславѣ издалъ замѣтку „Древній памятникъ литовскаго языка“ (Ein altes Denkmal der litauischen Sprache), гдѣ описанъ шелковый поясъ съ литовскою надписью (будто-бы) 1512 года.

Въ томъ же году въ Пилкаленѣ вышла статья того же автора „Этнографическія замѣтки о Пилкаленскомъ уѣздѣ“ (Ethnographisches aus dem Kreise Pilkallen). Беценбергеръ высказываетъ здѣсь новое мнѣніе о Ятвягахъ (Ядвингахъ), образовавшееся у него при изученіи прусско-литовскихъ говоровъ. Ятвяжскій языкъ, по его мнѣнію, не вымеръ, а продолжаетъ свое существованіе въ языкѣ прусско-литовской письменности. [Прусская литература о Ятвягахъ обогатилась также новымъ трудомъ о нихъ и новой теоріею о несуществованіи вещественныхъ слѣдовъ ятвяжскаго народонаселенія (см. стр. 32—33) въ Гродненской губерніи, особенно въ той части, которая примыкаетъ къ надбужскому Дрогичину и Дрогичинской землѣ, въ статьѣ Н. П. Авенариуса „Дрогичинъ Надбужскій и его древности“. Матеріалы по археологіи Россіи издав. Имп. Археол. Комиссіею № 4, Древности Сѣверо-Западнаго края, Томъ I, вып. 1, С.-Пет. 1890, стр. 1—42].

Въ органѣ литовско-литературнаго Общества Беценбергеръ, въ указанное десятилѣтіе, помѣстилъ только нѣсколько маленькихъ статей:

- 1) Къ литовской библіографіи (Томъ 1, 1879, стр. 27—40).
- 2) Этимологическія мелочи (Etymologische Miscellen, 1879, 40—45).
- 3) Народная этимологія и приставка гласнаго въ Литовскомъ языкѣ „Volks-etymologie und Vokalvorschlag im Litauischen“ (1879, 46—48).
- 4) Приглашенія къ свадьбѣ „Hochzeitsbittersprüche“ (II, стр. 121—124), гдѣ Беценбергеръ сообщаетъ матеріалы, доставленные ему гг. Мачуль-Мулинею и учителемъ Марольдомъ.

5) Къ исторіи литовской литературы „Zur litauischen Literaturgeschichte“. (Томъ III, стр. 121—129). Статьйка эта посвящена прусско-литовскому писателю Бреткуну, извѣстному переводчику библіи на литовскій языкъ.

Такимъ образомъ Тильзитское Литературное Общество пока не было въ состояніи помѣстить на страницахъ своего повременнаго изданія что нибудь выдающееся кромѣ короткихъ замѣтокъ выше приведенныхъ лицъ и не мало важныхъ статей А. Беценбергера. Несомнѣнную заслугу приобрѣлъ себѣ членъ общества Х. Бартшъ († въ началѣ 1890 г.) изданіемъ сборника народныхъ напѣвовъ Литовцевъ, о которомъ мы выше говорили. Вып. I, Отд. 3, стр. 42.

Нѣмецкая литература по литовѣдѣнію вообще не сосредоточилась въ Тильзитѣ и въ названномъ обществѣ, а продолжаетъ развиваться по прежнему въ разныхъ другихъ специальныхъ органахъ или въ отдѣльныхъ книгахъ.

Число членовъ Общества слишкомъ медленно увеличивается и по отчету предсѣдательствующаго отъ 11 октября 1888 года оно имѣло только 213 человекъ. Средства общества и пособія прусскаго правительства не въ силахъ вывести Общество изъ провинціальныхъ границъ и придать ему болѣе широкое значеніе среди образованныхъ русскихъ Литовцевъ въ Ковнѣ и Вильнѣ, и ополченныхъ ихъ собратьевъ въ Варшавѣ и Краковѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что общество пользовалось нѣкоторыми выдающимися трудами природнхъ Литовцевъ какъ напр. Басановича и Ив. Шлюнаса въ своихъ сообщеніяхъ.

Большинство членовъ Тильзитскаго литературнаго общества высказало свою любовь къ литовскимъ занятіямъ весьма платонически и участвуетъ въ дѣятельности его пассивно, единственно акуратнымъ внесеніемъ ежегодныхъ взносовъ. Природныхъ Ли-

товцевъ отталкивалъ отъ общества господствующій въ нѣкоторыхъ его дѣтеляхъ взглядъ на литовское племя, какъ на вымирающее.

Занятія природныхъ Литовцевъ по изученію роднаго края, по этнографіи и археологін Литвы ограничивались въ Пруссіи и Сѣверной Америкѣ очень немногими и небольшими статьями гг. Басановича ¹⁾, Роха Шлюпаса ²⁾ и, наконецъ, Довойны-Сплывестровича ³⁾. Успѣшности этихъ занятій мѣшали политическія увлеченія и журнальная дѣятельность. Лучшими результатами увѣнчались старанія Литовцевъ въ Россіи, особенно братьевъ Юшкевичей по изданію памятниконъ народной словесности и Литовскаго словаря.

Въ Германіи литовскій языкъ со временъ Боппа сдѣлался излюбленнымъ предметомъ для сравнительной лингвистики. Литовскому языку посвящали свои ученые труды А. Лескинъ ⁴⁾ въ Лейпцигѣ, К. Бругманъ ⁵⁾ въ Лейпцигѣ (а потомъ въ Фрейбургѣ) и И. Шмидтъ ⁶⁾ въ Берлинѣ.

Въ 1882 году А. Лескинъ и К. Бругманъ вмѣстѣ издали сборникъ литовскихъ пѣсенъ и сказокъ подъ заглавіемъ: „Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen“ Strassburg. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣленій: I) Литовскихъ пѣсенъ, изъ окрестностей Вилкишекъ, въ Прусской Литвѣ, собранныхъ А. Лескиномъ; II) Литовскихъ пѣсенъ, сказокъ, орацій (рѣчей, пропозисимыхъ на свадьбахъ) изъ окрестности Годлевы (въ 10 верстахъ отъ г. Ковны), собранныхъ и изданныхъ вмѣстѣ съ матеріалами по грамматикѣ и словарю Годлевскаго говора К. Бругманомъ; III) Литовскихъ сказокъ, переведенныхъ К. Бругманомъ съ литовскаго на нѣмецкій языкъ, съ примѣчаніями (сравнительно-литературными) В. Вольнера.

Въ 1883 году, въ Гейдельбергѣ, книга Э. Фекенштета „Млны, сказанія и легенды Жамайтовъ (Литовцевъ)“ „Die Mythen, Sagen und Legenden der žamaiten (Litauer) gesammelt und herausgegeben von Edm. Veckenstedt.“ Богатство сообщенныхъ имъ свѣдѣній по миеологін не основано, къ сожалѣнію, на надежныхъ и точныхъ данныхъ; этимъ сборникомъ можно пользоваться только съ крайней осторожностью (ср. мою статью объ изученіи Литовской миеологін, приложение къ XXIV тому. Изв. И. Р. Г. О. стр. 3).

Кромѣ того г. Фекенштетъ помѣстилъ еще нѣсколько литовскихъ сказокъ во французскомъ сочиненіи „La Musique et la Danse dans les traditions“. Paris 1889, нѣ стр. 12—34 и въ брошюрѣ: „Pumphut, ein Kulturdämon der Deutschen, Wenden, Litauer und žamaiten. Mit Originalsagen der Litauer und žamaiten“. Leipzig. 1885. 8°.

Въ послѣднее десятилѣтіе Поляки, по почину и примѣру г. Я. Карловича, стали также интересоваться живой литовской стариною. Въ 1879 году знаменитый польскій

¹⁾ Справ. напр. а) Žirgas ir vaikas Uistoriškai-arkelogiškas ištyrinėjima. Tilžeje. 1885. в) Žiponas bei žipone. Tilžeje. 1885. с) Apie senoves Lietuvos pilis bei Auszra за 1883 г., № 1, за 1884 стр. 37—52: здѣсь перечислены извѣстные замковниці и сопки, называемыя по литовски pilkalis (см. ниже статью М. Довгирда объ этомъ-же предметѣ въ журналѣ «Висла» и друг. мелкія замѣтки въ газетѣ «Аушра» и другихъ литовскихъ газетахъ).

²⁾ Письма Ивана Шлюпаса о жизни переселенцевъ въ Америкѣ въ Аушрѣ и друг. газетахъ, особенно Lietuviszkasis Balsas, газетѣ издаваемой имъ-же въ Нью-Йоркѣ и Шенандоа.

³⁾ Рохомъ Шлюпасомъ собраны свѣдѣнія о pilkalinaxъ (срв. Lietuviszkasis Balsas 1887 года, № 26, 1888 г., № 8—10), о народной музыкѣ (см. Извѣстія И. Р. Г. О. 1888 года Томъ XXIV стр. 494) и объ антропологін литовскаго племени. (Изв. XXIII стр. 767).

⁴⁾ Patarles ir dainos surasze nūg žmoniū Meczius Davainis Silvestraitis. Tilžeje. 1889. 12°. 30 стр.

⁵⁾ Срв. особенно его изысканіе «Der Ablaut der Wurzelsilben» въ IX томѣ, № 4. Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig. 1884. 8°. (См. о прежнихъ его трудахъ Кат. Даукши, стр. VI и VII, примѣч. 3).

⁶⁾ См. его Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. 1887—1890.

⁷⁾ Напр. въ его сочиненіи: Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar 1889. 8°.

этнографъ О. Больбергъ ¹⁾ († 23 мая 1890 г.) издалъ въ III томѣ изданія Краковской академіи наукъ „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie“. 1879. отдѣлъ 3 на стр. 167—230 небольшой сборникъ литовскихъ пѣсней (всего 76) съ напѣвами, записанными въ Сувальской губерніи. Въ введеніи на стр. 167—187 помѣщенъ библиографическій обзоръ прежнихъ трудовъ о литовской пѣснѣ на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и представлена характеристика мотивовъ и символовъ литовской народной поэзіи въ сравненіи съ польскими и друг.

Въ 1887 году въ XI томѣ того же изданія обнародованы были Яномъ Карловичемъ: *Podania i bajki ludowe zebrane na Litwie*, всего 124 стр. Въ этомъ сборникѣ помѣщены, въ польскомъ переводѣ, бѣлорусскія и литовскія сказанія и легенды: литовскихъ и жмудскихъ не мало, напр. № 46 „Dwaj bracia i siekiera“, № 47 „O gryfie zaklętym“ и № 48 „Dla czego liście osiny drżą zawsze“ (сказка эта извѣстна мнѣ изъ рукописнаго сборника литовскихъ легендъ, Россіенскаго уѣзда, г. Довойны Сильвестровича) № 49 „o trzech febrach“ и вообще № 50—64 на стр. 66—88. Въ Россіенскомъ уѣздѣ записаны № 64—71 на стр. 88—100, № 71—73 въ Шавельскомъ уѣздѣ Ков. губ. Остальныя сказки и преданія записаны въ Свенцянскомъ, Лидскомъ, Виленскомъ уѣздахъ Вил. губ. и въ Новогрудскомъ у. Минской губерніи. Пользоваться этимъ сборникомъ довольно неудобно, такъ какъ нѣтъ подробнаго указателя мѣстъ, рѣдкихъ словъ и характеристичныхъ оборотовъ, помѣщенныхъ въ примѣчаніяхъ въ литовскомъ или бѣлорусскомъ оригиналѣ. Вообще говоря сборникъ Карловича составляетъ не маловажный матеріалъ для изученія литовско-бѣлорусскихъ сказочныхъ мотивовъ и даетъ возможность проверять г. Фекенштедта. Въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла“ вышли слѣдующія статьи по литовской этнографіи:

О. Кибортъ. *Probki piosenek litewskich*. Томъ I, стр. 78, 112, 157, 190, 233, 271, 312 и 345—366.

Z. Gloger. *Podróż Niemnem*, Томъ II, стр. отд. оттискъ in 8°, 112 стр.

Biruta. *Dożynki na Litwie*. Томъ III, стр. 92—94. *Dwa podania (sosny w Lidzie; o kościele sw. Anny w Wilnie)* Томъ III стр. 645—646.

T. Dowgird. *Piłkalnie* (O dwóch mogiłach książęcych z czasów przedhistorycznych na Żmujdzi) *ibid.* стр. 380—389.

W. W(ejtko). O *piłkalniach*, *ibid.* стр. 894—899, свѣдѣнія эти собраны по Троцкому у. Вил. губ. и по Кальварійскому у. Сувальск. губ.

Biruta. *Podania o górze pilokalskiej*: *ib.* стр. 899 и 900.

M. Dowojna-Sylwestrowicz, *Teksty szlachty żmujdzkiej*, Томъ II, стр. 154—165 и 312—324.

Dwie pieśni litewskie o Chodkewiczu, Томъ II, стр. 780—783.

Дѣло изученія Литвы въ Россіи было малоуспѣшно до значительной степени оттого, что на мѣстѣ литовщина осталась недоступною и раскрывается Русскимъ такъ-же медленно, какъ и польскому пану, который (говоря словами Котляревскаго I. с., стр. 367) желая изучить родную Литву не счелъ нужнымъ запастись знаніемъ народнаго языка и проникнуть въ тайники народнаго быта, а продолжалъ лишь переборку стараго матеріала.

Еще въ 1884 году одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей (Шолковичъ) по спорному вопросу объ этнографической границѣ между бѣлорусскими и литовскими племенами, упрекнувъ Географическое Общество за то, что оно будто-бы (!) мало обращаетъ вниманія на близкій западъ (см. библиографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи „Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора“ Бѣлорусса. Вильна. 8°, стр. 68).

Литовщина напротивъ того успѣшно раскрылась въ нашихъ университетахъ, благодаря изслѣдованіямъ профессоровъ покойнаго Микуцаго въ Варшавѣ, Бодуэнъ-де-Куртенэ въ

¹⁾ См. его біографію, составленную Н. А. Яичукомъ по поводу 50-лѣтія его дѣятельности. Москва, 1889. Отд. оттискъ изъ II книжки Этнографическаго Обзоренія 8° 11 и страницъ краткую вѣсть о его смерти тамъ же въ 5 кн., стр. 174.

Казани, А. А. Потебни въ Харьковѣ, Фортунатова въ Москвѣ и другихъ въ Дерптѣ и С.-Петербургѣ.

Проф. А. А. Потебня въ извѣстныхъ трудахъ по сравнительному синтаксису и по фонетикѣ славянскихъ и русскихъ нарѣчій разработывалъ и литовскую грамматику, и въ своихъ объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ обратилъ одинаково вниманіе на символику латышской и литовской народной поэзіи.

Рано умершимъ ученикомъ А. А. Потебни, А. В. Поповымъ на литовскій языкъ обращено должное вниманіе въ сочиненіи: Синтаксическія изслѣдованія им. звательн. и винит. въ связи съ исторіею заложныхъ значеній etc. Воронежъ. 1881.

Въ Казани, благодаря дѣятельному участию къ литовскимъ занятіямъ проф. Бодуэна де Куртенэ, издавались фундаментальные труды И. и А. Юшкевича по Литовской народной поэзіи и бытописанію: 1) Литовскія народныя пѣсни изъ окрестностей Велень и Пушолать, три тома съ 1880—1882 г. 2) Свадебные обряды Веленскихъ Литовцевъ, записанные Антономъ Юшкевичемъ въ 1870 году. Казань 8^о ¹⁾.

Ученикъ проф. Фортунатова въ Москвѣ Г. Ульяновъ обнародовалъ изслѣдованіе: Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ. Варшава. 1888, (Отд. Оттискъ изъ Фил. Вѣстника. 1888. 8^о)

Въ настоящее время многоуважаемый профессоръ Фортунатовъ работаетъ надъ изданіемъ Литовско-польско-русскаго словаря Юшкевича, редакція котораго ему поручена отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1883 году тѣмъ-же отдѣленіемъ былъ изданъ объемистый сборникъ литовскихъ свадебныхъ пѣсенъ, составленный Иваномъ Юшкевичемъ, по записямъ брата его Антона, всего 898+XXIV стр. in 8^о.

Народныя пѣсни раздѣлены Юшкевичемъ на пѣсни свадебныя, любовныя, гулевныя, военныя, міеологическія, погребальныя плачи и пѣсни смѣшаннаго содержанія. Къ свадебнымъ онъ относитъ всѣ, i. с. стр. VII, тѣ пѣсни, которыя обыкновенно поются: 1) еще до свадьбы при ознакомленіи жениха съ невѣстою, сватовствѣ, рукобитіи и обрученіи, 2) во время свадьбы при совершеніи почти всякаго обряда, и 3) при посѣщеніи родителей молодой новобрачными и, на оборотъ, при посѣщеніи новобрачныхъ родителями молодого.

Заслуженный знатокъ Литвы И. Юшкевичъ скончался 29 апрѣля въ 1886 г. (см. мою статью Johann Juschkevitch. Nekrolog въ Mitteilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft. Heft. 12, стр. 409—413).

Міеологін литовскій касался почтенный знатокъ Прибалтійскаго края Георгій Трусмани въ извѣстной своей диссертаціи „Введеніе Христіанства въ Лифляндію“, гл. II, I-ой части, на стр. 22—68 (срв. мой разборъ этой части книги Трусмана въ Magazin herausgegeben von der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft. Bd. 18, Mitau. 1887, стр. 171—185).

Изученіе Литвы и Сѣверо-западнаго края съ 1884 года стало значительно оживляться на мѣстѣ, въ центрахъ литовурской жизни въ Ковнѣ и Вильнѣ. Архивный матеріалъ для изученія литовскаго племени раскрытъ былъ почтеннымъ ветераномъ по службѣ на литовской окраинѣ Латышемъ Иваномъ Спрогисомъ въ его многолѣтнемъ трудѣ „Географическій словарь древней Жемойтской земли XVI столѣтія, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда“. Вильна, in 8^о. 1888.

Какъ выяснено мною въ статьѣ „Новые матеріалы для изученія литовскаго именослова“ ²⁾, этимологическое значеніе названій мѣстъ жмудско-литовской земли оста-

¹⁾ Изъ Казанскихъ учениковъ профессора Бодуэна де Куртенэ, нынѣ находящагося въ Дерптѣ — особенно г. Александровъ посвятилъ себя изученію Литовскаго языка въ трудахъ:

a) Sprachliches aus dem Nationaldichter Donalitis. Zur Setasiologie. Dorpat. 1886.

b) Litauische Studien I. Nominal-Zusammensetzungen. Dorpat. 1888. 8^о.

в) Литовскіе этюды. Вып. I. Народная этимологія, Варшава. 1888.

Другимъ слушателемъ г. Бодуэна де Куртенэ г. О. Видеманомъ составлена диссертація „Das litauische Präteritum. Strassburg. 1889. 8^о.

²⁾ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. Часть CCLXIX, отд. 2, стр. 376—383 и Deutsche Literaturzeitung 1889, № 5, стр. 159—161.

лось неразгаданнымъ оттого, что авторъ этого труда не обладаетъ достаточнымъ знаніемъ литовскаго языка.

Незнаніе литовскаго замѣчается также въ весьма полезныхъ трудахъ другихъ дѣателей Сѣверо-западнаго края, какъ, напр., въ изданіяхъ секретарей Виленскаго и Ковенскаго статистическихъ комитетовъ.

Въ Ковиѣ со вступленіемъ въ должность секретаря К. С. Гуковскаго, ученика Кіевскаго профессора Антоновича, ежегодно стали появляться описанія уѣздовъ Ковенской губерніи (Шавельскаго, Поневѣжскаго и Тельшевскаго), въ которыхъ не послѣднее мѣсто отведено описанію народнаго быта (преимущественно на основаніи изученія книгъ рѣшеній волостныхъ судовъ ¹⁾). Имъ-же составленъ былъ краткій историческій очеркъ Ковенской губерніи. Ковна. 1889. 80. 35 стр. Срв. мою статью „Статистика племеннаго состава народонаселенія Сѣверо-Западнаго Края“ въ Календарѣ Сѣв. Зап. Края за 1890 годъ, изд. М. Запольскимъ. Кіевъ 1889.

Въ другомъ мѣстѣ мы привели списокъ мѣстныхъ знатоковъ края и литовскаго языка и корреспондентовъ нашихъ, разсѣянныхъ по Литовской землѣ, доставившихъ И. Р. Г. Обществу новыя значительныя матеріалы для изученія Литвы и ея живой старины. См. нашъ предварительный отчетъ въ Извѣстіяхъ. Томъ XXIV.

Въ литовскомъ катихизисѣ Н. Даукши, по изданію 1595 года, (вновь перепечатанъ и снабженъ объясненіями (приложеніе къ 53 тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, кн. 2), въ введеніи на стр. 1—XXII сдѣланъ мною обзоръ трудовъ по литовской грамматикѣ и по разработкѣ литовскаго языка сравнительно съ другими арійскими и преимущественно славянскими. Въ этнографическомъ изученіи Литвы участіе природныхъ Литовцевъ не маловажное и даже выдающееся обнаруживается въ трудахъ Юшкевичей. Литовскій языкъ первоначально по преимуществу изучаемый и разработанный учеными Нѣмцами (отъ Нессельмана до Вецценбергера) обращалъ на себя вниманіе первыхъ славистовъ, особенно Прейса въ 1840-хъ годахъ. Что, по словамъ Котляревскаго, изученіе языка и быта Литвы главнымъ образомъ лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ—такое сознаніе, раздѣляемое хотя многими, на дѣлѣ осуществлялось до періода обозрѣваемаго весьма немногими, почти единственно проф. Фортунатовымъ въ Москвѣ. Въ послѣднее же десятилѣтіе стали, какъ мы выше видѣли уже — появляться особыя университетскія диссертаціи изъ области литовской грамматики. Народнопоэтическія возрѣнія нашихъ Литовцевъ изучаемы были въпервые Поляками или же ополяченными Литовцами большею частью съ романтически-политической точки зрѣнія (Крашевскимъ и друг.), серьезно изслѣдованы были въ послѣднее десятилѣтіе также и русскими учеными А. А. Потебнею. Обыкновенная русская публицистика и литература знаетъ поэтическую Литву только изъ польскихъ источниковъ Юцевича, Нарбута и Крашевскаго. Успѣхи русской этнографической науки въ дѣлѣ изученія Литвы находятся въ тѣсной зависимости отъ покровительства Литовцамъ и отъ разрѣшенія вопроса о литовскомъ шрифтѣ, но во всякомъ случаѣ единственные въ своемъ родѣ „литовскія“ изданія Литовскихъ пѣсенъ (свадебныхъ и вообще дажны) вышли не въ Германіи или Польшѣ, а Россіи: въ Казани и въ С.-Петербургѣ.

Литовщина до сихъ поръ малодоступная русскимъ дѣателямъ нашихъ окраинъ раскроется съ успѣхомъ только тогда, когда дадутъ жить и развиваться (см. вып. I, стр. XXII) мѣстнымъ языкамъ литовскому и латышскому (такъ называемой инфляндскихъ уѣздовъ) въ школѣ и народной литературѣ. Литовцы же, пишущіе нынѣ даже грамматики и учебники англійскаго языка (въ Плимутѣ изданъ былъ въ 1887 году „Prawadnikas angel'skos kalbos“ на иждивеніи разбогатѣвшаго Литовца—торговца И. Паукштиса) безъ сомнѣнія скоро откажутся отъ дорогихъ заморскихъ и заграничныхъ изданій газетъ и трактатовъ, издаваемыхъ въ Плимутѣ, Ньюйоркѣ, Шенондоа въ сѣверной Америкѣ и въ Рагнитѣ, Тильзитѣ и Мемелѣ въ восточной Пруссіи, когда у нихъ дома станутъ выходить болѣе дешевыя книжки.

Э. Вольтеръ.

¹⁾ См. Отчеты о дѣятельности комитета за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 и памятные книжки за тѣ-же года.

Этнографическое Обзоріе. Изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей секретаря Этнографическаго Отдѣла Н. А. Инчука. 1890 № 3, книга VI.

Изъ сравнительно небольшого числа статей, помѣщенныхъ въ VI-ой книгѣ „Этнограф. Обзорія“, на долю изслѣдованій приходится — слѣдующія двѣ: — I-ая „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“, Н. Θ. Сумцова, попытавшаяся въ своемъ краткомъ этюдѣ намѣтить въ монгольскихъ сказаніяхъ нѣсколько мотивовъ, какъ ветхозавѣтныхъ: о потоги и о Соломонѣ, такъ и новозавѣтныхъ: о св. Троицѣ, о чудесномъ насыщеніи хлѣбомъ и рыбою 5 тысячъ человекъ, о странствованіи Спасителя, а также изъ легендъ о крестномъ древѣ, объ архангелѣ Михаилѣ и великомученикѣ Георгіи; 2-ая — „О свадебныхъ платежахъ и о приданомъ у Кавказскихъ горцевъ“, Л. В. Малинина, сгруппировавшая въ довольно значительномъ количествѣ свѣдѣнія объ извѣстныхъ первоначальныхъ формахъ брака — похищеніи и куплѣ-продажѣ, о размѣрахъ калыма, который первое время, вѣроятно, уплачивался за невѣсту не отдѣльнымъ лицомъ и не отдѣльному лицу, а цѣлымъ родомъ другому роду, о наслѣдственномъ правѣ женщинъ и о „кебинѣ“ — денежномъ обязательствѣ жениха въ видахъ обезпеченія невѣсты. Къ этимъ изслѣдованіямъ можно отчасти отнести статью Ю. Н. Мельгунова — „Къ вопросу о русской народной музыкѣ“. Это рядъ бѣглыхъ критическихъ замѣчаній — на книгу П. Сокальскаго „Русская народная музыка“, на руководство по музыкѣ „Учебникъ формъ инструментальной музыки“, Л. Бусслера, на музыкальныя приложенія въ сборникахъ народныхъ пѣсень г-жи Радченко и др., сдѣланныхъ на основаніи теоріи Р. Вестфала („Allgemeine Theorie der musikalischen Rhythmik...“, а также см. Русск. Вѣстникъ, 1879 г. № 9). Не смотря на свою краткость замѣтка такого мастера дѣла, какъ г. Мельгуновъ, обратитъ на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ и любителей русской музыки. Далѣе слѣдуютъ два сообщенія чисто этнографическаго характера: „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ.“, А. Балова и „Очерки Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губ.“, В. Бондаренка (часть 1-ая). И въ томъ и въ другомъ нельзя не цѣнить цѣльности описанія, но по своимъ даннымъ они не отличаются ни полнотою, ни новизною: мѣстные черты почти теряются среди весьма распространенныхъ, даже общерусскихъ особенностей. Изъ матеріаловъ здѣсь напечатаны Э. Вольтеромъ „Литовскія легенды“ съ очень любопытнымъ содержаніемъ — о дьяволѣ-творцѣ, о сохраненіи обрѣзанныхъ ногтей, о происхожденіи медвѣдя и анта, о птицѣ Кукиксъ и о кукушкѣ, о странствующихъ озерахъ. Первый отдѣлъ VI-ой книги „Этнограф. Обзорія“ оканчивается уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ изъ 1-го выпуска „Жив. Старинны“ — некрологомъ финнолога М. Веске, написаннымъ проф. И. Н. Смирновымъ.

Библиографическія извѣстія продолжаютъ блистать своимъ обиліемъ и богатствомъ. Кромѣ указаній статей въ періодическихъ изданіяхъ и продолженія „Сибирскаго Указателя“ г. Ивановскаго, отмѣчаетъ перечни статей въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ и неученыхъ Обществъ; изъ рецензій на книги можно назвать: „Д. Анучинъ, Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака“, В. Михайловскаго, „В. Деничъ, Очерки русской народной медицины“, Д. Никольскаго, и Д. Самохвалова, „Хронологическая классификація могилъ южной Россіи“, Н. Харузина.

Н. В.

А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. (Отдѣльный оттискъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, октябрь 1890 г.).

По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ изученіе рукописей XV—XVII вв., русская наука или обогащается вовсе неизвѣстными дотолѣ произведеніями, или же пріобрѣтаетъ новые, болѣе исправные списки памятниковъ уже извѣстныхъ. Находка г. Павлова имѣетъ значеніе среднее: это новый списокъ прежде извѣстнаго памятника, но такой, который стоитъ цѣлаго открытія.

Напечатанный г. Павловымъ памятникъ есть архіерейское поученіе священникамъ, приписываемое имъ Новгородскому архіепископу Ильѣ (1165—1186). На основаніи сопоставленія нѣкоторыхъ внутреннихъ чертъ въ этомъ памятникѣ, проф. Павловъ полагаетъ, что оно было произнесено архіеп. Ильею въ 1166 г. въ соборное воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста.

Не касаясь превосходно сдѣланной издателемъ оцѣнки этого памятника, какъ одного изъ древнѣйшихъ и по церковному праву, и по литературѣ, приведемъ изъ него нѣсколько мѣстъ, весьма любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи.

1) Статья 23-я 1) (стр. 25—26) говоритъ:

„А и се же вѣдѣ, оже друзѣи попове въ олтарь за святою трапезою ставляете кануны и хрстите ту, и пиете въ олтарь, ли заупокойное борошно вносите, а и еще скоромно. А и въ сѣ олтарь, идеже просфурѣмисанье есть, никакого кануна вносить, аже нѣ въ великій: третій бо олтарь на то оучиненъ есть. Ни подѣ святою трапезою ставляете чего: велики бо то грубо есть, да отъ того боле възборонитесь“.

Сверхъ указанныхъ г. Павловымъ подобныхъ же запрещеній въ Постановленіяхъ Владимирскаго собора 1274 г., въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику и въ выпискѣ изъ молитвенника митрополита Кипріяна, не лишне упомянуть объ извѣстномъ вопросѣ, предложенномъ Стоглавому собору: „О иже не вносить въ олтарь пьянственнаго питія“ (вопр. 36-й), и объ отвѣтѣ на этотъ вопросъ 2).

Кромѣ разъясненія статьи поученія, въ нихъ заключается также точное обозначеніе частей алтаря, пополняющее примѣчаніе г. Павлова.

Принесеніе въ церковь хлѣба, корова (свадебнаго) 3), кануна, блиновъ, каши, пироговъ 4), а иногда и ячницы, молока 5) и баранины 6), (поминальныхъ), совершаемое иногда въ видѣ искупительной жертвы, происходитъ и по настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, въ особенности, кажется, въ Бѣлороссіи.

2) Въ статьѣ 10-й (стр. 19), о крещеніи дѣтей, между прочимъ, сказано:

„Въ первый день, егда зовоуть вы къ перти, творите молитву, юже творите надѣ соудомъ осквернишися“.

Проф. Павловъ допускаетъ возможность двоякаго истолкованія слова перть, заимствованнаго Новгородцами или у Литовцевъ, или у Финновъ,—въ значеніи бани и въ значеніи корыто или вообще сосуда для омовенія новорожденнаго.

Въ первомъ случаѣ, слова поученія: „егда зовуть вы къ перти“, говоритъ г. Павловъ, повидимому, указываютъ на существованіе въ Новгородѣ уже въ XII вѣкѣ обычая отводить беременную женщину для разрѣшенія отъ бремени въ баню; при этомъ онъ ссылается на современный подобный же обычай въ Олонецкой губерніи у Корель и у Русскихъ, по мнѣнію г. Павлова, подѣ влияніемъ первыхъ. Но если и возможно сдѣлать такой выводъ изъ словъ поученія, то едва ли слѣдуетъ говорить о заимствованіи, въ виду того, что обычай этотъ распространенъ далеко не у однихъ сѣверно-Великоруссовъ, а напр. у Бѣлоруссовъ Витебской губерніи 7) и вызывается соображе-

1) Раздѣленіе поученія на статьи принадлежитъ проф. Павлову.

2) Стоглавъ, изд. Правосл. Соборѣдника, 1862 г., стр. 74—75, 100—101.

3) П. Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, т. I, ч. II, 1890 г., стр. 201, 383, 473.

4) Ib., 585, 592, 627.

5) Ib., 585.

6) Ib., 615.

7) П. Шейнъ, Матеріалы, т. I, ч. I, 1887, стр. 3.

ніями практическаго свѣдѣнія—удобствомъ, подкрѣпляемымъ отчасти предразсудкомъ, что присутствіе лица посторонняго увеличиваетъ продолжительность родовъ. Съ своей стороны мы полагаемъ, что принять въ словахъ поученія пертъ съ значеніемъ коры то будетъ гораздо болѣе уместно.

3) статья 26-я (стр. 26) замѣчаетъ:

„И о тоурѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ, и про безаконный бой вы, попове, оумайте дѣтей своихъ; или кого оубьютъ, а вы надъ ними въ ризахъ не пойте, ни просфоуры приймайте“.

Эти слова—одно изъ драгоценныхъ свидѣтельствъ древности о русскихъ языческихъ обычаяхъ и обрядахъ. Подъ „турами“, говоритъ проф. Павловъ, надо понимать „празднованіе все-славянскому божеству Туру, совпадавшее то съ колядами, то съ семикомъ, которое состояло въ томъ, что молодые люди обоого пола наряжали одного парня изъ своей среды чучелою въ видѣ быка (тура) и водили его по улицамъ на веревкѣ съ пѣснями, въ которыхъ упоминалось имя Тура“ (стр. 8). Проф. Павловъ сопоставляетъ этого быка съ извѣстною „бѣсовскою кобылкою“, ¹⁾ изъ свѣдѣній о которой и взято г. Павловымъ вышеприведенное его замѣчаніе о Турѣ. Но о божествѣ Турѣ такъ мало нѣтъ свѣдѣній, что позволительно усумниться въ приимности такого толкованія къ выраженію „О турѣхъ“ въ поученіи. Можетъ быть, здѣсь указывается какая-нибудь игра, дошедшая до насъ, напр., въ видѣ игры въ городки и т. п. ²⁾.

Что касается лодыгъ, то, кажется, несомнѣнно въ нихъ можно видѣть прототипъ современной игры въ бабки, съ нѣкоторыми отличіями, теперь уже исчезнувшими, но никакъ не съ такими, которыя могли бы оправдать г. Павлова, связывающаго лодыги, а вмѣстѣ и туровъ и колядниковъ, съ упоминаемымъ въ указанной статьѣ поученія „безаконнымъ боемъ“. Если въ XVII вѣкѣ и запрещалась игра въ лодыги, то въ той же грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1648 года въ равной мѣрѣ осуждаются карты, шахматы, качели, пляска, пѣсни и др., и между прочимъ и кулачный бой, и грамота все это одинаково называетъ „бѣсовскими играми“ ³⁾. То же преслѣдуется и патріархомъ Филаретомъ въ 1628 году ⁴⁾ и его преемникомъ патріархомъ Іоасафомъ, а задолго до нихъ—въ 92 главѣ Стоглава: „О игрищахъ еллинскаго бѣсованія“. Изъ словъ поученія „о колядницѣхъ“ становится очевиднымъ, что столь распространенный теперь обычай справлять коляду существовалъ на Руси уже въ XII вѣкѣ.

„Безаконный бой“ вполнѣ можно признать не поединкомъ—полемъ, а кулачнымъ боемъ, о которомъ есть и древнія и болѣе позднія постановленія; такъ, въ дополнителной къ Судебнику статьѣ 1640 г. читаемъ: „Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи указалъ: которые всякіе люди учнутъ битися кулачки въ Китаѣ, и въ Вѣломъ Каменномъ городѣ, и въ Землянномъ городѣ, и тѣхъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ и чинить наказаніе“ ⁵⁾.

Къ отиѣченнымъ бытовымъ чертамъ изъ этого интереснаго памятника можно было бы присоединить ихъ еще двѣ-три, но желающихъ съ ними познакомиться отсылаетъ къ самому памятнику и къ предварительнымъ замѣчаніямъ проф. Павлова.

Н. Волковъ.

¹⁾ О «бѣсовской кобылкѣ» часто говоритъ А. Фаминцынъ въ недавнемъ своемъ изслѣдованіи: «Скоморохи на Руси», Спб. 1889, стр. 86, 87, 90, 164, 182, 183, 185.

²⁾ Въ архангельскомъ говорѣ существуетъ слово туръ въ значеніи столбъ печной. Сравни туры, употреблявшіеся для военныхъ цѣлей: туры прикатиша и приметь приметаши около всего города (подъ 1375 годомъ, лѣтопись Авраамка, изд. Арх. Ком. Спб. 1889, стр. 100).

³⁾ Ивановъ, опис. гос. арх. стар. дѣлъ, 296 и сл. См. вышеук. соч. Фаминцына, стр. 185 и сл.

⁴⁾ Акты историч. изд. Археограф. ком. III, № 92 X, стр. 96; Фаминцынъ, 182.

⁵⁾ Акты историч. изд. Археогр. ком., III, № 92 XXXII, стр. 108. См. Фаминцынъ, стр. 192.

Максимовъ, С. В. Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. С.-Пб. 1890. Изданіе А. С. Суворина.

Русскій языкъ, какъ едва ли не всѣ другіе языки, имѣетъ значительное количество пословицъ, поговорокъ и такихъ фразъ и словъ, собственное значеніе которыхъ для насъ уже не понятно и которые нами употребляются или только въ переносномъ значеніи, или даже безъ всякаго значенія. Г. Максимовъ поставилъ задачею объяснить первоначальный смыслъ небольшого ряда подобныхъ — какъ онъ выражается — „крылатыхъ словъ“, воспользовавшись для этого данными археологій и филологій. Но ему едва ли удалось выполненіе этой задачи.

Вообще книга поражаетъ нѣкоторою легкостью отношеній автора къ дѣлу. Онъ увлекся фельетонною формою изложенія и наполнилъ книгу разнаго рода анекдотами, историческими разсказами, описаніями, иногда интересными, но рѣдко имѣющими прямое отношеніе къ „крылатымъ словамъ“ и еще рѣже уясняющими ихъ первоначальное значеніе.

Затѣмъ нельзя не пожалѣть о недостаткѣ въ книгѣ археологическихъ и филологическихъ свѣдѣній. Г. Максимовъ при составленіи своего труда повидимому не потрудился заглянуть въ какія-либо книги (кроме словаря Даля), и разсказалъ объ историческихъ событіяхъ по памяти, довольно слабой. Отсюда у него такіе разсказы, которыхъ нѣтъ ни въ одной лѣтописи, такія подробности, которыя не были записаны до сихъ поръ никѣмъ. Между прочимъ мы у него читаемъ слѣдующую фразу, позволяющую намъ не выписывать другихъ подобныхъ: „Мамаево побоище... ввергло всю Русь въ продолжительное рабство и оскорбительную зависимость отъ дикихъ ордъ“ (стр. 323). Но повидимому и прежде автору не приходилось читать очень многого и изъ старыхъ памятниковъ, и изъ новѣйшихъ изслѣдованій. Такъ, ему остались неизвѣстны важныя для него литературныя произведенія древней Руси въ родѣ сказанія о 12 пятницахъ, повѣсти о Шемякиномъ судѣ, житія Иларіона Суздальскаго (послѣднее едва ли не объясняетъ происхожденіе поговорки: у чорта на куличкахъ); онъ остался не знакомъ съ полезною для него статьею акад. Веселовскаго о пятницѣ (хотя на нее ссылается, очень неудачно, стр. 94). Даже русская народная поэзія оказалась ему такъ мало знакома, что онъ не обнаружилъ свѣдѣній о пѣснѣ: „Бей въ доску, поминай въ Москву“ (которая поется, между прочимъ, въ „Вѣдностъ не пороку“, Островскаго), а о Чурилѣ Пленковичѣ нашелъ возможнымъ сказать, что онъ не помнилъ ни отца, ни матери (стр. 270). Свѣдѣнія автора по старому языку такъ слабы, что ему неизвѣстно даже употребленіе слова мѣста въ значеніи: время (сравни современное съ часъ мѣста, еще въ словарѣ Даля).

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не назвать мысль г. Максимова — дать историческое объясненіе „крылатымъ словамъ“ — прекрасною и позволяемъ себѣ пожелать, чтобы вслѣдъ за этимъ авторомъ явился болѣе филологически подготовленный изслѣдователь, который бы занялся этимъ дѣломъ и представилъ серьезное изслѣдованіе, подобное нѣмецкимъ изслѣдованіямъ Борхардта и Фишера.

А. С.—скій.

Miklosich, Franz. Die Darstellung im slavischen Volksepos. Wien 1890 («Denkschriften der kais. Akademie d. Wissenschaften in Wien». Band XXXVIII).

Брошюра вѣнскаго слависта посвящена вопросу: въ чемъ заключается различіе между эпосомъ естественнымъ, народнымъ и эпосомъ искусственнымъ, личнымъ? Авторъ отвѣчаетъ: различіе двухъ эпосовъ имѣетъ свою причинную различіе въ представленіи у народа съ одной стороны и у отдѣльныхъ поэтовъ съ другой, выражающемся въ стилѣ. Затѣмъ у автора указывается, что народный эпосъ любитъ подолгу останавливаться на болѣе или менѣе неважныхъ подробностяхъ событій, охотно повторяетъ

одни и тѣ же слова или ставить рядомъ слова-синонимы, часто употребляетъ постоянные эпитеты и сравненія. Наконецъ Миклошичъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ изъ эпическихъ пѣсенъ сербскихъ, болгарскихъ, русскихъ и чешскихъ, занимающій большую часть брошюры.

Такимъ образомъ, по Миклошичу, различіе эпосовъ сводится къ различію въ представленіи. Причины различія въ представленіи не выясняются вѣнскими славистами; онъ ихъ даже совсѣмъ не касается. Между тѣмъ именно объ нихъ и стоило бы поговорить.

А. С—скій.

„Мелюзина“ (*Mélusine*), періодическій сборникъ миеологій, народной литературы, преданій и обычаевъ, основанный въ 1877 г. г-амъ Гэдозомъ (H. Gaidoz) и Ролланомъ (E. Rolland), съ 1887 г. редактируемый г. Гэдозомъ (Paris, libr. E. Rolland, 2 rue des Chantiers). Шесть ежегодныхъ выпусковъ въ 4-ву, 12 стр.; цѣна 12 фр. 50 сант.—Томъ V, выпуски 1—4.

Отчетъ о первыхъ выпускахъ названнаго сборника (1877—1878 г.) былъ чвоевременно сдѣланъ А. Н. Веселовскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., с. CLXXXIX, январь, 151—156; ч. CXCV, январь, 155—166. Послѣ шестилѣтняго промежутка (1878—1884) сталъ выходить отдѣльными выпусками второй томъ „Мелюзины“ (1884—1885); непосредственно за нимъ вышли третій (1886—1887) и четвертый томы, (1888—1889). Въ текущемъ году печатается пятый томъ, который закончится въ 1891 году. Точка зрѣнія редактора журнала, г-на Гэдоза, была изложена на страницахъ нашего изданія (см. Живая Старина, вып. I, „Отъ редактора“, стр. XLII—XLV¹⁾), программа же осталась прежняя, рассмотрѣнная А. Н. Веселовскимъ въ выше указанныхъ статьяхъ. „Мелюзина“ является по преимуществу сборникомъ матеріаловъ и изслѣдованій, исключаяющихъ статьи журнальнаго характера (ср. замѣчаніе Гэдоза: „la „Mélusine“ n'est pas une revue de littérature, mais de recherche, V, с. 81). Предполагая отмѣчать, по мѣрѣ выхода, наиболѣе важныя статьи „Мелюзины“, мы укажемъ здѣсь общее содержаніе первыхъ четырехъ выпусковъ нынѣ печатаемаго пятого тома²⁾, группируя статьи по сюжетамъ тѣхъ преданій и обычаевъ, которыя рассмотрѣны отдѣльно, за нимъ—по общему содержанію статей, когда предложены сводныя обзорныя. Нѣкоторыя рецензіи, заслуживающія особаго вниманія или по важности труда, о которомъ предлагается отчетъ, или по оригинальности соображеній, выказываемыхъ рецензентомъ по поводу какой-нибудь книги, будутъ тоже нами отмѣчены.

А. Обзорныя и изслѣдованія.

Индійскія народныя сказки и преданія V, 1—12, (A. Barth); ср. т. IV, 553—561 (того же автора).

Колдованіе (la fascination) V, 16—23, 41—45, 54—64, 87—93 (J. Tuschmann); г. Тушманнъ предпринялъ обширное изслѣдованіе о колдованіи, или чарахъ, и о чародѣяхъ у разныхъ народовъ въ разныя историческія эпохи. Изслѣдованіе это печатается въ „Мелюзинѣ“ съ 1884 года (т. II, 169 слл.) почти непрерывно

¹⁾ Ср. М., т. V, 32—36. Отчетъ Гэдоза о статьѣ Вейнгольда въ Zts. für Vergleich. Völkerpsychologie, XX, № 1, оговоренной въ томъ же выпускѣ Ж. Ст., стр. XLI—XLII.

²⁾ Приложенное къ концу cadaго изъ напечатанныхъ томовъ оглавленіе, распределенное по отдѣламъ (миеологія; суевѣрія; народное врачеваніе; народная астрономія; народныя представленія о правѣ и т. п.), даетъ возможность безъ труда найти справки о томъ или другомъ вопросѣ, въ прежнихъ изданіяхъ „Мелюзины“. Поэтому влізшии начинать обзоръ съ 1884 года. Мы приводимъ ссылки на прежніе выпуски лишь въ томъ случаѣ, когда данная статья, помѣщенная въ 1890 году, является дополненіемъ къ прежнимъ работамъ.

по настоящее время. Обиліе матеріаловъ, собранныхъ г. Тушманномъ, придаетъ особую цѣнность его труду, какъ справочной книгѣ; только по окончаніи его, будетъ уместнымъ дать общій отчетъ объ этомъ изслѣдованіи.

Народная этимологія и фольклоръ. (Подъ этимъ заглавіемъ предпринять рядъ изслѣдованій и замѣтокъ о вліяніи такъ называемой „народной этимологіи“ (т. е. истолкованія значенія слова по случайному созвучію съ какимъ-нибудь конкретнымъ значеніемъ, напр. С.-Петербургъ—Питеръ—питѣра (кутила), на ходячія повѣрія. Серія начата Кр. Нюропомъ (Kr. Nyrop, M., IV, 505—507) и продолжена г. Гэдозомъ (ibid., 507—524, V, 12—15, 69, 84—85), который приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ свѣдѣній о разныхъ вымышленныхъ святыхъ, возникшихъ какъ-бы по недоразумѣнію. Быть можетъ, не слѣдовало бы смѣшивать съ „народнымъ производствомъ“ шуточные обозначенія, какъ „день святой Получки“ (la sainte Touche), празднуемый будто-бы того числа, когда выдается жалованье, и т. п., гдѣ имя святого или святой явно измышлено въ шутку. Впрочемъ, г. Гэдозъ даетъ имъ общее обозначеніе—«les saints pour rige». Отмѣтимъ любопытный случай народной этимологіи выраженія, весьма популярнаго и у насъ: „отдаться въ объятія Морфея“ (т. е. лечь спать), выраженія, которое у Французовъ перешло въ: dans les bras de l'orfèvre (золотыхъ цѣль мастера), у Ирландцевъ: „in Murphy's arms“ (Murphy—собственное имя, весьма распространенное у Ирландцевъ).

Народныя сказки въ классическомъ мірѣ (V, 81—82). Г. Гэдозъ въ этой статьѣ начинаетъ серію параллелей сказочнымъ сюжетамъ, извѣстнымъ въ разныхъ европейскихъ литературахъ, въ произведеніяхъ классической древности. Авторъ задѣтается этики указаніями содѣйствовать будущему „Словарю сказокъ“, составленіе котораго было бы чрезвычайно желательнымъ предпріятіемъ.

Бретонскія народныя пѣсни (Ernault, Ch. pop. de la Basse-Bretagne, V, 83—84; ср. т. III, 77, 82 (E. Rolland); 161 (H. Gaidoz); 162 (E. Rolland); 184, 208, 260, 327, 350 (Ernault); 393 (Luzel); 421, 477, 570 (Ernault); т. IV, 299 (H. Gaidoz); 329, 357, 379, 404, 425, 452 (Ernault); 461 (Luzel), 472, 501 (Ernault). Въ настоящемъ выпускѣ приводятся пѣсня „о трехъ кумушкахъ, которыя напились“ (ср. Jeanroy въ Revue des patois romans, II, № 1) текстъ изданъ съ музыкой и съ французскимъ переводомъ).

В. Легендарные мотивы:

Два дерева, которыя сплелись, V, 2, с. 39—41 (Jean Karłowicz); ср. т. IV, 60 (J. Psychari), с. 61, 85, 142 (H. Gaidoz).

Ребенокъ, говорящій до рожденія, V, 2, с. 36 (O. Colson); ср. т. IV, 228 (H. Gaidoz), 272 (Israël Lévi), 274 (A. Barth), 277 (Karłowicz), 297 (H. Gaidoz), 323 (Isr. Lévi), 405, 447 (H. Gaidoz).

Нужно наносить лишь одинъ ударъ, V, 2, с. 37—38 (R. Koehler) дополненія къ параллелямъ Либрехта (Zur Volkskunde, 333) сербской сказки (ср. Архивъ Славянской Филологіи Ягича, Arch. f. Slav. Phil., I, 1876, 281).

В. Обычаи:

Побратимство, V, 2, с. 36 (H. Gaidoz); ср. т. III, 402—404 (H. Gaidoz), 573—574 (R. Basset), 574 (H. Gaidoz); т. IV, 118 (R. Basset), 260 (H. Gaidoz), 306 (Kr. Nyrop), 330 (H. Gaidoz).

Г. Замѣтки и рецензіи на слѣдующія книги:

Джалобъ. Исторія басенъ Эзопа¹⁾ (M. I. Jacobs, The Fables of Aesop, as first printed by William Caxton in 1884, with those of Avian,

¹⁾ Авторъ, предпринимая настоящее изслѣдованіе, выражаетъ удивленіе по поводу разнотыя специалистовъ по классической филологіи къ историко-литературнымъ задачамъ.

Alfonso and Poggio. Vol I, History of the Aesopic Fable, London, 1889). Г. Бартъ (V, 11—12), отмѣчая достоинства книги, ставитъ автору въ упрекъ чрезвычайное увлеченіе Буддизмомъ и особенно древностью буддійскихъ книгъ; гипотезу Джакосба, отождествляющаго Лидійца Kybises съ буддою Каѣуара, считаетъ бездоказательной. Г. Гэдозъ (V, 69—70), также отзываясь съ похвалою о книгѣ, указываетъ въ ней пробѣлы по вопросу о влияніи египетскихъ басенъ.

Рошеръ, Словарь греческой и римской мифологіи (W. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der Griechischen und Roemischen Mythologie, mit zahlreichen Abbildungen, 1885—1889; изданіе, котораго вышло уже 15 выпусковъ, еще не закончено). Г. Гэдозъ (М., III, 25—26) указываетъ неполноту Словаря, въ которомъ отведено мѣсто лишь личнымъ богамъ и богинямъ; предметы вѣрованій, обряды и повѣрія исключены. Къ статьѣ г. Деметена о культѣ героевъ въ древности г. Гэдозъ (М., V, 24) приводитъ дополнительную замѣтку на основаніи одного мѣста у Цицерона (De nat. deorum, III, 19), изъ котораго явствуетъ, что Греки не признавали героевъ богами.

Гастонъ Парисъ.—Народныя пѣсни въ Пьемонтѣ (G. Paris, Les Chants populaires du Piémont; отдѣльный оттискъ изъ Journ. des Savants, 1889, sept.—nov.). Г. Локэнъ (Loquin V, 73—81) отмѣчаетъ съ полной справедливостью особое значеніе брошюры Г. Париса, написанной по поводу труда г. Нигры²⁾. Г. Парисъ считаетъ современныя народныя лирическія пѣсни въ Пьемонтѣ и ихъ параллели во Франціи и Каталоніи не старше XVI-го вѣка; далѣе онъ выдвигаетъ гипотезу, что родина „лирико-эпическихъ“ пѣсенъ вообще романскихъ народностей, находится въ сѣверной Франціи, откуда онѣ распространились по разнымъ направленіямъ, послуживъ импульсомъ къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ обработкамъ въ сосѣднихъ романскихъ странахъ. Устанавливая значеніе слова „народный“ по отношенію къ литературѣ, Г. Парисъ замѣчаетъ, что не слѣдовало бы толковать народныя пѣсни въ смыслѣ безличныхъ произведеній, созданныхъ простымъ народомъ: „крестьянская среда лишь сохранила ихъ, но не создала“. Во многомъ этотъ тезисъ справедливъ, но едва-ли не слишкомъ категорично формулированъ, если подъ творчествомъ разумѣть не только изобрѣтеніе сюжетовъ, но и претвореніе ихъ сообразно условіямъ быта, міросозерцанію и складу жизни. Собирательное творчество не исключаетъ личнаго почина въ дѣлѣ, но указываетъ дальнѣйшіе процессы въ обработкѣ литературнаго произведенія, возможные только при участіи многихъ.

Θ. Б.

Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 r. przedstawił Maurycy Stankiewicz. Kraków. 1889. Литовская библиографія съ 1547 по 1701 годъ представилъ Маурикій Станкевичъ. Краковъ. 1889. 8° XVI и 74 стр.

Для исторіи литовской литературы эта маленькая книжка представляетъ весьма интересный матеріалъ. Она содержитъ краткое предисловіе, далѣе идетъ обзоръ источниковъ, которыми пользовался авторъ, списокъ литовскихъ книгъ въ хронологическомъ порядкѣ и алфавитный указатель именъ и предметовъ. Въ предисловіи жалуются авторъ на скудость матеріаловъ для исторіи литовской письменности. „До сихъ поръ, говорятъ авторъ, не имѣемъ сочиненія, которое хотя бы въ грубыхъ чертахъ представляло литовскую литературу. Ниже приводимый рядъ источниковъ, непосредственно или отчасти касающихся этого предмета, очень скудные заключаютъ въ себѣ мате-

²⁾ Canti popolari del Piemonte, pubblicati da Costantino Nigra, Torino. 1888. Отмѣтитъ истати интересную рецензію на эту книгу г. Jeanroy въ Историческомъ Журналѣ по Итал. литер. (Giornale storico della letteratura Italiana, 1889, VII, XIII, 33—39, стр. 384—391). Оспаривая нѣкоторые изъ положеній Нигра, г. Жанруа высказываетъ соображенія методологическаго характера по изученію народныхъ пѣсенъ, которыя заслуживаютъ вниманія.

ріалы, за исключенієм цѣнныхъ сочиненій: Остермейера, Резы, Карловича и Э. А. Вольтера, не находимъ ни одного труда, посвященнаго исключительно литовской письменности. Разбросанныя тамъ и сямъ указанія либо о литовской книгѣ, либо о ея авторѣ сообщаютъ только вскользь. Если цитируется гдѣ либо заглавіе литовской книги или хотя одно литовское слово, то всегда такъ ужасно исковеркано, что съ трудомъ догадаться смысла. Пользоваться такими источниками почти невозможно, а при проверкѣ ошибокъ много затрудненій, такъ какъ приобрести какое либо литовское изданіе нынче очень трудно:—всякая литовская книга, новая или старая, приобретается, какъ рѣдкость. Наши бібліотеки мало или ничего литовскаго не имѣютъ и мало объ этомъ заботятся. Между тѣмъ литовская литература имѣетъ свою исторію. Съ 1547 года, съ появленія первой литовской книги, число изданій, сколько намъ извѣстно, больше тысячи. Это число, сравнительно съ другими литературами, конечно незначительно, но принимая во вниманіе различныя обстоятельства, всегда неблагоприятныя развитію литовскаго издательства, все же что либо да значить, и должно заслуживать вниманія*. Въ обзорѣ источниковъ для литовской письменности не числятся довольно значительныя изъ таковыхъ; такъ видно автору были не извѣстны, напр: „Krause A. Lithauen und dessen Bewohner. Königsberg. 1834“. Eichhof G. F. Histoire de la langue et de l' litter. de Slaves, Russes et Lettons. Paris. 1839. „Glogau, Litauen und Litauer. Tilsit 1869, Нѣсколько словъ о жмудскихъ книгахъ. Вильна. 1865 и т. д. Списокъ литовскихъ книгъ составленъ авторомъ съ особымъ прилежаніемъ, такъ что въ списокъ внесены книги не литовскія, но содержація лишь нѣсколько строкъ на литовскомъ языкѣ, какъ напр. на стр. 41. Латинское соч. „Carmen litvanicum sive alanicum Benedicti Pietrowitz. Roma, 1638“ заключаетъ въ себѣ 6 стиховъ на литовскомъ языкѣ. На стр. 43 такое же соч. „Ver Lukisckanum ad Serenissimarum Maiestatum praesentiam efflorescens, publicae felicitatis... Soc. Jesu etc etc. 1648 г.“ заключаетъ лишь два стиха на литовскомъ языкѣ. Но пропущены въ этомъ списокѣ литовскія изданія, кромѣ трехъ изданій прусскаго катехизиса, три манифеста Георга Фридриха Марграфа Бранденбургскаго на литовскомъ языкѣ, два 1578 и одинъ 1589 г., которые были перепечатаны Беценбергеромъ и Веберомъ въ „Altpreuss. Monatschr. 1871 и 1872 г. и проповѣди Шпривда: „Kazanie na wszystkie niedziele calego roku przez K. Szyrwidą po polsku i litewsku. Wilno. 1639“. Указана. Хожеромъ „Obraz bibliograficzny. № 4457“ и Карловичемъ въ соч. о О języku litewskim. 1874.* Списокъ литовскихъ книгъ отличается тѣмъ, что кромѣ полного заглавія литовскихъ книгъ, указываетъ, какимъ шрифтомъ печатана книга, кто былъ составитель или переводчикъ книги и приводитъ тексты изъ литовскихъ книгъ, которые могъ имѣть авторъ подъ рукою.

Б—сз.

Darmestetter, James. Chants populaires des Afghans recueillis par—Paris 1888—1890. pp. CCXVIII+296+228 in 8° (Société Asiatique. Collection d'ouvrages orientaux. Seconde série).

Книга г. Дарместеттера представляетъ намъ совершенно новый и чрезвычайно богатый матеріалъ; мы не будемъ касаться грамматической ея части, а обратимся исключительно къ литературной—образцамъ афганской народной поэзіи. Авторъ провелъ весну и лѣто 1886 г. на англо-афганской границѣ, и къ этой именно мѣстности и относится большинство собранныхъ имъ образцовъ, нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ, повидимому, пользуются популярностью и въ другихъ мѣстахъ Афганистана (см. стр. CCIV). Сильное индійское вліяніе сказывается во всѣхъ почти приводимыхъ въ книгѣ пѣсняхъ и легендахъ, что вполне объясняется съ одной стороны мѣстностью, а съ другой тѣмъ, что авторы этихъ легендъ и пѣсенъ по большей части обафганившіеся Индусы (стр. CXLIH); въ

этомъ отношеніи весьма важны были бы для полнаго пониманія афганской народной поэзіи образцы изъ другихъ частей Афганистана. Любопытный образчикъ довольно стариннаго индійскаго вліянія представленъ на стр. CLXXIV—CLXXV: Когда Бабуръ въ началѣ XVI столѣтія въ своихъ походахъ столкнулся съ Афганцами, то, послѣ выигранной битвы, къ нему привели плѣнныхъ съ травкою въ зубахъ—они этимъ какъ бы хотѣли сказать, что они его коровы; тоже повторилось позже и въ войнѣ съ Сикками. Г. Дарместеттеръ прибавляетъ: *la formule (je suis ton boeuf) semble d'origine indienne* и ссылается на книгу Темпля.—*The legends of the Penjab*. Формула эта дѣйствительно индійская и къ тому же очень старая, такъ какъ еще въ старинномъ санскритскомъ сборникѣ законовъ Гаутамы мы находимъ гдѣ постановленіе, въ числѣ лицъ, которыхъ не дозволено трогать въ битвѣ, поименованы назвавшіе себя коровами или брахманами ¹⁾.

Особое вниманіе обращено собирателемъ на пѣсни историческія; онѣ касаются періода отъ 1828 — 1881 годъ, а одна относится даже ко временамъ знаменитаго побѣдителя при Панипатѣ Ахмед-шаха. Всѣ онѣ въ высшей степени характерны: война, рѣзня, убійство, измѣна, казни—кровь и кровь на каждомъ шагу и глубокая ненависть къ невѣрнымъ. Большинство этихъ пѣсенъ замѣчательно по силѣ и красотѣ выраженія. Какъ любопытное дополненіе къ этимъ пѣснямъ, г. Дарместеттеръ сообщаетъ одну персидскую пѣсню, написанную во время послѣдней, такъ называемой кабульской кампаніи 1879—1880 года и помѣщенной съ англійскимъ переводомъ въ одной англо-индійской газетѣ подъ нѣсколькими странными заглавіями *Afghan pursegy song* (Афганская колыбельная пѣсня): въ ней говорится про положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ и есть припѣвъ въ каждомъ стихѣ: „Приди дитя, поѣшь винограду“; послѣднее англійскій издатель и переводчикъ принялъ въ буквальный смыслъ и не понявъ, по справедливому замѣчанію г. Дарместеттера, что дитя пѣсни англійскій главнокомандующій, котораго кормилица собирается угостить свинцовыми ягодами.

Изъ пѣсенъ духовнаго содержанія особенно красивы три размышленія о смерти (№№ 33, 34, 35), проникнутыя глубокимъ презрѣніемъ къ суетамъ міра и полнымъ спокойствіемъ передъ лицомъ смерти. Къ тому же разряду пѣсенъ духовныхъ отнесена и версія извѣстной мусульманской легенды о раѣ Шеддада. Услышавъ о Божьемъ раѣ Шеддадъ поклонялся, что устроить тамъ рай на землѣ еще лучший, приказалъ выбрать подходящее мѣсто и устроить тамъ рай. Когда рай былъ готовъ, онъ съ войсками своими пошелъ туда, но Богъ наказалъ его: буря уничтожила Шеддада и его войско, и никто не выдалъ этого рая, кромѣ одного человѣка, который во времена халифа Моавинъ попалъ туда случайно; но этотъ человѣкъ, отпраздновавъ въ раѣ Шеддада съ войскомъ, по порученію Моавинъ, уже не воротился. Афганская версія очень краткая, повидимому не даетъ никакихъ новыхъ подробностей. Изъ легендъ первая (№ 44) относится къ Александру Великому, при чемъ его ближайшимъ совѣтникомъ является знаменитый мудрецъ Локманъ. Авторъ даетъ три версій, которыя доставятъ вѣроятно интересный матеріалъ занимающимся легендою Александра на Востока ²⁾. Въ третьей версії отмѣтимъ два мотива: Царь, у котораго застряла кость въ горлѣ, излѣчивается черезъ мнимое убійство его сына — царь огорченный предполагаемою смертью сына глубоко вздыхаетъ и кость выпадаетъ (довольно обыкновенный сказочный мотивъ). 2. При свиданіи долго разлученныхъ матери и сына, молоко приливаетъ къ грудямъ матери (въ данномъ случаѣ это предотвращаетъ кровосмѣшеніе); не знаю общъ ли этотъ мотивъ многимъ народамъ, но изъ Индійской литературы я могу привести нѣсколько параллелей: въ буддйскомъ сборникѣ легендъ *Avadānaśataka* VIII, 8. (Ms.); въ сборникѣ разска-

¹⁾ *Śrīgautamadharmasūtram the institutes of Gautama* ed. A. F. Stenzler. London 1876. X. 18.

²⁾ Укажемъ здѣсь на послѣднюю работу о романѣ Александра на Востока: Nöldeke. Th. Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans. Wien 1890 (Denkschr. W. Ak. Ph. H. Cl. XXXVIII. V.). Для легенды Локмана. Toy C. H. The Lokman legend. Journ. Amer. Orient. Soc. XIII. pp. CLXXXII—CLXXXVII и Basset. R. Loqman Berbère, avec quatre glossaires et une étude sur la légende de Loqman. Paris. 1890 (Этой книги я еще не читалъ въ рукахъ).

зовъ о царѣ Čalivāhana — Čalivāhanakathā (Ms. India office Library. XVI. fol. 52 r): Kathā sarit-sāgara 110. 109; Vikramodaya (сборникъ разсказовъ о царѣ Vikramāditya Ms). гл. IX Тутъ тоже предотвращается кровосмѣшеніе. Jülg. Mongolische Märchen. Innsbruck 1868. стр. 89. (Арджи Бурджи—основанъ на индійскомъ сборникѣ Simhāsanadvātrīcīkā — 32 разсказа фигуръ на тронѣ царя Vikramāditya).

Въ № 45, излагающемъ несчастную исторію двухъ любовниковъ, встрѣчаемъ довольно общій мотивъ: два дерева съ сплетшимися вѣтвями вырастаютъ на могилахъ влюбленныхъ, тѣла которыхъ, погребенныя въ разныхъ мѣстахъ, чудесно соединились. № 46 факиръ и царевна. Какъ указываетъ самъ г. Дарместеттеръ, это версія знаменитой персидской повѣсти о любви Ферхада зодчаго и жены Хозроя Парвиза Ширинъ. Въ прозаической версії, приводимой въ нашей книгѣ вслѣдъ за стихотворной, встрѣчаемъ извѣстный мотивъ попытки вычерпать море чашею. № 47. О Фатхъ-ханѣ, въ прозаической версії, извѣстный въ индійскихъ сказкахъ мотивъ прострѣливанія своевольнымъ царевичемъ кружекъ у дѣвушекъ, идущихъ за водою. Г. Дарместеттеръ приводитъ параллель только изъ пенджабской легенды о Расалу.

Въ сборникѣ находится еще рядъ любовныхъ и бытовыхъ пѣсень, пословицъ, загадокъ.

Кое-что помѣщенное въ разобранной книгѣ было уже изложено авторомъ въ интересной и живой статьѣ *Afghan Life in Afghan Songs*. (Contemp. Rev. 1887. October. стр. 453—76.), а хорошіе комментаріи общаго характера можно найти въ его же книгѣ *Lettres sur l'Inde* Paris. 1887. Книгѣ г. Дарместеттера, окончательно и прочно введшей афганскій языкъ въ иранскую группу, принадлежитъ безспорно одно изъ выдающихся мѣстъ среди оживившагося за послѣднее время изученія иранскихъ языковъ.

C. O.

Geiger W. Das Yātkār-i Zarīrān und sein Verhältnis zum Šāh—nāme. Отд. оттискъ изъ Sitz. Philos-philol. und hist. Classe Bayer. Ak. Wiss. 1890. Bd. II. Heft. I. pp. 43—84.

Персидскій эпосъ, несмотря на значительный интересъ, который онъ представляетъ для изученія, до сихъ поръ почти не нашелъ себѣ изслѣдователей—все наше знакомство съ нимъ основывается на скудныхъ данныхъ каталоговъ рукописей, немногихъ журнальныхъ статьяхъ и на предисловіи Моля къ его изданію „Книги Царей“ Фирдуси. Тѣмъ пріятнѣе появленіе работы д-ра Гейгера, которая для одного эпизода, по крайней мѣрѣ, даетъ намъ возможность хоть отчасти проникнуть въ запутанную исторію персидскаго эпоса — д-ръ Гейгеръ даетъ намъ переводъ (съ выдержками изъ пехлевійскаго текста) разсказа о битвѣ между царемъ Ирана Виштаспомъ и царемъ Хьаономъ Арджаспомъ, во время которой былъ убитъ иранскій богатырь Зариръ; переводъ снабженъ многочисленными примѣчаніями; въ концѣ брошюры разобранъ вопросъ объ отношеніи пехлевійскаго текста къ Книгѣ Царей: авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что переведенный имъ текстъ не составляетъ прямого источника Шах-намъ и можетъ быть даже не очень древень, но восходитъ онъ къ древнему тексту, многія черты котораго и сохранилъ. Этотъ-то древній текстъ принадлежитъ, вѣстѣ со многими другими, къ числу источниковъ нынѣ, по видимому, утерянной, пехлевійской книги царей (Ходай-намакъ).

Эта книга въ свою очередь, какъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ источниковъ Книги Царей Фирдуси.

Д-ръ Гейгеръ работаетъ теперь надъ Шах-намъ, а г. Зотенбергъ приготовляетъ къ печати текстъ и переводъ стараго эпического произведенія Гершаспъ-намъ и, по видимому, дастъ намъ подробныя указанія относительно другихъ персидскихъ эпическихъ

текстовъ. Тогда получится твердая основа для изученія персидскаго эпоса и съ привлеченіемъ пехлевійскихъ, арабскихъ, армянскихъ и др. источниковъ, мы можемъ ожидать уже исторію персидскаго эпоса. Пока надо только пожелать, чтобы д-ръ Гейгеръ поскорѣе опять порадовалъ насъ такою-же интересною и прекрасною работою изъ той-же повидимому весьма интересной рукописи пехлевійскаго Шах-намака.

C. O.

Das Ausland. Wochenschrift für Erd-und Völkerkunde, 1890 г.

Въ этомъ году, начиная съ № 14, журналъ сталъ издаваться Карломъ фонъ-денъ-Штейненъ и, какъ намъ кажется, измѣнился къ лучшему. Статьи стали замѣтно серьезнѣе и перестали такъ пестрѣть общими, ничего не выражающими, но красивыми фразами. Уже одно то указываетъ на большую серьезность постановки дѣла, что съ этого времени въ статьяхъ начали появляться примѣчанія, съ указаніемъ на матеріалы, что прежде случалось очень рѣдко.

Долго было-бы излагать содержаніе всѣхъ статей, большихъ и малыхъ, а потому ограничимся указаніемъ только на наиболѣе, на нашъ взглядъ, интересныя.

Не станемъ упоминать рецензій и библиографическихъ замѣтокъ. Между ними довольно часто попадаются статьи о Россіи, написанныя по русскимъ источникамъ, статьи, которыя насъ могутъ интересовать только точкою зрѣнія автора. Но и между ними попадаются статьи, интересныя своимъ сравнительнымъ матеріаломъ. Такова, напр., статья Германа Обста: „Къ демографіи Европейской Россіи“ (стр. 848 сл.), гдѣ излагаются результаты статистическихъ изслѣдованій прироста народонаселенія Россіи сравнительно съ Западно-европейскими государствами. Далѣе интересна статья Ауриха: „Этнологическая классификація племенъ Кавказа. По русскимъ источникамъ“ (стр. 704 сл.). Она даетъ перечисленіе всѣхъ народовъ Кавказа съ указаніемъ ихъ мѣста жительства, числа, а иногда и краткой исторіи. Къ сожалѣнію, авторъ указываетъ одинъ только источникъ (Матеріалы къ изученію экономическаго положенія государственныхъ крестьянъ), а потому невозможно сказать съ увѣренностью, насколько надежны его цифры. Оказывается, что Русскіе (1.925.000) на Кавказѣ составляютъ почти $\frac{1}{3}$ общаго его населенія, между тѣмъ какъ самыя многочисленныя изъ другихъ народностей едва достигаютъ численности половины русскаго населенія.

Такъ Азербайджанскіе Татары насчитываютъ 877 т., Грузины—755, Армяне 750. Отъ 300—100 тыс. насчитываютъ Чеченцы, Мингрельцы, Аварцы, Осетины, Черкесы, Куринцы, Татары; отъ 90—70 т.—Даргинцы Таты, Ногайцы, Кумыки, Турки, Курды; отъ 50—10 т.—Греки, Талышинцы, Абхазцы, Евреи, Лаки, Карапахи, Нѣмцы, Карачаевцы, Трухмены, Табасаранцы, Эсты, Кабардинцы, Сванеты, Персы, Удины и и Калмыки; менѣе 10 т.—Туркмены (9), Лазы (2), Молдаване, Цыгане, Литовцы, Чехи и др. славянскія народности.

Далѣе упомянемъ рядъ статей Guido Coa о Цыганахъ (№№ 31—34 и 36). Статьи эти написаны по поводу книги Adriano Colocci (Gli Zingari, storia d'un popolo errante), въ которой заключается много новыхъ свѣдѣній о Цыганахъ; но авторъ имѣетъ въ виду также и остальную литературу этого вопроса. Онъ излагаетъ происхожденіе Цыганъ, ихъ появленіе и распространеніе въ Европѣ, ихъ моральный характеръ, музыку, пѣніе, поэзію, танцы, языкъ, нравы и обычаи. Въ концѣ прибавленіе: географическое распредѣленіе и статистическое обзорѣніе Цыганъ.—Статья Генриха Шурца „Фергунка“ (301 сл.) имѣетъ въ виду доказать справедливость Гриммовскаго сопоставленія этого древняго имени Рудныхъ горъ съ славянскимъ именемъ Перунъ (Перкунъ). Авторъ приводитъ нѣсколько географическихъ именъ, въ которыхъ онъ видитъ свѣдѣтельства большаго распространенія здѣсь культа Перуна.—Двѣ статьи Фридриха Крауса (329 сл. и 410 сл.) „Духи—мучители у южныхъ Славянъ“ излагаютъ вѣрованія въ мору и вукодлака и приводятъ нѣсколько сказаній объ этихъ суще-

ствахъ, способы заговоровъ противъ нихъ и одинъ образчикъ заговора противъ моря. — Статья Поста „Японское семейное право“ (стр. 448 слл.) интересна въ томъ отношеніи, что указываетъ на существованіе у Японцевъ того, что у насъ сохранилось только въ остаткахъ, изъ которыхъ ученые восстанавливаютъ картину первобытной жизни семьи. — Интересны также статьи Адриана Якобсена, излагающія сказанія жителей Северо-Западной Америки (стр. 352 слл. 421 слл.). Тутъ между прочимъ мы встречаемъ представленіе бога грома въ видѣ существа съ крыльями: отъ движенія его бровей происходитъ молнія, а отъ движенія крыльевъ громъ. Родъ человѣческій произошелъ отъ ворона, взявшаго себѣ въ жены женщину, найденную имъ въ раковинѣ на морскомъ берегу. Огонь добытъ благочестивой и скромной старухой изъ хвоста ворона, являющагося благодѣтелемъ человѣческаго рода и напоминающаго нѣсколько сказочную Жаръ-птицу, изъ хвоста которой Иванушка-дурачекъ выдергиваетъ свѣтлѣющее перо. — Интересна также статья того же Якобсена „Камни, какъ амулеты у дикихъ и цивилизованныхъ народовъ“ (стр. 534 слл.). Къ статьѣ приложены рисунки такихъ камней, собранныхъ авторомъ у различныхъ народовъ. Онъ находитъ много общаго въ вѣрованіяхъ дикарей и живущей еще и теперь у насъ среди простого народа вѣры въ цѣлебную силу „гromовыхъ стрѣлъ“ (Donnerkeil) у насъ въ Россіи и въ Германіи. — Изъ прочихъ статей упомянемъ, какъ имѣющія общій интересъ, статьи Пауля Рейхарда „Жесты и мины Негровъ“ (№№ 20, 21, 22), написанныя очень живо, и статьи Густава Банкалари „Розысканія о нѣмецкомъ домѣ“ съ иллюстраціями (№№ 24, 25, 27)

Д. К—ий.

Fr. Krauss, Dr. Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven.
(Münster, 1890).

Фридрихъ Крауссъ уже много лѣтъ работаетъ въ области народовѣдѣнія. Особенно близко ему знакомы Южные Славяне. Цѣлый рядъ сочиненій его о ихъ повѣрьяхъ и обычаяхъ ясно свидѣлствуетъ, что онъ знакомъ съ ними не по книгамъ только, но и изъ непосредственныхъ наблюденій. Особенно богатъ лично собраннымъ матеріаломъ новѣйшій трудъ Краусса „О народныхъ вѣрованіяхъ и религіозныхъ обычаяхъ Южныхъ Славянъ“, входящій въ серію издаваемыхъ въ Мюнстерѣ „Очерковъ по исторіи нехристіанскихъ религій“. Не задаваясь цѣлью найти первоисточники религіозныхъ вѣрованій Южныхъ Славянъ, прослѣдить ихъ аналогію у другихъ народовъ, наконецъ подвергнуть анализу самые факты, авторъ скромно довольствуется обстоятельнымъ, описательнымъ изложеніемъ остатковъ нехристіанскихъ и немусульманскихъ вѣрованій Южныхъ Славянъ. Онъ говоритъ о значеніи въ народной поэзіи солнца, луны и звѣздъ, о сказаніяхъ объ обитателяхъ луны, вѣрованіяхъ, соединенныхъ съ фазисами луны (I гл.), о вѣрѣ народа въ судьбу (II гл.), о душѣ деревьевъ и болѣзняхъ, приписываемыхъ дѣйствию особенныхъ духовъ (Krankheitsgeister, III гл.), о чумѣ и морѣ (IV гл.), о вѣлахъ (V гл.), вѣдьмахъ (VI гл.), карликахъ и великанахъ (VII гл.), о могильныхъ фетишахъ (VIII гл.), наконецъ о жертвоприношеніяхъ и предсказаніяхъ по нимъ (IX гл.). Къ сочиненію приложенъ весьма удобный для справокъ указатель. Богатство содержанія очевидно уже изъ самаго краткаго перечня главъ. Основная точка зрѣнія, предпочитающая изложеніе фактовъ туманнымъ міеологическимъ разсужденіямъ объ особенно глубокой мысли, лежащей въ этихъ фактахъ, строго выдержана. Можетъ быть, не всѣ согласятся съ фольклористическимъ направленіемъ Краусса, который, въ ущербъ народной особенности, возводитъ все къ общечеловѣческому, всенародному воззрѣнію. Сочиненіе, во всякомъ случаѣ, отъ этого направленія не страдаетъ, ибо при основательныхъ знаніяхъ и безпристрастіи авторъ отличается также своимъ здравомысліемъ. Поэтому присоединимся къ пожеланію самого автора, чтобы его книга нашла дружелюбный приѣмъ въ обществѣ и послужила къ увеличенію пока малочисленныхъ, особенно у насъ, Славянъ, изслѣдователей народной жизни и мысли.

А. Л.

Легенда о св. Алексѣ въ сирийской и славянорусской редакціяхъ его житія.

(La Légende Syriaque de Saint Alexis l'Homme de Dieu, par Arthur Amiaux. Paris. 1889).

Изученіе знаменитой въ средневѣковыхъ церковно-народныхъ литературахъ легенды о св. Алексѣ, Человѣкѣ Божіемъ, обогатилось въ послѣдніе два-три года нѣсколькими цѣнными работами, представившими въ общемъ богатый матеріалъ для всесторонняго возстановленія ея сложной и въ высшей степени интересной литературной исторіи. Такъ въ 1887 году вышло второе изданіе извѣстной книги G. Paris, содержащей французскіе стихотворные тексты этой легенды, изданіе, впрочемъ, безъ всякихъ перемѣнъ ¹⁾,—въ слѣдующемъ затѣмъ году появилась работа P. Müller'a, посвященная разсмотрѣнію ея драматическихъ версій ²⁾, и на русскомъ—сообщеніе г. Владимірова о бѣлорусскихъ и польскихъ текстахъ легенды (въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, въ 1887 г. и потомъ отдѣльно), а на дняхъ появилась книжка Kötting'a о старофранцузскихъ въ связи съ англійскими и нѣмецкими,—послѣднія уже были разсмотрѣны, кромѣ Массмана,—Жоре ³⁾,—стихотворныхъ версій и обработкахъ этой легенды ⁴⁾. Но самымъ важнымъ приобрѣтеніемъ для изученія легенды о св. Алексѣ является изданіе сирийскаго текста его житія, съ французскимъ переводомъ, Артура Амід, вышедшее въ концѣ прошлаго года,—книга, заглавіе которой мы привели въ началѣ нашей статьи. Изданію текстовъ въ этой книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ Амід пробуетъ доискаться начала легенды, отправляясь отъ ея сирийскихъ текстовъ, а затѣмъ въ связи съ ними изложить и ея исторію, въ послѣдовательномъ развитіи и переходѣ легенды съ Востока на Западъ. Амід знаетъ и о существованіи нашихъ славяно-русскихъ текстовъ, по работѣ Дашкова (въ „Вестн. въ Общ. любит. рос. словесн.“ 1868 г., вып. 2 отд. I, стр. 20—52); но самыхъ этихъ текстовъ онъ не видалъ, а потому не могъ и воспользоваться ими, между тѣмъ они представляютъ въ данномъ случаѣ большое значеніе, особенно потому, что первичная и древнѣйшая, греческая редакція легенды считается пока утраченной, тогда какъ есть основаніе полагать, что она сохранилась и итѣется на лицо въ славяно-русскихъ переводахъ. Кромѣ того, сличеніе сирийской редакціи житія св. Алексѣя съ славяно-русскими, въ сохранившихся спискахъ послѣднихъ отъ XII до XVII в., открываетъ возможность съ точностью опредѣлять древнѣйшую изъ нихъ и ближайшую къ предполагаемому греческому оригиналу, съ котораго были сдѣланы какъ славянскій, такъ и сирийскій переводы легенды. Это обстоятельство сообщаетъ изданію Амід нѣкоторый особый интересъ.

О существованіи сирийскаго житія св. Алексѣя извѣстно было еще болландистамъ, въ XVIII в., при изданіи іюльскихъ томовъ „Acta Sanctorum“. Іезуитъ Пиній (Johannus Pinus), помѣстившій въ одномъ изъ этихъ томовъ (tom. IV) первое по времени изслѣдованіе этого житія, имѣлъ точныя свѣдѣнія отъ знаменитаго ориенталиста Ассемани о подлинномъ сирийскомъ житіи, но оставилъ ихъ безъ вниманія, издавъ лишь, въ латинскомъ переводѣ, позднѣйшую сирийско-арабскую версію, которой онъ также не придавалъ особеннаго значенія. Въ вопросѣ о происхожденіи легенды Пиній былъ того

¹⁾ Gaston Paris et L. Pannier. La vie de S. Alexis. Poème de XI siècle et renouvellements des XII, XIII et XIV siècles. Paris. 1887.

²⁾ P. Müller, Studien über drei dramatische Bearbeitung der Alexiuslegende. Berlin. 1888.

³⁾ C. Joret, La légende de S. Alexis en Allemagne. Paris. 1874.

⁴⁾ Studien über altfranz. Bearbeitung der Alexiuslegende mit Berücksichtigung deutsch. und englisch. Alexiuslieder, von G. Kötting. Trier, 1890.

мнѣнія, что ближайшимъ источникомъ для нея, въ ея различныхъ редакціяхъ, греческихъ и латинскихъ, послужилъ извѣстный церковный канонъ св. Алексѣю, составленный въ IX в. Іосифомъ Пѣснописцемъ, хотя, казалось-бы, самое уже существованіе канона, представляющаго рядъ лиро-эпическихъ гимновъ, естественно, должно было наводить на мысль о существованіи и особаго житія, изъ котораго пѣснописецъ вѣроятно все и бралъ житійный матеріалъ для своихъ пѣснопѣній. Позднѣйшіе изслѣдователи, въ томъ числѣ Массманъ (S. Alexius Leben, Quedl. u. Lpz. 1834), Дашковъ (въ указан. сочин.) и арх. Сергій, не прибавили отъ себя ровно ничего къ мнѣнію Пинія, такъ какъ вопросомъ о началѣ легенды они и не занимались,—арх. Сергій въ своей „Агіологіи“ лишь замѣчаетъ, что „вообще жизнь этого святаго требуетъ и достояна изслѣдованію безпристрастнаго“ („Мѣсяцъ Востока“, т. II, часть 2, стр. 82). Только недавно Gaston Paris въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Romania“ (tom. VIII, 1879 г.), пользуясь арабско-сирійскимъ житіемъ св. Алексѣя, въ латинскомъ переводѣ болландистовъ, усмотрѣлъ въ этомъ именно житіи первоисточникъ легенды, а затѣмъ указалъ пути и средства, при которыхъ должно было проходить ея развитіе на почвѣ византійской и западно-европейской. Но тѣмъ не менѣе нуженъ былъ подлинный, оригинальный текстъ сирійской легенды, значительно пострадавшей, какъ можно было предполагать, въ арабскомъ переводѣ, подлинный текстъ для того, чтобы дѣйствительно за нимъ признать силу и значеніе первоисточника, равно какъ съ болѣею опредѣленною отвѣчать и на вопросы, связанные съ его судьбою. Амідъ въ названномъ изданіи выполнилъ эту работу. Въ его распоряженіи находилось восемь списковъ сирійской легенды, изъ которыхъ три восходятъ къ V—VI вѣку, другіе къ IX и позднѣе,—по этимъ спискамъ онъ и сдѣлалъ свое изданіе.

И вотъ оказывается, что сирійская легенда, въ своемъ цѣльномъ видѣ, состоитъ изъ двухъ, вѣншихъ образомъ только связанныхъ между собою легендъ или, точнѣе, изъ двухъ частей одной и той-же легенды, изъ которыхъ первая несомнѣнно—древнѣйшая, сохранившаяся въ спискахъ V—VI в., содержитъ настоящее и подлинное житіе святаго, вторая же позднѣйшее легендарное добавленіе къ нему, извѣстное по греческимъ и латинскимъ редакціямъ. При этомъ, древнѣйшее или, такъ сказать, мѣстное Едесское житіе св. Алексѣя совсѣмъ не походитъ на то, что сообщается объ этомъ святомъ въ греко-латинскихъ легендахъ, а на основаніи ихъ и въ духовныхъ стихахъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ (наши русскіе духовные стихи объ этомъ святомъ см. въ сборникахъ Безсонова и Варенцова). Въ Едесскомъ житіи св. Алексѣя не называется даже по имени: онъ просто „Человѣкъ Божій“, по роду племени „изъ города Рима“, единственный и давно желанный сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей—Римлянъ, которые также не называются по имени. О всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, на которыхъ въ подробностяхъ останавливаются позднѣйшія легенды и духовные стихи—о воспитаніи и книжномъ ученіи, о сватовствѣ и женитбѣ, о бѣгствѣ изъ Рима, о прибытіи въ Едессу, о его набожной, святой жизни при храмѣ, и пр.,—здѣсь разсказывается кратко, съ полной естественностію и незамысловатостію обыкновенной подлинной исторіи, безъ всякихъ прикрашъ и безъ внесенія чудеснаго или какого-либо легендарнаго элемента. Единственное обстоятельство, приводимое житіемъ и напоминающее собою обычные житійные разсказы, это—чудесное извѣщеніе о часѣ его смерти церковнаго прислужника или паромонаря, бывшаго его другомъ и, по смерти, будто бы описавшаго его житіе (по греко-латинскимъ легендамъ его житіе было описано имъ самимъ на хартіи, которую нашли въ его рукѣ, когда онъ былъ уже мертвъ). О самомъ существенномъ событіи его жизни, передаваемомъ греко-римскими легендами—о возвращеніи святаго въ Рязъ и о пребываніи его въ домѣ отца, невѣдомо для послѣдняго, о его смерти здѣсь и о послѣдовавшихъ чудесныхъ явленіяхъ,—въ древнѣйшемъ сирійскомъ текстѣ (V—VI в.) ничего не говорится: святой, по этому житію, умираетъ въ Едессѣ и похороненъ въ усыпальницѣ или на кладбищѣ для чужестранцевъ. Лица, введенныя въ это житіе, мѣстныя бытовыя черты, словомъ, вся вѣншая обстановка, также не заключаютъ ничего легендарнаго; напротивъ, указываютъ на то, что житіе написано современникомъ—очевидцемъ или же со словъ

лица, близко знавшаго святаго, и написано вскорѣ послѣ его кончины.—Принимая все это во вниманіе, Амід пробуетъ даже установить опредѣленную дату, когда было составлено первоначальное Едесское житіе: онъ полагаетъ, что оно составлено между 450—475 г., въ одномъ изъ сирийскихъ монастырей близъ Едессы (кончину святаго агиологи относятъ къ 411—417 г.,—см. Сергія, указ. сочин., стр. 82,—Филарета, Житія святыхъ, мартъ, стр. 108 изд. 1875 г.). Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнную историческую достовѣрность сообщаемого въ первой (древнѣйшей) части Едесской легенды, въ ней есть подробности, послужившая, въ дальнѣйшемъ, зерномъ, изъ котораго, вѣроятно, развилась уже настоящая легенда, образовавшая, между прочимъ, его вторую часть въ сирийскихъ редакціяхъ, а въ греческихъ и латинскихъ—особый общезвѣстный видъ житія этого святаго. А именно, въ концѣ первой части сирийской легенды сообщается, что епископъ города Едессы, Равула,—личность вполне историческая,—узнавъ о подвижнической жизни святаго, послѣ его кончины и когда онъ былъ уже похороненъ, нашелъ достойнымъ воздать ему подобающія посмертныя почести, а потому въ торжественной процессіи отправился къ мѣсту его погребенія, но открыли гробницу, въ которой онъ былъ положепъ, и въ ней ничего не оказалось—найденны были одиѣ тряпки, въ которыя было завернуто тѣло его „Все были изумлены и поражены этимъ явленіемъ“,—читаемъ въ текстѣ легенды,—„епископъ же, придя въ себя, сказалъ: „помолимся“! помолился, заплакалъ и сказалъ: „да поможетъ мнѣ Господи ни о чемъ съ этого времени не прилежать столько въ моихъ заботахъ, какъ о призрѣніи и помощи чужестранцамъ, ибо кто знаетъ, сколько между ними такихъ, какъ этотъ святой, смиреніемъ стяжавшій высокая, великихъ въ очахъ Божіихъ, но сокрытыхъ отъ людей, невѣдомыхъ ими, по причинѣ ихъ смиренія“... Затѣмъ, рассказавши о необыкновенно широкой благотворительной дѣятельности епископа Равулы въ отношеніяхъ ко всемъ нуждающимся, особенно же къ „страннымъ“, авторъ заключаетъ свой рассказъ словами: „Такъ-то именно блаженный Равула подвигнуть (былъ и довелъ до высокой степени свою любовь—попечительную заботливость о чужестранцахъ“... Такимъ образомъ, Едесская легенда древнѣйшей редакціи констатируетъ фактъ, что тѣло святаго исчезло изъ его гробницы, и вѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что это было чудо, происшедшее по устроенію Божію и послужившее ко благу Едессы и „другихъ сосѣднихъ городовъ, даже отдаленныхъ странъ“, говорится въ легендѣ, которыхъ коснулась благотворительная дѣятельность епископа Равулы. Разъясненію этого чуда, „ненахожденія тѣла святаго въ гробницѣ“ и посвящена вторая—по времени—поздняя часть Едесской легенды, авторъ которой, точнѣе, вѣроятно—переводчикъ и компиляторъ—самъ указываетъ свой источникъ—„римское житіе святаго“. Онъ говоритъ: „мы рассказали исторію Чувѣка Божія, со словъ церковнаго служителя—паромонаря, бывшаго другомъ святаго, но долгое время спустя послѣ этого, до насъ дошла исторія этого блаженнаго челоуѣка, написанная въ его отечественномъ городѣ Римѣ“... „Написавшіе эту исторію, люди достойные вѣры, продолжаетъ онъ, ничего не знали о его смерти въ Едессѣ, можетъ быть, потому, что „и самъ святой ничего не зналъ объ обстоятельствахъ своей смерти въ Едессѣ“ (ибо съ нимъ совершилось чудо), а едесскій рассказъ (древнѣйшее едесское житіе, указанное выше) имъ былъ неизвѣстенъ,—все, что сообщаютъ они въ своей исторіи, стало извѣстно имъ изъ свитка, найденнаго въ рукѣ святаго послѣ его смерти въ Римѣ“... Авторъ поясняетъ далѣе, что „можетъ быть“, какъ говоритъ онъ, Господь удостоилъ святаго, по его желанію и по молитвамъ родителей, великой милости—быть чудесно перенесеннымъ (послѣ смерти, очевидно) въ ихъ родительскій домъ, воскресить его, позволить жить и умереть подлѣ нихъ. Вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ и самый рассказъ „римской исторіи“ о жизни св. Алексѣя, сходный съ латинской редакціей его житія, но изданію болландистовъ и Массмана (въ указ. соч., стр. 167 и сл.), т. е. съ той именно редакціей, которая послужила прототиномъ для всѣхъ западныхъ книжныхъ и народно-поэтическихъ версій легенды о св. Алексѣѣ. Вопросъ, слѣдовательно, ставится объ этой редакціи, которую авторъ-компиляторъ второй части едесской легенды самъ называетъ прямо „римской“ по своему происхожденію: дѣйствительно ли она первоначально появилась въ Римѣ и на латинскомъ языкѣ, а

потомъ уже переведена на греческій и сирійскій, или, можетъ быть, подъ Римомъ, въ данномъ случаѣ, нужно разумѣть „новый Римъ“—Византію, Константинополь?.. Но, прежде всего, возможность латинскаго именно первоисточника легенды устраняется тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что „до конца X вѣка память и почитаніе св. Алексѣя на Западѣ было совсѣмъ неизвѣстно“, что „свѣдѣнія объ немъ были принесены сюда съ Востока въ X вѣкѣ, между тѣмъ одна изъ сирійскихъ рукописей, сохранившихъ сію римскую легенду, несомнѣнно относится къ IX вѣку“. Кроме того, имѣя близкое сходство съ однимъ изъ трехъ извѣстныхъ латинскихъ списковъ римской легенды, сирійскій текстъ однако-же содержитъ и нѣкоторые значительныя отступленія отъ него, допускающія возможность предполагать для обоихъ особый первичный текстъ—оригиналъ. Такихъ оригиналовъ могъ быть только греко-византійскій, въ чемъ и дѣйствительно невозможно сомнѣваться даже при одномъ лишь разсмотрѣніи языка различныхъ текстовъ. На греческомъ житіе св. Алексѣя извѣстно въ четырехъ различныхъ вариантахъ—по канону Іосифа Пѣснописца IX в., по Метафрасту, по Мюнхенской рук. у Массмана и по списку въ сборникѣ житій святыхъ монаха Агація, составленному также на основаніи Метафраста. Но при сличеніи сирійскаго текста римской легенды, оказывается, что ни съ однимъ изъ этихъ списковъ она не имѣетъ буквальнаго сходства, напротивъ, во многомъ совершенно отличается отъ нихъ. Считая несомнѣнно доказаннымъ, что оригиналъ легенды все-таки былъ греко-византійскій, остается допустить, что этотъ оригиналъ потерянъ или, крайней мѣрѣ, пока не найденъ, что и допускаетъ Амід... Не могутъ-ли однако же пособить въ этомъ случаѣ наши именно старо-славянскіе списки, прямое отношеніе которыхъ къ греческимъ уже въ всякаго сомнѣнія? Я попробовалъ сличить сирійскій текстъ римской легенды, въ переводѣ Амід, съ славянскимъ по разнымъ спискамъ отъ XII по XV в. и къ удивленію нашелъ, что сирійскій текстъ и нашъ славянскій, напр., въ изданіи Срезневскаго и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ, буквально, слово въ слово одно и то же, за самыми незначительными разностями, характерными исключительно для славянскаго перевода. Такъ, напр., начало римской легенды въ Сирійскомъ читается: „Когда Человѣкъ Божій увидѣлъ, что сталъ онъ извѣстенъ всѣмъ въ Едессѣ, то бѣжалъ изъ этого города и пришелъ въ Лаодикію, и тамъ, найдя корабль, который отправлялся въ Тарсъ, взошелъ на него, говоря: отправимся въ Тарсъ, въ храмъ св. Павла, тамъ меня никто не будетъ знать“. И поѣхалъ онъ на кораблѣ, но корабль, гонимый бурнымъ вѣтромъ, занесенъ былъ въ отечество блаженнаго, въ Римъ“ и пр. Въ славянскомъ текстѣ это передается такими словами: „Видѣвъ же человекъ, яко и ту (въ Едессѣ) познаша его вси, отбѣже отъ града того и пришедъ въ Лодикію влѣзе въ корабль и въскотѣ ити въ Тарсъ, да не познають его тамо. Волею же Божіей прогнанъ бысть корабль вѣтромъ бурнымъ и приде въ Римъ“... Сходство текстовъ очевидное, такъ что нельзя сомнѣваться, что переводъ сдѣланъ съ одного и того-же оригинала, причемъ сирійскій содержитъ только часть римской легенды (о пребываніи св. Алексѣя въ домѣ отца по возвращеніи его изъ Едессы въ Римъ), нашъ же славяно-русскій всю цѣликомъ. Что касается затѣмъ незначительныхъ разностей между славянскимъ и сирійскими текстами, въ родѣ той, которая есть и въ приведенномъ отрывкѣ (упоминаніе о церкви св. Павла въ Тарсѣ, опущенное въ славянскомъ переводѣ), то, во первыхъ, ихъ вообще весьма не много, а во вторыхъ, разности эти должны быть отнесены частью на счетъ различныхъ греческихъ списковъ этой легенды, частью конечно и на счетъ славянскихъ, которые съ этой стороны остаются еще необсѣдованными. Во всякомъ случаѣ, при существованіи сирійскаго перевода IX вѣка, нашъ славянскій переводъ, буквально сходный съ нимъ, подтверждаетъ предположеніе о греко-византійскомъ происхожденіи римской легенды св. Алексѣя (переведенной на латинскій уже послѣ IX в.) и, за неимѣніемъ пока греческаго подлинника, долженъ считаться самой древнѣйшей редакціей, заимѣвающей тотъ именно греческій текстъ, который послужилъ оригиналомъ для всѣхъ другихъ греческихъ и латинскихъ версій легенды, причемъ, въ свою очередь, латинская редакція болландистовъ (l. c., Jul. IV, 251—253; Massmann, pag. 167—171) гораздо ближе къ славянскому тексту, чѣмъ даже текстъ Метафраста, и вѣроятно по-

тому, что послѣдній представляетъ компиляцію съ того же самаго греческаго подлинника, но съ добавленіями и измѣненіями, какъ и вообще составляя свои житія Метафрастъ. Покойный И. И. Срезневскій, въ замѣткахъ о славянскомъ житіи св. Алексѣя, говоритъ, что существуетъ и греческій текстъ этого житія и даже приводитъ изъ него начальныя слова: „Εὐγένιος ἀνὴρ ἐν τῇ πολέει“, но больше никакихъ свѣдѣній не сообщаетъ, и какой собственно подлинный текстъ онъ имѣлъ въ виду — неизвѣстно (см. его „Изв. и Замѣтки о малонизв. и неизв. памяти.“, XXXI)...

Признавая греко-византійское происхожденіе римской легенды св. Алексѣя, составляющей вторую часть въ его сирійскомъ житіи, Амід полагаетъ, что она возникла на основаніи устныхъ рассказовъ о святомъ, доходившихъ изъ Сиріи въ Византію, и, кромѣ того, находить, что въ нее вошли подробности изъ сходнаго житія другого святого—Іоанна Кушника. Но это уже гипотезы, которыя требуютъ особаго спеціальнаго разбора, тѣмъ болѣе, что мнѣніе о смѣшеніи житій св. Алексѣя и Іоанна Кушника не ново и разъ уже было подвергнуто серьезнымъ опроверженіямъ со стороны названнаго выше іезуита Пинія. Для изученія литературной исторіи данной легенды въ средніе вѣка и въ памятникахъ народнаго творчества такое или иное рѣшеніе этого вопроса не можетъ имѣть особеннаго значенія...

Ал. Пономаревъ.

Narodne pesni Koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal.
J. Scheinigg c. k. Gymn. prof. v Celovci. Ljubljana 1889.—стр. VII + 468

Не позже другихъ Славянъ обратили и Словѣнцы вниманіе на памятники народной словесности. Уже въ в. XVIII в. собиралъ народные пѣсни Динца Закотникъ (ср. Mihael Žolgar: Slovensko narodno pesništvo въ программѣ гимназій въ Целли въ Штиріи, на г. 1873) и лучшіе словѣнскіе писатели нашего столѣтія занимались записываньемъ народныхъ пѣсней: Валентинъ Водникъ и даровитый поэтъ—Францъ Прешернь, усердный иллирскій дѣятель и поэтъ Станко Вразъ и ин. др. Впрочемъ Станко Вразъ едва-ли не одинъ хорошо собиралъ и издавалъ пѣсни, да и онъ успѣлъ издать одну лишь книжку въ 1839 г. Остальной имъ собранный матеріалъ попалъ въ архивъ Словѣнской матицы въ Люблинѣ, гдѣ ждетъ до сихъ поръ свѣдущаго и искуснаго издателя. Другіе собиратели отдали свой матеріалъ для изданія польскому выходцу Эмилию Корыткѣ—онъ издалъ только 1 выпускъ, по смерти его изданы еще 4 выпуска, 1839—44,—и отчасти печатали его въ разныхъ временныхъ изданіяхъ и журналахъ. Не хочу вдаваться въ подробное бібліографическое обозрѣвіе всего, что и гдѣ до сихъ поръ собрано и издано—отчасти это сдѣлалъ г. Иваницъ въ своей книгѣ „Собраніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ“. Въ новѣйшее время появлялись пѣсни въ журналѣ „Ljubljanski zvon“, въ прекратившемся уже журналѣ „Kres'a“ въ лѣтописяхъ Словѣнской матицы.

Если очень мало изслѣдовано народное творчество Словѣнцевъ вообще, то все таки больше всего мы знаемъ о штирійскихъ и краинскихъ Словѣнцахъ, о хорутанскихъ почти ничего. И у Ст. Вразы было напечатано лишь нѣсколько хорутанскихъ пѣсней. Нѣмецкіе изслѣдователи Хорутаніи касались почти исключительно нѣмецкаго населенія—ср. Franz Francisci: Culturtudien Volksleben, Sitten und Bräuche in Kärnten. Wien. 1879, Rudolf Weizer: Cultur-und Lebensbilder aus Kärnten-Klagenfurt. 1882, Michel Knittl: Cultur und Landschaftsbilder aus Steiermark und Kärnten—Klagenfurt. 1889, ср. статью E. Herrmann'a Ueber Lieder und Bräuche bei Hochzeiten in Kärnten въ Archivъ für Anthropologie 1890, стр. 157 сл.—О словѣнскомъ населеніи они говорятъ мимоходомъ. Въ послѣднее время въ журн. „Kres“ выходившемъ въ Цѣловцѣ (Клагенфуртѣ) явились обширныя изслѣдованія г. Шейнига о хорутанскихъ Словѣнцахъ.

Янезъ Шейнингъ напечаталъ въ „Kresъ (въ I и II т.) прекрасное изслѣдованіе о такъ называемомъ рожанскѣмъ говорѣ — рожанской долины (Rosenthal). Очень интересенъ этотъ говоръ своею фонетикою и съ точки зрѣнія общей лингвистики; съ главною особенностью этого говора авторъ познакомилъ публику не читающую по словѣнски, въ статьѣ „Die Assimilation im Rosenthaler Dialekt“ (въ программѣ гимназіи въ Цѣловцѣ—Klagenfurt. 1882.) Оба другіе хорутанскіе говора, юнскій и энльскій, почти еще не изслѣдованы. Рожанскій говоръ отличается отъ другихъ хорутанскихъ говоровъ ассимиляціею гласныхъ, которую находимъ еще въ другихъ западныхъ говорахъ словѣнскихъ, въ средней Горницѣ, и особенно въ говорахъ резьянскихъ. Словѣнскіе говоры подъ громаднымъ вліяніемъ сосѣднихъ языковъ, нѣмецкаго и итальянскаго, приняли большое число чужихъ словъ: нѣмецкихъ и на югѣ итальянскихъ. Уже у первыхъ словѣнскихъ писателей во времена реформациіи, у Трубера, Далматина и др. встрѣчаемъ множество германизмовъ. Это вліяніе, особенно нѣмецкаго языка, со временемъ еще усилилось. Въ литературномъ языкѣ словѣнскомъ нѣмецкихъ словъ не встрѣчаемъ; многія слова искусственнымъ образомъ введены изъ другихъ славянскихъ языковъ, другія—сочинены. Но въ настоящемъ говорѣ народа живутъ слова чужія, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка, изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ діалектовъ¹⁾. Особенно сильное вліяніе нѣмецкаго языка сказывается на хорутанскихъ говорахъ, не только въ отношеніи лексикальномъ, но и въ морфологическомъ. Благодаря этому нѣмецкому вліянію именно рожанскій говоръ представляетъ почти ту-же картину, которую мы видимъ въ извѣстныхъ памятникахъ остатковъ люнебургскихъ Славянъ прошлаго столѣтія. Такъ, напримѣръ, превосходная степень прилагательныхъ образуется помощью нѣмецкой приставки zu: c'dóbr, cliér, c'ueč, zu viel, c'žlāht zu schlecht; глаголы соединяются съ нѣмецкими предлогами: zu вм. do: c'uestop'ьть, c'uelatōt'ь, c'uerustit'ь, c'uenosit'ь, weg-wō: wō'stop'ьть, wō'v'roč'ь, wō'v'lit'ь, или нѣмецкіе предлоги буквально переводятся: aus предлогомъ въ n: v'ynzroč'ь ausreden, v'ynspoznā'ьse sich auskennen, v'yznizjā'ь se auslachen, auf предлогомъ горъ: horjōt'ь aufgehen, horvstāt'ь aufstehen, horvstājūnje aufertelung воскресеніе, horbōrtāt'ь aufwarten, vor предлогомъ pried: priedšribat verschreiben, priedvrōč'ь vorwerfen, pried-grit'ь vorkommen.

Сколько славянскаго осталось еще въ этомъ говорѣ? Сколько нужно еще до полной германизации? Пѣсни хорутанскихъ Словѣнцевъ переполнены нѣмецкими словами: (стр. 142) Kedar bi moglo meglih biti, (150) bodi pekel zaprt, bodite nebesa ofen, (152) dohtar in padar (bader) oba sta hodiva, nobene rcnije (arzneien) nča nucajo se (nützen nichts), (167) braz priefa, braz pōrja, braz tinte črné sem zašribov to dōčv v moje srce, (200) luštni le bodimo, če pride Francoz, vse deklete pobere, vseh lubic smo los, (252) ves frajd sem zgubiva do šocja mojgá, (259) sem že dōle po svietu z žanstvam bekont, (259) Ko bi ti tvoje flaozne pustiti mohvá, (266) u fajnčofti kna smie živōti, (356) jaz že s purgarjam ne ta v šam и мн. др. Есть и пѣсни на половину нѣмецкія, на половину словѣнскія: (№ 17 стр. 18) Das Dienal is aufstōnden Je zgōda v cērker šva, Hōt schön Ringel gfunden Na zelienam trāvnčī и т. д., маленькія пѣсенки въ четыре строки № 437, 573, и дѣтская (№ 669) Miza Tisch, Riba Fisch, Kaša Brein Pustime z miram, lass mi sein!

Нельзя однако умолчать, что германизмы, нѣмецкія слова встрѣчаются главнымъ образомъ въ лирическихъ четырехъстрочныхъ пѣсняхъ, гораздо рѣже въ пѣсняхъ эпическихъ. Короткія четырехъстрочныя пѣсни, нынѣ исключительно распѣваемые, заимствованы отъ сосѣдняго южно-нѣмецкаго населенія.

Издатель настоящаго сборника въ своей статьѣ „O národnih pesnih Koroških Slovencev“ (Kres, V т., стр. 309 сл.) привелъ тому нѣсколько примѣровъ, хотя съ

¹⁾ О взаимныхъ отношеніяхъ нѣмецкаго и словѣнскаго населенія см. ст. Файта-Z ro-mez slowinsko-německého. Zeměpisný Sborník III, 1888. Здѣсь представлено очень цѣнный статистическій матеріалъ.

другой стороны онъ готовъ допустить переходъ нѣкоторыхъ пѣсенъ опять къ нѣмецкимъ сосѣдямъ.

Г. Шейнигъ раздѣляетъ пѣсни хорутанскихъ Словѣнцевъ на два отдѣла: первый отдѣлъ старыхъ пѣсенъ эпическихъ, легендарныхъ, второй—короткихъ четырехстрочныхъ пѣсенъ. Настоящій сборникъ раздѣленъ на три отдѣла: 1) пѣсни старыхъ: а) баллады и романсы, б) историческія пѣсни, в) обрядовыя пѣсни, г) легенды; 2) пѣсни любовныя, 3) пѣсни разнаго содержанія: дѣтскія, семейныя (которыя лучше бы было соединить со 2 отд.), солдатскія, о ремесленникахъ, шуточные, круговыя и наконецъ—о смерти—дѣленіе не совсѣмъ удовлетворительное.

Въ свой сборникъ издатель принялъ и нѣкоторыя искусственныя пѣсни, несомнѣнно недавно сочиненныя, причемъ сообщилъ и имя автора, но есть и другія несомнѣнно не народныя, такъ напр. № 913: Slovenski smo fantje (молодцы) Pri Dravi doma, Slovenskega duha, Slovenskih srca и т. д. и подобныя ей (№ 914) кончающіяся строками: „Le bratje, na noge, Svoboda dani, Brez krepkih Slovanov, Nikoder je ni“.

Главный герой эпической поэзіи словѣнской—венгерскій король Матяжъ (Матвей). Онъ, по народнымъ преданьямъ, спигъ въ пещерѣ, и когда Словѣнцы будутъ близки къ гибели, явится къ нимъ на помощь (Slovenske nar. pravljice in pripovedke. Sbral Bogomil Krek № 20). Въ сборникахъ „Slovenske pѣsmi Krajnskiga naroda“ „Narodne pѣsmi ilirske“ Ст. Врза есть нѣсколько пѣсенъ объ этомъ національномъ героѣ словенскомъ—уже въ утраченномъ, вѣроятно, сборникѣ о. Дизмаса Закотиника была пѣсня о королѣ Матяжѣ (сборникъ Ст. Врза, отд. X). И г. Шейнигъ издалъ эпическую пѣсню „Kralj Matjaž“, но она почти совсѣмъ сходна съ пѣснью, напечатанною во 2 вып. Slw. pes. Krajn. nar (стр. 42).—переведена на нѣмецкій языкъ Ан. Грюномъ въ Volkslieder aus Krain, 1850, (стр. 110),—менѣе со штирскою у Врза (16); интереснѣе кажется была другая пѣсня того же содержанія, но отъ нея сохранились только два отрывка. И пѣсни о королевичѣ Маркѣ занесены къ Словѣнцамъ, и вѣроятно также къ хорутанскимъ—въ настоящемъ сборникѣ напечатанъ двухстрочный отрывокъ. Изъ новой исторіи австрійской имперіи героемъ пѣсни сдѣлался генералъ Лаудонъ, вѣроятно, какъ побѣдитель Турокъ (1789)—пѣсня, сообщенная въ настоящемъ сборникѣ, совсѣмъ сходна со штирскою пѣснью въ сборникѣ Ст. Врза (стр. 30). Солдатскія, а не эпическія пѣсни, о популярномъ въ Австрійской арміи фельдмаршалѣ Радецкомъ—нельзя, строго говоря, считать историческими.

Въ отдѣлѣ „балладъ и романсовъ“ всего интереснѣе три пѣсни, принадлежащія къ группѣ пѣсенъ, названной Чайльдомъ The Elfin Knight (см. Wista III, 259 сл.). Въ первой пѣснѣ (стр. 4) дѣвушка обѣщаетъ дать любовному золотой перстень, если онъ съ нею пойдетъ къ священнику. А затѣмъ они другъ другу представляютъ задачи; изъ соломы соткать полотно, изъ крапивы изготовить шелкъ, по шелковинѣ взлѣзть на небо, на небѣ сосчитать звѣзды, написать все на оборотъ, постлать на морѣ постель и т. д. Во второй пѣснѣ (стр. 76): Нежа (Агнесія) просила королевича, чтобы онъ ее защитилъ отъ чертей; королевичъ сѣлъ съ нею въ корабль на Дунай, но пришелъ чертъ и потребовалъ Нежу. Королевичъ согласенъ ее отдать, если чертъ сосчитаетъ сколько капель въ морѣ, сколько песку въ морѣ, сколько деревъ въ мірѣ, сколько листьевъ въ мірѣ, сколько травъ въ мірѣ и сколько звѣздъ на небѣ. Все чертъ сдѣлалъ, только звѣздъ сосчитать не смогъ; тогда растрескалась земля и чертъ пропалъ. Третью пѣсню съ заглавіемъ: „Modra deklica“ находимъ въ третьемъ отдѣлѣ, между пѣснями о „закопѣ“, т. е. о бракѣ (стр. 306): почему не въ балладахъ? Содержаніе пѣсни такое: женихъ говоритъ невѣстѣ, что она будетъ его женою, когда липа зазеленѣетъ на Рождество; она обвила липу зеленымъ шелкомъ; далѣе говоритъ, когда вороны бѣлы будутъ, когда потечетъ вода вверхъ, когда въ пятокъ воскресеніе будетъ: во всемъ этомъ она жениха обманула, наконецъ подарила священнику tolag, и онъ объявилъ въ пятокъ воскресеніе. Стала-ли же наконецъ его женою, изъ пѣсни не выдать.

„Баллады и романсы“ все почти любовныя, всѣ сплошь мало интересны: вѣрность или невѣрность жениха, любовника, или невѣсты—ихъ содержаніе. Интересенъ

развѣ еще одинъ фактъ, который болѣе еще отражается въ лирическихъ пѣсенкахъ, фактъ вѣтренности въ любовныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ безъ различія. Въ слѣдствіе этой вѣтренности является прискорбное социальное зло: въ Хорутаніи на 10,000 душъ только 54 брака! на 1,000 дѣтей 454 незаконнорожденных! столько нѣтъ нигдѣ въ Европѣ, да мѣстами въ Хорутаніи даже 75% незаконнорожденныхъ. Изъ „балладъ и романсовъ“ напомнимъ еще № 59 (стр. 70) похожій на пѣсню Kosarčik въ 3 вып. Slov. pes. Krajn. naroda стр. 35, (убитое дитя свидѣтельствуеъ противъ матери на свадьбѣ), № 62 (стр. 75) Vodni mož: отличный отъ пѣсни въ I вып. Slov. pes. Krajn. nar. стр. 79.

Въ отдѣлѣ III. „Obredne pesni“ напечатанныя колядки очень мало заключаютъ интереснаго, развѣ только въ одной „Kolednica o Jv. treh kraljih“ (стр. 104) строфа: „Na zvezdi kleči dete mlado, zlati križje v rokah držalo o Na križ je b'lo arisano Le sedem zlatih puhštabov“. Что значать эти семь буквъ, разъясняется въ слѣдующей строфѣ, но неудовлетворительно: „Da seje en (одинъ) kralj parvet rodil. da je en kralj čez vse kralje, Preljuli, usmiljeni Jezns“.—Пѣсня „Dežela (земля) Indija (стр. 144) это пѣсня о Schlaraffenland, про которую издатель настоящаго сборника въ своей статьѣ въ Kres'v (V т.) написалъ, что она очень древняя, чуть-ли не мифологическаго значенія — тоже попала въ „обрядовыя пѣсни“.

Интереснѣе IV отдѣлъ „Legende“. Въ нѣкоторыхъ разсказывается, какъ Марія встрѣтила людей шедшихъ въ Іерусалимъ снести для Іисуса „štriče“, „gajžle“, „kropo“, сдѣлать „Križ“ и žreblje: Марія проситъ ихъ, чтобы этихъ орудій не дѣлать слишкомъ мучительными, но они отказываютъ, потому что Іисусъ нѣтъ родной и вообще у Маріи и Іисуса нѣтъ родныхъ. Въ другой легендѣ „Могпаг“ (стр. 122) разсказывается, какъ св. семья во время бѣгства въ Египетъ пришла къ морю и просила переводчика, что бы онъ ихъ перевезъ даромъ: онъ отказалъ: тогда море разошлось и дождь переводчика сгорѣлъ.—Прекрасная легенда „Maria in rilica“: прилетѣла птица на башню церковную, запѣла про Марію и Іисуса. Марія вышла изъ алтаря и спросила птицу, сама-ли она пѣсню сочинила. Птица сказала, что эту пѣсню пѣла нѣкая рыба на морѣ. Пришла Марія къ морю, спросила рыбу. Рыба отвѣтила, что эту пѣсню пѣла ея мать, когда была въ колыбели, но она сильно кричала, и потому ее бросили въ море. Другой вариантъ разсказываетъ, что это сдѣлала злая мачиха, и Марія увела рыбу—падчерицу въ рай. Очень интересна пѣсня Tri karlje Krvi Jezusove (стр. 133): На дорогѣ поле, на полѣ хижина, въ хижинѣ столъ—это все Іисусово, на столѣ „En kelih stoji, En kelih lep, zlat, Kije Jezusov brat“. Въ этой чашѣ три капли крови Іисусовой, первая пала на хлѣбное поле, вторая на виноградъ, третья на вѣрные души. Въ другой пѣснѣ „Vinska trta“ (стр. 143) говорится про садъ огороженный золотыми кольями, заплетенный серебрянными вѣтвями, полный розъ; въ этомъ саду растутъ три розы красныя какъ кровь; первая роза — алая пшеница для просвиры, вторая роза виноградъ, третья роза Марія-Богородица. Въ пѣснѣ № 114 (стр. 146): Марія утромъ встала, пошла въ Іерусалимъ, гдѣ растутъ три розы; сорвала эти розы и, сохранила ихъ въ своемъ сердцѣ: первая роза — Богъ-Отецъ, вторая—Богъ-Сынъ, третья—Святой Духъ.

Пѣсни въ большинствѣ записаны народнымъ говоромъ, только пѣсни перваго отдѣла—эпическія записаны литературнымъ словѣнскимъ языкомъ. При каждой отмѣчено гдѣ, въ какой мѣстности записана. Исслѣдователю діалектовъ нельзя не пожалѣть, что при мѣстныхъ именахъ не показано точнѣе, гдѣ данныя мѣстности находятся, такъ какъ на картахъ мы имѣемъ обыкновенно нѣмецкія названія.

В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скискомъ сѣверѣ. (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch—historische Classe. CXVI. Band. Jahrgang 1888. S. 715—780: Wilhelm Tomasek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Ueber das Arimasische Gedicht des Aristeas).

I. Объ Аримаспійской поэмѣ Аристѣя.

Не тропическая Индія, не Иранское плоскогорье, не страна, лежащая между рѣками Сыръ и Аму-Дарьей считается теперь мѣстомъ, гдѣ раздѣнились Индо-Европейцы: въ наше время, на основаніи данныхъ языка, его предлагаютъ искать въ сердцѣ Европы, всего вѣроятнѣе, думаетъ В. Томашекъ, въ обширной области рѣки, получившей у Фракійцевъ названіе Истра. Часть человѣчества развилась здѣсь до неолитическаго періода, отсюда же въ разныя времена вышли отдѣльные представители, различныя по типу и по языку, и на своемъ пути подвергались новымъ перемѣнамъ. Такъ постепенно исчезъ палеолитическій человѣкъ въ Европѣ; въ его уничтоженіи принимали участіе и жители юга, Иберы, Лигуры (которымъ, пожалуй, можно приписать швейцарскія свайныя постройки) и Этруски. Въ своемъ изслѣдованіи Томашекъ занимается только тѣми членами индо-европейской семьи, которые направились на сѣверъ и на востокъ.

Палеолитическій человѣкъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Альпы и сѣверъ Европы были покрыты льдомъ, и какъ затѣмъ постепенно устанавливался умѣренный климатъ. Быть можетъ, краниологін удастся современнѣе рѣшить вопросъ, принадлежалъ ли этотъ палеолитическій человѣкъ къ одному изъ сѣвероафриканскихъ племенъ или къ предкамъ сибирскихъ инородцевъ, Коряковъ и Чукчей. На востокъ Европы поселились Финны; на сѣверо-западъ—Кельты, на сѣверъ—Германцы. Литво-Летты и Славяне заняли срединное положеніе между ними.

«Языкъ арійскихъ племенъ Азіи указываетъ на ихъ стародавнее географическое сосѣдство съ Литво-Леттами, Славянами, Фракіяцами и Греками. Съ низовьевъ Дуная арійскіе пастухи и земледѣльцы пребрались, очевидно, въ черноморскія степи и черноземную полосу. Они нашли дѣльное пространство занятымъ финскими охотничьими племенами, а склоны Кавказа до долины Маныча—многочисленными, густо сплоченными и воинственными первобытными жителями, дикость и отвага которыхъ мѣшали переходу черезъ Кавказскій горный хребетъ. Поэтому въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи впередъ они должны были направиться къ арало-каспійской степной области и странѣ двурѣчья; слава страны чудесъ Индіи влекла первыхъ переселенцевъ черезъ Гиндукушъ во всеобъемлющее лоно дравидскихъ народовъ, между тѣмъ какъ ихъ младше братья, какъ разъ на границѣ исторической жизни, овладѣли возвышенностью, которая простирается на западъ до Тигра и Аракса; здѣсь къ нимъ вскорѣ присоединились Армяне, самые передніе изъ Мизо-Фригійцевъ, двинувшихся отъ Гемуса къ Галлеу, чрезвычайно сильно смѣшанный съ малоазійскими первобытными жителями конгломератъ, которому съ этой поры суждено было подпасть иранскому вліянію».

Въ черноморскихъ степяхъ и въ области двурѣчья оставались, однако, всегда арійскія кочевыя племена, Саки, Массагеты, Сарматы и Сколоты. Родство сколотовъ (скиновъ) съ иранскими племенами не подлежитъ теперь сомнѣнію. Историческія воспоминанія ихъ восходили за тридцать поколѣній до похода Дарія въ Скиію, т. е. за 1500 приблизительно лѣтъ до Р. Хр. Они считали себя автохтонами.

Судоходство играло въ жизни древнихъ Арійцевъ второстепенную роль. Послѣ фригійскихъ племенъ, которые рано достигли Пропонтиды и Эгейскаго побережья, первые ознакомились съ мореходствомъ Іонійцы и скоро вытѣснили своихъ соперниковъ, Карійцевъ, изъ всѣхъ бухтъ и гаваней. Первые попытки Іонійцевъ завязать мѣховыя сношенія со Скивами надо отнести къ восьмому столѣтію. Уже въ Иліадѣ (XIII, 5—6) мы встрѣчаемъ „дивныхъ мужей Гиппомолговъ, бѣдныхъ, питавшихся только млекою, справедливейшихъ смертныхъ“,—слова, указывающія на ихъ кроткіе нравы и склонность къ мѣховою торговлѣ. Торговый путь внутрь страны проложили Скионы, народъ воинственный, но доступный также мирнымъ занятіямъ торговлей. У Геродота мы находимъ и нѣкоторыя подробности о сношеніяхъ Грековъ со Скивами.

Предметы, найденные до сихъ поръ въ скинскихъ могилахъ, очень многочисленны, по формѣ и отдѣлкѣ носятъ смѣшанный характеръ; рядомъ съ произведеніями греческаго искусства четвертаго и третьяго вѣка находится другія, прямо указывающія на ассирійскій и персидскій востокъ; совершенно варварскій вкусъ сказывается въ подвѣскахъ и юбяркушкахъ. Встрѣчается много предметовъ, сдѣланныхъ, очевидно, мало-азійскими мастерами, Карійцами, Мидійцами, Іонійцами.

Южная страна доставляла, кромѣ предметовъ искусства, масло и вино; предметами вывоза служили особенно пшеница и рожь, лошади и быки, мѣха, кожи и шерсть, медъ, воскъ и рыба.—Степи не были богаты металлами. Въ курганахъ находятъ посуду разнаго рода, изъ мѣди и бронзы, очевидно произведенія иностранныхъ мастеровъ. Впрочемъ, не надо забывать, что бронзовую утварь встрѣчали также въ могилахъ на Алтаѣ и Уралѣ, и что Скионы поддерживали постоянныя сношенія съ этими областями. Вѣроятно, не мало золота приходило въ Скию съ Урала, Алтая и изъ Тибета.

Знаніе вышеннеложенныхъ фактовъ поможетъ намъ при описаніи, едва не отнесеннаго къ области вымысла, путешествія одного іонійскаго Грека.

Аристей Проконнескій.

Главнымъ источникомъ свѣдѣній объ Аристей служитъ Геродотъ; изъ новѣйшихъ изслѣдованій о немъ лучшее E. Tournier: «de Aristeia Proconnesio et Arimasaeo roëmate.» Paris. 1863.

Въ Проконнесѣ и Кизикѣ Геродотъ слышалъ объ Аристей слѣдующее (IV, 14): Аристей, находясь въ своемъ родномъ городѣ, вошелъ однажды въ валающую мельницу и тамъ умеръ; валаальщикъ заперъ мастерскую и пошелъ уведомить родственниковъ; когда открыли валаальню, то не нашли въ ней Аристей; тогда какой то Кизикенецъ сталъ увѣрять, что онъ самъ повстрѣчался и бесѣдовалъ съ Аристеемъ на пути его въ Кизикъ. Съ тѣхъ поръ объ Аристей не было слышно; но на седьмомъ году послѣ этого онъ снова явился въ Проконнесъ, составилъ здѣсь ту поэму, которая у Эллиновъ называется Аримасповой, и по составленіи ея исчезъ вторично.—Находясь въ нижней Италіи (съ 443 по 450), Геродотъ услышалъ новый рассказъ объ Аристей отъ жителей Метапонта: двѣсти сорокъ лѣтъ спустя послѣ вторичнаго исчезновенія, Аристей явился въ ихъ область и повелѣлъ соорудить жертвенникъ въ честь Аполлона и подлѣ него поставить его собственное изображеніе, такъ какъ онъ былъ прежде у нихъ вмѣстѣ съ Аполлономъ, но не Аристеемъ, какъ теперь, а ворономъ. Отдавши такое приказаніе, Аристей исчезъ.

Въ послѣднемъ сказаніи для насъ важно лѣтосчисленіе Метапонтянъ: 240 лѣтъ—это 8 поколѣній, по Геродоту. Если же они считали поколѣнія равнымъ 28 годамъ, то зная, что Геродотъ посѣтилъ Метапонтъ незадолго до 430 года, мы получимъ время сочиненія Аримасповой поэмы (431+8.28=) 655 годъ, какъ разъ годъ основанія Ольвіи. Къ тому же выводу приводятъ и другія сопоставленія.

Семилѣтнее отсутствіе пѣвца (ок. 662 — 655) послѣ исчезновенія изъ родного города и указаніе, что Аристей слѣдовалъ за Аполлономъ въ страну Гиперборейцевъ въ образѣ ворона—все это несомнѣнные отзвуки самой поэмы. Полетъ души поэта въ образѣ ворона—это своеобразный и по истинѣ поэтическій приѣмъ для выраженія вне-

запно проявившагося божественнаго вдохновенія, проникновенія Аполлономъ, и блужданія по гиперборейской странѣ. Какъ извѣстно, Элліны представляли себѣ въ бѣломъ лебедѣ и черномъ воронѣ, спутникахъ бога свѣта Аполлона, символы дня и ночи. Поэтому В. Томашекъ предполагаетъ такое вступленіе къ поэмѣ:

О устремися, поэтъ душа, въ эфирную область!
И родную страну, и градъ Проконнесцевъ покинуть,
Въ Гиперборейцевъ скорѣе несись ты счастливыя страны,
Какъ всевидящій вранъ и вмѣстѣ Феба вожатый.
Мощно постигъ меня богъ, овладѣло желаніе мною
Бога блаженное зрѣть обиталище, свѣтлое царство,
И за Понтомъ тогда увидѣть народы и страны,
Горы и рѣки затѣмъ, и небесныя звѣздныя тропы.

Кромѣ мифическихъ сказаній, поэма содержала также чисто географическія и топографическія свѣдѣнія. Слѣдуетъ думать, что сверхъ народовъ, упоминаемыхъ у Геродота, какъ-то Исседоновъ, Аримасповъ, Гиперборейцевъ, Скивовъ и Киммерійцевъ, въ поэмѣ шла рѣчь и о другихъ племенахъ и мѣстностяхъ, менѣе значительныхъ. Поэма состояла изъ трехъ пѣсенъ: первая заключала описаніе путешествія до Исседоновъ; вторая—битвы Аримасповъ съ грифонами и сказаніе о Гиперборейцахъ; третья—возвращеніе въ кнѣзівшую Киммерійцами родину.

Рынокъ Исседоновъ.

„Аристей говорилъ въ своей поэмѣ, что по вдохновенію Аполлона онъ прибылъ къ Исседонамъ“ (Герод. IV, 13); „онъ выражался въ своей поэмѣ, что не проникалъ дальше Исседоновъ; о земляхъ, выше лежащихъ, онъ говорилъ по слухамъ, утверждая, что такъ передавали ему исседоны“ (IV, 16). Гдѣ жилъ этотъ народъ? что извѣстно о его происхожденіи, языкѣ и обычаяхъ?

Изъ Аримасповой поэмы, отъ которой до насъ дошли лишь скудные отрывки, близашіе поэты и писатели черпали свои свѣдѣнія объ этомъ народѣ: такъ, Алкмантъ.. Гекатей и Дамастъ изъ Сигея.—Данныя, сообщаемыя Геродотомъ, очень содержательны. По его словамъ, Массагеты, большое кочевое племя, жили «по ту сторону (=сѣвернѣе) рѣки Аракса (=Яксарта или Сырь-Дарья), противъ Исседоновъ», т. е. между тѣмъ какъ массагеты кочевали въ степяхъ и горахъ сѣвернѣе Яксарта, Исседоны жили по другую сторону, именно къ югу отъ Тяньшаня, по бассейну р. Тарима. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ: «въ точности извѣстно, что земля къ востоку отъ плѣшивыхъ населена Исседонами» (IV. 25). Дальше будетъ показано, что «плѣшивые» жили къ югу отъ Алтая или Ак-дага; направленіе «къ востоку» въ дѣйствительности было юго-восточнымъ; такимъ образомъ мы оказываемся у восточнаго отрога Тяньшаня, у оазисовъ Камула, Ша-чеу и Су-чеу, т. е. въ нынѣшней китайской провинціи Кан-су или прежнемъ Тангутѣ.

Чтобы точнѣе узнать положеніе Исседоновъ, Томашекъ обращается къ опредѣленію мѣстностей, которыя изслѣдовалъ чрезъ своихъ агентовъ македонскій купецъ Мазъ (Тиціанъ) и которыя были изображены на картахъ Марина Тирскаго и Птолея. Цвѣтущую пору жизни Марина Томашекъ относитъ къ 80—100 гг. по Р. Х., а время, когда Мазъ послалъ въ Серику (Китай) своихъ персидскихъ агентовъ, къ 50—70 гг., т. е. когда бассейнъ Тарима былъ потерянъ для Китая и Гунны владѣли всѣми торговыми путями; только полководецъ Пан-чао (70—95) вернулъ Китаю не надолго пути къ двурѣчью.

Изъ Самарканда караваны шли чрезъ Ошрусану въ Фергану, гдѣ одно за другимъ слѣдовали мѣста остановокъ, нынѣшніе Ходжендъ, Коканъ, Маргеланъ и Андуганъ. Слѣдуя теченію р. Кызыл-су, достигали восточнаго ската горъ Хинавата или Цзун-лина к *ορις τῆς τῆν Σίρας ἀποκορυφῆς*, что находилось уже въ

области Касіа. Это *ὀρυκτήριον* стояло на мѣстѣ нынѣшней метрополіи Кашгара. Отсюда сѣверо-восточное направленіе дороги переходить въ восточное; ближайшей станціей слѣдуетъ считать нынѣшній городъ Куча, затѣмъ *Δάρνα*, положеніе которой спорно. У Курле дорога раздвигалась: одна вѣтвь шла внизъ по р. Тариму къ Лоб-нору, здѣсь жили *Οἰχάρδαι*, а другая вдоль Тяньшаня, гдѣ ложбина озера Кара-пахра была мѣстомъ, гдѣ жили *Πάλαι*. Народъ *Οἰχάρδαι* получилъ свое названіе отъ рѣки *Οἰχάρδης*, т. е. Таримъ-Дарья. Къ востоку отъ Лоб-нора лежитъ озеро Харанаоръ, въ которое впадаетъ рѣка Будунггир-гхолъ, по-китайски Су-ле или Ху-лу-хо; послѣдняя получаетъ съ горъ Наньшаня множество рѣчекъ, напримѣръ золотоносную Танг-хо, на восточной сторонѣ которой лежалъ городъ Ша-чеу. Область Исседоновъ простиралась отъ Танг-хо за Ша-чеу, Куа-чеу, таможию Янг-куанъ и берегъ Ху-лу-хо до первыхъ воротъ стѣны Су-чеу; а въ ширину отъ сѣверной подошвы Наньшаня до Ки-лиэн-шаня или до восточнаго отрога Тяньшаня. Сѣверная вѣтвь дороги также вела въ область Исседоновъ. Отъ Курле шли чрезъ рѣчной проходъ, «железные ворота», ко впаденію рѣки Ханду-гхола или Юлдуз-су въ Бостенг-наоръ или Баг-храдж-колъ.

Затѣмъ Томашекъ описываетъ дорогу отъ восточной границы исседоновъ до Китая. Въ дневной переходъ доходили до укрѣпленія Кіамкуана и перваго большого китайскаго города Су-чеу, мѣста торговли ревенемъ и китайско-тибетскими товарами. Потомъ достигали Кан-чеу и Лианг-чеу и переплывали рѣку *Βαῦτιος*, Хо, берущую начало въ странѣ народа *Βαῦται*. На правомъ берегу этой рѣки стоитъ *Δαξάτα*, т. е. Лан-чеу. Столица *Σήρα* *μητρόπολις*, названная у Птолемея также *Σαράχα* (въ изданіяхъ *Σαράτα*) — это Конг-тиэнъ или Кинг-чанъ, Кин-джан-фу, нынѣшній Си-ан-фу. Названія *Σαράχα*, *Σήρα*, *Σήρες* были распространены Персами. Другое названіе Китая, Чина, откуда *Θίνας* и *Σίνας*, — индійскаго происхожденія.

Какъ замѣчаетъ Кипертъ, въ сочиненіяхъ Индіи, Тибета и Китая не сохранилось слѣдовъ имени Исседоновъ. Томашекъ такъ объясняетъ этимологію слова *Ἰσσηδών*, *Ἰσσηδοί*. Конечное — *δών* онъ сравниваетъ съ Zendскимъ *дана*, новоперсидскимъ *дан*, осетинскимъ *донъ*, *дон* = „кладовая, складъ“. Первую часть слова онъ поясняетъ Zend. *азша*, санскр. *эша* „желаніе, требованіе“ или лучше отгл. прилаг. *нишья* „достойное желанья, сокровище“. *Ἰσσηδών* могло бы поэтому значить „складъ сокровищъ, рынокъ“. Было два рынка: одинъ для Скивовъ (Турокъ Тяньшаня) — Куча; другой, главный, для тибетскихъ и китайскихъ товаровъ, находившійся въ рукахъ жителей оазисовъ р. Суле-хо, *Ἰσσηδών ἢ Σηρική*.

Обычаи и торговля Исседоновъ.

Неизвѣстно, какъ называли себя жители этого рынка сами. Въ китайскихъ лѣтописяхъ кочевыя племена сѣвернаго Тибета въ области Наньшаня, отъ китайской стѣны до Хуттана и Ладака, именуются общимъ именемъ Кіангъ. Совершенно совпадали съ мѣстомъ жительства Исседоновъ, между Тюн-хоангомъ и Чан-е-кіюномъ, отъ Наньшаня до Ки-лиэн-шаня или восточнаго отрога Небеснаго хребта, многочисленные Юэ-чи, наиболѣе близкіе къ народу Кіангъ по обычаямъ и языку. Другое племя Кіанга, жившее около озера Лоб-нора, было извѣстно подъ китайскимъ названіемъ Леу-ланъ или Шен-шенъ. Далѣе на западъ, къ нимъ примыкали Ту-хо-ло, греч. *Τόχαροι*, санскр. *Тухара*, тиб. *Тхо-гаръ*, доставлявшіе въ Индію шелковыя матеріи, мѣха и желѣзо. Происхожденіе и настоящія формы этихъ именъ неизвѣстны; трудно опредѣлить мѣстное произношеніе китайскаго сочетанія звуковъ Юэ-чи. Достоверно извѣстно только, что въ образѣ древнихъ Исседоновъ является сѣверная вѣтвь тибетской народности, принадлежащей къ великому „односложному“ міру народовъ, и ядро которыхъ по верховьямъ Кіанга, Яр-лунга и Тсанг-шху носитъ названіе Бод-ба, *Βαῦται* у Птолемея, Бхота въ санскритскихъ сочиненіяхъ, Фу въ лѣтописяхъ Сун, Ту-фанъ во время династіи Тхангъ. Съ этимъ выводомъ согласно и изображеніе обычаевъ Исседоновъ у Геродота.

Вот что сообщает Геродотъ (IV, 26): „Если у кого умретъ отецъ, всѣ родственники пригоняютъ къ нему скотъ, за симъ убиваютъ животныхъ, раздѣляютъ мясо на куски вѣстѣ съ покойнымъ родителемъ хозяина, все мясо мѣшаютъ вѣстѣ и устраиваютъ пиршество. Голову покойника обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ ее изнутри и покрываютъ золотомъ, потомъ пользуются ею, какъ священнымъ сосудомъ при совершеніи торжественныхъ годовичныхъ жертвоприношеній. Празднество устраиваетъ у нихъ сынъ въ честь отца, какъ у эллиновъ праздникъ поминовенія покойниковъ“. То-же подтверждаетъ позднѣйшій греческій писатель Зиновій. Культъ предковъ играетъ видную роль въ жизни „односложныхъ“ народовъ; въ срединномъ царствѣ онъ принялъ издавна болѣе пріятныя формы, въ Тибетѣ-же онъ является въ неприглядномъ видѣ пожиранія мертвыхъ: тибетцы представляли себѣ, что съ кусками мяса переходить въ потомка драгоцѣнна качества покойнаго, и такимъ образомъ отецъ продолжалъ жить въ сынѣ.

Затѣмъ Томашекъ приводитъ сходныя извѣстія Мегасена у Страбона (стр. 710), Амомета у Плинія (V, 55) и древнихъ китайскихъ памятниковъ, а также средневѣковыхъ путешественниковъ.

Геродотъ говоритъ далѣе (IV, 26): „женщины пользуются одинаковымъ положеніемъ съ мужчинами“. У сарматовъ образъ жизни женщинъ носилъ романтический характеръ, подобно жизни амазонокъ: ихъ власть опиралась на участіи женскаго пола въ военныхъ упражненіяхъ. Въ Тибетѣ власть женщинъ основывалась на полиандріи: бережливость и трудности домоводства вели къ родственному союзу братьевъ, при чемъ само собой общей хозяйкѣ выпадала на долю роль повелительницы. То-же устройство встрѣчается и у тибетскихъ нерселенцевъ въ Бактріанѣ. Вен-шу и Сун-шу говорятъ о племенѣ Ту-хо-ло, Тохаротъ, слѣдующее: „У братьевъ одна общая жена; послѣдняя носитъ на своемъ чепцѣ столько рожковъ или одинъ рогъ со столькими вѣтвями, сколько братьевъ; когда одинъ изъ братьевъ входитъ въ ея покой, то въ знакъ того онъ ставитъ свои башмаки передъ дверью. Дѣти принадлежатъ старшему изъ братьевъ“. То-же извѣстно о народѣ Іе-тха (Яфталъ, 'Αἰθιοῖς или 'Εφθαλίται); подобный головной уборъ носятъ и теперь у Баштали-Кафировъ въ западномъ Читралѣ и въ Яркандѣ. Въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчается въ западномъ Тибетѣ „Царство женщинъ“, Нію-Куэ, гдѣ, какъ въ древней Ликіи, „мужчины носятъ родовое имя матери“. — Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что добываніе золота въ „Царствѣ женщинъ“ не басня; добытый песокъ доставляется въ Лха-су и продается въ Китай; много золота идетъ черезъ Гар-тхогъ въ Индію.

Тибетскій сурокъ, роющій себѣ норы (кхунгъ) и устраивающій кладовыя (тиангъ), называется по тибетски пхій-ба (произносится чи-ва). Въ индійскомъ сказаніи его замѣняетъ муравей пипилика; въ Махабхаратѣ (II, 2860) говорится, Кхаса, Кулинда, Тангана и другія горныя племена сѣвера доставляли муравьиное золото. Уже Геродотъ знаетъ, что сама Индія бѣдна золотомъ (III, 105); по его словамъ, почти все золото приходитъ туда съ сѣвера, отъ великой песчаной пустыни, которая простирается отъ Бактры и страны Саковъ далеко на востокъ (III, 98, 102 и слѣд.); тамъ существуютъ муравьи, которые зарываются въ землю и выбрасываютъ на поверхность золотой песокъ. Ктесій у Эліана (de an. IV, 27) говоритъ, слѣдуя бактрійскому преданію, не о муравьяхъ, но о грифахъ, роющихъ и стерегущихъ золото; караваны, доставлявшіе золото, находились въ пути по крайней мѣрѣ три года; прински лежали въ пустынѣ. Мегасенъ, повидимому, тоже упоминалъ объ индійскомъ муравьиномъ золотѣ; онъ поимѣнвалъ его, какъ видно изъ Эліана (III, 4), по близости рѣки Кампилина, гдѣ начинались границы Исседоновъ. Въ данномъ случаѣ Исседоны означаютъ западную вѣтвь тибетцевъ, именно жителей „Жанскаго царства“; послѣдніе, безъ сомнѣнія, рано стали доставлять золото своей страны на всемірный рынокъ.

Наконецъ, Геродотъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: „вообще же и эти Исседоны считаются справедливыми народамъ“. Въ словѣ „справедливый“ кроется указаніе на преимущественно мирныя занятія и торговую дѣятельность. Какіе же товары доставлялись на рынокъ Исседоновъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, основываясь только на неизмѣняемости природныхъ условій, такъ какъ Геродотъ не даетъ намъ на

то никаких указаний, какъ и вообще древніе весьма скупы на сообщенія о предметахъ торговли. Слѣдовательно, это были естественныя произведенія страны и товары, которыми къ въ наше время торгуютъ бассейны Тарима, Кан-су и Бод-юль. О золотѣ было сказано. Верхній Тибетъ богатъ и другими металлами, какъ то: серебромъ, мѣдью, оловомъ и проч. Трудно сказать, шелъ ли ранѣе четвертаго вѣка черезъ Исседонъ китайскій шелкъ.

Аримаспы.

Исседоны, т. е. въ этомъ случаѣ не туземные Тангуты, а скорѣе поселившіеся въ рынкахъ Иранцы, которые были посвящены въ условія страны и съ которыми Грекамъ было легче объясняться, рассказали Аристею про народы, жившіе за его предѣлами, частью басни и очевидный вымыселъ, изъ чего поэтъ выткалъ фантастическій узоръ, по гомеровскимъ образцамъ. Но сосѣди Исседоновъ, Аримаспы, давшіе имя его поэмѣ, принадлежали не къ области вымысла; народу этому было суждено оставить замѣтные слѣды въ исторіи. Но сперва послушаемъ самого поэта и посмотримъ, нельзя ли извлечь что нибудь изъ слѣдующихъ пяти строкъ, сохранныхъ у лексикографа XII вѣка Тцеттеса (Исседоны говорятъ):

Намъ угрожаютъ, собравшись толпой враждебной, сосѣди,
Сверху, отъ сѣвера, много ихъ, воины храбрые очень,
Презрительны стадами коней и овецъ и быками—
Съ гривой косматой, они сильнѣйшіе всякихъ народовъ;
Глазъ же единый у каждого есть на челѣ предлюбезномъ.

Аримаспы были, слѣдовательно, многочисленнымъ, воинственнымъ и грознымъ народомъ; одинъ видъ этихъ варваровъ долженъ былъ внушать страхъ; это были степные кочевники, владѣльцы табуновъ лошадей, быковъ и овецъ; они жили на сѣверѣ, вдоль по границѣ страны Исседоновъ. Не ломая себѣ головы, можно сказать, что одинъ глазъ Аримасповъ сочиненъ по примѣру гомеровскихъ циклоповъ ¹⁾. Если же дѣйствительно полагать въ основу мѣстное преданіе, то этимъ на символическомъ языкѣ восточной Азіи выражена низкая степень развитія сыновъ степей.

Если заглянуть въ исторію минувшихъ тысячелѣтій, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что подъ Аримаспами разумѣются Гунны, которые въ китайскихъ лѣтописяхъ являются подъ именемъ Хіунг-ну и уже во времена династии Чоу (1134—256) дѣйствовали на сѣверѣ, подъ именемъ Хіюн-юнь и Хіюн-ю, какъ сильно разбойничье племя. Издревле раздѣленные на множество ордъ, они неоднократно соединялись въ одно могущественное государственное цѣлое, которое принимало устройство срединнаго царства; они главнымъ образомъ владѣли торговыми путями, ведущими изъ западныхъ странъ, и на важнѣйшихъ нунктахъ гунскіе чиновники брали съ проходящихъ каравановъ пошлину. Народъ Хіунг-ну можно считать тюркскимъ или же народомъ, вышедшимъ изъ амурской области; или же подъ этимъ именемъ политически соединились кочевыя племена различнаго происхожденія; въ послѣдствіи, на почвѣ Европы, господствующій родъ Гунновъ былъ во всякомъ случаѣ тюркскій, какъ показываютъ собственныя имена. Эти кочевники не остались неизвѣстными жителямъ запада и юга: ихъ имя встрѣчается и въ индійскомъ эпосѣ (Хуна), и въ Авестѣ (Хуваво), и у писателей классической древности (Φούνοι, Χούνοι, Ούνοι, Chuni). Если допускать тюркское происхожденіе, то названіе Гунновъ могло произойти отъ ѳнъ, ѳнй — „увеличиваться“, „пускать ростки“, „рости“.

¹⁾ Сомнительно, — не туземное ли это преданіе, слышанное торговцами Греками? У Якутовъ и Тунгусовъ есть народное представленіе о народѣ одноглазыхъ (См. у насъ стр. 175), однорукомъ и одноногомъ. См. также о дикихъ людяхъ Челюдеяхъ (отп. Енис. воев. князя Щербатаго 1686 г. Чт. М. Общ. Ист. 1888 г. сообщ. г. Годово-Голомбѣвскимъ) и прекрасное изслѣдованіе проф. Д. Н. Анучина «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью». М. 1890. Стр. 86 и сл. Ред.

Какъ же могли Гунны получить названіе 'Аримаспоі? Очевидно оно явилось у иранскихъ гостей Исседона и поэтому встрѣчается не только у Аристея: оно вошло также въ языкъ Скивовъ, которые узнали про Аримасповъ во время своихъ побывокъ въ Исседонѣ (Герод. IV, 27). Скиское словопроизводство (см. тамъ-же) отъ *ἀριμα*—*ἄν* (одинъ) и *ὄφθαλμος* (глазъ), какъ народное, неудачно. Томашекъ предполагаетъ толковать его какъ „владѣлецъ дикой степной лошади“. По примѣру Аристея, Эсхилъ говоритъ (Пром. 829) о „конномъ войскѣ Аримасповъ“; Авеста представляетъ хищныхъ Гунновъ всадническимъ народомъ; у Хіунг-ну были ручные, дикіе и полудикіе кони; въ китайскихъ лѣтописяхъ они тоже являются наѣздническимъ племенемъ. Кромѣ коней, быковъ и овецъ, Гунны владѣли также ослами, мулами, а также верблюдами, ручными и дикими.

Аристей описалъ далѣе битвы Аримасповъ съ стерегущими золото грифами (Герод. IV, 13), «остроносыми, молчаливыми собаками Зевса» (Эсх., Пром. 805), жившими далѣе на сѣверѣ; земля производила то золото, которое грифы защищали какъ свою собственность (Павсан. I, 24,6); приходили одноглазые Аримасы и похищали его у грифовъ (*ὁπὲρ τῶν γριφῶν* Герод. III, 116). Быть можетъ, Аристей говорилъ также о «золотоносной рѣкѣ» (Эсх., Пром. 820), образующей границу Аримасповъ и грифовъ. Изъ этихъ сказаній Геродотъ выводитъ (III, 116), что сѣверъ земли изобилуетъ золотомъ, какъ вообще «окранныя земли получили на свою долю наиболѣе цѣнные предметы» (III, 106).

Первый ввелъ грифовъ въ греческую поэзію Гесіодъ; въ гомеровскихъ иѣсняхъ они не встрѣчаются. Но смѣшанные существа, какъ то грифы и сфинксы, химера и гарпия, принадлежатъ до-греческой порѣ и обязаны своимъ происхожденіемъ востoku. Корень слова «гриф» (*γρυψ*)—семитскій (крубъ, евр. херубъ); чрезъ Финикійцевъ оно достигло до Карійцевъ и Іонійцевъ, и Аристей могъ пользоваться имъ ок. 660 г., какъ общезвѣстнымъ. Когда въ 630 году Самосцы воротились изъ Тартеса, то заказали мѣдную чашу, кругомъ украшенную выдающимися пады краями головами грифовъ (Герод. IV, 152). Іонійскіе мастера познакомили Скивовъ съ этими восточными чудовищами. Служила ли птица грифъ, соединяющая въ себѣ лапы льва съ клювомъ и крыльями коршуна, символомъ палашаго солнца и потому охранителемъ металла, блестящаго какъ солнце? Или же символомъ мрачнаго лона земли и силы природы, противящейся тому, чтобы ея сокровища извлекались на дневной свѣтъ, какъ напр. крылатыя змѣи или драконы Аравіи охраняютъ ладонныя деревья (Герод. III, 107)? Неужели сказаніе о грифахъ проникло уже въ седьмомъ вѣкѣ чрезъ Персовъ и Скивовъ въ китайскій оазисъ, какъ напр. 250 лѣтъ спустя Ктесій тамъ, гдѣ Геродотъ толкуетъ о муравьиномъ золотѣ, говоритъ о золотѣ грифовъ? Томашку кажется вѣроятнѣе предположеніе, что купцы въ Исседонѣ рассказывали о битвахъ Аримасповъ съ дикими звѣрями, драконами, собаками или сурками, а что Грекъ Аристей взаиѣтъ ихъ выбралъ самъ отъ себя восточнаго грифа.

Путешественники сообщаютъ, что сурки (или байбаки) вырываютъ себѣ глyбокія норы и вмѣстѣ съ простымъ пескомъ выбрасываютъ на поверхность кусочки руды, чѣмъ и пользуются рудоскатели. Такъ какъ Алтай является здѣсь «золотой горой», то легче всего предположить, что Аримасы добывали свое золото именно въ области Алтая. Жители Исседона знали, конечно, о богатыхъ залежахъ золота на Алтай и въ своихъ баснословныхъ разсказахъ они съ особеннымъ удовольствіемъ указывали на эту далекую область, но только чтобы ввести въ заблужденіе иностранцевъ и выставить какъ можно понятнѣе трудности добыванія золота. На самомъ же дѣлѣ они не доставали золото ни на далекомъ сѣверѣ, ни у враждебныхъ Аримасповъ, но добывали его въ своей собственной странѣ. Нѣкоторыя рѣки Наньшаня, какъ и вообще почти всѣ рѣки восточнаго Тибета, золотоносны; кромѣ того, на западной границѣ ихъ страны лежала обильная золотомъ область истоковъ Инда Тсанъ-шу. Томашекъ полагаетъ, что въ Исседонѣ, древнемъ рынкѣ для торговли золотомъ, чужезстранны не могли знать настоящаго происхожденія металла; золото приходило не съ Алтая, а съ границъ Индіи, изъ «Женскаго царства».

Рипей и Гиперборейцы.

Со словъ Исседоновъ Аристей говорилъ далѣе (Герод. IV, 13), что надъ грифами, стерегущими золото, живутъ Гиперборейцы, простирающіеся до моря. Сообщая о народныхъ смутахъ, Аристей замѣчаетъ кромѣ того, что между тѣмъ какъ другіе народы, начиная съ Аримасовъ и до живущихъ у южнаго моря (*νοτιῶν θάλασσαν*, т. е. у Понта) Киммерійцевъ, постоянно воюютъ съ сосѣдями, одни Гиперборейцы пребываютъ въ спокойствіи и мирѣ. Аристей различалъ такимъ образомъ два моря: «южное или Средиземное вѣствѣ съ Понтомъ и противоположное ему «другое море», ἡ ἑτέρα θάλασσα, вплоть до котораго жили Гиперборейцы. Геродотъ самъ употребляетъ послѣднее выраженіе, говоря (I, 202), что Каспійское море — отдѣльное море, не сливающееся съ «другимъ моремъ». Вѣствѣ объ Арктическомъ и Восточномъ океанѣ не вытекала исключительно изъ гомеровскаго представленія о всеобмывающемъ океанѣ; къ этому представленію прибавились ко времени Аристеева свѣдѣнія среднеазиатскихъ народовъ, основанныя на наблюденіяхъ торговыхъ народовъ сѣвера и востока. Напримѣръ, Исседонамъ не могло остаться неизвѣстнымъ, что рѣки китайскаго востока текутъ въ Восточный океанъ; они могли это узнать отъ китайскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ ихъ рынокъ. Народъ «срединнаго царства», жившій на берегу этого Восточнаго океана, рано узналъ и о Сѣверномъ океанѣ пещай. Вездѣ у древнихъ писателей сказывается представленіе о крайнихъ приокеанскихъ пространствахъ; ничто не мѣшаетъ отнести это представленіе и въ вѣкъ Аристеевъ. Вѣдь многіе географическіе факты были извѣстны народамъ гораздо ранѣе, чѣмъ стали говорить о нихъ въ сочиненіяхъ. Рѣшеніе того, было ли «другое море» Ледовитымъ океаномъ или Восточнымъ, стоитъ въ связи съ вопросомъ о положеніи Гиперборейцевъ. Въ своихъ опредѣленіяхъ странъ свѣта древніе сплошь и рядомъ ошибались. У Аристеевъ, Геродота и Дамаста Исседоны являются живущими далеко на сѣверѣ ἄνω Σκυθῶν; въ дѣйствительности они были восточнымъ народомъ. Если мы пойдемъ въ этомъ, яко-бы сѣверномъ, на самомъ же дѣлѣ восточномъ, направленіи, то достигнемъ крайней точки древне-ионійскаго землѣдѣнія, именно Восточнаго (Великаго) океана, на Ледовитаго.

Рипей, вѣчно покрытый снѣгомъ высокія горы, любимое мѣстопробываніе сѣверовосточнаго вѣтра, получили свое греческое названіе отъ постоянно дующаго сѣвернаго вѣтра (*ρίπῆ, ῥίπῆ, βολῆ, ῥοπῆ*). Подъ Ῥίπαι Ῥίπαι ὄρη греки подразумѣвали первоначально только лежація къ сѣверу отъ Греціи и Сициліи высокія горы, Гемусъ, Иллирійскія горныя цѣпи, Апеннины, а затѣмъ и Альпы. Если Аристей принялъ это названіе къ горамъ, лежавшимъ надъ Аримасами и грифами, то причиной тому были рассказы Исседоновъ о непроходимыхъ, покрытыхъ снѣгомъ горныхъ кряжахъ, лежавшихъ за Гуннами; конечно, нельзя рѣшить, были ли то горы Тяньшаня, Алтай, Хинган-оло или, скорѣе всего, горныя цѣпи на восточной границѣ Китая.

Вопросъ о Гиперборейцахъ продолжаетъ еще быть вполне загадочнымъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сказочномъ узорѣ слѣдуетъ различать двѣ нити, — древнѣйшую, мифологическую, и другую, болѣе ясную, почти историческую. Чисто эллинская пара боговъ Гелиосъ-Селена рано была замѣнена парными божествами Лелеговъ Аполлономъ — Артемидой; древнѣйшія мѣста аполлонова культа, Дельфы, Делось и Патара, лежали въ земляхъ Лелеговъ и Ликийцевъ. Значеніе Аполлона, какъ бога дневнаго свѣта и яснаго лѣтнаго времени года, доказано: въ зимнюю пору года представляли себѣ бога свѣта пребывающимъ вдали, у «сѣверныхъ» народовъ, у которыхъ именно тогда наступали ясные лѣтніе дни, въ странѣ ночи, рождающей свѣтъ. Когда сѣверныя колоніи присылали въ Дельфы и Делось вклады Аполлону, своему богу — покровителю, то говорили, что прибыли дары «Гиперборейцевъ». Съ береговъ Понта они шли чрезъ Синопъ и Пропонтиду въ Делось. Содержаніе Аримасова эпоса должно было дать поводъ къ тому, что рядъ народовъ, черезъ земли которыхъ подарки достигали Делоса, простерся до Гиперборейцевъ Аристеевъ; делосскіе жрецы распространили представленіе, что посвященіями вкладовъ были отдаленные Гиперборейцы, которые и передали

эти начатки плодовъ Аримаснамъ, тѣ—Скинамъ и такъ дальше. Все это могло произойти только въ томъ случаѣ, если Аристей приписалъ Гиперборейцамъ высокую степень развитія, раздѣлявше пшеницы и проч.

Что же собственно сообщалъ Аристей о Гиперборейцахъ? Геродотъ не даетъ намъ на то никакихъ указаний. Ионійскій пѣвецъ, отступившій настолько отъ традиціи, что помѣстилъ любимый народъ Аполлона на крайнемъ сѣверномъ или, лучше, восточномъ пунктѣ земли, на основаніи сообщеній Исседоновъ, долженъ былъ, конечно, получить извѣстія о какомъ-то народѣ, живущемъ за Гуннами, высоко развитомъ, который пользовался за свою зажиточность, благосостояніе, земледѣльческую дѣятельность и садоводство и за свое миролюбіе широкой и далекой славой. Всѣмъ извѣстно, что подобный народъ дѣйствительно существуетъ на восточномъ краю свѣта; поэтому совершенно правъ Гладишъ (Gladisch), защищая въ своемъ изслѣдованіи «Гиперборейцы и древніе Китайцы» (Лейпцигъ, 1866) мысль, что жители Китая, съ ихъ издавна высоко развитой матеріальной и нравственной культурой, съ ихъ образомъ жизни, основаннымъ на земледѣліи и предпочитающимъ всѣ мирныя занятія, съ любовью къ музыкальнымъ искусствамъ, скорѣе всего имѣли бы право считаться именно аполлоновыми Гиперборейцами. Только способъ доказательства Гладиша ошибоченъ; онъ применимъ не къ Гиперборейцамъ вообще, но лишь къ Гиперборейцамъ Аристей; нѣтъ причины всѣ черты жизни, какія поэты приводятъ о европейскихъ Гиперборейцахъ, относить непременно къ народу азіатскаго востока; стараніе провести сравненіе до мелочей привело къ произвольнымъ предположеніямъ; важнѣйшее указаніе во всемъ вопросѣ, которое одно подтверждаетъ тождество Гиперборейцевъ съ народомъ Желтой рѣки, именно положеніе оазиса Исседоновъ въ центрѣ среднеазіатскихъ торговыхъ путей, осталось для изслѣдователя неизвѣстнымъ. Отсылая за подробностями сравненія къ сочиненіямъ мюнхенскаго синолога Плата (G. Plath), Томашекъ ограничивается замѣчаніемъ, что между Исседонами и Китацами должны были состоять мѣновныя сношенія, но что имъ мѣшали „сѣверные варвары“ или Гунны-Аримасы, дѣлавшіе въ 7 и 8 столѣтіи, какъ кажется, сильныя нападенія на китайскую и исседонову область. Неучастіе „гиперборейскаго“ племени въ народныхъ буряхъ, исходившихъ отъ Аримасповъ и простиравшихся, по мнѣнію Аристей, до киммерійскихъ береговъ, вполне соответствуетъ тихому теченію китайской исторіи того времени.

При полномъ молчаніи источниковъ о томъ, что же собственно сообщилъ Аристей о Гиперборейцахъ, можно считать счастливою замѣной утраченнаго слѣдующія пять стиховъ Ференика изъ Гераклея, сохраненныхъ у схолиаста Пиндара:

Далѣе Гиперборейцы живутъ, у края вселенной,
При аполлоновомъ храмѣ, совсѣмъ не свѣдущи въ войнахъ.
Ходитъ молва, что они, отъ крови древнихъ Титановъ
Происходя, при ясно-спокойномъ движеніи Борея,
Тамъ обитають, считая своимъ Аримаса владыкой.

Какъ здѣсь Гиперборейцы, такъ послѣ Китайцы являются у древнихъ писателей крайнимъ народомъ земли, народомъ кроткимъ, любящимъ справедливость и проч. Потомками Титановъ Гиперборейцы называются потому, что имъ приписывали изобрѣтеніе всѣхъ полезныхъ людямъ предметовъ, огня, илавки металловъ, гончарнаго искусства, медицины, азбуки, мѣръ и вѣсовъ; и эти особенности приложимы къ народу Китая. Не невѣроятнo также предположеніе, что одна изъ древнѣйшихъ китайскихъ династій была гунскаго происхожденія.

Далѣе В. Томашекъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто сказаніе о Гиперборейцахъ—продуктъ индійской фантазіи. „Ни Ликіецъ Олень, ни Ионіецъ Аристей не посѣщали Индіи, да и сами Индусы въ столь раннюю пору не думали о пребываніи своихъ предковъ въ китайской возвышенности“. Доказавъ затѣмъ невѣроятность предположенія о тождествѣ Рипеевъ съ Алтаемъ, а Гиперборейцевъ съ первичными «Енисейцами» (терминъ Клапрота), Томашекъ настаиваетъ въ концѣ концовъ на необходимости помѣстить Гиперборейцевъ Аристей въ странѣ Желтой рѣки.

Переселеніе народовъ.

Въ послѣдней части своей поэмы Аристей (Герод. IV, 13) говорилъ о передвиженіи среднеазиатскихъ народовъ, происшедшемъ до его времени, около конца восьмого вѣка. Толчекъ дали неспокойные Аримаспы, тогда какъ Гиперборейцы оставались спокойными; Аримаспы, по его словамъ, вытѣснили Исседоновъ, эти въ свою очередь Скифовъ, «а Киммерійцы, жившіе у южнаго моря, покинули свою страну подъ натискомъ Скифовъ».

Гиндукушъ, Памиръ и западная часть бассейна р. Тарима были первоначально населены аборигенами, которые какъ по географическому положенію, такъ по типу языка занимали средину между кавказскими и мазандеранскими горными народами, съ одной стороны, и тибетскими племенами Гималаевъ, съ другой; эти аборигены были поглощены или стѣснены въ меньшія пространства послѣдовавшимъ затѣмъ изъ Европы арийскимъ переселеніемъ; къ нимъ принадлежали прежде всего *Κάσσιοι* или *Κάσιοι*, и нынѣшніе Буришъ къ сѣверу отъ изгиба р. Инда представляютъ единственные слабые остатки этого до-арійскаго населенія. Далѣе на югъ долины Кабула уже начиналась область дравидскихъ племенъ. Восточный бассейнъ Тарима между Тяньшанемъ и Гималаями былъ издавна во владѣніи тибетскихъ племенъ, восточная вѣтвь которыхъ подъ именемъ Жуигоу простиралась даже за Желтую рѣку, гдѣ къ нимъ примыкалъ народъ срединнаго царства. На сѣверѣ Гоби и высоты при источникахъ р. Селенги представляли прародину Гунновъ и Турокъ; все, что лежитъ сѣвернѣе и западнѣе Алтая, находилось еще во власти енисейскихъ, самодскихъ и угрскихъ племенъ, къ которымъ начиная съ Урала примыкали финскія родственныя племена. Первое большое передвиженіе народовъ послѣдовало въ тысячелѣтіе арийскаго переселенія: угрскія племена сѣвера должны были занять меньше пространства, Каспійцы срединны и Дравиды юга были оттѣснены въ горныя области; въ аральскихъ степяхъ, въ области Яксарта и Памира, а также въ западномъ бассейнѣ Тарима, помѣстились Массагеты и Саки; Иртышъ заняли переселенцы Сколоты, какъ разъ рядомъ съ Турками Алтая. Тогда-то произошло движеніе народовъ, о которомъ говоритъ Аристей.

Неспокойные Гунны начали жестокіе набѣги на южныя области, вытѣснили Жуигоу глубже въ горы, и оттѣсненные съ ними на сѣверной сторонѣ Наньшаня Исседоны старались распространиться по бассейнъ Тарима, вслѣдствіе чего должны были занять меньше пространства сако-массагетскія племена. Часть Саковъ могла затѣмъ искать убѣжища въ мидійскихъ странахъ, арало-каспійскія кочевыя племена могли предпринять обратное движеніе къ Танаису; быть можетъ, именно тогда такъ называемые Савроматы были оттѣснены къ изгибу Дона и вторглись въ область между Кавказцами и понтійскими Сколотами; Сколоты должны были въ слѣдствіе этого искать убѣжища не только въ странѣ Тавровъ, но еще западнѣе Борисфена на карпатской сторонѣ и заняли устье Дуная; достовѣрныя свидѣтельства говорятъ о войнахъ Сколотовъ и фракійскихъ кочевниковъ въ древнее время. Фракійскія племена въ свою очередь устремились за Гемусъ и Босфоръ: это и были такъ называемыя «киммерійскія» орды, которыя вторглись во Фригію и Лидію.

Статью объ Аристей и его поэму В. Томашекъ заключаетъ такъ:

«Мы старались уяснить на основаніи скудныхъ налчныхъ данныхъ содержаніе Аримасповой поэмы и безпристрастно оцѣнить все, что казалось годнымъ для объясненія. Мы нашли, что горизонтъ баснословныхъ извѣстій достигаетъ китайскаго океана и что нельзя не допускать возможности, что греческій путешественникъ, приключивъ къ скинскому каравану, съ помощью скинскихъ переводчиковъ могъ въ седьмѣмъ вѣкѣ собрать свѣдѣнія о далекіихъ событіяхъ и даже проникнуть въ самую глубь, въ сердце средней Азии. Для содержанія этихъ извѣстій безразлично, если Аристей и не былъ самъ въ Исседонѣ, но получилъ свѣдѣнія отъ другихъ, сообразно съ замысломъ его поэмы, въ видѣ предпринятаго въ умѣ путешествія или птичьяго взгляда изъ свѣтлаго зенита. Сами по себѣ взятая, свѣдѣнія эти отличаются высокимъ достоин-

ствомъ, хотя всегда были принимаемы съ недоверіемъ и не взирая на то, что Страбонъ (XIII, р. 589) называетъ поэта обманщикомъ. Потомки не были въ состояніи постичь смыслъ и значеніе его сказаній о самыхъ крайнихъ странахъ земли. Одно мы должны всегда помнить: знакомство съ отдаленнѣйшими краями земли было въ цвѣтущую пору іонійской торговли гораздо шире, чѣмъ въ позднѣйшее время; позже стало невозможнымъ достичь того, чего достигали предприимчивые іонійцы. Это справедливо не только объ атлантическомъ западѣ, но еще въ болѣе высокой степени о пути на сѣверовостокъ. Соединеніе добытыхъ фактовъ съ поэтическими прикрасами послужило Аримасовой поэмѣ на большой вредъ, чѣмъ, напримѣръ, описанію путешествія Писея (IV в. до Р. Х.), котораго также за нѣкоторые извѣстія считали лживыми: въ то время какъ здравая позднѣйшая критика сочла поэтическія прибавки невѣроятными и осмѣяла ихъ, пропало и самое ядро болѣе достовѣрнаго преданія.

Желанное дополненіе къ извѣстіямъ объ Аристейѣ даетъ его соотечественникъ Геродотъ; изъ него мы узнаемъ подробнѣе направленіе того караваннаго пути, по которому долженъ былъ слѣдовать Аристей, если онъ дѣйствительно достигъ Исседона, и кромѣ того, замѣчательныя свѣдѣнія о народахъ сѣвера, свѣдѣнія, разборъ которыхъ, не смотря на неоднократныя попытки извѣстныхъ изслѣдователей, далеко нельзя считать окончательнымъ и удачнымъ, почему мы въ слѣдующемъ изслѣдованіи хотимъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ. Правда, и здѣсь достаточно басенъ, но въ общемъ мы стоимъ на болѣе прочной, почти исторической почвѣ. Мы знаемъ, что путь, котораго держались обыкновенно скныскіе караваны, шелъ не у сѣвернаго края арало-каспійскаго бассейна (48° сѣв. шир.) и чрезъ низменность при р. Чуй къ бассейну Тарима, но поворачивая далеко на сѣверъ отъ устья Дона къ изгибу Волги у Казани, затѣмъ чрезъ пермскій и среднеуральскій проходы къ области рѣки Иртыша и къ джунгарской долинѣ и наконецъ достигалъ, чрезъ тюркскую область, у юго-востока, границы Тибета и исседонскаго рынка. Это направленіе указано самой природою; оно стоитъ въ прямой зависимости отъ физическихъ условій (рельефа почвы, климата, произведеній природы и проч.), и намъ не приходится изумляться, что въ настоящее время проектъ русской желѣзной дороги къ Тихому океану, въ числѣ возможныхъ направленій указываетъ какъ разъ на Пермь, Омскъ и Семипалатинскъ, и что считается серьезною мыслью проложить рельсовый путь на древней китайской торговой дорогѣ, отъ Шачеу до Си-ан-фу и достичь у Шанхая Тихаго океана. Густонаселенное срединное царство, изъ котораго еще во времена Аристей (650 г. до Р. Х.) проникъ на западъ слабый лучъ свѣта, и въ наше время представляетъ страну, съ которой стремится завязать сношенія весь міръ».

А. К. Васильевъ.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакцію правителя дѣлъ. Томъ XXI, № 2 и 3.

Восточно-Сибирскій Отдѣлъ нашего общества неутомимо работаетъ на пользу изученія „далняго востока“ во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ, а пожалуй, и главнымъ образомъ въ этнографическомъ, и продолжаетъ знакомить ученый міръ съ результатами своихъ работъ въ „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“ своихъ, выходящихъ въ настоящее время подъ редакцію опытнаго и знающаго край правителя дѣлъ, извѣстнаго путешественника и изслѣдователя Восточной Сибири и Монголіи. Г. Н. Потанина.

Второй выпускъ „Извѣстій“ отдѣла за настоящій годъ открывается статьей г. Н. Григоровскаго „Поездка на Верхнюю Ангару“. Этнографическаго матеріала эта статья даетъ очень немного: на стр. 6—16 есть кое-какія свѣдѣнія „о Верхне-Ангарскѣ, его жителяхъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Верхне-Ангарска, бродячихъ Тунгусахъ Чальчагирскаго рода, а также и о Нижне-ангарскомъ Киндигирскомъ родѣ“.

„Можно тутъ отгѣтить между прочимъ тунгусское преданіе о первоначальномъ прибытіи русскихъ казаковъ къ устью Катери (стр. 10): „Казаковъ было немного. Они укрѣпились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Ченча, но были поголовно выбиты Тунгусами. Тунгусы тогда еще не знали огнестрѣльнаго оружія и хлѣба. У казаковъ они нашли хлѣбъ въ ковригахъ и удивлялись, что это за глина и какъ ее ѣдятъ. Они пускали эти ковриги съ горы и стрѣляли въ нихъ стрѣлами, стараясь попасть въ самую середину. Около Ченчи показываютъ остатки днища того судна, на которомъ пришли казаки. Затѣмъ второе появленіе Русскихъ въ этотъ край, уже въ большемъ количествѣ, заставило Тунгусовъ покориться, но изъ нихъ все-таки многіе не пожелали покориться и добровольно умертвили себя. Они сдѣлали родъ навѣса, на который насыпали земли и каменье, затѣмъ собрались подъ навѣсъ, подрубили столбы и заживо погребли себя“.

Слѣдующая статья: „А ба-х а й да к ѣ у хоринскихъ Бурятъ“ принадлежитъ г. Ирднни Вамбоцырену и представляетъ интересное описаніе существовавшего въ старину у Бурятъ обычая устраивать разъ въ годъ облаву на звѣрей—всѣмъ родомъ. Эти облавы имѣли большое значеніе въ однообразной жизни прежняго Бурятъ: „Облава, какъ говоритъ авторъ статьи, служа для родоначальниковъ и почетныхъ богачей забавой, въ то же время для престолярной массы составляла важное средство къ жизни; мясо добытыхъ на облавѣ звѣрей употреблялось въ пищу, дорогіе шѣха шли на уплату ясака, а остатки употреблялись Бурятами на зимнія шапки, ошейники, курму и хормокши; шѣха оленей, лосей и козъ шли на зимнія одежды, а оголенныя ихъ шкуры шли на лѣтнія одежды—гармай“.

Третья статья: „Молочное хозяйство у Бурятъ Верхнеудинскаго округа“, г-жи А. Потаниной, даетъ свѣдѣнія о кушаньяхъ и напиткахъ, приготовляемыхъ Бурятами изъ коровьяго и овечьяго молока, и объ употребляемой при этомъ посудѣ.

Слѣдующая затѣмъ статья г. Н. Веселовскаго содержитъ „Матеріалы для изученія якутской народной словесности“. Отсюда мы узнаемъ, что у Якутовъ почти нѣтъ народныхъ пѣсень, т. е. такихъ, которыя были-бы распространены среди Якутскаго племени, такъ какъ „каждый поющій Якутъ является въ моментъ пѣнія творцомъ своей пѣсни, которую тотчасъ-же забываетъ и которую никто никогда не повторить“, и что, съ другой стороны, „нѣтъ такого явленія и факта, который не могъ бы послужить Якуту матеріаломъ для его поэтическаго творчества“. Г. Н. Веселовскій приводитъ 11 №№ записанныхъ имъ Якутскихъ пѣсень съ подстрочнымъ переводомъ.

Въ отдѣлѣ „Библиографія“ представленъ отчетъ о слѣдующихъ книгахъ: *Inscriptions de l'Enissei, recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889*“, „*Studien über die Suljekfelsen. Inschriften. Eine polemische Schrift, von Aug. Tötterman. Helsingfors*“. Матеріалы по Археологій Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіей № 3. Сибирскія древности В. Радлова. Т. 1, вып. 1-й С.-Петербургъ. 1888“. Но этотъ отчетъ стоитъ самостоятельной статьи, такъ какъ авторъ, его г. Д. Клеменцъ, не довольствуясь разборомъ сказанныхъ трудовъ, сообщаетъ при этомъ результаты многихъ раскопокъ, произведенныхъ въ Сибиріи, частью даже при его участіи.

Въ „Смѣси“ представлено описаніе „путешествія Joseph Martin'a по Сѣв. Вост. Сибиріи“, извлеченное гонр. инж. В. Д. Обручевымъ изъ *Revue Géographique internationale*“, а затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о числѣ инородцевъ въ учебн. заведеніяхъ Иркутской губ. и Забайкальской и Якутской областей. При выпускѣ—карта теченія р. Верхней Ангара, приложенная къ статьѣ г. Григорьевскаго.

Въ третьемъ выпускѣ „Извѣстій“ этнографическаго матеріала совсѣмъ нѣтъ, если не считать коротенькое описаніе охоты на нерпу въ статьѣ г. Н. Витковскаго: „Замѣтки къ вопросу о байкальской нерпѣ“. Нельзя не пожалѣть, что въ статьѣ г. Потанина: „Бурятскія названія растений“ приведены только названія, а нѣтъ въ большинствѣ случаевъ ни перевода на русскій языкъ, ни русскаго названія для сравненія, ни, наконецъ, не указаны повѣрья и вѣрованія Бурятъ относительно нѣкоторыхъ, а такіа повѣрья навѣрно есть: почему напр. *Delphinium* назыв. „невѣсткиныя цвѣтокъ“, или *Polygonum Convolvulus*—путы трава?—...

Къ обоимъ выпускамъ приложены Отчеты о дѣятельности Отдѣла. Изъ этихъ отчетовъ видно, что отдѣлъ привлекаетъ къ себѣ симпатіи не только Русскихъ, но и инородцевъ: и тѣ и другіе вступаютъ въ общество членами и дѣлаютъ въ пользу общества различныя пожертвованія, какъ деньгами, такъ вещами и книгами.

Ир. II.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ I, выпуски 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ).

Второй выпускъ „Записокъ“ Отдѣла содержитъ въ себѣ „Сказанія Бурятъ, записанныя разными собирателями“ и издавъ на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева. Этотъ выпускъ содержитъ 56 № „сказаній“ (частью сказокъ, частью повѣрій, а отчасти и преданій) и отдѣльно „примѣчанія“, составленныя г. Потанинымъ; кромѣ того приложены два алфавитныхъ указателя: собственныхъ именъ и предметный.

Сказанія этого сборника представляютъ большой интересъ, между прочимъ и тѣмъ, что нерѣдко мотивы ихъ, а порою даже и способъ выраженія, чуть не тождественны со сказками, записанными въ противоположномъ концѣ Россіи — въ Смоленской губ. Я говорю о „Смоленскомъ сборникѣ“ г. Добровольскаго (печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ). Такъ напр. сказанія о сотвореніи міра, о сотвореніи человека и о потопѣ (о Ное и ковчегѣ) очень сходны съ сказаніями на 229—239 стр. „Смоленскаго Сб.“, Собачій пай въ хлѣбѣ“ Записокъ одного содержанія съ разск. „Отчего теперь у ржи маленькій колосъ“ въ Сборникѣ, только причины Божьяго гнѣва различны. Есть и другія сходства.

Третій выпускъ „Записокъ“ Отдѣла представляетъ особый „Верхоянскій Сборникъ“ и содержитъ „Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ И. А. Худяковымъ“.

Изъ предисловія къ выпуску узнаемъ, что рукопись этого сборника пожертвована Отдѣлу графомъ А. П. Игнатьевымъ, къ которому она попала через балаганскаго исправника отъ верхоянской мѣщанки Гороховой, и приписана Худякову (хотя имени его на ней нѣтъ) по различнымъ соображеніямъ, которыя въ предисловіи и приводятся. Якутскіе образцы въ рукописи приведены, по большей части, по-якутски и по-русски, но изданы покажутся только по-русски.

Сборникъ распадается на 7 отдѣловъ, изъ коихъ пять посвящены произведеніямъ якутской словесности и содержатъ:

- I. Пословицы и поговорки,
- II. Пѣсни (импровизація дѣвушки-Якутки),
- III. Якутскія загадки,
- IV. Саги,
- V. Сказки.

Изъ остальныхъ же трехъ одинъ (VI), содержитъ „Русскія сказки у Якутовъ Верхоянскаго округа“ (въ переводѣ на русскій языкъ), а два другіе посвящены Русскимъ и содержатъ: VII русскія сказки, у Русскихъ, и VIII пѣсни русскія.

Минуя первые 5 чисто якутск. отдѣловъ, которые содержатъ впрочемъ очень много интереснаго ¹⁾, останавлиюсь немного на трехъ послѣднихъ.

¹⁾ Интересно бы прослѣдить отношеніе пословицъ и поговорокъ якутскихъ къ пословицамъ другихъ инородцевъ и Русскихъ: нѣкоторыя изъ нихъ ужъ очень близки къ русскимъ, напр.: Якутск. «Если собакъ нечего дѣлать, то она лижетъ себѣ адинцу» = русск. «Нечего псу дѣлать — давай ж—у лизать», или якутск.: «У женщины хотъ волоса и долги, да мысль коротка» = русск.: «У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ», или якутск.: Между обоями вода не проливается» = русск. «Водой не разольешь» (о друзьяхъ); также якутск. «Но будешь лизать, наливши на лицо сору» = русск. «Съ лица не воду пить» (о невѣстѣ) и др.).

Въ отдѣлѣ VI изъ двухъ „русскихъ сказокъ у Якутовъ“ первая—Илья Муромецъ (на стр. 254—268, т. е. 15 стр!) представляетъ скорѣе побывальщину (т. е. былину, утратившую размѣръ) объ Ильѣ Муромцѣ, составившуюся изъ соединенія нѣсколькихъ былинъ, причѣмъ этому богатырю приписывается кое-что относящееся къ другимъ. Сказка сначала знакомитъ съ богатымъ крестьяниномъ города Муромъ Климомъ и его женою: „у него 20 табуновъ коннаго скота, нѣсколько сотъ коровъ и быковъ, безсчетное число барановъ, а въ сундукахъ и амбарахъ было собрано много разнаго богатства“. Не было только дѣтей; но, хотя старику было 82 года, а старухѣ 70, они все таки надѣялись имѣть дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, по ихъ усердной молитвѣ Богъ далъ имъ сына, который при рожденіи „не издалъ ни одного звука, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія“. Силу ему по истеченіи многихъ лѣтъ дали 3 свѣтлыхъ красивыхъ юноши, велѣвшіе ему встать. Дальше рассказъ идетъ въ такомъ порядкѣ: покупается больной жеребенокъ, за ночь превращающійся въ богатырскаго коня, благословеніе на дорогу, Соловей разбойникъ, Илья у Владиміра, приходитъ „Поповскій сынъ богатырь со своимъ слугою“, Смерть Татаровичъ, которому приписываются черты Идолища Поганого, насмѣшки Поповича (словами Илья къ Идолищу, какъ обыкновенно) надъ Татаровичемъ, бой (хитрость Поповича и смерть Татаровича), Илья и Поповичъ братаются, воюютъ съ желѣзными и огненными людьми; Илья и Поповичъ въ гостяхъ лунь-царицы (царь-дѣвнцы), Поповичъ на ней женится, а Илья отказался: сила-де пропадетъ и калѣкой онъ сдѣлается; Илья встрѣчается съ огромнымъ богатыремъ (Святогоромъ?) и, оборотившись пчелой, жалитъ коня, за что и попадаетъ въ карманъ богатыря; онъ оказывается внукомъ жены богатыря; ѣдетъ съ богатыремъ, встрѣчаютъ гробъ, смерть богатыря; Илья встрѣчаетъ Николая Чудотворца съ кошею, въ которой $\frac{3}{4}$ вѣса всей земли.

Вторая сказка «Старецъ-Пилигримъ» (стр. 268—288, т. е. 20), представляетъ какъ бы варіантъ къ сказкамъ о „Палугримѣ“ и „Дивномъ Старикѣ“ уже упомянутого мною Сборника.

VII и VIII отдѣлы интересны главнымъ образомъ по своему языку; но VIII кромѣ того интересенъ и по содержанію: въ него входятъ пѣсни, вѣрнѣе—былина Алеша (Алеша Поповичъ и Тугаринъ), нѣчто въ родѣ былинны: Царь Елизаръ и, наконецъ, два отрывка изъ исторической пѣсни „Милославскій“. Въ языкѣ этихъ двухъ отдѣловъ прежде всего бросается обиліе постпозитивныхъ приставокъ, напр. при глаголахъ да—дралъ-да, трясла-да, знатъ-да (знаетъ); при существ. мѣстоимен. ть, та, то (какъ болгарск. ть, та, то): парень-отъ два-тѣ глаза, самого-то, руки-тѣ, ноги-тѣ. въ кадъ-ту, въ воду-то, сабѣ-ка, и др.

Есть и фонетическія особенности, напр. сарь=царь, сѣпочка—цѣпочка. лоточка=лодочка, мдро=море, личн=лечь, эга-баба=яга-баба (род. эгой-бабы) и т. д.

Изъ синтактическихъ особенностей можно отмѣтить употребленіе мѣстн. пад. мн. ч. вм. родительн. на ряду съ правильной формой, напр. коней-те, росомаховъ-те, лисицѣхъ, медвѣдѣхъ, щескохъ, сиводушекъ и т. д.; употребленія дательн. пад. для обозначенія направленія на вопросъ къ кому, напр.: Мы поѣдемъ мы, слуга, да мы Тугарину; поехали да они Солнышку Владиміру—и т. д. (ср. лѣтонис. поѣде Вышегороду); употребленіе винит. пад. на вопросъ куда? во что? напр. „Онъ бросаетъ эту голову стекольчато вонъ“.

Ир. П.

Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской Этнографіи Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Спб. 1891. IV + 428 стр.

И за этотъ томъ нельзя не поблагодарить автора, хотя конечно онъ многихъ не удовлетворитъ: оно и естественно,—автору предстояла очень трудная задача—представить сжатый историческій очеркъ движенія Русской мысли и науки за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, за такое богатое великими событіями и разными печальными прокшествіями время, предложить возможно-вѣрную и короткую критическую оцѣнку многихъ первостепенныхъ, второстепенныхъ и третестепенныхъ явленій въ области русскаго искусства и науки, по русскимъ древностямъ и русской исторіи,—по исторіи государства и права, по исторіи церкви, по русской филологіи—по грамматикѣ, словарямъ, по народной словесности, по исторіи литературы...

Благодарные автору за то, что имъ сдѣлано хорошаго и полезнаго, отмѣтимъ нѣкоторые показавшіеся намъ недочеты и пробѣлы, какъ въ фактическомъ изложеніи, такъ и въ освѣщеніи предмета.

Какъ ни пространны, даже съ излишкомъ, нѣны главы этой книги, наиримѣръ, главы VI (Новая историческая литература по отношенію къ изученіямъ народности (С. 159—189), XI (Изображенія народа въ литературѣ (С. 350—374), в XII (Народничество (С. 374—419)—онѣ очень мало разъясняютъ дѣло и уже слишкомъ отзываются журнализмомъ тона и сужденій... Напримѣръ: «Идеалы г-жи Кохановской могутъ даже расти подъ сѣнію присутственныхъ мѣстъ...» Правда, это выраженіе принадлежитъ не нашему автору, а Анненкову (Восп. и крит. очерки II, 303 и сл.), но авторъ приводитъ полъ страницы изъ подобнаго отзыва Анненкова о Кохановской. Отзывъ о г. Лѣсковѣ неспрѣнно поражаетъ разными придрками. Мнѣнія и сужденія о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Кавелинѣ съ одной и о мистицизмѣ славянофиловъ или о послѣднихъ произведеніяхъ Льва Толстаго, о Достоевскомъ, о Данилевскомъ Н. Я., своею односторонностію и преувеличеніями, въ возвышеніи однихъ и униженіи другихъ не поразятъ развѣ лишь публики, умственно питающейся и живущей одними нашими мѣсячными журналами. Въ VI главѣ, при опроверженіи такъ называемыхъ славянофильскихъ воззрѣній на Петра Великаго и Петербургскій періодъ онѣ невѣрно и неточно передаются, отчего и опроверженія мало или вовсе къ дѣлу не относятся.

Въ главѣ X (Общій обзоръ изученій народной жизни за послѣднія десятилѣтія, т. е. съ 1840 до 1890 г. 297 — 349) представленъ сжатый статистико-библиографическій очеркъ литературы—по русской географіи, статистикѣ и этнографіи съ 1859 по 1866 г. (по Межову) и приведены авторомъ полезныя библиографическія указанія о дѣятельности Академіи Наукъ, Генеральнаго Штаба, Географическаго Общества, Статистическаго центрального, губернскихъ и земскихъ комитетовъ, о подъемѣ губернскихъ вѣдомостей и развитіи мѣстныхъ изслѣдованій, о трудахъ Общества Любителей древней письменности въ Петербургѣ и Московскаго Общества Любителей естествознанія и пр.

Эта глава очень интересна и полезна. Мы не нашли въ ней, къ сожалѣнію, такихъ же указаній на дѣятельность двухъ новыхъ обществъ, успѣвшихъ обогатить русскую литературу рядомъ важныхъ изданій—Обществъ Палестинскаго и Историческаго. Можно бы было тутъ же отмѣтить о новомъ преобразованіи Записокъ Петербургскаго Арх. Общества. Важны и новѣйшія Записки Славянорусскаго Отдѣленія, но особенно заслуживаютъ упоминанія Записки Восточнаго Отд., которыя подъ редакціей В. Р. Розена стали если не самымъ лучшимъ, то однимъ изъ первыхъ нашихъ ученыхъ журналовъ. Справедливость требовала бы указать и на замѣтный сравнительно упадокъ и ослабленіе дѣятельности Археографической Комисіи. Вообще въ 30—40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ государство, говоря относительно, оказывало этому дѣлу больше вниманія и пособія, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ назадъ, особенно если принять во вниманіе значительное увеличеніе съ того времени денежныхъ государственныхъ средствъ вообще и самаго Министерства Нар. Просв. и необычайно разившуюся за это время дѣятельность по изданію историче-

скихъ источниковъ въ Германіи, Италиі, Англіи... Сличеніе того, что сдѣлано и дѣлается у насъ за послѣднія десятилѣтія съ тѣмъ, что одновременно совершено хотя бы въ одной лишь Баваріи, Флоренціи или Венеціи, даже въ Венгріи или въ Польской Галиціи или въ Хорватіи, можетъ насъ только приводить въ стыдъ и смущеніе. Будетъ справедливымъ, и признаемъ, что въ 30—40-хъ гг. по этой части, относительно говоря, мы стояли выше, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія до настоящаго времени. Мы не поклонники и не любители того прошлаго, но правды таить нечего.

Если эту главу X, хотя она и цѣнная, отнести къ вышеуказаннымъ тремъ главамъ, такъ какъ въ ней скорѣе одѣтъ указаніи, чѣмъ критическая оцѣнка разныхъ научныхъ явленій и дѣятелей, то для историческаго очерка движенія Русской науки и критической оцѣнки главнѣйшихъ ея дѣятелей остается собственно до 280 страницъ съ небольшимъ за все послѣднее пятидесятилѣтіе. При извѣстной сжатости и равномерности, автору можно-бы было справиться съ его задачею. Но къ сожалѣнію ни должной краткости, ни равномерности въ этой части книги Пыпина не замѣтили. Такъ почти вся IX глава, безъ малаго 40 страницъ, посвящена описанію и оцѣнкѣ трудовъ акад. и проф. А. Н. Веселовскаго и изложенію содержанія одной статьи проф. Ягича „Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik“ (Arch. 1875. 82 133). Согласны — велики и разнообразны труды Веселовскаго, но нѣкоторые изъ нихъ больше относятся къ Франціи, Италиі, Германіи, даже къ Египту, чѣмъ къ Руси или къ Славянищѣ. Признаемъ большія заслуги Ягича по изданію и редакціи его Archiv'a f. d. slaw. Phil., его прекрасныхъ трудовъ и изданій Зографскаго и Маринскаго Квангелій, Русскихъ Миней, переписки Добровскаго, различныхъ его славянскихъ изслѣдованій, между прочимъ и о славянской народной поэзіи, но не видимъ въ статьѣ такого важнаго значенія чтобы посвящать ей, какъ г. Пыпинъ, при недостаткѣ мѣста, десять страницъ слишкомъ. — О. И. Буслаеву посвящено, и справедливо, много мѣста, но все же — два печатныхъ листа. Мы конечно высоко цѣнимъ заслуги Буслаева, однако не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ г. Пыпина, будто этотъ ученый является у насъ первымъ представителемъ историко-сравнительнаго языковѣдѣнія (стр. 77). Первымъ настоящимъ филологомъ новаго направленія былъ у насъ ровесникъ Боппа и Гримма А. Х. Востоковъ, вторымъ-же бесспорно — его ученикъ П. И. Прейсъ. Его отчеты о Литовскомъ языкѣ и о Русскихъ въ немъ словахъ, о Кашубскомъ нарѣчьи, о Хорсѣ и другихъ чужихъ божествахъ у Славянъ Русскихъ, его критическія замѣчанія на грамматику Боппа, самолично имъ врученныя автору въ нач. 1840-го г., его трехлѣтнее преподаваніе въ нашемъ Университетѣ не должны быть забываемы при оцѣнкѣ почтеннаго, но въ значительной степени компилятивнаго труда Буслаева: 6 преподаванія отечественнаго языка 1844. — Несмотря на извѣстныя ошибки въ приемахъ и методѣ, трудъ Павскаго Филологическія Наблюденія надъ составомъ Русскаго языка 1841—43 заслуживалъ-бы большаго признанія а „Корнесловъ Русскаго языка сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчьями и съ 24 иностранными языками“. О. Шимкевича. Спб. 1842 и магистерское разсужденіе Каткова „Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка“. М. 1845, всячески-бы заслуживали благодарнаго упоминанія хотя-бы при рѣчи о первомъ трудѣ Буслаева. — Почтенному, трудолюбивому и даровитому, хотя не имѣвшему хорошей филологической подготовки, А. Н. Аванасьеву посвящена особая глава (IV, стр. 110—132), Кавелину десять слишкомъ страницъ, что кажется намъ столь-же неумѣреннымъ, какъ и изображеніе его заслугъ въ русской исторіи, въ исторіи русскаго права и въ этнографіи. Правда Бѣлинскій восторгался статью Кавелина „Юридическій бытъ древней Россіи“, но ни этотъ восторгъ, ни самая статья наукъ ничего особеннаго не дали. Правдивая ея оцѣнка была въ свое время сдѣлана Самариннымъ, и научная критика не можетъ ея не знать. Правдивъ и отзывъ Никитенки (въ Зап.) о Кавелинѣ.

Разсмотрѣнію тридцатилѣтней дѣятельности проф. А. А. Потебни посвящено всего семь страницъ. Г. Пыпинъ замѣчаетъ, что Потебня „занимаетъ теперь одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто въ ряду русскихъ филологовъ“ (стр.). Было бы справедливѣе сказать, что по обширности и основательности знаній, по глубинѣ и тонкости проищанія во внѣшній составъ и внутренній строй языковъ, знанія и пониманія на-

родной поэзіи какъ всего Славянскаго, такъ и Литовско-Литскаго племени профессору Потебнѣ принадлежитъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду Европейскихъ филологовъ вообще, а въ мірѣ Славянскомъ положительно первое мѣсто.

Вполнѣ признавая важное значеніе трудовъ Буслаева, Тихонравова, Пыпина, Сухомлинова, Майкова, Веселовскаго по исторіи древней и старой нашей словесности, мы къ удивленію не нашли упоминанія о дѣятельности проф. Шевырева. Каковы бы не были его недостатки, какъ профессора и писателя, но его немаловажныя заслуги русской наукѣ несомнѣнны.

Его труды тридцатыхъ годовъ: Дантъ и его вѣкъ. Москва. 1833., Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи. Москва. 1836, сороковыхъ и пятидесятихъ—по исторіи Русской словесности; сверхъ весьма важныхъ для своего времени лекцій его о древней нашей словесности заслуживаетъ признательности и его извѣстная Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850. Выхваченная изъ этой книги журнальною критикою, одна-другая забавная фраза не можетъ же выключить изъ исторіи Русской науки имя и заслуги Шевырева, какъ бы мы лично къ нему ни относились. Намъ въ высшей степени пріятно было прочесть недавно на страницахъ Вѣстника Европы въ Воспоминаніяхъ Ѳ. И. Буслаева нѣсколько строкъ, посвященныхъ памяти Шевырева. Изъ нихъ, по собственному же признанію Ѳ. И. Буслаева, оказывается, что Шевыревъ имѣлъ на него благотворное вліяніе, и оно сказалось даже въ его первомъ важномъ трудѣ О преподаваніи отечественнаго языка. М. 1844. Надо думать, что любовь къ Данту зародилась въ молодомъ Буслаевѣ тоже не безъ вліянія Шевырева. Кирѣевскій И. В. писалъ про публичныя лекціи Шевырева о древней нашей словесности: „Замѣтно, что общее участіе къ лекціямъ безпрестанно возрастаетъ, также какъ и число слушателей. Спачала ихъ было около полтораста; теперь ихъ уже болѣе трехъ сотъ. Последняя лекція его перерывалась пять разъ рукоплесканіями, которыми его встрѣчаютъ и провожаютъ почти каждый разъ“ ¹⁾.—Приводимъ это показаніе для тѣхъ, кто склоненъ измѣрять научныя заслуги людей ихъ большею или меньшею популярностію. Мы лично судимъ о значеніи трудовъ Шевырева по другимъ основаніямъ, и полагаемъ, что критическимъ отзывамъ Бѣлинскаго законно противуставлять отзывы о Шевыревѣ И. В. Кирѣевскаго, богато одареннаго отъ природы и сильнымъ умомъ и критическимъ талантомъ, и несомнѣнно изъ всѣхъ нашихъ критиковъ послѣднихъ десятилѣтій наиболѣе просвѣщеннаго и научно-образованнаго человѣка.

Въ книгѣ г. Пыпина не нашли мы страницъ посвященныхъ особому упоминанію и оцѣнкѣ важныхъ для исторіи нашей древней словесности и старой письменности трудовъ ни Андр. Попова, человѣка съ крупными заслугами (не за одно описаніе рукописей Хлудова), ни проф. А. С. Павлова (еще недавно обнародовавшаго съ прекрасными замѣчаніями весьма важный древній русскій памятникъ), ни также преосвященныхъ Филарета и Макарія, ни весьма крупнаго нашего ученаго проф. Е. Е. Голубинскаго, ни профессоровъ П. А. Николаевскаго и А. И. Пономарева; мы не нашли даже имени послѣдняго тамъ, гдѣ бы ему стояло слѣдовало (къ главѣ IX на стр. 292—295), какъ не нашли тамъ же упоминанія и цѣнной работы проф. М. И. Соколова: „Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ“. Вып. I. М. 1888.

Еще удивительнѣе для насъ молчаніе о двухъ истинно-великихъ подвижникахъ Русской исторической науки за разсматриваемое г. Пыпинымъ время. Разумѣемъ проф. А. В. Горскаго и К. А. Неводина. Эти ученые, истинные великаны, занимали въ свою пору такъ сказать доминирующее, господствующее положеніе въ русскомъ ученомъ мірѣ, въ областяхъ своей специальности, остаются теперь и навсегда конечно останутся такою же неувядаемою славою русской науки, какъ въ наукахъ историко-нравственныхъ Карамзинъ, Востоковъ, Срезневскій, а въ наукахъ физико-математическихъ и въ естествознаніи Лобачевскій, Пироговъ, Пржевальскій, Сѣверцовъ, Чихачевъ...

¹⁾ Полн. Собр. сочин. И. В. Кирѣевскаго. М. 1861. II, 213 (о статьѣ Шевырева о Гетевомъ Фаустѣ (М. Вѣст.) и 190—195 (Публ. лекціи Шевырева).

Сверхъ простаго упоминанія имени А. В. Горскаго (на стр. 324) въ числѣ разнѣхъ изслѣдователей исторіи литературы, мы встрѣтили о немъ лишь слѣдующее: „въ послѣднія десятилѣтія явились въ этой области (описание рукописныхъ собраній) замѣчательные труды опытныхъ библіографовъ: Горскаго и Невоструева (опис. рпсеи М. Снн. библіотеки), Викторова (опис. рпсеи Григоровича, Ундольскаго), Бычкова (рпсеи Публ. Библіотеки), А. Попова (рукописи Хлудова), Добрянскаго (рук. Виленск.), Петрова (рук. Кіевск. дух. ак.), описаніе рукописей Соловецкой библіотеки“. Намъ кажется нѣсколько неловкимъ монументальное изслѣдованіе Горскаго (Невоструевъ занимаетъ второстепенное мѣсто) ставить на одну доску съ упомянутыми описаніями рукописей, какъ они ни полезны и какъ ни почтенны ихъ составители. Въ такомъ трудѣ, какъ П. т. сочин. Пыпина, было бы кажется очень умѣстно сообщить нѣсколько свѣдѣній о Горскомъ и указать его труды, хотя бы касающіеся только Россіи. Сверхъ его «лекцій по исторіи евангельской и церкви апостольской (Москва. 1883. 688 стр.)», изданія посмертнаго, былъ изданъ при жизни его цѣлый рядъ отличныхъ изслѣдованій по общей церковной исторіи (Прибавленіе къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ I, X, XII, XIV, XX, XXI, XXII, XXIV) или весьма важныя для исторіи Византіи монографіи, какъ напр. „Николай Мистикъ, патріархъ Константинопольскій (806—925)“ въ Приб. XIX, 2 стр. 163—275; „Внѣшнее состояніе церкви Восточной въ IX—XIII стол. (Христ. Чт. 1848 г. 1), или по новой исторіи восточнаго христіанства, какъ— „Подвижники вѣры на востокѣ послѣ паденія имперіи Греческой (Приб. XI), «О Соборѣ Іерусалимскомъ 1672 г.» (Приб. XXIV). Напомнимъ наконецъ, цѣлый рядъ превосходныхъ работъ по исторіи славянской и русской церкви: прекрасный критическій разборъ Паннонскихъ житій Св. Кирилла и Меодія,—эта статья (Москвит. 1843. III) составляетъ эпоху въ исторіи важнаго вопроса о слав. первоучителяхъ,—о походахъ Руссовъ на Сурожъ (Зап. Од. Общ. Ист. 1844. I), о митрополитѣ Русской въ к. IX в. (Приб. IX), о митрополитахъ кіевскихъ и московскихъ—Кириллѣ II, Св. Петрѣ, Св. Алексѣѣ, Св. Фотіѣ, Св. Іоанѣ, Теодосіѣ и Филиппѣ I (Приб. I, II, IV, VI, XI, XVI), о митрополитѣ Кіевской въ началѣ ея отдѣленія отъ Московской (приб. XIII), о Максимѣ Грекѣ (Приб. XVIII), о сношеніяхъ Русской церкви со святогорскими обителями до XVIII ст. (Приб. VI), извѣстіе объ Авраамѣ Палицынѣ (Москв. 1841), возраженіе противъ замѣч. объ осадѣ Троицкой Лавры (Москв. 1842, VI), о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII в. (Приб. III), о Петрѣ Могилаѣ, митрополитѣ Кіевскомъ (Приб. IV), нѣсколько свѣдѣній о Максимѣ Лигаридѣ до прибытія его въ Россію (Приб. XXI), наконецъ историческое описаніе Св. Троицкой лавры (I изд. 1842) и знаменитое, великолѣпное описаніе рукописей Синод. библіотеки. Послѣ Горскаго остались еще разныя записки и бумаги¹⁾, и нельзя не поставить въ укоръ нашимъ передовымъ духовнымъ лицамъ, преимущественно слушателямъ Горскаго, что до сихъ поръ (Горскій+1875) они не собрались издать полное собраніе его статей и изслѣдованій съ портретомъ и возможно полною біографіею. Въ такомъ собраніи есть крайняя надобность. Его требуетъ и чувство признательности къ великому ученому, и крайняя необходимость его трудовъ для всѣхъ занимающихся исторіею церкви, восточной, славянской и русской, и вообще исторіею внутренней жизни Россіи и ея образованности. Отличаясь строгимъ и проницательнымъ критикомъ, глубокою ученостью и замѣчательнымъ даромъ строго-научнаго изложенія, изслѣдованія А. В. Горскаго принадлежатъ безспорно къ лучшимъ созданіямъ русскаго ума и русской науки. Мы цѣнимъ уже нашихъ поэтовъ и художниковъ, пора начать цѣнить и нашихъ вышнихъ подвижниковъ науки. Мѣсто Горскаго въ ряду первыхъ изъ нихъ.

Такое же крупное явленіе въ исторіи русской исторической науки представляютъ и труды К. А. Невольна: монументальная Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ. Спб. 1851, важныя изслѣдованія: Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В. Спб. 1844., Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II. Спб. 1847, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра

¹⁾ Идавъ любопытный Дневникъ М. 1885, но неизвѣстно, съ пропусками или нѣтъ?

В. Спб. 1847, О преемственности великокняжеского Киевского престола. Спб. 1851, наконецъ О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XV в. (Зап. И. Р. Г. Общ. 1853), отличаются высокими учеными достоинствами. Они значительно выясняютъ самыя важныя стороны внутренней жизни Русскаго государства и общества какъ до Петра В., такъ и въ новое время. Не понимаемъ, почему въ книгѣ г. Пыпина дано мѣсто (до 10 странъ въ началѣ книги) трудамъ Соловьева, а не удѣлено и полстраницы трудамъ Невольина, Горскаго... „Въ области исторіографіи на первомъ планѣ стоятъ многочисленные труды неумолимаго Соловьева (1820—1879). Его диссертациі 1845 и 1847 гг. и первый томъ Исторіи Россіи (1851) «были, по словамъ г. Пыпина, фактомъ, составляющимъ эпоху. Труды Соловьева были приняты съ великимъ сочувствіемъ и уваженіемъ... Эти сверстники съ перваго раза вѣрно оцѣнили всю важность новаго приѣма и его отношеніе къ карамзинскому преданію. Съ другой стороны труды эти были встрѣчены весьма недружелюбно Погодинымъ. „Критическій приѣмъ Соловьева былъ именно приѣмъ „исторической школы“. «Первые образцы новой критики указали наглядно всю недостаточность прежнихъ изслѣдованій...» Подъ сверстниками г. Пыпина разумѣлъ Кавелина и частью Калачова... но кромѣ ихъ и Погодина, кромѣ публики, повторявшей восторги Современника и неудовольствіе и жалобы „Москвитинина“, были у насъ ученые лѣтъ на десять, на семь и т. д. старше Соловьева и Кавелина, были и сверстники Соловьева отлично знакомые съ критическими приѣмами, понимавшіе недостатки Карамзина, Погодина тѣмъ паче. Между первыми укажемъ Надеждина, Невольина, Горскаго, Калмыкова, М. Куторгу, между вторыми—П. С. Савельева (автора Мух. нумизматики) В. В. Григорьева,—и не только сверстниковъ, но и пріятелей и товарищей Соловьева—даровитаго, слишкомъ рано умершаго, Д. Валуева, Ю. О. Самарина, А. Н. Попова, А. О. Тюрина, автора прекрасной статьи «Земскія отношенія въ древней Руси»—гораздо важнѣе статьи Кавелина «Юрид. бытъ древней Россіи». И первые, и вторые, не повторяя Погодина, умѣли относиться вполне критически къ трудамъ Соловьева. И тѣ, и другіе съ уваженіемъ и радостью отнеслись къ первымъ изслѣдованіямъ Соловьева, хотя признали въ нихъ извѣстныя вѣщанья (относительно родового быта) и нѣкоторую односторонность (напр., въ оцѣнкѣ переписки царя Ивана Грознаго и князя Курбскаго), но для нихъ эти работы Соловьева еще эпохи не составляли, по крайности такой, какъ казалось Вѣлинскому и нашей публикѣ, думавшей по журналамъ. Что же касается мысли и предпріятія Соловьева съ 1851 г. начать издавать исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, то объ этомъ замыслѣ они всѣ, можно сказать, единодушно жалѣли, особенно когда увидали, что Соловьевъ рѣшилъ торопиться и издавать ежегодно по тому.

Въ этомъ отношеніи Хомяковъ въ 1851 г., черезъ 6 лѣтъ по выходѣ перваго тома Исторіи Соловьева, высказалъ строгое, но правдивое мнѣніе, котораго держались и раньше всѣ наши ученые. „Г. Соловьевъ, сказалъ онъ, началъ свое литературное поприще отдѣльными изслѣдованіями, не лишенными истиннаго достоинства. Въ одномъ указано было на значеніе новыхъ городовъ (которые скорѣе слѣдовало-бы назвать княжескими городами, — Вятка вѣдь тоже была городомъ новымъ). Оно было несправедливо своею формальною частью; ибо новопостроенные города нѣтъ въ видимыя учрежденія, подобныя старымъ (другихъ жизненныхъ формъ никто и не старался придумать); но оно было вполне право въ смыслѣ внутреннемъ. Въ новыхъ городахъ не было преданій съ его крѣпостію областнаго эгонизма, съ его уиорствомъ, и слѣдовательно они были органами болѣе способными для развитія новыхъ общественныхъ требованій. Это изслѣдованіе Соловьева есть истинная заслуга. Другое его изслѣдованіе объ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ было до нѣкоторой степени справедливо въ смыслѣ формальномъ, и въ тоже время совершенно ложно въ смыслѣ внутреннемъ. Оно упускало изъ виду особенности Новгородской жизни, ясныя съ самаго начала исторіи, и не принимало въ соображеніе того, что эти особенности должны были по необходимости рѣзче выступать наружу не столько по закону внутренняго развитія, сколько по противодѣйствию увеличивавшимся княжескимъ требованіямъ. Нельзя также не признать достоинства взглядовъ г. Соловьева на эпоху удѣловъ при раздѣльности земли и на эпоху удѣловъ обособляющихся (хотя онъ едва-ли не напрасно первой эпохѣ отказывалъ въ названіи удѣльной.

Всѣ эти труды были не бесполезны; но г. Соловьевъ не довольствовался ими и скромнымъ путемъ изслѣдованій. Онъ приступилъ къ исторіи Россіи. Всякому дѣйствительному ученому, — и безъ сомнѣнія г. Соловьеву, — было ясно, что исторія въ смыслѣ художественной лѣтописи послѣ Карамзина уже писать нельзя: для критической-же исторіи не заготовлено достаточно предварительныхъ изслѣдованій. Нужно было имъ запастись: но когда-же кончится эта предварительная работа? Историкъ рѣшился обойтись безъ нея; что изъ этого рѣшенія вышло, мы имѣемъ предъ собой... (Н. С. Соч. Хомякова I, 584—603).

Дѣйствительно, Соловьевъ оставилъ-бы по себѣ, при своемъ трудолюбіи и талантѣ, гораздо болѣе глубокіе слѣды въ русской исторической наукѣ, если бы продолжалъ работать какъ критикъ и изслѣдователь, и только между большими своими трудами, писалъ-бы исподоволь и перендавалъ съ исправленіями и дополненіями свой общій курсъ Русской исторіи въ тома четыре—шесть. Намъ кажется, что эта спѣшная, ставшая для Соловьева вѣтше-обязательною, работа, подгонявшая каждый томъ къ каждому году, только ускорила преждевременное разстройство его силъ. Соловьевъ самъ не могъ подъ конецъ не сознавать или не чувствовать всѣхъ недостатковъ и пробѣловъ своей Исторіи, — рѣдкій томъ, при многихъ прекрасныхъ страницахъ, не носитъ слѣдовъ скороспѣлой, сшитой бѣлыми нитками, работы: она его самого удовлетворять не могла.

Г. Пыпинъ замѣчаетъ (стр. 177): „сочиненіе Соловьева, какъ извѣстно, въ послѣднихъ томахъ (а въ большей части первыхъ будто иначе) было больше хронологическимъ сопоставленіемъ мало обработаннаго матеріала, чѣмъ исторіей“.

Если г. Пыпинъ считалъ нужнымъ поговорить объ успѣхахъ и движеніи Русской исторіографіи, въ 40-хъ, 50-хъ и послѣдующихъ гг., то однимъ Соловьевымъ, Кавелинымъ, Калачовымъ, Забѣлинымъ нельзя было ограничиваться. Труды Неволіна въ 40-хъ и нач. 50-хъ гг. по исторіи Русскаго права нельзя было проходить молчаніемъ, какъ и труды Горскаго по исторіи Русской церкви. Въ дѣлѣ изученія народности исторія церкви и исторія права (гражданскаго прежде всего, а у Неволіна изслѣдованы и важные вопросы по праву государственному древней и староруси) имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ общія политическая исторія страны. Вообще у г. Пыпина слишкомъ мало обращено вниманія на труды по исторіи Русской церкви (всего болѣе говорится о Шаповѣ) и вообще на разныя работы и изданія нашихъ духовныхъ академій. На нѣкоторые журналы, которые въ 50-хъ, 60-хъ гг. не мало помогли утвержденію въ нашемъ обществѣ самыхъ подѣлъ невѣжественныхъ представленій о многихъ ученыхъ и о самой наукѣ, г. Пыпинъ удѣляетъ слишкомъ много незаслуженнаго, въ данномъ случаѣ, вниманія, а о другихъ журналахъ, большой публикѣ мало извѣстныхъ и болѣе содержательныхъ и важныхъ въ смыслѣ научномъ, почти совсѣмъ умалчиваетъ. Да и относительно популярнѣйшихъ журналовъ и критиковъ мы не нашли, признаться, желанной справедливости. Г. Пыпинъ не разъ приводитъ мнѣнія Добролюбова (Взгляды Добролюбова стр. 363 нсл.), однажды даже замѣчаетъ: „И такъ, вѣра въ народъ, но и свободное критическое изученіе (курсъ принадлежитъ Пыпину) его—былъ выводъ Добролюбова. Онъ замѣчательнѣе исторически (курсъ принадл. намъ) тѣмъ, что отмѣчаетъ дѣйствительный переломъ, который долженъ былъ начаться и въ самомъ дѣлѣ начался, какъ въ художественномъ изображеніи народа, такъ и вообще въ отношеніи къ нему литературы“ (с. 369).

Такое великое значеніе Добролюбова въ исторіи Русской литературы и науки. Оспаривать это положеніе не станемъ и будемъ надѣяться, что найдутся иные, что упрекнутъ г. Пыпина за односторонность и за напрасное умолчаніе о взглядахъ и заслугахъ Писарева. Мы къ нимъ заранѣе готовы присоединиться, ибо Писаревъ былъ не менѣе Добролюбова даровитъ и прогрессивенъ, касался почти тѣхъ же вопросовъ, не меньше его имѣлъ въ свое время поклонниковъ, имѣетъ ихъ, вѣроятно, и теперь, писалъ также легко и много стихами и прозой, и умеръ также рано. Вообще для постоянныхъ наблюдателей между „Современникомъ“ не конца 40-хъ и начала 50-хъ гг., а конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ и между „Русскими Словомъ“, гдѣ писалъ Пи-

сареѣ, существенной разницы не было. Они сами это сознавали и высказывали, какъ выразилось однажды «Русское Слово» (послѣ полемики изъ за «Отцовъ и Дѣтей»): «Р. Сл.» можетъ расходиться съ «Современникомъ» на частныхъ и отдѣльныхъ вопросахъ, но оно всегда на столько уважало общую идею, что не рѣшится пожертвовать этой идеей въ пользу какого-бы то ни было личнаго самолюбія»¹⁾.

По поводу статей Кошелева и Самарина съ одной и «Современника» съ другой стороны, г. Пыпинъ замѣчаетъ: «Р. Б.» и «Совр.» были одинаково партизанами общиннаго начала, съ тою разницею, что первая продолжала примѣшивать къ вопросу мотивы національно-мистическіе, второй—вопросъ съ болѣе простой, реально-экономической и общественно-нравственной точки зрѣнія» (с. 322)²⁾.

Недостаточно справедливый даже къ «Русскому Слову» одного направленія съ «Современникомъ», г. Пыпинъ еще менѣе могъ быть справедливъ и внимателенъ къ «Русской Бесѣдѣ» или близкимъ къ ней нашимъ богословскимъ ученымъ журналамъ. Поэтому неудивительно, хотя и очень жаль, что, указывая на статьи и книги Кулишера, Воеводскаго, Сумцова по общей этнологіи, онъ не указалъ на нѣсколько важныхъ критическихъ изслѣдованій этого рода нашихъ двухъ весьма замѣчательныхъ ученыхъ Ѳ. А. Голубинскаго и В. Д. Кудрявцева, а также на неоконченный еще трудъ г. А. Введенскаго (въ Прав. Обзор.)—разборъ различныхъ новѣйшихъ ученій о первоначальныхъ религіяхъ. При обзорѣ трудовъ по исторіи письменности и народной словесности слѣдовало бы упомянуть съ признательностью о заслугѣ «Православнаго Обзорѣнія» по ознакомленію русской литературы съ различными апокрифами.

Говоря о Соловьевѣ, г. Пыпинъ счелъ нужнымъ привести о немъ мнѣнія и сужденія проф. Герье. Онъ, между прочимъ, всецѣло причисляетъ Соловьева къ русскимъ гуманистамъ, къ западникамъ (с. 16). «Его привлекалъ къ нимъ прежде всего научный интересъ, а затѣмъ сознаніе, что научное ихъ направленіе есть вытѣснъ съ тѣмъ и наиболѣе національное. Научно-европейское образованіе поставило его высоко надъ тѣми робкими ушами, которые изъ страха перестать быть русскими боялись сдѣлаться Европейцами».

Все это крайне односторонне и относительно Соловьева значительно невѣрно. При опредѣленіи новѣйшаго гуманизма, г. Герье несомнѣнно предъислился идеѣ Лессинга о человечествѣ и его *Nathan der Weise* по преимуществу, но онъ забылъ, что русская молодежь 40-хъ годовъ была преимущественно воспитана и проникнута философіею Гегеля и его учениковъ и послѣдователей, что въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Германіи сильно развивалась и идея національнаго единства Германіи... Наконецъ, между нашими западниками 40-хъ годовъ были пантеисты (Грановскій), Фейербаховцы (Герценъ и пр.) и вѣрующіе, своего рода уніаты, въ родѣ тогдашняго Чаадаева или новѣйшаго его преемника Вл. Соловьева. С. М. Соловьева пишущій эти строки знавалъ довольно близко, любилъ, глубоко уважалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ

¹⁾ Привожу это мѣсто по замѣчательной книгѣ Страхова «Изъ исторіи литературнаго нигилизма». 1861—1865. Спб. 1890. С. 543.

²⁾ Самаринъ писалъ: «Послушайте г. Чернышевскаго. Онъ начинаеть такъ: «Умолю васъ, не прѣсите меня за Славянофила; право я вовсе не стою за общинное владѣніе землей, существующее въ нашихъ селахъ; но не могу же я признать эту форму владѣнія предною, когда передовые мыслители Западной Европы видимо склоняются въ ея пользу». На это отвѣчаетъ г. Вернадскій: «Напротивъ, ученые Западной Европы (короче: наука) давно отвергли общинное владѣніе землею, изъ чего слѣдуетъ, что оно нигде не годится». И это-зывается споромъ двухъ Русскихъ ученыхъ о Русской сельской общинѣ! Право, мы скоро доживемъ до того, что Русскій пейзажистъ, задумавъ изобразить на полотнѣ сѣверную мотолу, запретя въ своей мастерской, чтобъ изучить описанія зимней природы, встрѣчались у Тасса, Данта и Камюсса». «Соврем. и Указат. (Вернадскій) съ перваго же шага сблизилъ съ исторической почвы и потеряли изъ виду предметъ спора. Русская община отдалась въ сторонѣ; а на ея мѣсто подвернулись незамѣтно, съ одной стороны—теорія неустойчивой организаціи труда (у Черн.)... (Сочин. Самарина III, 4—5). И такъ у Самарина возвращеніе конечно мистическое».

ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ бывало о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ. Соловьевъ былъ конечно высоко-гуманный человѣкъ, но по своимъ философско-религіознымъ воззрѣніямъ никогда не принадлежалъ къ западникамъ—а также и по своимъ взглядамъ на отношенія наши къ старой Польшѣ и къ Польской народности, къ славянскому вопросу въ Австро-Венгріи, на отношенія наши къ Германіи и на Нишцевъ въ Россіи, даже на Петербургскую Академію Наукъ.—Въ этихъ вопросахъ онъ принадлежалъ, вопреки г. Герье, всецѣло къ тѣмъ умамъ, которые не боялись не прослыть гдѣ нибудь на Мясницкой или на Англійской набережной Европейцами, хотя многими умными природными Европейцами причислены къ замѣчательнѣйшимъ людямъ новой Россіи, т. е. къ такъ называемымъ Славянофиламъ. Оттого Соловьевъ до послѣдней своей ссоры съ Р. Бес. (Шлецеръ и анти-историческая школа) постоянно принималъ участіе въ славянофильскихъ изданіяхъ: Сборникъ Валуева, Московскіе сборники (3 т.), Русская Бесѣда. Что Соловьевъ смотрѣлъ на русское просвѣтительное начало, на романизмъ и протестанство совершенно согласно съ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Самаринымъ, оно видно и изъ его сочиненій, извѣстно изъ его образа жизни и привычекъ...

Дѣйствительно С. М. Соловьевъ въ своихъ убѣжденіяхъ и образѣ жизни былъ строгій православный христіанинъ, чѣмъ нисколько не мѣшало ему быть, такъ сказать. Европеемъ по научному образованію. Проф. Герье вполнѣ правъ, говоря про Соловьева, что онъ не страшился перестать быть Русскимъ изъ боязни сдѣлаться Европеемъ... по образованію.

Если подъ Европою хат'ѣс'у'у разумѣть страны и національности, образовавшіяся изъ монархіи Карла V., то Россія, мы, Русскіе къ Европѣ никогда не принадлежали и Богъ дастъ принадлежать не будемъ: надѣемся, что аднекомъ возрожденной Германской Имперіи не сдѣлаемся. Даже давно утратившіе свою независимость, слабые западные Славяне—Чехи, Словѣнцы, Хорваты объ этой имперіи не хотятъ и слышать, мечтаютъ и бьются изо всѣхъ силъ, какъ бы въ Габсбургской монархіи, если не устранить, то побольше ослабить стихію нѣмецкую.

Если подъ Европою разумѣть духовную культуру, вѣру, христіанство, то Европа—есть міръ католическо-протестантскій, если расу или національности, то она—міръ Романо-Германскій. Поэтому въ этихъ отношеніяхъ огромнѣйшее большинство Русскихъ тоже не Европейцы, хотя христіане, но не католики и не протестанты, Аріицы, но не Романцы и не Германцы, а Славяне.

Если напр. проф. Герье—положимъ протестантъ и нѣмецъ или французъ, по своему рожденію и воспитанію, то онъ, конечно, гораздо болѣе Европеецъ, чѣмъ былъ Соловьевъ, котораго, какъ любого изъ Русскихъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей, можно назвать Европеемъ только по образованію. Во всякомъ случаѣ это болѣе Европеецъ проф. Герье передъ Соловьевымъ—одна случайность, положимъ, счастливая, если это ему угодно,—но никакъ не заслуга, не свидѣтельство болѣе снѣлости его ума и болѣе робости ума Соловьева.

Робость ума—понятіе крайне растяжимое и гдѣ истинный, такъ сказать, по послѣдней модѣ,—какъ для насъ требуется,—Европеецъ?—вопросъ въ Европѣ далеко не рѣшенный. За робость ума католицизмъ устраняется протестантами, протестантизмъ—пантеистическимъ идеализмомъ, а тотъ, въ свою очередь, атеистическимъ матеріализмомъ. Въ робости ума и сердца упрекаютъ социалистовъ Бебеля социалисты-анархисты. Католики, наконецъ, упрекаютъ протестантовъ и всѣхъ остальныхъ противниковъ своихъ въ непослѣдовательности и робости ума за боязнь признать непогрѣшимость Папы и мораль Іезуитовъ. Всѣ эти ученія и вѣрованія одинаково европейскія, возникли и имѣютъ въ Европѣ свою исторію и литературу, учрежденія, корпораціи, обладаютъ сильною организаціею, часто громадными капиталами, включаютъ въ себѣ все европейское человѣчество. Каждое изъ этихъ ученій и вѣрованій утверждаетъ о себѣ, что оно единое, истинное и спасительное, составляетъ высшее выраженіе и послѣднее слово европейской мысли, науки, образованности.

Наши Русскіе Европейцы всѣхъ направленій и оттѣнковъ, не столько по научному образованію, сколько по вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, отъ католиковъ (о. Мартыновъ,

Астроновъ и пр.) до анархистовъ включительно, единодушно совѣтуя Россіи сдѣлаться поскорѣе Европейскою, заываютъ и тащатъ ее каждый въ свой лагерь, въ свою вѣру и церковь.

Къ концу 30-хъ и началу 40-хъ годовъ Россія безповоротно вступаетъ въ области искусства на путь самобытный и національный. Пушкинъ послѣдняго періода (съ 1824 и особенно съ 1830—31 г.), Гоголь, юный Лермонтовъ въ двухъ—трехъ прекраснѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, Глинка—создаютъ впервые (съ баснями Крылова и комедіею Грибоедова) высокіе, могучіе образы, чисто русскаго національнаго художества слова и звука. Великій трудъ Карамзина, благородная и просвѣщенная дѣятельность гр. Н. П. Румянцова, труды Востокова, Калайдовича, Тимковского, Строева, Кеплена. Надеждина, первые ученые труды Погодина, Горскаго, Неволлина, первыхъ нашихъ Славистовъ, основаніе и дѣятельность Археографической комиссіи вмѣстѣ съ пробужденіемъ западно-славянскихъ народностей, особенно изысканія Добровскаго, Копитара, Шафарика, Палацкаго, труды В. Караджича, новыя научныя направленія въ языкознаніи, въ изученіи древностей новой Европы, ея средневѣковой исторіи литературъ и церкви—произвели и подготовили въ Русскомъ общественномъ сознаніи и въ лучшихъ представителяхъ молодыхъ поколѣній новыя, строгіе запросы на всестороннее и глубокое изученіе Россіи, ея исторіи, церкви, народнаго быта, сродныхъ ей народовъ Славянскихъ, исторіи восточной церкви и имперіи, ихъ отношеній къ западной церкви и имперіи. Явился неумолимый вопросъ — для чего-же жила почти тысячу лѣтъ Россія? призвана-ли она въ исторіи къ чему нибудь великому и самобытному? есть-ли въ ней задатки самобытнаго просвѣщенія? Или Русскимъ по прежнему нужно оставаться дилетантами западной науки и образованности?

„Давать себѣ отвѣтъ и удовлетвореніе на всѣ потребности души и мысли въ готовыхъ результатахъ чужой жизни, ничего не требуя отъ себя и обходясь безъ своего труда и внутренней работы надъ собою, такъ соблазнительно для нашей Русской дѣйной природы, — что тяжело и трудно ей проснуться для иныхъ требованій и даже мудрено требовать отъ нея такого усилія надъ собою...“ „для тѣхъ изъ насъ, которые обрекли себя на жалкую роль дилетантства, ни потребности западной жизни не могутъ быть такъ искренни и глубоки, ни вопросы ея такъ неумолимо строги, какъ для тѣхъ, для коихъ эти требованія — вся ихъ обнимающая жизнь и живой плодъ всего ихъ народнаго и общественнаго прошедшаго. Ибо напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь въ внутренней міръ человека. Переносятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ задатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, по видимому, уже окончилъ свою растительность падаетъ, съменяетъ на родную почву и вырастаетъ въ новое дерево и тотъ-же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служить только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ.“

„Такъ прекрасны всѣ наши первые молодыя мечты о немъ (о Западѣ), такъ онъ гордо увѣнчанъ передъ нами всѣми красотами поэзіи, природы и искусства — и такъ бѣдна и скудна передъ нимъ наша жизнь и даже наше прошедшее, слишкомъ строгое и однообразное, чтобы быть увлекательнымъ, и слишкомъ простое, чтобы быть доступнымъ для многихъ, что наше увлеченіе понятно и извинительно, даже тамъ, гдѣ оно переходитъ, по видимому, за должныя границы.“

„Ибо чего просить прежде всего большинство людей, называющихъ себя просвѣщенными, и пріобрѣтшихъ право презирать и учить своихъ непросвѣщенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и именъ, блеска и мишуры жизни, наполняющихъ ту пустоту существованія, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность просвѣщеннаго большинства, и чего требуетъ оно отъ самой жизни, какъ не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и вещественнымъ комфортомъ, который изготавляется для него услужливымъ просвѣщеніемъ? Но, къ сожалѣнію, не рѣдко и лучшіе умы, — чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? — Часто, если и безсознательно, они ищутъ того-же комфорта, усиленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутинѣ, — удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованія и его нравственнаго

спбартства... И наконец не было-ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по крайней мѣрѣ, его собственные, если и не совсѣмъ сознанные, выводы и новыя стремленія жизни, которыя уже не видятъ иной задачи для человѣчества, кромѣ обобщенія того же комфорта.

Таковъ этотъ западный міръ, перенесенный во всемъ его нравственномъ могуществѣ въ беззащитную передъ нимъ и въ простую природу Русскаго человѣка и теперь уже присущій всей нашей внутренней жизни и нераздѣльный со всѣмъ нашимъ вѣтшиимъ существованіемъ, съ дѣтства уже говорящій намъ въ образахъ, понятіяхъ и звукахъ, въ которыхъ мы отъ колыбели воспитаны и въ которые уже невольно облекается каждая наша мысль и чувство.

И потому нечего намъ бояться за наше Западное просвѣщеніе, и нечего пугать себя возвратомъ такъ называемаго до-Петровскаго варварства. Отречься вполне отъ Запада значило бы намъ отречься отъ самихъ себя. Отречься отъ него, какъ отъ вѣтшихъ формъ и оболочекъ жизни, не стоитъ того, если само время не заставитъ отречься; отречься какъ отъ науки и опыта жизни, мы не должны, если бы и могли, и не можемъ, если бы и захотѣли, ибо въдесятеро легче выучиться вновь самой трудной наукѣ, чѣмъ забыть или намѣренно разучиться тому, что разъ выучено. Къ тому же толчекъ, данный Россіи, слишкомъ силенъ и данъ слишкомъ сильной, могучей рукою, чтобы она (если и не въ той исключительности) не продолжала еще долго идти по той же дорогѣ и чтобы Европейскій слой ея скоро забылъ свою благодѣтельницу Европу.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первымъ двадцатилѣтіемъ XIX в., для государства Русскаго настала, какъ мы сказали, новая эпоха. Довершивъ свой подвигъ на Западѣ, усвоивши и умиривъ возмодованную Европу, оно обратило свои силы на самаго себя и на своихъ забытыхъ единовѣрцевъ¹⁾.

Указавъ на важныя событія царствованія императора Николая—распространеніе границъ Закавказья, возвращеніе въ церковь униатовъ, изданіе Свода и Полнаго собранія законовъ, дѣятельность Археографической комиссіи, учрежденіе Славянскихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ и отправленіе молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли, монументальное изданіе Вооруженія Русскихъ войскъ¹⁾, статья продолжаетъ:

„Направленіе, принятое государствомъ, новыя народныя силы, имъ пробужденныя, не могли не найти отовсюду сочувствія и отголоска. Вліяніе это отразилось не только на просвѣщенномъ обществѣ Россіи, которое начало уже сбрасывать съ себя западную исключительность и оковы Французскихъ и Нѣмецкихъ идей, и приходитъ къ болѣе зрѣлому и самостоятельному мышленію; но оно уже проявляется въ литературѣ, искусствѣ и т. д. Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни уже забываетъ свои Байроновскія мечты и образы, и поетъ Русскую жизнь на Русскій ладъ; и въ каждомъ новомъ стихѣ его и новой строчкѣ его прозы уже высказывался новый великій поэтъ, котораго не доставало Россіи, и котораго судьба не захотѣла дать ей, отнявъ у нея Пушкина въ самомъ началѣ его новаго поэтическаго возраста.—Наконецъ явился Гоголь, первый Русскій художникъ, принадлежащій всѣмъ творчествомъ своего таланта Русской жизни и народной мысли и ничего не переводившій изъ пришлыхъ чувствъ и пришлыхъ идей на Русскій ладъ и русскіе нравы;—и самое искусство въ русскомъ художникѣ начинаетъ показывать требованія самостоятельности и своего живаго развитія, о которомъ прежде и не думано.

Наука, можетъ быть, всѣхъ менѣе послѣдовала этому движенію; (мы разумѣемъ не школьную науку, а ту науку, которая двигаетъ мысль и знаніе человѣческое) и даже самая близкая къ жизни наука историческая. До сихъ поръ едва ли она знаетъ всю важность своей задачи, едва ли подумала о томъ, чтобы пишущую, читающую романы

¹⁾ «Изданіе, котораго доселѣ не оцѣнена вся важность. Эта книга впервые облекала для насъ въ образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мѣрѣ, въ чемъ ходили наши предки, какой видъ имѣли наши древніе города и села, и то уже много для перваго начала.»—

п играющую въ карты Россію познакомить съ Россіею, которая на нее трудится и работаетъ, и доселѣ остается почти тою же, какою засталъ ее Петръ Великій, во всѣхъ преданіяхъ и условіяхъ прошедшаго, уже давно забытаго и давно утраченнаго ея другою половиною. Едва ли что сдѣлано доселѣ этой наукой, чтобы воскресить это прошедшее въ его живыхъ образахъ и требованіяхъ,¹⁾ и еще менѣе сдѣлано ею, чтобы познакомить Россію со всѣмъ, чтѣ есть ей роднаго по вѣрѣ и крови въ другихъ государствахъ и краяхъ земнаго шара, а безъ такого знанья ей никогда не узнать и себя во всей полнотѣ и должной отчетливости.

„Для міра Романо-католическаго и Германо-протестантическаго наука живая и полная возможна уже потому, что она равно обнимаетъ и знаетъ весь свой міръ и что отъ нея не утаился ни одинъ единовѣрный или единоплеменный уголокъ земнаго шара, въ который-бы она не внесла своего свѣтильника. А мы что знаемъ, не говоря уже о единовѣрцахъ, но даже о единоплеменникахъ? и то намъ рассказали изъ милости Нѣмцы, Французы и Англичане. Наконецъ, въ самой исторіи Запада есть сотни явленій, для которыхъ наука Русская и Православная (т. е. русскіе и православные ученые) должны найти совершенно иное разрѣшеніе, чѣмъ какое доселѣ находили для нихъ люди Западные, необходимо заключенные въ свою тѣсную сферу, изъ которой выдти они не могутъ, не отказавшись отъ самихъ себя.

„Такова задача, которая, по нашему мнѣнію, предстонтъ въ наше время для Русской исторической науки.

...безспорно, что многое уже сдѣлано для Русской исторіи, хотя больше еще остается сдѣлать;—но за то на другомъ болѣе широкомъ, ей родномъ поприщѣ, доселѣ не сдѣлано почти ничего. До тѣхъ же поръ, пока Русская наука не усвоитъ себѣ всего роднаго Русскому міру, не возможно для нея живое и полное знаніе самой Россіи, какъ знаетъ себя міръ Романо-Германскій“... „Знакомство (съ землями и народами единовѣрными и единоплеменными) познакомить перѣдко и Россію съ нею самою, и мы поймемъ въ самихъ себѣ многое, что доселѣ было для насъ загадкою, или объ чемъ доселѣ и не думали“.

Мы привели это длинное извлеченіе не для разубѣжденія проф. Герье и г. Пынина, но для ознакомленія нашей молодежи, еще не прохваченной журнализмомъ до потери способности къ самостоятельному мышленію, съ манифестомъ или программою новой выступившей въ началѣ 40-хъ годовъ школы, оставившей по себѣ рядъ достопамятныхъ въ нашей литературѣ изданій: пяти томовъ сборниковъ: Симбирскаго, Валуевскаго, трехъ Московскихъ, нѣсколькихъ десятковъ томовъ Русской Бесѣды. Дня. Литературная дѣятельность этой школы можетъ теперь лучше быть опознана, благодаря выходу полнаго собранія сочиненій И. В. Кирѣевскаго, Хомякова, Аксаковыхъ (трехъ, впрочемъ, сочиненія Константина еще не всѣ изданы), Гильфердинга, Самарина (не конченное, но наилучшее изъ нихъ изданіе). Приведенныя нами страницы принадлежать очень рано умершему, кажется (23-хъ лѣтъ) и столь же рано развившемуся высокочаровитому, молодому ученому Валуеву, человѣку смѣлаго почина и изумительной энергіи, занимавшемуся Русскою исторіею и исторіею Восточной церкви. Онъ оставилъ по себѣ, задуманные и редактированные имъ, Симбирскій сборникъ. Москва. 1844 и Историческій и Статистическій Сборникъ о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. М. 1845. Въ Симб. Сб. напечатаны были прекрасное его предисловіе къ собраніямъ и изданнымъ имъ Разряднымъ книгамъ съ опытомъ изслѣдованія истинности. Въ И. Ст. Сборникѣ замѣчательное изслѣдованіе „Христіанство въ Абиссиніи“ съ краткими, но содержа-

¹⁾ «Если Карамзинъ и воскресилъ намъ наше прошедшее во внѣшнихъ образахъ государственной жизни.—то безспорно однакожъ, что онъ не воскресилъ и не могъ воскресить его въ живыхъ требованіяхъ современной науки, и во многомъ даже отодвинулъ силою своего художественнаго таланта, не говоря уже о пониманіи нашего прошедшаго, даже передъ Щербатовымъ, но говоря уже о Болтинѣ или Татищевѣ. Это прекрасное замѣчаніе было въ послѣдствіи развито въ статьяхъ Соловьева о Карамзинѣ, но все-же едва-ли такъ, какъ-бы оно сдѣлано было Валуевымъ, особенно при совѣтахъ и указаніяхъ П. В. Кирѣевскаго.

тѣлѣннѣ введеніемъ о Христіанствѣ въ Ирландіи и вообще у Кельтовъ. Предисловіе И. С. Сборника написано Валуевымъ, но, конечно, является плодомъ долгихъ размышленій и изслѣдованій, бесѣдъ и совѣщаній Кирѣевскихъ и Хомякова съ Валуевымъ, который росъ и воспитывался въ домѣ своихъ онекуновъ—Кирѣевскихъ. Эти страницы написаны въ лучшіе годы царствованія императора Николая, когда литература не испытывала позднѣйшихъ гоненій и преслѣдованій (съ 1848 г.), когда Государь серьезно помышлялъ объ освобожденіи крестьянъ. Это предисловіе есть какъ бы программа не только всей послѣдующей дѣятельности нашей такъ называемой Славянофильской школы, но и почти всего истинно-крупнаго и замѣчательнаго, явившагося въ Русской литературѣ и наукѣ за послѣдніе десятилѣтія по историческому изученію Россіи, остальнаго Славянства, восточной церкви, Византіи и даже Романо-Германскаго запада. На всѣхъ почти видныхъ трудахъ по этой части замѣтны слѣды прямого или косвеннаго вліянія плодотворныхъ мыслей, высказанныхъ въ этомъ предисловіи. Не всѣ эти мысли впервые тутъ были высказаны, но онѣ здѣсь впервые такъ стройно собраны и такъ прекрасно выражены, что въ нихъ полно и цѣльно представлены результаты всего предъидущаго хода Русской мысли и вѣрно намѣчены пути дальнѣйшаго ея развитія.

Разныя ошибки и натяжки, преувеличенія и увлеченія въ трудахъ и дѣятельности такъ называемыхъ Славянофиловъ не должны быть скрываемы, но нельзя же и недостойно хвататься за эти ошибки и натяжки, какъ за единственные ихъ принадлежности. Такъ, не прошедшій въ юности хорошей школы, при превосходномъ самопріобрѣтенномъ въ послѣдствіи образованіи философскомъ, богословскомъ и историческомъ, при своемъ сильномъ умѣ и талантѣ, Хомяковъ, этотъ высоко-даровитый до геніальности самородокъ—любилъ до страсти разныя этимологическія и историко-этнологическія догадки и наговаривалъ по этой части множество нелѣпостей. Тѣмъ не менѣе въ его странной индѣе до безобразія и вмѣстѣ удивительной Семирамидѣ—такъ называлъ однажды Гоголь въ шутку его историческія записки—рядомъ съ невозможнымъ филологическимъ вздоромъ находятся цѣлыя страницы превосходныхъ характеристикъ разныхъ историческихъ явленій или дѣятелей въ жизни религіозной и государственной восточныхъ и европейскихъ народовъ, страницы исполненныя изумительной глубины, необычайной силы и живости выраженія. Эти страницы Семирамиды, равно какъ и нѣкоторыя части его статей, а иногда и цѣлыя статьи (въ 1 т. его сочиненій) принадлежать и по содержанію и по формѣ къ лучшимъ и высшимъ произведеніямъ Русской прозы, равно какъ и многія его мысли, цѣлыя иногда страницы его брошюръ богословскихъ на французскомъ языкѣ займутъ высоко-важное мѣсто въ исторіи богословской мысли. Несмотря на множество ошибокъ, всякихъ натяжекъ и крупныхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ у всѣхъ самородковъ и самоучекъ сильныхъ въ высшей и слабыхъ въ нисшей критикѣ, Хомяковъ является въ исторіи Русской мысли, литературы и образованности великимъ дѣятелемъ и писателемъ, но не въ чемъ нибудь цѣломъ, а въ избранныхъ отрывкахъ. Такіе геніальные самородки были у всѣхъ европейскихъ народовъ. Ихъ значеніе въ исторіи какъ бы прообразовательное, ихъ значеніе—предтечь. Они собою намѣчаютъ и предсказываютъ будущихъ геніевъ.

Константинъ Аксаковъ—удивительный, высоконравственный образъ. Его разумъ былъ гораздо сильнѣе его разсудка; скепсиса, житейскаго смысла ему вообще не доставало. Богатырски сложенный, полный силъ и аскетъ, среди свѣтской жизни, всегда восторженный, съ сердцемъ чистымъ и яснымъ, какъ у младенца, всегда и всюду готовый къ проповѣди и къ самому тяжкому подвигу, К. Аксаковъ окончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ, съ наслѣдственною любовью къ изящной словесности, соединялъ любовь къ филологическимъ и историческимъ занятіямъ. Онъ написалъ много стихотвореній, двѣ драматическія пьесы (князь Луповицкій—комедія и Освобожденіе Москвы въ 1612 г.—драматическую хронику), много разныхъ мелкихъ статей—публицистическихъ и критическихъ, магистерское разсужденіе о Ломоносовѣ, нѣсколько разсужденій о Русскомъ языкѣ, оставилъ посмертный грамматическій трудъ и нѣсколько болѣе или менѣе большихъ разсужденій историческихъ (о древнемъ бытѣ Русскихъ Славянъ, по поводу исторіи Соловьева)... К. Аксаковъ умеръ 43-хъ лѣтъ въ 1860 г. Если

вспомнить, какъ проходила жизнь Аксакова въ зимніе годы въ Москвѣ, особенно съ 1846 г., то надо еще удивляться, какъ онъ успѣлъ написать такъ много. Въ теченіе первыхъ пятнадцати, шестнадцати лѣтъ по выходѣ изъ Университета до 1856 или 1857 г., когда его отецъ С. Т. еще сохранялъ свое крѣпкое здоровье, Аксаковы жили открыто, и у нихъ рѣдкій день не бывало нѣскольکو друзей и пріятелей, родныхъ или старыхъ знакомыхъ. Участвуя въ бесѣдахъ съ ними, К. С. еще много ѣзжалъ по Москвѣ съ визитами до обѣда и на вечернія собранія къ тѣмъ или другимъ знакомымъ. На эти разъѣзды и продолжительныя бесѣды и споры уходило тогда въ Москвѣ страшно много времени. Правда эти вечера и дни (у Чаадаева, кажется, собирались до обѣда) имѣли историческое значеніе, двигали и выработывали пробудившуюся тогда русскую мысль, но все же оно многихъ приучало къ праздности и бездѣлю и отваживало отъ труда. Художественному и научному труду равно нужны тишина и одиночество. Такъ и Аксакову, съ выхода изъ Университета, до 39—40 года его жизни эти разъѣзды, пріемы и бесѣды не давали времени для настоящихъ ученыхъ работъ, а затѣмъ съ 1856—57 г., когда отецъ его сталъ все болѣе прихварывать, К. С., любившій его, какъ любить нѣжная мать свое единственное чадо, весь отдался уходу за отцемъ и положительно уже не имѣлъ свободныхъ минутъ. По смерти же отца онъ самъ сталъ болѣть и черезъ годъ съ небольшимъ умеръ. Но въ первые 15—16 лѣтъ—до 39 лѣтъ—все же находилъ собѣ время для литературныхъ и научныхъ занятій, но никогда не умѣлъ, не успѣвалъ должнымъ образомъ сосредоточиться. Отъ своихъ работъ надъ русской грамматикой и исторіею онъ безпрестанно отвлекался стихами, литературными и публицистическими статьями и не имѣлъ досуга изучить, какъ слѣдовало, ни нужныхъ источниковъ, ни необходимыхъ пособій. Зная отлично, что знаетъ, Аксаковъ не зналъ много такого, что ему знать было необходимо. Такъ онъ не зналъ ни древняго церковно-славянскаго языка, ни славянскихъ нарѣчій, не зналъ такъ, какъ слѣдовало уже знать въ его время русскому филологу; не умѣлъ онъ работать и надъ историческими источниками такъ, какъ умѣли и работали его-же друзья и товарищи Д. Валуевъ, Ю. Самаринъ, А. Поповъ... Не связанный службою, обезпеченный въ средствахъ, Аксаковъ не работалъ ни по грамматикѣ, ни по исторіи надъ рукописями въ бібліотекахъ и архивахъ, едва успѣвая овладѣть печатнымъ матеріаломъ (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ). К. Аксаковъ настоящимъ ученымъ никогда стать не могъ. Прежде всего, въ стихахъ-ли, статьяхъ-ли публицистическихъ, въ комедіи или драмѣ, въ разсужденіяхъ о русскомъ глаголѣ или о вѣчахъ и земскихъ соборахъ, о Ломоносовѣ или о Гоголѣ К. Аксаковъ вездѣ и всегда былъ энтузіастъ и проповѣдникъ, не наблюдатель и изслѣдователь. Страстно любя свой предметъ—Русскій народъ, своимъ высокимъ разумомъ и чистымъ сердцемъ К. Аксаковъ многое иной разъ вѣрно угадывалъ, многое живо понималъ, но многого при этомъ вовсе и не замѣчалъ. Чистое сердцемъ конечно узрять Истину, но въ дѣлѣ научнаго знанія для ученаго чистота сердечная есть добросовѣстность, а она требуетъ скепсиса, постоянной провѣрки, внимательности ко нѣмъ мелочамъ и подробностямъ, крайней осторожности въ выводахъ и заключеніяхъ. Такимъ образомъ К. Аксаковъ замѣчателенъ и принадлежитъ исторіи, какъ рѣдкой, высокой души человекъ, обладавшій даромъ постиженія разныхъ свѣтлыхъ сторонъ русской народности, нѣкоторыхъ особенностей русской рѣчи и русской исторіи, но онъ не далъ и не умѣлъ дать чисто-научнаго имъ разъясненія. Всегда съ высоты взирая на жизнь, онъ умѣлъ иногда ярко представлять пошлость и низменность людскую тамъ, гдѣ она для обыкновенныхъ людей мало замѣтна, но въ его изображеніяхъ и сужденіяхъ, какъ и у Шиллера, мало вѣстной наблюдательности, знанія людей и повседневной жизни. Мѣсто его, какъ писателя, при отсутствіи полнаго собранія его сочиненій, опредѣлить теперь еще трудно. Но кажется критика со временемъ отиѣтитъ, что и не имѣя особаго драматическаго таланта, онъ подготовилъ или прообразовалъ въ своемъ „Освобожденіи Москвы“ и выступающимъ въ ней повсюду народомъ и Псковитянку Мея и Симеоновича Чаева и хоровыя явленія въ операхъ Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго и Прокофьева, а въ своемъ князѣ Луповникомъ— „Плоды просвѣщенія“ Льва Толстаго. Ни Чюлковъ впрочемъ несомнѣнно имѣли вліяніе, хотя быть можетъ и невѣдомо для

него, разныя статьи К. Аксакова въ родѣ „Публика и народъ“, „О современномъ человѣкѣ“, точно также какъ и нѣкоторыя мысли и замѣтки Хомякова, напр. о женской эманципации (I, с. 566 и сл.), несомнѣнно отразились въ „Крепцеровой Сонатѣ“, особенно отягивши присущія Толстому сектантскій задоръ и неумѣнныя соблазны извѣстную мѣру въ требованіяхъ и осужденіяхъ. Сочиненія К. Аксакова, не давая ему первокласнаго мѣста въ литературѣ, надолго, если не навсегда будутъ дороги, какъ отраженіе возвышенной души; во въ наукѣ историко-филологической его разсужденія не могутъ притязать на большое значеніе: останется лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній и соображеній. Думается, хорошая біографія К. Аксакова съ умѣлымъ выборомъ изъ его писемъ и сочиненій была-бы драгоценною книгою. Какъ у нѣкоторыхъ святыхъ и въ то-же время писателей, житіе К. Аксакова поучительнѣе его произведеній. И благо странѣ, обществу и семьѣ, гдѣ являются такіе люди.

Иное совсѣмъ значеніе И. В. Кирѣвскаго и Самарина въ исторіи Русской мысли и литературы. Оба они безспорно принадлежатъ къ великимъ первокласнымъ нашимъ писателямъ-прозаикамъ. Не имѣя разносторонности дарованій и богатства силъ Хомякова, болѣе односторонніе Кирѣвскій и Самаринъ получили строго-научное образованіе и оставили по себѣ труды, лишенные тѣхъ погрѣшностей и недостатковъ, которые такъ часто безобразятъ и портятъ сочиненія Хомякова.

Кирѣвскій написалъ немного, но все написанное имъ, кромѣ развѣ двухъ, трехъ повѣстей и отрывковъ романа, (хотя и они замѣчательны многими мыслями и ихъ изящнымъ выраженіемъ) — 0 характерѣ поэзіи Пушкина, Обзорнѣ Русской словесности за 1829 г., Десятнадцатый вѣкъ, Обзорнѣ Русской словесности за 1831 г., Русскіе альманахи на 1832 г., Горе отъ ума на Моск. театрѣ, о Вильменѣ, о Русскихъ писателяхъ, въ отвѣтъ Хомякову (1838) и особенно всѣ статьи 2 тома его Полн. Собранія сочиненій (Москва 1861) всегда конечно будутъ относимы къ лучшимъ произведеніямъ русской критической и философской литературы. Глубокій оригинальный мыслитель, Кирѣвскій обладалъ необыкновеннымъ, почти Платоновскимъ изяществомъ изложенія. По языку онъ писатель классическій.

Отъ природы одаренный сильнымъ критическимъ умомъ и даромъ прози, Ю. О. Самаринъ получилъ превосходное домашнее образованіе и съ дѣтства былъ приученъ къ строгому, систематическому труду, не будучи ученымъ по профессіи, былъ имъ по призванію и трудамъ. Его большіе труды — 0 Стефанѣ Яворскомъ и Теофанѣ Прокоповичѣ, Исторія города Риги, Письма объ Іезуитахъ, о крестьянствѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и меньшіе, какъ его журнальныя, критическія или полемическія, статьи, такъ и статьи о Штейнѣ и крестьянахъ въ Пруссіи, о русской поземельной общинѣ, его предисловіе къ сочиненіямъ Хомякова, его письма, всѣ работы и дѣловыя записки для крестьянскихъ комиссій, по земству и по городскому хозяйству Москвы, отлпчаются замѣчательнымъ трудолюбіемъ, строгою точностью и добросовѣстностью настоящаго ученаго, всѣ посылае печатъ сильнаго ума и крупнаго литературнаго таланта, великаго мастера языка. Рѣдкаго дара слова, отличный вполнѣ парламентскій ораторъ Самаринъ превосходно владѣлъ и французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. На небольшомъ совѣщаніи въ Москвѣ у И. С. Аксакова, въ 1867 г., гдѣ присутствовало нѣсколько Славянскихъ гостей (Ригеръ, Браунеръ, Я. О. Головацкій, Субботичъ, Мудровъ и Ясенскій, Ливчакъ и изъ нашихъ, сверхъ хозяина и Самарина, князь Черкасскій и пишущій эти строки) Самаринимъ были сказаны двѣ довольно большія рѣчи-импровизаціи на нѣмецкомъ языкѣ. Во время одной изъ нихъ, сидѣвшій подлѣ меня, старикъ Браунеръ сказалъ мнѣ на ухо: да онъ лучше насъ (его съ Ригеромъ) говорить по нѣмецки, откуда у него берется, его прямо можно послать въ нашъ рейхстагъ: и Ригеръ и Браунеръ были въ свое время изъ числа лучшихъ ораторовъ Вѣнскаго парламента.

По робости ума не сдѣлавшійся Европейцемъ, Самаринъ занимаетъ весьма высокое мѣсто въ исторіи Русской мысли, науки и образованности. Въ трудолюбіи и строгой научности работъ Самаринъ не уступаетъ ни Горскому, ни Невзгину, но силою ума и литературнаго таланта значительно ихъ обоимъ превосходитъ: по богатству и отдѣлкѣ, по точности и выразительности, языкъ Самарина — классическій. Самаринъ

конечно одинъ изъ великановъ Русской литературы, и лучшее свидѣтельство недалековидности русской критики: она этого не примѣчаетъ и твердитъ по старому о какомъ то мистицизмѣ, подразумѣвая конечно подъ нимъ все ей непонятное и только тѣмъ безконечно увеличивая его область.

О. В. Чижовъ нѣкогда адъюнктъ математики въ Петерб. унив., человекъ съ широкимъ образованіемъ, развернулъ въ послѣдствіи свою рѣдкую энергію на практическомъ поприщѣ, какъ банковскій и желѣзно-дорожный дѣятель, — живя скромно, составилъ себѣ крупное состояніе и завѣщалъ нѣсколько милліоновъ на просвѣтительныя цѣли родной Костромѣ, обязанной ему публичнымъ памятникомъ.

Прекрасно владѣвшій живою рѣчью, блестящимъ даромъ изложенія въ живой бесѣдѣ, высоко образованный, трудолюбивый и основательный, добросовѣстный и очень умный ученый, А. Н. Поповъ писалъ крайне сухо. Не замѣчательный писатель, но почтенный и полезный изслѣдователь, А. Н. Поповъ оставилъ по себѣ много ученыхъ трудовъ по исторіи искусства, о Черногоріи и, главное, по русской исторіи XVII, XVIII и XIX вѣковъ. Своимъ строго-научнымъ образованіемъ онъ не уступалъ, конечно, ни одному изъ знаменитыхъ въ свое время Московскихъ профессоровъ-Европейцевъ.

Къ тѣмъ-же робкимъ умамъ, „которые изъ страха перестать быть русскими, боялись сдѣлаться Европейцами“, принадлежали ихъ близкіе друзья и почитатели: А. О. Гильфердингъ, Н. Я. Данилевскій, котораго высоко цѣнили и любилъ одинъ изъ гонимыхъ ученыхъ нашего столѣтія, К. М. Веръ, отличали Академія Наукъ и Географическое Общество, рано умершій Веневитиновъ, оба брата Языкова — поэтъ и геологъ, О. И. Тютчевъ, П. В. Кирѣевскій, наконецъ, самъ Гоголь, его видные земляки — Ригельманъ, Галаганъ, Тарновскій, князь Черкасскій, Н. А. Милютинъ (съ нач. 60-хъ гг.).

Книга г. Пыпина (II гл.) значительно бы выиграла въ достоинствѣ, если-бы онъ не держался взгляда проф. Герье на такъ называемое славянофильство и не повторялъ старыхъ, заѣзженныхъ о немъ фразъ. Вмѣсто особой главы о К. Аксаковѣ слѣдовало-бы посвятить нѣсколько страницъ въ началѣ тома вѣрному сжатому изложенію основныхъ положеній этой школы, высказанныхъ въ предисловіи Валуевского сборника.

Не нужно быть кажется мистикомъ, даже славянофиломъ и можно относиться справедливо къ видимымъ дѣятелямъ нашего просвѣщенія. Позитивистъ, проф. Пражскаго университета Массарикъ еще недавно съумѣлъ представить цѣлое критическое изслѣдованіе объ И. В. Кирѣевскомъ и признать высокія достоинства этого мыслителя. Странное отношеніе г. Пыпина къ цѣлой школѣ, поднявшей и разработывавшей вопросъ о народности не могло не повредить его книгѣ, посвященной обзору и критикѣ ея изученій въ Россіи за послѣдніи десятилѣтія.

Въ приложеніи помѣщены нѣкоторые біографическія подробности о О. И. Буславѣ и Тихонравовѣ и нарочно написанная для книги г. Пыпина автобіографія А. Н. Веселовскаго (с. 423—427), не лишенная нѣкоторыхъ любопытныхъ интимныхъ подробностей. Опуская инныя, за недостаткомъ мѣста, отмѣтимъ лишь слѣд. двѣ: Воспитанникъ ист. фил. фак. М. У. 50-хъ годовъ, Веселовскій говоритъ о Грановскомъ: „Я никакъ не могъ пристать къ его поклонникамъ, и отъ его лекцій (онъ читалъ у насъ недолго) мнѣ отдавало фразой“.

Проф. Веселовскій безспорно Европейецъ, даже въ лучшемъ московскомъ смыслѣ, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ питомцевъ Моск. У. находить и находилъ еще въ 50-хъ гг. фразерство въ Грановскомъ. За что же подумаешь, такъ нападали на Русскую Бесѣду и на проф. Григорьева всѣ наши истинные Европейцы, гуманисты, западники, когда онъ признавая въ Грановскомъ даровитаго лектора, не видѣлъ въ немъ ни настоящаго ученаго, ни строгаго мыслителя? Какою неприличною, бранью разразился тогда Кавелинъ на Григорьева? А между тѣмъ еще дѣтъ за 7, за 8 до статьи Григорьева уже лучшимъ студентамъ ист. фил. факультета (пусть даже одному только Веселовскому) отъ лекцій Грановскаго уже отдавало фразой.

Въ этомъ признаніи, напечатанномъ въ книгѣ г. Пыпина, нельзя не видѣть большаго успѣха въ движеніи нашего Европизма.

Говоря о вліяннѣхъ на главное направленіе своей плодотворной ученой дѣятельности, Веселовскій замѣчаетъ: „Направленіе этой книги (о Соломонѣ и Китоврастѣ. 1872), опредѣлявшее и нѣкоторыя другія иль послѣдовавшихъ моихъ работъ, нерѣдко называли Бенфеевскимъ, и я не отказываюсь отъ этого вліянія, но въ долѣ умеренной другою, болѣе древней зависимостью—отъ книги Денлопа-Либрехта и вашей (Шулинской) диссертациі о русскихъ новѣстяхъ. Когда явилась буддійская гипотеза, пути изученія, и не въ одной только области странствующихъ повѣстей, были для меня намѣчены точкой зрѣнія на историческую народность и ея творчество, какъ на комплексъ вліаній, вѣяній и скрещиваній, съ которыми изслѣдователь обязанъ сосчитаться, если хочетъ поискать за ними, гдѣ-то въ глубинѣ, народности непочатой и самобытной и не смутятся, открывъ ее не въ точкѣ отправления, а въ результатѣ историческаго процесса“.

Это замѣчаніе очень важно. Въ немъ высказывается собственное признаніе Веселовскаго въ сильномъ на него вліянніи или зависимости его отъ книги Денлопа-Либрехта (*Geschichte der Prosadichtungen od. Geschichte der Romane, Novellen, Märchen*. Berlin. 1851) и сочиненія Пыпина о Русскихъ повѣстяхъ. Эта зависимость, болѣе ранняя, умерила за тѣмъ другую зависимость или вліяніе на Веселовскаго сочиненія Бенфея о вліянніи Индійскихъ сказокъ на Европейскія. Далѣе столь же откровенно, хотя къ сожалѣнію съ меньшею ясностью, замѣчаетъ Веселовскій, какъ и гдѣ онъ открываетъ народность непочатую и самобытную. Оказывается, что онъ ея ищетъ гдѣ то въ глубинѣ—за вліяніями, вѣяніями и скрещиваніями. а открываетъ ее, и не смущаясь—не въ точкѣ отправления, а въ результатѣ историческаго процесса“.

Таково послѣднее слово Европейско-Русскихъ изученій народности.

Наши бѣглыя замѣтки вызваны важностью предмета и достоинствами книги г. Пыпина; продолженія ея ожидаемъ съ нетерпѣніемъ и желаемъ ей новыхъ изданій съ исправленіями и дополненіями.

В. Ламанскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Какія есть народныя названія для «сѣвернаго сіянія?»
2. Какіе виды сѣвернаго сіянія различаются особыми названіями?
3. Какія даетъ народъ объясненія этому явленію?
4. Какія преданія и сказанія существуютъ о сѣверномъ сіянніи?
5. Въ какомъ смыслѣ народъ въ своихъ воззрѣніяхъ связываетъ сѣверное сіяніе съ мертвыми воинами (срв. латышское выраженіе «kāwī kaujas» воины сражаются, какъ говорятъ при появленіи сѣвернаго сіянія)?

Г. Вольтеръ.

Какія особенности народного русскаго говора въ Псковской губ. (въ особенности въ Псковскомъ уѣздѣ)? Есть-ли гдѣ-нибудь въ мѣстныхъ изданіяхъ (губернскихъ вѣдомостяхъ и т. п.) какія-либо описанія этого говора или матеріалы для его знакомства? Точно-ли переданы звуки народного говора въ мѣстныхъ названіяхъ въ «Опытѣ статистическо-географическаго словаря Псковской губ.» Василева (Абухово, Авечкино, Аглоблино, Апалихино и т. п.)?

Соболевскій.

Устроителей или людей близко знакомыхъ съ основаніемъ и устройствомъ музеевъ въ Ростовѣ и Минусинскѣ редація покорнѣйше проситъ сообщить свѣдѣнія о томъ, какія были трудности при первоначальномъ заведеніи дѣла,

великія ли денежныя средства потребовались на это, и какъ нынѣ относятся къ этимъ мѣстнымъ хранилищамъ обыватели города и уѣзда, охотно ли посѣщаютъ музеи и стараются ли о пополненіи ихъ собраній?

Желательно получить откровенныя сообщенія изъ уѣздныхъ городовъ, не имѣющихъ подобныхъ музеевъ, какія препятствія существуютъ ихъ устройству, заключаются ли въ недостаткѣ денежныхъ средствъ или людей готовыхъ за это дѣло взяться?

Желательно знать, не могутъ ли общественныя земскія бібліотеки въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ принимать у себя подписку на нашъ журналъ Старина? Быть можетъ понадобятся извѣстныя льготныя условія и какія именно?

Просимъ редакціи губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей перепечатать эти вопросы и вообще оказать свое просвѣщенное содѣйствіе ознакомленію мѣстныхъ читателей съ Живою Стариною, съ ея характеромъ и ея цѣлями.

Адресъ Редактора Живой Старины С.-Петербургъ. Коломенская 33 или Имп. Р. Геогр. Общ. (у Черныш. моста).

Отдѣленіе Этнографіи проситъ увѣдомить, у кого или гдѣ имѣются въ общественныхъ бібліотекахъ или у частныхъ лицъ слѣд. не находящія въ Петербургѣ книги:

1) Собраніе русскіихъ пѣсенъ, издалъ Михайло Чулковъ, 4 ч. Спб. 1770—1774. 12° (Смирд. № 8047, Сопиковъ № 10942); 2-е изд., 4 ч. Спб. 1776. 12°. (Соп. № 10943). («Чулковский пѣсенникъ»).

2) Музыкальныя увеселенія, содержащія въ себѣ пѣсни русскія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія аріи, дуэты, польскіе и пр. Москва 1774 г.

3) Солдатскій пѣсенникъ. Москва 1791.

4) Собраніе новѣйшихъ пѣсенъ и разныхъ любовныхъ стихотвореній. Ч. I. Москва 1791, 8°. Университ. типографія.

5) Избранный пѣсенникъ, или собраніе наилучшихъ старыхъ и самыхъ новѣйшихъ, нѣжныхъ, пастушьихъ, святочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, театральныхъ, веселыхъ, простонародныхъ, столовыхъ, военныхъ, малороссійскихъ, сатирическихъ, нравственныхъ и другихъ Русскіихъ пѣсенъ; 2 ч. Спб. 1792.

6) Собраніе русскихъ пѣсень. Спб. 1792. 8°.

7) Новый русскій пѣсенникъ. Спб. 1792. х.

8) Новый Россійскій пѣсенникъ, или собраніе разныхъ пѣсень съ приложенными нотами, которыя можно пѣть на голосахъ, играть на гу-
сляхъ, клавикордахъ, скрипкахъ и духовыхъ инструментахъ. С. - Петер-
бургъ. 1792 г.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ь .

Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12 Октября 1890 г.

Засѣданіе подъ предѣлательствомъ Д. Чл. В. И. Ламанскаго, въ присутствіи Помощника Предѣлательствующаго Д. Чл. Н. И. Веселовскаго, гг. Дѣйств. Членовъ и Членовъ Сотр., при секретарѣ, Чл. Сотр. О. М. Истомина.

Читанъ и утвержденъ журналъ засѣданія 18 мая 1890 г.

Доложено о поступленіи нижеслѣдующихъ заявленій:

1) Отъ А. А. Дмитріева, (автора и издателя „Пермской Старины“, инспектора училищъ въ Соликамскѣ, съ предложеніемъ услугъ по части изученія мѣстныхъ инородцевъ (Пермяковъ). Определено: представить въ Совѣтъ Общества объ утвержденіи г. Дмитріева въ званіи Чл.-Сотрудника.

2) Отъ К. И. Ченгерова изъ Дарганата въ Хивинскихъ владѣніяхъ: письмо съ препровожденіемъ монеты, найденной Хивинцами въ развалинахъ крѣпости Даяхатына въ хивинскихъ владѣніяхъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи въ 235 в. отъ Петро-Александровска въ 163 в. отъ г. Чарджуя; г. Ченгеровъ проситъ опредѣлить монету и предлагаетъ высылать Обществу дальнѣйшія находки.

Определено: вручить монету на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому.

Доложено о поступленіи нижеслѣдующихъ рукописныхъ матеріаловъ: 1) отъ г. Итицына: „Очерки нарѣчія Голоусненскихъ Тунгусовъ“. Определено: вручить на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому. 2) Отъ Чл. Сотр. А. Н. Минихъ: Дополненія къ труду его. „Обычай, обряды, предразсудки и суевѣрія крестьянъ Саратовской губерніи“. Определено: хранить въ ученомъ архивѣ Общества. 3) Отъ крестьянина Минской губ. Н. О. Морозика: „Стихотвореніе или сочиненіе подъ рифму на пьянство и лѣнтяйство“. Определено: возвратить автору. 4) Отъ П. А. Шилкова: „Адская газета“. 5). Отъ Чл.-Сотр. К. И. Боголѣпова: „Свадебный обычай крестьянъ Кургоминскаго правл. Шенкурск. у. Арх. губ.“ 6) отъ П. Соснина: а) „О кладкахъ“, б) „Самоубійство“, записано въ с. Ремонтномъ, Астрах. губ. 7) отъ Чл.-Сотр. Н. О. Катанова: „Собраніе памятниковъ народнаго творчества у Карагасовъ, живущихъ въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губ. Определено: рукописи №№ 4—6 представить на усмотрѣніе Редактора „Живой Старины“, № 7—вручить на разсмотрѣніе Д. Чл. Н. И. Веселовскому.

По предложенію Предѣлательствующаго, Отдѣленіе признало Членами-Сотрудниками слѣдующихъ лицъ: г. Фридмана, приславшаго свой трудъ объ юридическихъ обычаяхъ и выразившаго готовность исполнять порученія Отдѣленія, гг. В. Н. Бондаренка, П. А. Шилкова и В. А. Георгіевскаго, доставляющихъ Отдѣленію рукописные матеріалы и г. Булича, прив.-доцента Сиб. Университета по кафедрѣ сравнительнаго языкознанія, могущаго быть между прочимъ полезнымъ Отдѣленію

и въ качествѣ знатока русской народной музыки. Определено: Представить въ Советъ Общества объ утвержденіи названныхъ лицъ въ званіи членовъ-сотрудниковъ.

Въ томъ же засѣданіи избрана коммиссія для присужденія медалей Отдѣленію за выдающіеся труды по этнографіи, въ составъ коммиссіи, кромѣ Предсѣдательствующаго В. И. Ламанскаго и секретаря Отдѣленія Ѳ. М. Истомина, вошли слѣдующія лица: Л. Н. Майковъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Н. В. Латкинъ, С. В. Пахманъ, А. Н. Пыпинъ, С. В. Максимовъ, А. И. Соболевскій, И. Н. Ждановъ и Э. А. Вольтеръ.

Ѳ. А. Браунъ сдѣлалъ сообщеніе: „О Мариупольскихъ Грекахъ“, въ которомъ изложилъ результаты своей командировки въ Мариупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи съ цѣлью разысканій тамъ слѣдовъ пребыванія древнихъ Готовъ. Указавъ на то, что главная цѣль поѣздки, испытаніе древнихъ Готовъ, не достигнута въ желательной степени, докладчикъ сообщилъ несколько любопытныхъ этнографическихъ наблюдений своихъ надъ бытомъ Мариупольскихъ Грековъ, причемъ представилъ въ распоряженіе Общества собраніе найденныхъ имъ рукописныхъ сборниковъ на ново-греческомъ языкѣ. Отдѣленіе выразило докладчику удовольствіе по поводу сообщенныхъ имъ интересныхъ данныхъ.

Чл.-Сотр. Ѳ. М. Истоминъ сдѣлалъ сообщеніе: „Прошлое с. Усть-Цыльмы, Печорскаго края Архангельской губ., по вновь найденнымъ рукописнымъ даннымъ“. Во время пребыванія шнующимъ лѣтомъ въ Печорскомъ краѣ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, докладчику удалось найти въ с. Усть-Цыльмѣ рукописную лѣтопись, составленную въ 50-хъ годахъ мѣстнымъ священникомъ и передающую прошлое с. Усть-Цыльмы, начиная съ основанія его Новгородцемъ Ивашкой Ласткою. Въ лѣтописи приводится послѣдовательное развитіе Усть-Цыльмы, упоминаются при этомъ наиболѣе выдающіяся событія, какъ пожары, нападенія карачеевъ и разбойниковъ, а также сообщается о возникновеніи раскола на Печорѣ и раскольничьяго скита на р. Пижмѣ, основателемъ котораго названъ одинъ изъ дѣятелей извѣстной Выголексинской пустыни въ Олонецкой губ. Иванъ Акундиновичъ. Лѣтопись составлена на основаніи грамотъ Іоанна Грознаго, копій съ которыхъ приложены, и на разсказахъ стариковъ.

Предсѣдательствующій В. И. Ламанскій.

Секретарь Ѳ. Истоминъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“

въ 1891 году. (Годъ второй).

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ издается, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. О. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Корнунова**. Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ заключаетъ въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники: законодательную, судебную и научную; III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждая шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе. Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Гг. **иногородные** благоволятъ обращаться въ Главную контору „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, по 5-й линіи, д. № 28, книжный складъ **М. М. Стасюлевича**.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1891 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и змѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученныя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 р., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

Открыта подписка на журналъ СТРАННИКЪ

НА 1891 ГОДЪ

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года дается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи вѣдѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся вопросамъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящіе съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная дѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Въ минувшемъ 1890 году, кромѣ ежемѣсячныхъ статей по всѣмъ отдѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ текущей современной жизни, въ «Странникѣ», между прочимъ, были напечатаны слѣдующія слова и бесѣды архіепископа Никанора: «О перстословіи для крестнаго знаменія и благословленія», о «О христіанскомъ супружествѣ» (противъ «Крейцеровой Сопаты» гр. Л. Толстаго), «О значеніи семиварскаго образованія» (противъ ненавистно-враждебнаго отношенія къ духовному сословію стараго русскаго дворянства), «О классицизмѣ».—Изслѣдованія и статьи: «О лицѣ Господа І. Христа», В. Белашина—«Пастыреначальникъ Господь І. Христосъ и его св. Апостолы», П. Н. Ровинскаго—«Иконографія креста Христова», Н. Баркова.—«Нравственное Богословіе Филарета, митроп. московскаго», Свяш. Вышеславцева.—«Ученіе о нравственности въ католичествѣ и протестанствѣ», Г. Гр—цкаго.—«Всеенскіе отцы Церкви», Фаррара, въ пер. А. П. Лопухина.—«Католическій приходъ въ Пруссіи», П. О. Маркова.—«Участіе духовенства въ народномъ образованіи»,—О. Благовидова.—Статьи проф. П. Б. Знаменскаго, прот. А. А. Лебедева, А. Ковальничаго, К. Попова, І. Корнѣенко и другихъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная цѣна: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ: съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., д. № 173).

Редакторы-издатели: А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ж у р н а л ь**

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 р. — к.
Съ доставкой въ Петербургъ	12 „ 50 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „
На полгода	7 „ 50 „
» четверть года	4 „ — „
За границу	15 „ — „

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную контору, разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября 2 р. 50 к.

Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовою цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1-му октября—2 р. 50 к.

Цѣна 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца настоящаго года веденіе «Сѣвернаго Вѣстника» перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица обѣщали «Сѣверному Вѣстнику» свое участіе:

М. Н. Альбовъ, А. А. Андреева, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. М. Астыревъ-К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, И. М. Боллаковъ, В. И. Бородаевская, В. В., проф. Александръ Н. Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселонскій, А. А. Веселовская, П. И. Вейнбергъ, А. А. Вияницкая, А. Л. Волювскій, О. О. Вороповъ, З. Н. Гиппиусъ, В. В. Глянскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольц-въ, проф. Н. Я. Гротъ, Л. Я. Гуреничъ, Г. А. Джаншиевъ, А. М. Евсимова, А. В. Елисейвъ, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Ив. Ив. Ивановъ, проф. И. И. Иваницковъ, проф. А. А. Исаевъ, Н. А. Каблуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корелинъ, проф. Н. И. Карѣвъ, проф. С. В. Ковалевская, М. В. Крейтовская, С. И. Ламаевскій, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. Б. А. Лебедевъ, проф. И. Л. Левинченковъ, Е. І. Лихачевъ, К. Н. Львовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучицкая, Е. П. Лѣткова, Б. И. Макъ-Гаханъ, проф. Д. И. Мевделѣвъ, Д. С. Мережковский, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордовцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Давченко, А. Н. Паевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Половскій, И. Н. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Сидшниковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, Вл. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, проф. И. А. Стебуть, проф. И. Н. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фусекъ, проф. И. Я. Фойницкій, проф. А. О. Фортунатовъ, С. Г. Фругъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. Л. Холодковский, А. П. Чеховъ, О. А. Червинскій, проф. В. М. Шамкеничъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), проф. И. И. Янжулъ, Е. П. Янжулъ, проф. Ю. Э. Янсонъ, проф. В. Г. Яроцкій и друг.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая улица, д. 9 и въ отдѣленіяхъ конторы—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова—Литейная, д. 46. Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книж. магазинѣ И. А. Розова, въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул., въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостинный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годовою цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Редакторъ-Издатель **Б. Глинскій.**

Открыта подписка на 1891 г.

(Четвертый годъ издаванія)

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ“

Трехмѣсячный историко-литературный журналъ.

Въ предстоящемъ году, «ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ» будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ. Желаніе помѣщать статьи, по возможности, цѣлкомъ, а не частями, побудило редакцію измѣнить сроки выхода журнала, превративъ его изъ ежемѣсячнаго въ трехмѣсячный, съ соответствующимъ измѣненіемъ подписной платы. Въ 1891 г. «Пантеонъ Литературы» будетъ выходить томами: 1-го марта, 1-го іюня, 1-го сентября и 1-го декабря.

Изъ произведеній, помѣщенныхъ въ «Пантеонъ Литературы» за прошлые года, два перевода «КАЛЕВАЛА» — Л. П. Бѣльскаго и «НИБЕЛУНГИ» — М. И. Кудряшева Академіей наукъ удостоены Пушкинской преміи.

Въ числѣ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщенію въ ближайшихъ томахъ журнала, назовемъ слѣдующія: 1) Сочиненія Р. П. Боткина, т. 2-й. — 2) Л. Н. Майкова, Матеріалы для біографіи В. Н. Майкова. — 3) В. Я. Стоюнина, Историко-литературныя этюды. — 4) Письма темныхъ людей, пер. А. И. Кирпичникова. — 5) Мовтанъ, Опыты, пер. В. П. Габовой. — 6) М. Гюйо, Искусство съ социальной точки зрѣнія. — 7) Геннекенъ, Теорія научной критики. — 8) Шериданъ, Избранныя комедіи. — 9) Чосеръ, Кентерберійскіе рассказы, пер. М. И. Кудряшева. — 10) Аріосто, Невостовъ Роландъ, пер. С. Ф. Уварова. — 11) А. Эбертъ, Всеобщая исторія средневѣковой литературы на западѣ, пер. А. Чудинова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
Съ дост. и перес.	6 р.	3 р.	1 р. 50 к.
Съ перес. за границу	8 »	—	—

Выписывающіе «Пантеонъ Литературы» за предыдущіе годы уплачиваютъ: за всѣ 4 года — 25 р., за 3 года — 20 р., 2 года — 15 р. — Разсрочка платежа по соглашенію.

Подписка принимается: въ редакціи «Пантеона Литературы» въ С.-Петербургѣ, Захарьевская ул., д. 25. — Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5 проц.

Редакторъ-Издатель А. ЧУДИНОВЪ.

Утвержденная Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ программа «Неоофициальнаго отдѣла Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

ОТДѢЛЪ ОВЩІЙ: 1) Важнѣйшія Правительственныя распоряженія и придворныя извѣстія. 2) Телеграфныя извѣстія. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Смѣсь. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ мѣстной общественной жизни. 2) Хрѣника г. Гродны и Гродненской губерніи. 3) Корреспонденція. 4) Періодическая печать о Гродненской губерніи. 5) Сельскій отдѣлъ. 6) Къ исторіи края. 7) Справочныя извѣстія и 8) Объявленія.

„Неоофициальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей“ будетъ выходить съ 1-го Января 1891 года два раза въ недѣлю—по Средамъ и Субботамъ.

ЖИВАЯ СТАРИНА

выходить четыре раза въ годъ (съ Сентября по Май). Подписная плата — въ Петербургѣ 5 р., внутри Имперіи и за границею—5 р. 50 к. Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (у Чернышева моста), въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Стасюлевича, Девріэна, Березовскаго въ Петербургѣ.

Выпуски продаются отдѣльно. Цѣна Перваго выпуска—2 р. Второго—1 р 75 к.